N I

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

МИНУВШІЕ ГОДЫ

ЖУРНАЛЪ
ПОСВЯЩЕННЫЙ
ИСТОРІИ И ЛИТЕРАТУРѢ

ЯНВАРЬ

1908
СПБ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографія „Энергія“. Загородный пр., 17.
1908.

СОДЕРЖАНІЕ.

СТР

1. Русская Правда Пестеля. **М. М. Ковалевскаго.** 1
2. Мемуаръ Петрашевца (*Неизданный*) **И. Ф. Ястржембскаго.** 20
3. Письма Карла Маркса и Фридриха Энгельса къ Николаю—ону. Переводъ съ подлинниковъ **Г. А. Лопатина.** 38
4. Г.г. «Семейству М. М. Достоевскаго», издающему журналъ «Эпоха». Неизданная статья **М. Е. Салтыкова-Щедрина.** 77
5. Глѣбъ Ивановичъ и Александра Васильевна Успенскіе. Воспоминанія и впечатлѣнія **В. Т—вой (Починковской)...** 84
6. Два письма къ П. Л. Лаврову **Н. К. Михайловскаго** . . . 125
7. Черты изъ жизни и дѣятельности С. Н. Кривенко. **М. Слобожанина** 129
8. Ножи въ могилѣ Шевченко. (Изъ музея П. И. Щукина въ Москвѣ). Сообщилъ **П. Н. Миллеръ.** 179
9. Два приказа. Замѣтка **М. О. Гершензона.** 185
10. Буржуазія въ произведеніяхъ Щедрина. (Изъ готовящейся къ печати книги о Салтыковѣ-Щедринѣ) **В. П. Кранихфельда.** 187
11. Изъ воспоминаній участника земскихъ съѣздовъ. **Барона Р. Ю. Будберга.** 220
12. Саратовскій семидесятникъ. Изъ воспоминаній **Саратовца.** 244
13. Декабристы. (Мелкія замѣтки и матеріалы). **Б. Модзалевскаго.** 277
14. В. С. Любатовичъ. (Некрологъ). **N.** 286
15. П. А. Ефремовъ. (Некрологическая замѣтка). **Д. П. Сильчевскаго.** 288

стр.

16. БИБЛІОГРАФІЯ. I. *Н. П. Сильванскій.* Феодолизмъ въ древней Россіи **М. М. Ковалевскаго**—294. II. *А. Н. Пыпинъ.* Бѣлинскій его жизнь и переписка. **Л. Н.**—298. III. *М. О. Гершензонъ.* П. Я. Чаадаевъ.—**П. Щ.** 300

17. Книги, поступившія въ редакцію 302

18. Объявленія 304

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

2) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, Троицкая ул., № 3. кв. № 8.*

Книжные магазины только передаютъ подписныя деньги въ контору редакціи и не принимаютъ никакого участія въ доставкѣ журнала.

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіи о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, **необходимо прилагать печатный адресъ,** по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

Не сообщающіе № своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ Петербурга и провинціи слѣдуетъ прилагать 30 коп. почтовыми марками.

6) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не **позже 20 числа каждаго мѣсяца,** чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

7) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи или въ отдѣленія конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) Принятыя статьи подвергаются сокращеніямъ и исправленіямъ по усмотрѣнію редакціи.

2) Лица, желающія, чтобы ихъ произведенія были, въ случаѣ принятія ихъ редакціей, помѣщены безъ всякихъ сокращеній, должны точно оговорить это на самой рукописи или въ препроводительномъ къ ней письмѣ.

3) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены марки.

4) **Непринятыя рукописи,** обратная пересылка которыхъ не была оплачена, возвращаются заказной бандеролью съ наложеннымъ платежемъ стоимости пересылки.

5) Отвѣтъ о принятіи или непринятіи статей редакція даетъ не ъ **черезъ мѣсяцъ** по ихъ доставленіи.

Русская Правда Пестеля.

У рѣдкаго народа политическая литература представлена такъ слабо и такъ односторонне въ относительно недавнемъ прошломъ, какъ у народа русскаго. За причинами ходить недалеко. Стоитъ вспомнить объ участи Радищева, о подвигахъ Аракчеева и Магницкаго, о послѣдствіяхъ, къ какимъ повело подавленіе казнями и ссылками политическаго переворота, затѣяннаго декабристами, чтобы понять, почему до эпохи освобожденія крестьянъ и сопровождавшихъ его попытокъ частичнаго переустройства государства на началахъ мѣстнаго самоуправленія и равенства всѣхъ передъ закономъ и судомъ, политическая мысль русскаго народа могла быть только односторонне представлена ревнителями, такъ называемыхъ, историческихъ устоевъ: православія, неограниченнаго единовластія и офиціальной народности.

По мѣрѣ того, какъ отъ цѣпей цензуры освобождается печать, мы пріобрѣтаемъ возможность знакомиться съ рукописями, долго лежавшими подъ спудомъ и за семью печатями, рукописями людей, политическія воззрѣнія которыхъ были осуждены, а поведеніе признано преступнымъ, какъ направленное къ ниспроверженію существовавшаго въ ихъ время порядка. Изъ всѣхъ документовъ подобнаго рода, изданныхъ со дня манифеста 17 октября, центральное мѣсто принадлежитъ „Русской Правдѣ“ Пестеля. Къ сожалѣнію, мы далеко не обладаемъ всѣмъ текстомъ этого единственнаго въ своемъ родѣ трактата, единственнаго потому, что онъ одновременно долженъ былъ служить тремъ цѣлямъ: проповѣди извѣстныхъ соціально-политическихъ принциповъ, готовымъ проектомъ русской конституціи и наказомъ для временнаго правительства. Тѣ рукописи, которыя покойному академику Дубровину удалось добыть изъ бумагъ Слѣдственной Коммиссіи заключаютъ въ себѣ всего нѣсколько главъ „Русской Правды“ и притомъ въ разновременной редакціи, да еще записку Пестеля „о государственномъ управленіи“, также неполную и несомнѣнно предшествовавшую во времени „Русской Правдѣ“. Особенно слѣдуетъ пожалѣть о томъ,

что третья ея глава обрывается какъ разъ тамъ, гдѣ можно было ожидать, по общему плану сочиненія, перехода отъ общественнаго строя къ государственному. Издатели „Русской Правды“ нашли возможнымъ вставить въ нее „записку о государственномъ управленіи“, которая, по ихъ собственному признанію, составлена изъ черновыхъ отрывковъ и открывается словами: „итакъ, въ каждой области должны быть шесть управъ“,— начало, само указывающее на то, что мы не имѣемъ значительной части документа. При всей своей длинѣ—записка занимаетъ ровно сто страницъ изъ всего числа 244,—мы все же не обладаемъ ея концомъ. Отсутствуетъ весь отдѣлъ о судоустройствѣ и судопроизводствѣ. О чемъ всего болѣе надо жалѣть, такъ это о томъ, что въ дошедшихъ до насъ главахъ „Рус. Пр.“ очень мало страницъ отведено изображенію политическаго устройства Россіи, какъ его замышлялъ Пестель. Глава, въ которой не столько изложены, сколько затронуты эти вопросы, не получила окончательной редакціи; она не болѣе, какъ черновой набросокъ. Въ своихъ показаніяхъ передъ слѣдственной комиссіей Пестель утверждалъ, что кончены имъ лишь первая, вторая и большая часть третьей главы, четвертая же и пятая написаны начерно, а послѣднія пять главъ имѣются только въ отрывкахъ. Шестая глава должна была поднять рѣчь о верховной власти. Когда Пестель былъ задержанъ, онъ сказалъ Волконскому: необходимо поскорѣе уничтожить „Русскую Правду“; она можетъ насъ погубить. „Правда“ въ цѣломъ не была уничтожена. Это удалось сдѣлать лишь по отношенію къ ея отдѣльнымъ главамъ самому Пестелю или его друзьямъ. [1]) И вотъ почему намъ, по всей вѣроятности, никогда не придется узнать въ полномъ видѣ во всѣхъ подробностяхъ политическую программу того человѣка, котораго декабристы считали своимъ духовнымъ главою, и который, насколько можно судить по уцѣлѣвшимъ отрывкамъ его книги, дѣйствительно обладалъ довольно цѣльной и хорошо продуманной схемой преобразованій, необходимыхъ для обращенія русской имперіи въ единую, но сильно децентрализованную, демократію, опирающуюся же на широкомъ фундаментѣ не столько индивидуальной собственности, сколько видоизмѣненнаго по коммунистическому образцу общиннаго владѣнія и пользованія.

---

[1]) Павловъ-Сильванскій въ своей монографіи „Декабристъ Пестель передъ верховнымъ военнымъ судомъ“ говоритъ: Въ серединѣ ноября 1825 г. Пестель счелъ необходимымъ скрыть свои бумаги; онъ сжегъ наиболѣе опасныя главы „Русской Правды“ „о верховномъ управленіи“, а остальныя рѣшилъ скрыть. Большой пакетъ, въ которомъ вмѣстѣ съ его бумагами соединены были бумаги его друзей—А. П. Барятинскаго и П. А. Крюкова — былъ зарытъ въ землю братьями Бобрищевыми-Пушкиными при участіи Заикина недалеко отъ Тульчина, въ селѣ Карнавовкѣ (Рус. Ист. Библ., № 15, стр. 22).

Рукопись въ томъ видѣ, въ какомъ она издана, не помѣчена никакимъ числомъ; намъ предстоитъ, поэтому, установить, путемъ внутренней критики текста, приблизительное время составленія отдѣльныхъ главъ. Для этого у насъ есть нѣсколько показателей. Спрошенный лицами, производившими слѣдствіе по его дѣлу, о томъ, откуда онъ заимствовалъ „первыя вольнодумныя и либеральныя мысли", Пестель признался, что „сочиненіе Детю-де-Трасси на французскомъ языкѣ очень сильно подѣйствовало на него." Книга, о которой идетъ рѣчь, носитъ заглавіе „Комментарія на „Духъ Законовъ Монтескье" и была написана ея авторомъ для сѣверо-американскаго президента Джефферсона. Она вышла первоначально на англійскомъ языкѣ въ Америкѣ въ 1811 году. Въ Европѣ французскій оригиналъ напечатанъ былъ безъ согласія автора, и, по его утвержденію, не въ полномъ видѣ сперва въ Люттихѣ, а затѣмъ въ Парижѣ. Та же книга выпущена была, наконецъ, въ свѣтъ самымъ Дестю въ ея общераспространенной формѣ въ 1819 году. Есть основаніе думать, что Пестель знакомъ былъ съ нею именно по этому окончательному изданію, къ которому приложенъ, между прочимъ, мемуаръ того же Дестю „о средствахъ создать нравственность народа". Отдѣльныя мысли этого мемуара воспроизводятся Пестелемъ въ пятой главѣ его „Русской Правды", когда онъ говоритъ о народѣ въ гражданскомъ отношеніи. Если мои догадки вѣрны, то онѣ даютъ право заключить, что эта глава „Русская Правда", написана не раньше 1819 г. Въ одномъ мѣстѣ ея, принадлежащемъ къ первымъ тремъ главамъ, есть ссылка на событіе, произошедшее въ концѣ 1824 года. Это указываетъ на то, что редакція главъ, дошедшихъ до насъ во вполнѣ обработанномъ видѣ, а таковы только первыя двѣ и часть третьей, не воспослѣдовала ранѣе, какъ за годъ до момента практическаго выступленія декабристовъ или, вѣрнѣе, въ самый годъ этого выступленія. На 75 страницѣ, въ третьей главѣ, посвященной вопросу о сословіяхъ, говоря о мѣщанствѣ, Пестель пишетъ: „непремѣнно уничтожить вышедшее въ концѣ 1824 года постановленіе, извѣстное подъ названіемъ „гильдейскаго" и заключающее въ себѣ все то, что зловластіе выдумать только могло для вреда народной промышленности, покровительствованія всѣмъ злоупотребленіямъ и совершеннаго угнетенія бѣднѣйшихъ классовъ". Итакъ, мы имѣемъ двѣ даты — 1819 годъ и конецъ 1824 или 1825 годъ, какъ болѣе или менѣе предѣльные сроки, въ теченіе которыхъ Пестель занятъ былъ сперва составленіемъ отдѣльныхъ набросковъ своего сочиненія, затѣмъ окончательной его обработкой по частямъ [1]).

---

[1]) Законъ, о которомъ идетъ рѣчь, обнародованъ 14 ноября 1824 года и отпечатанъ въ „Полномъ собраніи законовъ" т. 39. Имъ запрещается мѣщанамъ продавать хлѣбъ и другія произведенія, перевозя ихъ изъ уѣзда въ уѣздъ, иначе

При бѣгломъ даже знакомствѣ съ его взглядами бросается въ глаза сильное вліяніе, оказанное на него Бентамомъ, авторомъ трактата „Теорія наказаній и наградъ“. Читая все написанное Пестелемъ о законѣ и судѣ, проникаешься убѣжденіемъ, что сочиненія Бентама, и въ частности упомянутое нами, во многомъ опредѣлили его образъ мыслей на природу законовъ и установляемыхъ ими санкцій. Это вполнѣ отвѣчаетъ показанію одного изъ декабристовъ, Бестужева, о вліяніи, какое и на него имѣлъ Бентамъ. Обращаясь письменно къ судьямъ, Бестужевъ сказалъ, между прочимъ: „Послѣ школы принялся я за науки и занимался одинъ, считая свой разсудокъ лучшимъ руководствомъ. Свободный образъ мыслей заимствовалъ изъ книгъ наиболѣе, и, восходя постепенно отъ мнѣнія къ другому, пристрастился къ чтенію публицистовъ французскихъ и англійскихъ до того, что рѣчи въ палатѣ депутатовъ и Haus (sic) of commons занимали меня, какъ француза или англичанина. Изъ новыхъ историковъ болѣе всѣхъ дѣлалъ (т. е. оказывалъ) на меня вліяніе Геренъ, изъ публицистовъ—Бентамъ“ [1]). Такъ какъ нѣтъ указаній на то, чтобы Пестель знакомъ былъ съ англійскимъ языкомъ, то можно думать, что онъ читалъ Бентама въ извѣстной обработкѣ Дюмона—„Трактатъ о наказаніяхъ и наградахъ“. Онъ вышелъ въ Лондонѣ на французскомъ языкѣ въ 1811 году. Передача его взглядовъ Пестелемъ встрѣчается въ той части книги, которая носитъ подзаглавіе: „записки о государственномъ управленіи“; есть поэтому возможность опредѣлить приблизительно и время, раньше котораго не могла появиться эта записка. Этимъ временемъ будетъ 1811 годъ. Наша догадка вполнѣ совпадаетъ съ тѣмъ, что издатели „Русской Правды“ говорятъ намъ о ея авторѣ. По ихъ словамъ, онъ въ теченіе десяти лѣтъ, не покладая рукъ, трудился надъ дѣломъ тайнаго общества, и въ это время значительнѣйшая часть его работы пала на обработку „Русской Правды“. Пестель былъ, какъ извѣстно, адъютантомъ фельдмаршала Витгенштейна и ранѣе другихъ присталъ къ тайному обществу, образованному въ 1816 году братьями Муравьевыми [2]). Итакъ, мы получили возможность приблизительно установить время составленія отдѣльныхъ рукописей, вошедшихъ въ составъ той книги, которая объединяетъ собою какъ отдѣльныя записки, такъ и главы цѣльнаго трактата, дошедшія до насъ отъ Пестеля. Мате-

---

какъ подъ условіемъ пріобрѣтенія права торговли уплатой за свидѣтельство 150 руб. (См. статью В. Семевскаго: „Очерки изъ исторіи политическихъ и общественныхъ идей декабристовъ“—„Рус. Богатство“ 1907 г. май, стр. 135 3-е примѣч.).

[1]) См. П. Котляревскій, Декабристы — кн. Одоевскій и А. Бестужевъ, 1907 г. стр. 124—125.

[2]) См. статью Герцена „La conspiration russe de 1825“, отпечатанную на русскомъ языкѣ въ „Собраніи сочиненій Рылѣева“, Библіотека декабристовъ, окт. 1. 1906 г.

ріалъ этотъ распредѣляется въ хронологическомъ порядкѣ слѣдующимъ образомъ. Первой по времени надо считать „записку о государственномъ управленіи“, которая не могла быть составлена ранѣе 1811 г. и на которой, по всей вѣроятности, основана была репутація Пестеля, какъ сторонника либеральныхъ реформъ, въ то время, когда создано было Муравьевыми тайное политическое общество въ Петербургѣ, т. е. въ 1816 г., что и позволило имъ обратиться къ Пестелю съ предложеніемъ войти въ него. Къ позднѣйшему времени принадлежатъ не вполнѣ обработанныя главы „Русской Правды“, начиная съ четвертой и пятой; въ своихъ показаніяхъ слѣдственной коммиссіи Пестель говорилъ, что онѣ написаны только начерно. Въ этихъ главахъ изложено почти все то, что сказано имъ по поводу сословной организаціи Русской Имперіи, ея земельнаго устройства, ея политическихъ учрежденій, начиная съ низшей земской единицы—волости, переходя къ уѣзду и области и оканчивая всѣмъ государствомъ. Наконецъ, въ связи съ гражданскими правами русскихъ подданныхъ, въ этихъ главахъ, а именно въ пятой, говорится и объ ихъ публичныхъ правахъ и обязанностяхъ. Это, можно сказать, тѣ части книги, по которымъ всего легче судить о характерѣ затѣяннаго Пестелемъ преобразованія. Что же касается до первыхъ трехъ главъ, то и онѣ, повидимому, разновременнаго происхожденія. „Глава I переписана набѣло, пишетъ Павловъ-Сильванскій, на бумагѣ съ водяными знаками 1821 г. Часть главы II и III переписана на бумагѣ со знаками 1823 и 1824 г“ [1]). Въ виду сказаннаго можно согласиться съ тѣмъ же историкомъ что „Русская Правда“ вчернѣ была написана къ 1823 году, но дошедшая до насъ редакція, вѣроятно, относится къ слѣдующему году. Это вытекаетъ изъ показаній, данныхъ самимъ Пестелемъ передъ судомъ. Онъ заявилъ, что „послѣ перехода его къ республиканскому образу мыслей „Русская Правда“ не писалась уже такъ ловко, какъ прежде [2]). „Отъ меня часто требовали ею поспѣшить, и я за нее принимался, но работа уже не шла, и я ничего не написалъ въ теченіе цѣлаго года, а только прежде написанное кое-что переправлялъ“. Въ дальнѣйшихъ показаніяхъ Пестель говоритъ: „Нѣкоторыя статьи и краткія начертанія („Русской Правды“) написалъ во время моего пребыванія въ Петербургѣ, въ 1824 г.“

Ничто прямо не выдаетъ намъ въ „Русской Правдѣ“ Пестеля за того республиканца, какимъ онъ рисовался воображенію своихъ современниковъ и ближайшаго потомства, и какимъ изображаетъ его намъ Герценъ въ своемъ извѣстномъ очеркѣ о декабристахъ, написанномъ для францу-

---

[1]) Павловъ-Сильванскій. Пестель передъ Верховнымъ судомъ, стр. 13.
[2]) Ibid., стр. 30.

зовъ и только недавно появившемся на русскомъ языкѣ [1]). „Пестель былъ горячимъ республиканцемъ, пишетъ Герценъ... Соглашаясь съ собесѣдникомъ, что было бы очень недурно добиться англійской конституціи, онъ... тутъ же прибавлялъ, что самъ предпочелъ бы американскую, которая, по его словамъ, охраняетъ интересы всѣхъ, а не однихъ только лордовъ и купцовъ". О самомъ себѣ Пестель при допросѣ показалъ, что отъ монархическаго конституціоннаго образа мыслей онъ переведенъ былъ въ республиканскій главнѣйше слѣдующими предметами и соображеніями. Сочиненіе Дестю-де-Траси на французскомъ языкѣ очень сильно подѣйствовало на него. Дестю доказываетъ, что всякое правленіе, гдѣ главою государства есть одно лицо, особенно ежели сей самъ наслѣдственъ, неминуемо кончится деспотизмомъ". Говоря это, Пестель, очевидно, разумѣлъ то, что Дестю-де-Траси пишетъ въ комментаріи на XI книгу „Духа Законовъ".

Въ названной части своего сочиненія этотъ французъ, пишущій для Америки, въ періодъ Наполеоновскаго владычества, полемизируетъ съ ходячимъ мнѣніемъ, что при устройствѣ исполнительной власти необходимо придерживаться единства. „Я позволяю себѣ утверждать, говоритъ онъ, что рѣшительно не слѣдуетъ сосредоточивать всей власти исполненія въ однѣхъ рукахъ. Единственное основаніе, приводимое въ доказательство обратнаго, то,—будто для производства правительственнаго акта, какъ для всякаго дѣйствія, одинъ человѣкъ болѣе пригожъ, чѣмъ нѣсколько лицъ". Дестю, очевидно, разумѣетъ извѣстный афоризмъ, l'action est le fait d'un seul: la dilibération est le fait de plusieurs. Этотъ афоризмъ фигурируетъ въ числѣ, такъ называемыхъ, Наполеоновскихъ принциповъ, хотя и формулированъ былъ впервые никѣмъ другимъ, какъ аббатомъ Сэйесомъ, авторомъ консульской конституціи. Критикуя мысль о необходимости единаго главы исполненія, Дестю говоритъ, что цѣльность и единство существенны въ въ волевыхъ актахъ, а не тогда, когда рѣчь идетъ объ одномъ проведеніи этихъ рѣшеній или этихъ актовъ. Не даромъ у насъ одна голова и нѣсколько повинующихся ей органовъ движенія. Не даромъ также нѣтъ монарха, у котораго бы не было нѣсколькихъ министровъ. Но вѣдь дѣйствительными исполнителями являются они. Монархъ ограничивается выраженіемъ извѣстныхъ пожеланій, самъ часто ничего не предпринимая. Въ самой Англіи король ничто, если не имѣть въ виду его участія въ законодательствѣ. Отнимите у него эту неподобающую ему функцію и онъ сталъ бы совершенно не нуженъ. Дѣйствительное правительство образуютъ здѣсь законодательный корпусъ и совѣтъ министровъ. Король не болѣе какъ лишнее колесо машины, только увеличивающее ея тренія и

[1]) Въ предисловіи къ полному собранію сочиненій Рылѣева.

общее количество издержекъ, связанныхъ съ управленіемъ ею“ [1]). Но король, по мнѣнію Десто, не только не нуженъ; онъ еще опасенъ, и вотъ почему.

Въ системѣ единоначалія авторъ отмѣчаетъ, слѣдующую недопустимую по его мнѣнію, черту—ея неограниченность невозможность ввести власть, короля въ опредѣленныя рамки (c'est d'être de sanature illimité et illimitable). Этотъ недостатокъ происходитъ отъ того, что наслѣдственная власть правителя едина и нераздѣльна. Но никакая наслѣдственная власть не можетъ чувствовать себя прочно установленной, если рядомъ съ нею мы признаемъ верховенство общей воли, т. е. суверенитетъ народа. Послѣднее клонится къ тому, чтобы сдѣлать срочнымъ всякое начальствованіе, создаваемое путемъ выдачи полномочія отъ народа, полномочія срочнаго и подлежащаго взятію обратно. Неизбѣжно поэтому стремленіе этого строя къ упраздненію самаго начала народнаго суверенитета, такъ какъ съ этимъ связано ея собственное упроченіе. Эта неизбѣжность лежитъ не въ однихъ человѣческихъ страстяхъ, но въ самой природѣ вещей. Ясно, какія послѣдствія вытекаютъ изъ этого, ясно, что въ этомъ строѣ нельзя обойтись безъ вѣчной вражды, острой или затяжной, явной или тайной. Выходъ изъ нея можетъ быть только одинъ: рабство народа или перемѣны самого строя. Надѣяться на сохраненіе свободы и этой системы строя, это то же, что желать двухъ вещей, взаимно исключающихъ другъ друга [2]).

Этимъ внутреннимъ противорѣчіемъ между народнымъ суверенитетомъ и единоначаліемъ Десто объясняетъ и отмѣченныя Монтескье безнравственность и продажность, существующія при такомъ образѣ правленія, стремленіе его къ развитію роскоши, разврата, чванства; пристрастіе къ войнамъ и завоевательной политикѣ, разстройство имъ финансовъ народа, извращеніе нравовъ придворныхъ, приниженіе низшихъ классовъ общества, тенденцію не къ развитію знаній, а, наоборотъ, къ ихъ искорененію, по крайней мѣрѣ, во всемъ, что касается нравственной философіи, мы бы сказали теперь общественныхъ наукъ, наконецъ, самое стремленіе режима къ поощренію легкомыслія, необдуманности и эгоизма. „Все это въ порядкѣ вещей“, пишетъ Десто: „такъ какъ интересъ правителя отличенъ отъ общаго интереса народа, то онъ и ведетъ себя, какъ обособленная секта или партія въ государствѣ. Онъ озабоченъ тѣмъ, чтобы вносить раздѣленіе въ націю, дабы тѣмъ ослабить ее и облегчить для себя самого борьбу съ нею. Въ его интересахъ поддерживать противорѣчіе въ стремленіяхъ отдѣльныхъ классовъ, такъ какъ это позволяетъ ему господствовать надъ одними съ помощью другихъ. Сторонники единоначалія не могли поэтому остановиться

---

[1]) Commentaire sur l'Esprit des lois de Montesquieu. Стр. 185 и 186.
[2]) Ibd., стр. 197.

при устройствѣ его на другой схемѣ, помимо системы противовѣсовъ, которая, возстановляя однѣ власти противъ другихъ, обращаетъ ихъ во враждующія арміи“.

Воспроизведеніе этихъ послѣднихъ мыслей можно найти въ томъ, что Пестель говоритъ о необходимости упраздненія сословій: „всякое существованіе отдѣльнаго отъ общей массы народной сословія, есть вещь пагубная по той причинѣ, что такое сословіе не долго будетъ удовлетворяться однимъ наслажденіемъ самолюбія. Оно будетъ искать существеннѣйшихъ для себя выгодъ и, отдѣлившись разъ отъ общей массы народной, будетъ жертвовать благомъ общины для проведенія своей корысти и для овладѣнія существеннѣйшими преимуществами, нарушающими равенство всѣхъ предъ закономъ—сіе первѣйшее, главнѣйшее и прочнѣйшее основаніе государственнаго благоденствія“.—И, сказавъ это, Пестель прибавляетъ: „чего не дѣлали древніе козни дворянскія?“ [1])—заявленіе, содержаніе котораго, какъ я полагаю, мы вправѣ распространить и на современность.

Все приведенное мѣсто очень близко по мысли, если не по формѣ, къ слѣдующимъ положеніямъ Дестю-де-Траси: „всегда безполезно или вредно, чтобы тѣ, кто имѣетъ серіозныя преимущества въ обществѣ (преимущества рожденія или богатства), имѣли возможность присоединять къ нимъ и преимущества власти. Это позволило бы имъ не столько озаботиться собственной защитой—мысль, на которой Монтескье строилъ положеніе о необходимости особой аристократической камеры,—сколько угнетать другихъ“ [2]).

Какъ для Дестю, такъ и для Пестеля, ни рожденіе, ни богатство не должны служить основаніемъ къ какимъ-либо исключительнымъ правамъ и преимуществамъ. „Богатые, пишетъ Пестель въ четвертой главѣ, всегда будутъ существовать, и это очень хорошо, но не надобно присоединять къ богатству еще другія политическія права и привилегіи за исключеніемъ (т. е. во вредъ) бѣдныхъ. А посему и возлагается непремѣнная обязанность на верховное правленіе въ полной мѣрѣ всякую даже тѣнь аристократическаго порядка, хоть феодальнаго, хоть на богатствѣ основаннаго, совершенно устранить и навсегда удалить [3]). Чего Пестель желаетъ, такъ это того, чтобы всѣ сословія слились въ одно общее—гражданское [4]).

Такимъ образомъ, вліянію Дестю-де-Траси надо приписать враждебность Пестеля и къ конституціонной монархіи и къ системѣ противовѣсовъ, а также его нежеланіе дать аристократіи отличное отъ народа участіе въ политической власти и представительствѣ. Ни разу во всемъ своемъ

---

[1]) „Русская Правда“, стр. 70.
[2]) Considérations, стр. 173.
[3]) Русская Правда, стр. 214.
Ibid., стр. 199.

сочиненіи Пестель не отнесся съ похвалой къ англійскимъ политическимъ порядкамъ, столь превозносимымъ въ его время публицистами либеральной партіи съ Бенжаменомъ Констаномъ во главѣ.

Республиканизмъ Пестеля мѣшаетъ ему произносить съ похвалою, по примѣру всѣхъ современниковъ, имя Монтескье. Оно ни разу не встрѣчается въ его книгѣ, какъ нѣтъ въ ней и упоминанія о необходимости раздѣленія властей, сдѣлавшагося почти избитымъ мѣстомъ публицистики первой четверти XIX ст. Въ этомъ несомнѣнно надо видѣть вліяніе Дестю-де-Траси, сведшаго всѣ различія въ формахъ правленія не къ тому, насколько въ нихъ власти обособлены, а къ тому, насколько въ нихъ верховенство, или суверенитетъ, принадлежитъ націи или, наоборотъ, одной изъ ея составныхъ частей, той или другой династіи или сословію [1]).

Для автора Русской Правды, какъ и для комментатора Монтескье, двухпалатная система является невозможностью въ виду отрицанія обоими писателями всякихъ сословій, всякаго политическаго класса, надѣленнаго особыми преимуществами въ государствѣ. Представительство должно быть основано, по ихъ мнѣнію, на началѣ равенства правъ, по крайней мѣрѣ всѣхъ взрослыхъ мужчинъ; ни одинъ изъ двухъ писателей не признаетъ за женщинами права участія въ политическихъ выборахъ и государственной власти.

„Всѣ россійскіе граждане должны одинаковымъ образомъ пользоваться всѣми правами частными, гражданскими и политическими и пользоваться ими на цѣломъ пространствѣ Государства", читаемъ мы въ пятой главѣ Русской Правды [2]). Всѣ они по достиженіи совершеннолѣтія (т. е. 20 л.) участвуютъ въ выборахъ. „Народныя Собранія на два рода должны быть раздѣлены (гл IV, стр. 24); изъ нихъ однимъ именоваться земскими, а другимъ намѣстными (т. е. представительными). Земскимъ народнымъ собраніемъ быть по одному въ каждой волости, состоять изъ всѣхъ гражданъ, къ той волости по гражданскому списку приписанныхъ, и заниматься единственно выборомъ гражданъ въ члены извѣстныхъ народныхъ собраній... Намѣстнымъ же народнымъ собраніямъ заниматься всѣми дѣлами, народному соучастію предоставленными, и состоять изъ трехъ степеней такимъ образомъ, чтобы каждая волость имѣла свое намѣстное волостное собраніе, каждый уѣздъ—свое намѣстное уѣздное собраніе, а каждый округъ или губернія—свое намѣстное окружное или губернское собраніе (стр. 214 и 215). Окружныя собранія назначаютъ народныхъ представителей въ народное вѣче, образующее верховную законодательную власть (стр 217).

---

[1]) Considerations, кн. 2, стр. 12.
[2]) Стр. 200.

Въ политической схемѣ Пестеля выступаетъ то же желаніе внести широкую децентрализацію, какое мы находимъ въ проектѣ Сперанскаго насчетъ конституціоннаго устройства Имперіи. Но эта децентрализація не идетъ дальше той, какая была допущена Бенжаменомъ Констаномъ въ проектированномъ имъ преобразованіи Франціи. Подобно Констану, Пестель могъ бы сказать: „руководительство дѣлами всѣхъ принадлежитъ всѣмъ. То, что интересуетъ часть государства, должно быть рѣшено этой частью“ [1]).

Въ первой главѣ Русской Правды Пестель задается вопросомъ о различіи въ природѣ государствъ, какъ онъ выражается, нераздѣлимыхъ и государствъ федеральныхъ. Онъ справедливо видитъ его въ томъ, что право издавать законы, образовывать общественныя учрежденія и распоряжаться государственными дѣлами въ послѣднихъ, т. е. федеральныхъ, въ отличіе отъ первыхъ, раздѣлено между общей Верховной властью и частными областными властями. Изъ этихъ двухъ порядковъ онъ даетъ рѣшительное предпочтеніе тому, въ которомъ не имѣется такого раздѣленія: оно особенно нежелательно, полагаетъ онъ, въ государствѣ, составленномъ изъ столькихъ разнообразныхъ племенъ, какъ Россія. Послѣдняя должна поэтому остаться въ его глазахъ единой и нераздѣльной.

Изъ двухъ видовъ федераціи, Пестелю, повидимому, извѣстенъ былъ только тотъ, при которомъ союзная власть лишена исполнительныхъ функцій, и издаваемые ею законы имѣютъ силу только въ случаѣ согласія на нихъ властей отдѣльныхъ государствъ союза.

„Верховная власть въ федераціяхъ по существу дѣла не законы даетъ, но только совѣты, пишетъ Пестель; ибо не можетъ иначе привести свои законы въ исполненіе, какъ посредствомъ областныхъ властей, не имѣя особенныхъ другихъ принудительныхъ средствъ.“ [2]) Это тѣ порядки, какіе извѣстны были Республикѣ Соед. Нидерландъ и Швейцаріи до 1848, которые существовали одно время въ С. Америкѣ, но которымъ положенъ былъ конецъ принятіемъ нынѣ дѣйствующей конституціи, конституціи 1787 г. Пестель, очевидно, не достаточно былъ знакомъ съ нею, а превратное понятіе о федераціяхъ еще болѣе содѣйствовало укорененію въ его умѣ мысли, что Россія должна остаться государствомъ нераздѣльнымъ подъ страхомъ отложенія отъ нея тѣхъ разнородныхъ частей, изъ которыхъ она составлена.

Противникъ федерализма, Пестель [3]) въ то же время, повидимому, вполнѣ раздѣляетъ взгляды Бенжамена Констана и либеральной школы на необходимость широкой административной децентрализаціи. Бенжаменъ

---

[1]) Constant Collection Complète, т. I стр. 198, du pouvoir municipal.
[2]) Русская Правда, гл. 1, стр. 22.
[3]) ibid., стр. 23.

Констанъ въ этомъ отношеніи шелъ такъ далеко, что требовалъ выдѣленія въ особую категорію муниципальной власти, какъ отличной отъ исполнительной.

Въ полномъ соотвѣтствіи съ только что приведенными мыслями Констана, Пестель стоитъ за созданіе мелкой земской единицы въ лицѣ волости, которой одинаково можетъ быть городъ, мѣстечко, село или деревня, имѣющіе тысячу обывателей мужескаго пола или болѣе („Русская Правда", гл. I, стр. 24—25). Волость является у него не только первичной административной единицей, единицей при этомъ самоуправляемой, но и единицей имущественной. „Народонаселеніе и земельное пространство, занятое волостью, должны быть, пишетъ Пестель, въ возможномъ соотвѣтствіи. А какъ ни одна волость не должна имѣть менѣе тысячи обывателей мужескаго пола, то и земельное пространство, ею занятое, не должно ни въ единой волости заключаться въ меньшемъ количествѣ, какъ сколько нужно для тысячи человѣкъ мужескаго пола съ ихъ семействами".

Въ IV главѣ, дошедшей до насъ, какъ видно изъ словъ Пестеля, далеко не въ окончательной редакціи, волость призвана къ владѣнію на началахъ нераздѣльности пріуроченными къ ней землями. Выбираемое въ ней всѣми совершеннолѣтними мужчинами представительное, или, какъ выражается Пестель, „намѣстное" собраніе высказывается окончательно по вопросу о раздачѣ участковъ волостной земли въ пользованіе обывателямъ, каждый разъ по предложенію волостного правленія. „Любой членъ волостного общества, пишетъ Пестель, имѣетъ право требовать столько участковъ, сколько пожелаетъ. Принужденъ же къ тому никто быть не можетъ. Сіе право распространяется равнымъ образомъ на гражданъ, имѣющихъ собственныя свои частныя земли и на неимѣющихъ таковыхъ, ибо они суть всѣ члены волостного общества. Когда требуется менѣе участковъ, чѣмъ сколько ихъ имѣется, тогда получаетъ каждый требователь желаемое число, а остальные участки могутъ отдаваться на откупъ постороннимъ лицамъ. Когда требуется болѣе участковъ, чѣмъ сколько ихъ имѣется, тогда остаются безъ удовлетворенія требованія тѣхъ гражданъ, кои требуютъ наибольшее число участковъ, такъ что въ семъ случаѣ всегда большія требованія сравниваются съ меньшими. При невозможности удовлетворить равныя требованія, предпочитаются неимѣющіе частныхъ земель въ своей собственности тѣмъ, которые такими землями обладаютъ, пропитывающіеся отъ одного земледѣлія тѣмъ, которые занимаются еще какой-нибудь промышленностью, однимъ словомъ, предпочитается тотъ, который бѣднѣе. Каждый участокъ долженъ быть такъ великъ, чтобы необходимое для житья одного тягла доставить могъ. Тягломъ разумѣется мужъ съ женой и тремя дѣтьми. Участки поступаютъ не въ полную собственность,

по для того, чтобы ихъ обрабатывать и пользоваться ихъ произрастаніями. Каждый участокъ отдается въ обладаніе на одинъ годъ, по истеченіи котораго переходитъ въ другія руки или опять за тѣмъ же владѣльцемъ утверждается. Земледѣльческій годъ считается съ конца одной жатвы до конца другой. Земля общественная, какъ принадлежащая всему обществу, не можетъ быть ни продана, ни заложена. Она не можетъ переходить изъ рукъ въ руки иначе, какъ въ трехъ случаяхъ: когда получившій участокъ пожелаетъ обмѣнять его на свободный, когда онъ не въ силахъ воспользоваться всѣми поступившими въ его обладаніе участками, когда онъ лишенъ права пользованія ими по приговору волости „за гласный и доказанный развратъ“. Такъ какъ общественная земля должна доставить каждому необходимое для жизни, то онъ долженъ, пишетъ Пестель, заниматься своимъ участкомъ съ усердіемъ и прилежаніемъ, а потому волостное общество и сохраняетъ власть за гласный и доказанный развратъ лишать права на общественные участки. Въ постороннія руки участки волостной земли могутъ поступить только тогда, когда волостное общество удовлетворило всѣ требованія на нихъ своихъ членовъ.

Этотъ проектъ устройства аграрнаго коммунизма комбинированъ у Пестеля съ системой волостного кредита и волостного обязательнаго страхованія. „Въ каждой волости, пишетъ онъ, долженъ быть учрежденъ волостной банкъ, изъ коего бы каждый гражданинъ волости могъ существованіе получить. Къ сему банку полезно присоединить страховое учрежденіе. Изъ банка граждане будутъ получать нужное количество денегъ на первоначальное обзаведеніе хозяйствомъ при поступленіи ими въ число землевладѣльцевъ. Такая помощь будетъ оказываема, между прочимъ, переселенцамъ. При существованіи такой системы обезпеченія каждаго общественной землей, составъ переселенцевъ, надѣется Пестель, значительно измѣнится. Ими будутъ не бѣднѣйшія семьи, какъ теперь, а тѣ, которыя не получили желательнаго для нихъ количества участковъ. Нынѣ, жалуется Пестель, переселенія производятся самыми неимущими людьми, тѣми, кто не находитъ на мѣстѣ средствъ къ пропитанію. Отъ этого происходитъ то, что большая часть переселенцевъ пропадаетъ по дорогѣ, а тотъ кто до мѣста достигнетъ, тотъ способа не имѣетъ ни себя порядкомъ водворить, ни новой своей землѣ пользу принести, такъ какъ для всего этого нужны капиталы, которыхъ онъ не имѣетъ. Но разъ станутъ переселяться люди зажиточные, послѣдствія переселенія будутъ несомнѣнно болѣе благотворны“. Отъ созданія системы общественныхъ земель, раздаваемыхъ въ пользованіе на годъ участками, Пестель ожидаетъ установленія между людьми тѣснаго общенія, мы бы сказали, солидарности. Этотъ терминъ употребляется уже Пестелемъ, но въ его французской формѣ—

solidarité, надежное ручательство тому, что понятіе, имъ представляемое, еще не успѣло въ то время проникнуть въ русское общественное сознаніе. При солидарности членовъ общины, Пестель считаетъ возможнымъ и круговую поруку ихъ въ исполненіи всѣхъ падающихъ на обывателей повинностей. „Волость за каждаго вступаться будетъ, пишетъ онъ; для правительства же та будетъ неоцѣненная выгода, что оно не будетъ съ каждымъ частнымъ человѣкомъ вѣдаться особо. Оно будетъ знать только волость и волостное правленіе; отъ сего послѣдняго требовать частнаго исполненія всѣхъ правительственныхъ дѣйствій и распоряженій и съ него требовать за всякія упущенія; въ личный же разборъ входить только тогда, когда волостное правленіе содѣйствія просить будетъ“.

Только что изложенная нами система любопытна, во-первыхъ, потому, что является, по всей вѣроятности, первой въ Россіи попыткой сколько-нибудь стройнаго коммунистическаго ученія. [1]) Она интересна, во-вторыхъ, потому, что заключаетъ въ себѣ одно лишь видоизмѣненіе мірской системы пользованія, свидѣтельствуя тѣмъ самымъ, что послѣднее хорошо было извѣстно русскимъ общественнымъ и политическимъ дѣятелямъ, вопреки распространенному нѣмцами воззрѣнію, что мы впервые узнали о немъ изъ книги барона Гакстгаузена, наконецъ, въ-третьихъ самая, схема Пестеля, какъ не устраняющая существованія рядомъ съ мірскою личной земельной собственности, для которой онъ требуетъ неприкосновенности, является счастливымъ примиреніемъ частичной націонализаціи земли съ порядкомъ индивидуальнаго владѣнія ею. Пестель уже подымаетъ вопросъ объ образованіи земельнаго фонда не въ рукахъ государства, а въ рукахъ отдѣльныхъ его общинъ. Эта мысль заслуживаетъ быть отмѣченной особенно въ переживаемую нами эпоху, когда на очередь поставленъ вопросъ о добавочномъ надѣленіи крестьянъ съ помощью государственнаго выкупа части помѣщичьихъ земель, и мнѣнія отдѣльныхъ политическихъ партій расходятся, главнымъ образомъ, по вопросу о дальнѣйшей судьбѣ этихъ прирѣзокъ, составятъ ли онѣ личное или, по меньшей мѣрѣ, семейное достояніе тѣхъ, въ чью пользу онѣ будутъ произведены, или поступятъ къ нимъ лишь въ пользованіе, при чемъ собственность останется за общиной. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ высказываются, между прочимъ, составители программы партіи демократическихъ реформъ, и мнѣ лично трудно было бы понять пользу всей проектируемой выкупной операціи, если бы послѣдствіемъ ея

[1]) На ней несомнѣнно отразилось вліяніе той практической попытки устроить подобіе коммунистическихъ порядковъ при сохраненіи бокъ-о-бокъ частной земельной собственности, которая связана съ именемъ Роберта Оуэна и предпріятія, затѣяннаго имъ въ Нью-Ланаркѣ. Та же раздача земель въ пользованіе и та же роль банка въ ссудѣ средствъ, необходимыхъ для первоначальнаго обзаведенія колонистовъ, то же уваженіе къ трудовому началу.

было одно перемѣщеніе земли изъ рукъ нынѣшнихъ собственниковъ въ руки другихъ, хотя бы и болѣе численныхъ.

Политическая схема Пестеля, извѣстная намъ лишь въ вышеприведенномъ отрывочномъ видѣ, благодаря истребленію той главы „Русской Правды", которая должна была касаться организаціи верховной власти, интересна тѣмъ, что стоитъ въ прямомъ противорѣчіи съ господствующимъ у декабристовъ теченіемъ, теченіемъ федералистическимъ. Читая текстъ той конституціи, которая была найдена при обыскѣ въ бумагахъ декабриста кн. Трубецкого, и того наброска, какой по памяти Сергѣй Муравьевъ долженъ былъ начертать собственноручно для слѣдственной комиссіи, выносишь то впечатлѣніе, что обширность имперіи, многообразіе племенъ, ее населяющихъ, различіе хозяйственныхъ интересовъ и культурнаго уровня отдѣльныхъ областей, внушили преобразователямъ Россіи въ царствованіе Александра I мысль приблизить ея устройство къ американскому федеральному образцу. Отсюда, между прочимъ, тѣ автономныя „державства", т. е. области, которыя въ конституціи Муравьева являются подобіемъ штатовъ. Они имѣютъ свои отдѣльныя законодательныя собранія, или думы, построенныя по системѣ двухъ палатъ и раздѣляющія функціи законодательства съ народнымъ вѣчемъ всей имперіи, также двухчленнымъ, составленнымъ изъ верховной думы и палаты представителей. Державства или области имѣютъ свою особую отъ центральной исполнительную власть въ лицѣ, такъ называемаго, правителя, его намѣстника и совѣта. Образецъ, котораго декабристы придерживаются при федеративномъ устройствѣ Россіи, данъ, такимъ образомъ, конституціей 1787 г., вышедшей изъ рукъ засѣдавшей въ Филадельфіи конференціи американскихъ патріотовъ съ Франклиномъ и Гамильтономъ во главѣ.

При незнакомствѣ Пестеля съ дѣйствительной природой этой конституціи и допущеніи имъ лишь того типа сложнаго государства, которымъ является, такъ называемая, конфедерація, подобная той, какая держалась въ Америкѣ до 1787 года, насъ не должно поразить его утвержденіе, что „верховная власть въ федеративномъ государствѣ не законы даетъ, но только совѣты, ибо не можетъ иначе привести свои законы въ исполненіе, какъ черезъ посредство областныхъ властей; ежели же область не захочетъ повиноваться, то дабы ее къ повиновенію принудить, надо междуусобную войну завести" (кн. I, стр. 22). Въ виду этого Пестель высказывается въ пользу устройства Россіи на началахъ политически централизованнаго государства, въ которомъ за отдѣльными областями будетъ признано только право самоуправленія, а не автономіи, точь-въ-точь какъ и за низшими земскими единицами—волостями—и посредствующими звеньями, такъ называемыми, имъ уѣздами. Только для Польши Пестель дѣлаетъ исключеніе, при-

глашая Россію даровать ей независимое существованіе, подъ условіемъ заключенія съ нею вслѣдъ затѣмъ тѣсного союза въ мирѣ и войнѣ.

Пестель не считаетъ нужнымъ дать признаніе требованіямъ отдѣльныхъ національностей, населяющихъ имперію, даже въ томъ случаѣ, если эти требованія не выходятъ изъ границъ, дѣлающихъ возможнымъ развитіе однѣхъ культурныхъ особенностей каждой. Онъ стоитъ за то, чтобы на всемъ пространствѣ Русскаго Государства дѣйствовали одни и тѣ же законы, существовалъ одинъ и тотъ же образъ управленія. Онъ противъ признанья особыхъ условій Малороссіи, Украйны и Бѣлороссіи [1]).

„Всѣ племена Россіи, пишетъ онъ, должны быть слиты въ одинъ народъ такъ, чтобы обитатели цѣлаго пространства Россійскаго Государства были всѣ русскіе. Къ этой цѣли, пишетъ онъ, ведутъ многоразличные способы: во-первыхъ, на цѣломъ пространствѣ Россійскаго Государства долженъ господствовать одинъ только языкъ русскій; во-вторыхъ, нужно, чтобы исчезли даже различія имени для отдѣльныхъ составныхъ частей Россіи; въ-третьихъ, чтобы одни и тѣ же законы и одинъ и тотъ же образъ управленія держались во всей странѣ“. Пестель надѣется, что послѣдствіемъ этого будетъ то, что всѣ обрусѣютъ [2]).

Схема Пестеля еще тѣмъ отличается отъ той, которой придерживался Муравьевъ и большинство членовъ тайнаго общества, засѣдавшаго въ Петербургѣ, что построена на началѣ полнаго равенства всѣхъ совершеннолѣтнихъ мужчинъ передъ избирательной урной. „Весь народъ, пишетъ онъ, будетъ размѣщенъ по земскимъ собраніямъ для всеобщаго участія въ составленіи намѣстныхъ, или представительныхъ собраній. Намѣстныя собранія будутъ симъ способомъ весь народъ и всѣхъ онаго граждань въ полной мѣрѣ безъ изъятія представлять. Никто не будетъ зловластно отъ участія въ государственныхъ дѣлахъ исключенъ. А поелику участіе сіе устроено будетъ порядкомъ представительнымъ, посредственнымъ, то и будутъ въ полной мѣрѣ соглашены невозможность для гражданъ собираться въ одно мѣсто съ обязанностью даровать всѣмъ гражданамъ одинаковыя права на сіе соучастіе“. Въ то время какъ Муравьевъ и большинство декабристовъ считали нужнымъ установить извѣстный земельный цензъ и для избирателей и для выборщиковъ, Пестель, высказываясь, подобно имъ, въ пользу двухстепенныхъ выборовъ, не мирится ни съ какими ограниченіями избирательнаго права. „Гибельный обычай даровать нѣкоторымъ людямъ привилегіи, за исключеніемъ массы народной, будетъ совершенно уничтоженъ“ [3]), говоритъ онъ. Порабощающая сила аристократовъ и бога-

---

[1]) Ibid., стр. 39.
[2]) Гл. II, стр. 55.
[3]) стр. 217.

тыхъ—причина тому, что во многихъ представительныхъ государствахъ предоставлено право участія въ избраніи однимъ только богатѣйшимъ людямъ." Такимъ образомъ, замѣчаетъ Пестель, аристократія богатства замѣняетъ въ такихъ государствахъ аристократію феодализма.

Народы отъ этого не только ничего не выигрываютъ, но попадаютъ въ еще худшее положеніе, ибо поставлены въ насильственную зависимость отъ богатыхъ [1]. Тѣмъ, кто вздумалъ бы возразить, что демократическій составъ народнаго представительства опасенъ для внутренняго мира и спокойствія, Пестель отвѣчаетъ: „Что касается до опасенія, чтобы, такъ называемая, чернь не волновала государства, когда въ выборахъ она участвовать будетъ, то опасеніе это совершенно лишнее и напрасное; чернь производитъ безпорядки только тогда, когда ее угнетаютъ, или когда богатые въ своихъ видахъ ее подкупаютъ и волнуютъ. Сама же она пребываетъ всегда въ спокойствіи".

Равенство, проводимое Пестелемъ въ вопросѣ объ избирательномъ правѣ, примѣняется и къ пользованію гражданами, такъ называемыми, политическими вольностями или свободами. Въ духѣ публицистовъ либеральной школы, въ частности Бенжамена Констана, и нерѣдко въ тѣсномъ общеніи съ мыслью дѣятелей французскаго учредительнаго собранія и ихъ духовныхъ вождей, въ томъ числѣ физіократовъ и Тюрго, Пестель высказывается одинаково и за неприкосновенность личности, и за неприкосновенность собственности, и противъ свободы завѣщательныхъ распоряженій, совершенно въ духѣ Мирабо, и за свободу промышленности, въ частности, свободу роста, въ пользу которой написана была, какъ извѣстно, краснорѣчивая защита его учителемъ Бентамомъ, и противъ существованія цеховъ, и противъ надѣленія монополіями отдѣльныхъ товариществъ. Вліяніе на него тѣхъ предразсудковъ, какіе, вмѣстѣ съ Тюрго, раздѣлялъ и Адамъ Смитъ, по отношенію ко всякимъ частнымъ обществамъ, съ постоянной цѣлью учреждаемымъ, а въ томъ числѣ и къ рабочимъ обществамъ и торговымъ товариществамъ, побуждаетъ его высказаться за ихъ запрещеніе, все равно, будутъ ли они открытыми или тайными [2]. Та точка зрѣнія, какую еще Руссо высказывалъ на счетъ противоположенія частнаго интереса общему, въ связи съ преувеличеннымъ представленіемъ автора „Эмиля" о роли воспитанія въ выработкѣ достойныхъ гражданъ, побуждаетъ Пестеля отказать частнымъ лицамъ въ правѣ устройства школъ. Воспитаніе—исключительное право, съ одной стороны, семьи, а, съ другой, государства. Частныя лица, пишетъ онъ, не должны заводить ни пансіо-

---

[1]) 214.
[2]) § 17 гл. V, стр. 237 и § 20, стр. 240.

новъ, ни другихъ учебныхъ заведеній, куда бы граждане своихъ дѣтей отдавали. Коль-скоро родители не имѣютъ времени, средствъ или охоты заниматься воспитаніемъ, должно правительство ихъ мѣсто заступать и не допускать, чтобы сіе (т. е. забота о воспитаніи) было предоставлено посторонним людямъ [1]).

Въ вопросѣ о свободѣ совѣсти и печати, какъ и въ вопросѣ о личной неприкосновенности человѣка и его жилища, Пестель повторяетъ обычныя требованія всей либеральной школы. Свобода печати для него равнозначительна съ существованіемъ одного судебнаго контроля за нею, контроля, осуществляемаго, однако, не иначе, какъ при участіи избранныхъ отъ народа присяжныхъ. Что касается до свободы совѣсти, то она признается имъ съ оговоркой, что греко-россійская православная вѣра остается господствующей въ Россіи. Свобода проповѣди исключаетъ мысль о сохраненіи какой бы то ни было инквизиціи. Личная неприкосновенность требуетъ освобожденія отъ задержанія до истеченія 24 часовъ послѣ ареста, какъ это предписываетъ англійскій Habeas corpus актъ. „Въ домъ же гражданина никто войти не можетъ безъ его согласія; самый же арестъ происходитъ послѣ предъявленія полиціей письменнаго предписанія о немъ съ указаніемъ причинъ". И на этотъ разъ образцомъ для Пестеля остается англійская система, такъ называемая, спеціальныхъваррантовъ (warrants), требующая обозначенія внѣшнихъ признаковъ задерживаемаго и указанія, въ чемъ его обвиняютъ.

Переходя къ разсмотрѣнію обязанностей гражданъ, Пестель говоритъ объ общей воинской повинности и высказываетъ свое пристрастіе къ системѣ прямыхъ налоговъ, при которой обложено было бы недвижимое имущество гражданъ, а не капиталы или чистая прибыль и еще менѣе „душа". Конфискація имущества не должна быть допускаема даже по отношенію къ тѣмъ, кто политически признанъ судомъ умершимъ. Имѣніе осужденнаго должно быть передано его дѣтямъ [2]).

Если прибавить ко всему сказанному, что Пестель рѣшительно возстаетъ противъ смертной казни и крѣпостного права, что отмѣнѣ послѣдняго посвящена имъ краснорѣчивая страница, внушенная ему, быть можетъ, чтеніемъ „Путешествія Радищева", и что, по подобію Іереміи Бентама и Сенъ-Симона, онъ ставитъ въ обязанность государству „елико возможно большее благоденствіе многочисленнѣйшаго количества людей" [3]), то трудно будетъ не признать, что многими сторонами своихъ воззрѣній

---

1) § 18 гл. V, стр. 239.
2) § § 12 и 7, стр. 233 и 225.
3) Гл. IV § 5.

онъ тѣсно примыкаетъ къ намъ, опережая насъ на три четверти столѣтія.

Въ одномъ еврейскомъ вопросѣ онъ не столько является сторонникомъ равноправія, сколько тѣхъ самыхъ началъ, которыя нынѣ проповѣдуются сіонистами. Онъ, какъ нельзя лучше, понимаетъ вредъ обособленнаго существованія евреевъ отъ всего прочаго населенія, ихъ тѣсной зависимости отъ раввиновъ и ихъ дружной связи, какъ онъ выражается, между собою. Послѣдней онъ объясняетъ, что „коль-скоро они въ какое-нибудь мѣсто допущены, то неминуемо становятся монополистами и всѣхъ прочихъ вытѣсняютъ. Сіе ясно видѣть можно, прибавляетъ онъ, въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ они жительство свое имѣютъ. Вся торговля тамъ въ ихъ рукахъ, и мало тамъ крестьянъ, которые бы посредствомъ долговъ не въ ихъ власти состояли, отчего и разоряютъ они ужаснымъ образомъ край, гдѣ жительствуютъ.“ Особенность евреевъ, столь невыгодную для всего россійскаго гражданства, Пестель объясняетъ ошибочностью правительственной политики, которая и освободила ихъ отъ дачи рекрутъ — порядокъ, отошедшій нынѣ, разумѣется, въ область прошлаго — и обезпечила имъ возможность судиться между собою по приговорамъ раввиновъ. Пестель желалъ бы, чтобы на евреевъ распространенъ былъ общегосударственный порядокъ, но еще болѣе полезнымъ онъ считаетъ содѣйствовать „евреямъ къ учрежденію особаго самостоятельнаго государсгва въ какой-либо части Малой Азіи.“ Для этого надо назначить имъ сборный пунктъ и дать войска. Занявъ въ Азіатской Турціи достаточныя земли, они могли бы устроить тамъ особенное еврейское государство.

Мнѣ показалось интереснымъ отмѣтить это раннее выраженіе въ русской литературѣ идей сіонизма. Въ этомъ вопросѣ, какъ и во многихъ другихъ, Пестель предугадывалъ рѣшенія не только близкаго, но и отдаленнаго потомства, обнаруживая тѣмъ самымъ широту своего государственнаго ума и ту научную подготовленность, которую признаютъ за нимъ всѣ его современники, и никто въ большей степени, какъ Лореръ, говорящій въ своихъ запискахъ: „чего только этотъ человѣкъ не прочелъ на своемъ вѣку и притомъ на многихъ иностранныхъ языкахъ.“

Изъ представленнаго нами очерка его основной общественной и политической доктрины легко будетъ сдѣлать то заключеніе, что оцѣнка, данная ему его товарищемъ по „южному обществу“, кн. Волконскимъ, не можетъ считаться преувеличенной. Пестель былъ, дѣйствительно, „человѣкъ замѣчательнаго ума, образованія и въ сердцѣ котораго гнѣздились высокія чувства патріотизма.“ Мы можемъ также повторить вслѣдъ за другимъ декабристомъ Басаргинымъ, что онъ былъ „человѣкъ ума

высокаго, яснаго и положительнаго и излагалъ свои мысли съ такой логикой, такой послѣдовательностью и такимъ убѣжденіемъ, что трудно было устоять противъ его вліянія". Всѣ эти качества отразились и на разобранномъ нами сочиненіи. Они позволяютъ „Русской Правдѣ" Пестеля считаться самымъ выдающимся политическимъ трактатомъ, написаннымъ въ Россіи въ царствованіе Александра I.

М. Ковалевскій.

МЕМУАРЪ ПЕТРАШЕВЦА [1]).

22 апрѣля 1849 года я возвратился въ свою квартиру въ Технологическомъ Институтѣ поздно, или скорѣе это случилось 23-го въ 3-мъ часу утра. Я опустилъ шторы и улегся спать. Но едва успѣлъ задремать, какъ услышалъ, что кто-то приподнимаетъ штору и тутъ же замѣтилъ какую-то черную массу, въ полумракѣ движущуюся по комнатѣ, и надъ ней развивающійся бѣлый конскій хвостъ.

Черная масса приблизилась къ моей кровати и спросила:

— Вы ли помощникъ инспектора классовъ, Ястржембскій?

Я отвѣчалъ: „да". Тогда масса объявила мнѣ, что она — полковникъ корпуса жандармовъ, добавляя, что „арестуетъ меня по волѣ Государя Императора", и тутъ же подала мнѣ какую-то бумагу, сладенько произнеся: „Творю волю пославшаго мя". Я сказалъ на это, что вижу, кто онъ, и потому не имѣю нужды читать его бумаги и попросилъ позволенія напиться чаю. Тогда онъ вышелъ въ другую комнату и послалъ кого-то за полицмейстеромъ Института.

Я послѣдовалъ за нимъ и увидѣлъ цѣлую полицейскую команду московской части съ частнымъ приставомъ во главѣ.

Явился полицмейстеръ и директоръ Института ген. Блай. Жандармскій полковникъ потребовалъ мои бумаги, вложилъ ихъ всѣ вмѣстѣ въ портфель, велѣлъ его запечатать моею печатью, собралъ книги и куда-то ихъ уложилъ, составилъ, кажется, протоколъ и передалъ остальныя мои

---

[1]) Печатаемый мемуаръ извѣстнаго петрашевца И. Ястржембскаго сохранился въ бумагахъ покойнаго профессора Ореста Федоровича Миллера и переданъ намъ однимъ изъ ближайшихъ его родственниковъ. Авторъ этихъ записокъ И. Ястржембскій род. въ 1814 году, воспитывался въ Харьковскомъ университетѣ, и въ 1848 году былъ помощникомъ инспектора классовъ и преподавателемъ въ Технологическомъ Институтѣ, кромѣ того онъ преподавалъ статистику и начатки политической экономіи въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ, корпусѣ путей сообщенія и Дворянскомъ полку. „Это былъ оригиналъ—вспоминаетъ о немъ М. И. Венюковъ—пожалуй даже эксцентрикъ, но умѣвшій возбуждать идеи самаго широкаго гуманизма въ молодыхъ головахъ. Онъ читалъ статистику и начатки политической экономіи. Программа послѣдней, разумѣется, была самая непривлекательная, въ духѣ Ж. Б. Сея, т. е. теоріи своекорыстной наживы немногихъ, сильныхъ, на счетъ большинства слабыхъ, но Я., исполняя ее, умѣлъ научить насъ смотрѣть на вещи съ иной точки зрѣнія, болѣе современной и человѣчной" („Русск. Стар." 1890, апр. 245; дальнѣйшая характеристика Я. была редакціей опущена очевидно по цензурнымъ соображеніямъ). За участіе въ дѣлѣ Петрашевскаго генералъ-аудиторіатъ приговорилъ Я. къ 4-хъ лѣтней каторжной работѣ на заводахъ, но имп. Николай I увеличилъ срокъ до 6 лѣтъ. Одно время Я. находился въ Шилкинской каторжной тюрьмѣ. Я. умеръ въ 80-хъ годахъ... *Ред.*

вещи полицмейстеру Института; но предварительно обшарилъ всю мебель и даже висѣвшія на стѣнахъ картинки, при чемъ тѣ изъ нихъ, которыя были наклеены на папкѣ, разрѣзалъ.

Мы вышли на дворъ, и тамъ я увидѣлъ карету, въ которую мы и помѣстились и поѣхали, какъ я догадывался, въ 3-е отдѣленіе.

Какъ всѣ мои знакомые молодые люди, такъ и я,—всѣ мы были такъ заняты начавшимся тогда въ Европѣ соціально-экономическимъ движеніемъ (политикой въ собственномъ смыслѣ мы не занимались), что почти не обращали вниманія на то, что дѣлалось въ Россіи и въ Петербургѣ. Поэтому не удивительно, что я не догадался, по какому случаю меня арестовали, и все надѣялся, что сейчасъ послѣ объясненія въ 3-мъ отдѣленіи меня отпустятъ. Оказалось, однако, что я считалъ безъ хозяина.

Мы пріѣхали въ 3-е отдѣленіе и вошли въ большія сѣни, гдѣ я съ удивленіемъ замѣтилъ стоявшую посрединѣ большую статую Венеры Каллипиги.

Въ залѣ я замѣтилъ всѣхъ, съ кѣмъ я встрѣчался на вечерахъ у Петрашевскаго, и его самого.

Послѣ долгаго, почти десятичасового ожиданія, меня позвали въ кабинетъ ген. Дубельта. Тотъ, посмотрѣвъ на меня, сказалъ: „Г. Ястржембскій, я вамъ отвелъ здѣсь квартиру“.

Арестовавшій меня жандармскій полковникъ сдалъ меня жандарму, и меня повели черезъ дворъ въ нумеръ арестантскаго помѣщенія. Тамъ посѣтилъ меня и графъ Орловъ и спросилъ только: „какъ ваша фамилія?“

Въ теченіе цѣлаго дня я въ окно видѣлъ въѣзжающія во дворъ почтовыя телѣги, изъ которыхъ высаживались разныя лица въ сопровожденіи жандармовъ.

Наконецъ, въ 9 часовъ вечера, ко мнѣ въ номеръ вошелъ жандармскій унтеръ-офицеръ и велѣлъ мнѣ одѣваться и итти за нимъ.

Мы пошли опять въ кабинетъ ген. Дубельта, гдѣ я засталъ жандармскаго поручика, которому ген. Дубельтъ отдалъ какой-то толстый пакетъ, а мнѣ сказалъ: „поѣзжайте съ этимъ офицеромъ“. Мы вышли, сѣли въ карету и поѣхали.

Я недоумѣвалъ, куда мы ѣдемъ? Мосты были только что разведены, и ледъ изъ Ладоги еще не проходилъ, и притомъ былъ сильный вѣтеръ, чуть не буря. Мнѣ казалось, что мы никакъ не могли ѣхать въ крѣпость.

Однако, мостъ оказался наведеннымъ, и мы пріѣхали въ крѣпость къ комендантской квартирѣ.

Тамъ привезшій меня офицеръ сдалъ меня коменданту, а два солдата крѣпостной инвалидной команды отвели меня въ мѣсто моего содержанія, которое, какъ я узналъ впослѣдствіи, было Алексѣевскій равелинъ.

Въ равелинѣ я просидѣлъ съ 23 апрѣля по 23 декабря 1849 г., и если бы мнѣ пришлось посидѣть еще недѣлю, я, вѣроятно, не вышелъ бы изъ него живымъ.

Всѣ гигіеническія условія были тамъ удовлетворительны: чистый воздухъ, опрятность, здоровая пища и т. д. все было хорошо; доказательствомъ того можетъ служить то обстоятельство, что, хотя въ то время въ Петербургѣ была сильная холера, изъ заключенныхъ не заболѣлъ ни одинъ. Убивающее вліяніе на меня оказало одиночное заключеніе. При одной мысли, что я нахожусь „au secret“, уже черезъ двѣ недѣли заключенія со мною стали случаться нервные припадки, обмороки и біеніе сердца.

Приступлю къ спеціально теперь занимающему меня предмету,—къ допросамъ въ слѣдственной комиссіи и къ тому, что случилось со мною на, такъ названномъ, судѣ. Вспоминая теперь все это, никакъ не могу сказать „dulces est recordatio pro teritoriem“.

Въ половинѣ мая, вечеромъ, послѣ того какъ мой нумеръ заперли снаружи и вынули ключъ для отнесенія его смотрителю, опять я услышалъ, что ключъ щелкнулъ въ замкѣ; дверь отворилась; вошли солдаты и ефрейторъ и подали мнѣ мое платье, которое въ первый вечеръ моего пребыванія въ равелинѣ было отъ меня отобрано и замѣнено мѣстнымъ халатомъ и ночнымъ колпакомъ; велѣли мнѣ одѣваться и итти за ними. Я одѣлся, вышелъ въ коридоръ и увидѣлъ тамъ смотрителя, полковника Яблонскаго (фамилію, разумѣется, я узналъ гораздо позже), въ сопровожденіи котораго я и пришелъ въ квартиру какого-то чиновника комендантскаго управленія, отведенную для засѣданій слѣдственной комиссіи.

Не могу здѣсь не вспомнить, что этотъ Яблонскій, полковникъ по арміи, производилъ на меня неимовѣрно удручающее впечатлѣніе. Высокій ростомъ, кривой на одинъ глазъ, сѣдой, какъ лунь, въ то время, какъ я привыкъ видѣть самыхъ старыхъ генераловъ черноволосыми. (какъ извѣстно, тогда красить свои куафюры военнымъ было обязательно), онъ единственнымъ своимъ глазомъ всматривался въ меня такъ пристально, что мнѣ казалось, онъ такъ и хотѣлъ сказать: „знаю я тебя, голубчикъ... лучше сознайся“.

Не могу допустить, что это впечатлѣніе явилось у меня вслѣдствіе того, что онъ былъ тюремный смотритель. Вѣдь былъ же тамъ и другой офицеръ, инвалидный поручикъ, но онъ на меня ни мало не производилъ отталкивающаго впечатлѣнія. То былъ обыкновенный служака, который исполнялъ свою должность безсознательно, не сознавая рѣшительно всей ея нравственной неприглядности. Напротивъ, Яблонскій, видимо, зналъ что дѣлаетъ, онъ сознавалъ всю подлость своей обязанности и все-таки ради разныхъ выгодъ исполнялъ ее „con amore“. Въ его единственномъ взглядѣ

ясно отражались кровожадность кошки и хитрость лисицы. Съ перваго взгляда его собесѣдника могла ввести въ обманъ ленточка Георгія и петлицы, но это продолжалось недолго, въ особенности если дѣлалось извѣстно, что онъ орденъ этотъ получилъ, служа въ фельдъегеряхъ и храбро удирая на фельдъегерской телѣгѣ въ 1812 году, когда ему въ глазъ выстрѣлилъ какой-то французскій застрѣльщикъ.

Впрочемъ, не знаю, можетъ быть, такое мнѣніе о полковникѣ Яблонскомъ я себѣ составилъ вслѣдствіе разстройства моихъ нервовъ.

Какъ бы то ни было, мы пришли въ квартиру, въ которой засѣдала слѣдственная комиссія. Полковникъ Яблонскій ввелъ меня въ комнату, въ которой никого не было. Увидѣвъ себя въ зеркалѣ, я ужаснулся. Прибылъ я въ равелинъ молодымъ, цвѣтущимъ здоровьемъ тридцатилѣтнимъ мужчиной,—въ зеркалѣ я увидѣлъ исхудалаго, съ помутившимися глазами шестидесятилѣтняго старика. Моя шляпа была вся покрыта зеленою плесенью. Черезъ запертую дверь въ другой смежной комнатѣ я услышалъ веселые голоса дѣтей, и черезъ щель въ двери увидѣлъ и самихъ дѣтей, весело болтавшихъ съ пришедшимъ на праздникъ братцемъ-кадетомъ. Какъ подѣйствовали эти отголоски жизни на меня, заживо погребеннаго въ мрачной могилѣ, я выразить не въ состояніи.

Наконецъ, послѣ долгаго ожиданія мы съ полковникомъ Яблонскимъ вошли черезъ сѣни въ комнату, въ которой засѣдала слѣдственная комиссія.

Въ этой комнатѣ, за продолговатымъ столомъ, сидѣли слѣдователи. Изъ нихъ я зналъ только генерала Набокова, коменданта крѣпости, который меня посѣщалъ въ равелинѣ, генерала Ростовцева, начальника штаба военно-учебныхъ заведеній, гдѣ я былъ преподавателемъ, и генерала Дубельта. Послѣ я узналъ имена и другихъ двухъ слѣдователей-инквизиторовъ,—то были генералъ князь Долгоруковъ, бывшій впослѣдствіи шефомъ жандармовъ, и князь Гагаринъ, впослѣдствіи предсѣдатель Государственнаго Совѣта.

Всѣ эти господа смотрѣли на меня въ упоръ, за исключеніемъ генерала Ростовцева, сидѣвшаго ко входной двери спиной,—и съ видимымъ любопытствомъ, особенно князь Гагаринъ, который принялъ на себя руководство веденіемъ слѣдствія, хотя предсѣдателемъ комиссіи былъ генералъ Набоковъ.

Сначала они перемигивались между собою и посылали одинъ другому какія-то записочки, и, наконецъ, князь Гагаринъ напустился на меня.

— Вы сошлись съ заговорщиками и крамольниками и измѣнили отечеству! Мы все знаемъ. Лучше сознайтесь и раскайтесь (разумѣется: „выдайте другихъ“). Раскаяніе будетъ вамъ въ пользу.

Замѣтивъ при словѣ „отечество“ на моемъ лицѣ нѣкоторое волненіе и какъ бы желаніе возражать и протестовать противъ этого слова, онъ добавилъ:

— Да, отечеству, вами избранному.

Онъ, вѣроятно, предполагалъ, что я стану протестовать и противъ выраженія „отечество избранное“, но я, очень хорошо понимая, къ какимъ опаснымъ для меня спорамъ и препирательствамъ повелъ бы всякій съ моей стороны протестъ, и желая поскорѣе узнать, въ чемъ меня обвиняютъ, хладнокровно отвѣтилъ:

— Россію я почитаю за отечество, данное мнѣ Провидѣніемъ!

Я очень хорошо зналъ, что, если бы вмѣсто слова „Провидѣніе“ я употребилъ выраженіе „непреложные законы исторической жизни“, то почтенные члены слѣдственной комиссіи навѣрное меня бы не поняли. Это заявленіе прекратило всѣ пререканія, которыя не повели бы ни къ чему для меня хорошему.

Тогда И. Я. Ростовцевъ съ приторно сладенькой улыбкой и тономъ ben comando сказалъ: „ужели вы, г. Ястржембскій, не видѣли, что собиравшіеся у Петрашевскаго были заговорщики и измѣнники“.

На это я отвѣчалъ: „что я уже во второй разъ слышу слова „заговоръ“ и „измѣна“ и категорически заявляю, что судить о томъ, заговорщики ли и измѣнники лица, которыхъ я видывалъ у Петрашевскаго, я не берусь, но что въ ихъ поведеніи ни заговора, ни измѣны я не замѣчалъ; что же касается до меня лично, то я твердо протестую, что я вѣрноподданый и никогда долга вѣрнаго подданнаго ни въ чемъ не нарушилъ“.

Тогда князь Гагаринъ напустился на меня снова:

— Какъ вы смѣете утверждать, что они не заговорщики и не измѣнники? Сознайтесь, что они именно таковы...

Я отвѣчалъ:

— Я не утверждаю ни мало, что они не заговорщики и не измѣнники, только заявляю, что объ этомъ ничего не знаю.

Тогда князь Гагаринъ, обращаясь къ сидѣвшему позади него за особымъ столикомъ какому-то чиновнику съ краснымъ воротникомъ, взялъ у него листъ бумаги и приказалъ мнѣ написать на немъ мое заявленіе о лицахъ, бывшихъ у Петрашевскаго.

Я написалъ дословно такъ: „О томъ, заговорщики или измѣнники означенныя лица, я ничего не знаю, но если господа члены слѣдственной комиссіи признаютъ ихъ таковыми, то я спорить и прекословить не смѣю“.

Когда красноворотный чиновникъ прочиталъ это, то и онъ вздумалъ

показать, что и онъ-де не послѣдняя спица въ колесницѣ, и, обращаясь къ князю Гагарину, сказалъ:

— Да вѣдь „онъ“ написалъ не то, что говорилъ.

„Онъ“ было произнесено съ невыразимымъ акцентомъ; въ этомъ акцентѣ явно слышалось: „онъ — измѣнникъ, не стоитъ суда: его бы прямо на плаху; а я, молъ,—членъ слѣдственной комиссіи, благонамѣренный чиновникъ, очевидно, заслуживаю 25 рублей награды или, по крайней мѣрѣ, Анны третьей степени, или хоть уже Станислава“.

Но эту его прыть немного посбилъ генералъ Ростовцевъ, сказавъ тономъ, поставившимъ его тотчасъ же на надлежащее мѣсто:

— Г. Ястржембскій написалъ то, что слѣдуетъ.

Тогда начались допросы. Князь Гагаринъ:

— Что вы скажете о Вильнѣ?

Я: „Въ Вильнѣ я не былъ съ 1832 года“.

Кн. Гагаринъ: „Что вы знаете о Варшавѣ?“

Я: „О Варшавѣ знаю только, подъ какимъ градусомъ широты и долготы она лежитъ“.

Тутъ члены комиссіи переглянулись между собой и опять начали другъ другу передавать записочки.

Князь Гагаринъ—человѣкъ совсѣмъ пожилой, складомъ своей рѣчи, акцентомъ и всѣми пріемами сдѣлалъ на меня впечатлѣніе бюрократа старой школы, воспитаннаго въ малороссійской семинаріи и даже въ разговорной рѣчи сохранившаго слогъ бумагъ канцелярскихъ и семинарскихъ риторикъ.

Генералъ Ростовцевъ, видимо, старался принять видъ участія и сострадавія, при чемъ выказываться въ характерѣ добраго и очень вѣжливаго начальника, не очень взыскательнаго по части служебнаго этикета. Однако, по крайней мѣрѣ, по отношенію ко мнѣ это ему вполнѣ не удалось. Онъ мнѣ показался слабохарактернымъ и двуличнымъ человѣкомъ. Такое мое впечатлѣніе подтвердилось впослѣдствіи его дѣйствіями въ комитетахъ по освобожденію крестьянъ.

Генералъ Набоковъ, видимо, въ комиссіи чувствовалъ себя не на своемъ мѣстѣ; казалось, онъ вполнѣ былъ убѣжденъ въ существованіи зловреднаго заговора вообще и въ моей къ нему прикосновенности—въ особенности; но въ чемъ именно состоялъ заговоръ, и какая была моя вина, онъ въ этомъ не могъ дать себѣ отчета.

Князь Долгоруковъ—почему-то и самъ не знаю—произвелъ на меня впечатлѣніе очень симпатической личности.

О генералѣ Набоковѣ скажу еще, что онъ казался непоколебимо убѣжденнымъ въ томъ, что я—республиканецъ и коммунистъ и что я

пропагандировалъ коммунистическія и республиканскія идеи. При томъ онъ нѣсколько разъ высказалъ убѣжденіе, что имѣть только образъ мыслей, несообразный съ обыкновенно принятымъ шаблономъ, уже само по себѣ составляло преступленіе, достойное казни; что если человѣкъ—арестованъ и особенно, если онъ посаженъ въ Алексѣевскій равелинъ, то уже ему по праву нечего ожидать чего другого, кромѣ плахи, или, по крайней мѣрѣ, каторги. Онъ при всякомъ вопросѣ князя Гагарина, обращенномъ ко мнѣ, посматривалъ на меня глазами, въ которыхъ я читалъ ясно:

„Что? А вѣдь ты виноватъ!"

При всякомъ моемъ отвѣтѣ, казалось, недоумѣвалъ, какъ это я осмѣливаюсь возражать на такіе мѣткіе вопросы, а не прошу на колѣняхъ прощенія или снисхожденія. Онъ, видимо, былъ очень напуганъ появившимися тогда во Франціи и въ Европѣ, такъ названнымъ, соціализмомъ.

Вопросы же, обращаемые ко мнѣ въ слѣдственной комиссіи, какъ увидитъ читатель, были просто нелѣпы, тенденціозны и пристрастны. Они уже заключали въ себѣ прямыя обвиненія, которыхъ, однако, или нельзя было доказать, или такія, которыя, даже доказавъ, не за что fouetter les chats, а тѣмъ болѣе морить человѣка въ равелинѣ, и при томъ вопросы эти дѣлались лишь для формы, рѣшеніе же моей участи было принято давно и безапелляціонно, въ чемъ и князь Гагаринъ сознался откровенно при допросѣ Дурова.

Вотъ эти знаменитые вопросы:

Кн. Гагаринъ: „Давно ли вы сдѣлались республиканцемъ?"

Я: „Когда мнѣ было 17 лѣтъ, я было пристрастился къ республиканскому образу правленія, прочитавъ Плутарха, Тита Ливія, Тацита и др., но послѣ, въ зрѣломъ возрастѣ, присмотрѣвшись къ исторіи и фактамъ жизни теперешнихъ европейскихъ народовъ, я перемѣнилъ совершенно мнѣніе и вижу, что для этихъ народовъ единственно пригодный образъ правленія—монархическій; я — твердо убѣжденный монархистъ".

Тутъ генералъ Набоковъ посмотрѣлъ на меня съ такимъ наивнымъ недоумѣніемъ, что будь это при иной обстановкѣ, я бы непремѣнно расхохотался.

К. Гагаринъ: „Вы коммунистъ, послѣдователь Прудона?"

Я: „Это я отвергаю; напротивъ, на вечерахъ у Петрашевскаго я, не безъ успѣха, опровергалъ ученіе Прудона о поземельной собственности. Почитаю необходимымъ заявить, что я убѣжденный послѣдователь ученія Фурье".

Прежде чѣмъ я успѣлъ договорить это, генералъ Набоковъ услышавъ, что рѣчь идетъ о Прудонѣ, перебилъ меня и съ улыбкой не то

осужденія, не то сострадания о моемъ увлеченіи ученіемъ Прудона сказалъ:

— А вѣдь Прудонъ въ тюрьмѣ!

Почтенный комендантъ Петропавловской твердыни и командиръ гренадерскаго корпуса, нечаянно-негаданно превратившійся въ инквизитора, присяжнаго засѣдателя и вмѣстѣ судью по политическому дѣлу, о сущности котораго, равно какъ и объ обязанностяхъ принятой на себя роли судьи, не имѣлъ рѣшительно ни малѣйшаго понятія, былъ твердо убѣжденъ, что если уже кто посаженъ въ тюрьму, то, конечно, онъ уже тѣмъ самымъ виноватъ и заслужилъ казнь.

Въ то время, какъ извѣстно, военные почитались способными, по самой причинѣ ношенія эполетъ, на занятіе всякихъ самыхъ разнообразныхъ должностей. Такъ, Клейнмихель былъ министромъ путей сообщенія, онъ же на должность директора Института Путей Сообщенія назначилъ пѣхотнаго ступайку генерала Энгельгарда. Тогда былъ въ ходу анекдотъ объ очень характеристической остротѣ великаго князя Михаила Павловича. Сказывали, что будто одинъ разъ императоръ Николай Павловичъ сказалъ брату, что онъ находится въ затрудненіи, кого назначить на открывшуюся вакансію петербургскаго митрополита. Михаилъ Павловичъ отвѣчалъ на это будто бы: „назначьте Клейнмихеля“.

Всякаго мало-мальски мыслящаго человѣка, конечно, удивитъ и поразитъ, что для производства слѣдствія по дѣлу, въ которомъ не было и помина о какихъ-либо преступныхъ дѣйствіяхъ, а только изслѣдовались мнѣнія и тенденціи и для чего, конечно, необходимо было поручить дѣло ученымъ спеціалистамъ, назначены были круглые невѣжды. А эти невѣжды рѣшали участь многихъ молодыхъ людей и упекли ихъ въ Сибирь!

Допросъ продолжался.

Кн. Гагаринъ: „Вы насмѣхались надъ здѣшнею чиноманіею, надъ чиновниками и сравнивали Россію съ Китаемъ?“

Я: „Это не совсѣмъ вѣрно. Я сознаюсь, что не понимаю значенія теперешнихъ чиновъ, которые при ихъ введеніи Императоромъ Петромъ I-мъ соотвѣтствовали опредѣленнымъ должностямъ, а теперь составляютъ одни пустые титулы. Я понимаю то значеніе и вѣсъ, которые человѣку даютъ въ обществѣ рожденіе, знатность, богатство, заслуги государству, талантъ, но значенія чина не понимаю. Если же мнѣ иногда (чего, впрочемъ, не помню) и случалось насмѣхаться надъ нѣкоторыми чиновниками, имѣющими слишкомъ высокое или неправильное понятіе о своей чиновности, то въ этомъ я столько же виноватъ, сколько и актеры Александринскаго театра и авторы различныхъ пьесъ, въ которыхъ выставляются въ смѣш-

номъ видѣ чиновники; между тѣмъ и актеры эти и авторы не привлечены къ отвѣтственности“.

Кн. Гагаринъ: „Вы въ своихъ рѣчахъ осмѣлились поносить высшихъ сановниковъ и даже дерзко отзывались о священной особѣ Государя Императора, называя его Богдыханомъ?“

Я: „Не знаю, о какихъ такихъ сановникахъ, Ваше Превосходительство, говорите и при комъ, и въ какихъ обстоятельствахъ я будто отзывался о нихъ дурно. Что же касается слова Богдыханъ, то я самымъ рѣшительнымъ образомъ отвергаю это обвиненіе и утверждаю, что ложно“.

Кн. Гагаринъ: „Десять человѣкъ подтвердили это обвиненіе“.

Я: „Надѣюсь, что мнѣ съ ними будетъ дана очная ставка“.

Молчаніе.

Надо замѣтить, что никогда ни я, ни еще кто-либо другой на вечерахъ у Петрашевскаго (а что касается меня, то и ни въ какомъ-либо другомъ мѣстѣ) даже не вспоминали имени Императора Николая Павловича. Что же касается сановниковъ, то объ одномъ изъ нихъ я говорилъ дѣйствительно и разговоръ этотъ я привожу здѣсь откровенно.

Въ то время въ цѣлой Россіи было много сильныхъ пожаровъ. Тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ Перовскій по этому поводу не выдумалъ ничего лучше, какъ воздвигнуть гоненіе на зажигательныя спички. Спички были обложены пошлиной, такъ что пачка, стоившая 1 коп., продавалась по 1 рублю. Министръ финансовъ Вронченко энергически противился обложенію спичекъ пошлиной, и Перовскій воспользовался его болѣзнью для того, чтобы провести эту мѣру. Надо же было случиться, чтобы Вронченку вскорѣ послѣ этого былъ пожалованъ графскій титулъ. Это пожалованье возбудило неудовольствіе, такъ называемаго, (неизвѣстно на какомъ основаніи) аристократическаго кружка въ Петербургѣ.

Пришедши одинъ разъ къ Петрашевскому, я засталъ многихъ молодыхъ людей, желавшихъ, вѣроятно, заявить о своей принадлежности къ аристократіи, порицающихъ это пожалованье и трунящихъ надъ Вронченкомъ. Случилось такъ, что тогда же я получилъ, конечно, съ утвержденія Вронченко, награду 500 рублей. Натурально я сталъ защищать министра финансовъ. Кто-то изъ присутствующихъ сказалъ: „Какой онъ министръ?“ Я возразилъ: „Онъ министръ, какъ и всѣ другіе, укажите мнѣ лучшаго“. Мнѣ назвали Перовскаго. „Перовскій, сказалъ я, вотъ министръ! Выдумалъ пошлину на спички для избѣжанія пожаровъ. Да я предлагаю проектъ гораздо лучше. Вѣдь пожары производятъ не спички, а руки. Вотъ я предлагаю, чтобы руки всѣхъ гражданъ Россійской Имперіи были всегда связаны, и чтобы они не могли употреблять ихъ иначе, какъ съ

разрѣшенія и подъ надзоромъ полиціи, для чего всякій разъ обязаны подавать прошеніе на 15-ти копеечной бумагѣ".

Если бы объ этомъ разговорѣ меня спросили въ слѣдственной коммиссіи подробно, я бы непремѣнно сознался, а можетъ быть, и повинился бы; но комиссія сочла за лучшее умолчать объ этомъ и все-таки сюда приплела нелѣпую сказку о Богдыханѣ.

Князь Гагаринъ: „Вы сказали: я полякъ и за возстановленіе польской народности дамъ изъ себя выпустить до послѣдней капли крови; но я первый же отрублю этой народности голову, если ея возстановленіе будетъ противно благу человѣчества!!!" „Правда ли это?"

Я: „Да—правда. Но, во-первыхъ, я знаю, что Императоръ Всероссійскій есть въ то же время и Король Польскій, и потому, говоря это, я ни мало не нарушилъ долга вѣрноподданнаго. (Другими словами—обвинять меня за это по первымъ тремъ пунктамъ нельзя). А во-вторыхъ, вы неточно привели вторую половину сказанной мною фразы; я сказалъ: что если бы, однако, возстановленіе польской народности было сопряжено съ кровопролитіемъ, то я бы отъ него готовъ отказаться".

Князь Гагаринъ очень хорошо понялъ, что вопросъ его не болѣе, какъ ударъ шпаги въ воду, и что въ государственной измѣнѣ меня обвинять нельзя.

Это, очевидно, было ему не по душѣ.

„Вотъ и вылгался, вотъ и извернулся",—вскричалъ онъ и сейчасъ же добавилъ: „О, если бы я могъ найти какую-нибудь каверзу (дословно), чтобы его утопить, я бы употребилъ ее непремѣнно".

Я обратился къ генералу Ростовцеву.

— Ваше Превосходительство, Иванъ Яковлевичъ, вѣдь это называется пристрастнымъ допросомъ, который русскими законами не допускается. Я обращаюсь къ Вамъ, какъ къ моему начальнику, прося защиты, протестую и прошу, чтобы мой протестъ былъ записанъ въ протоколъ.

Генералъ Ростовцевъ сталъ меня успокаивать:

— Не безпокойтесь, васъ не желаютъ засудить, а князь выразился такъ потому, что вы не хотите сознаться, а сознаніе было бы для васъ лучше.

Относительно только что приведеннаго сдѣланнаго мнѣ княземъ Гагаринымъ вопроса, нельзя не замѣтить, что онъ совершенно нелѣпъ. И это потому, что очевидно, что свѣдѣнія комиссіи по поводу моего разговора были неполны. Не знаю, кѣмъ разговоръ этотъ былъ переданъ комиссіи, но онъ происходилъ не у Петрашевскаго, и о немъ знали только Дуровъ и Пальмъ. Вкравшійся къ Петрашевскому шпіонъ Антонелли, который пе-

редалъ все, что слышалъ у Петрашевскаго (конечно, съ добавленіями и варіаціями), о немъ знать не могъ.

Дѣло было такъ:

Съ Пальмомъ и Дуровымъ я бывалъ часто въ Красносельскомъ лагерѣ. Тамъ было нѣсколько молодыхъ офицеровъ, бывшихъ моими учениками. Одинъ разъ я тамъ пробылъ съ недѣлю и тогда познакомился съ полковникомъ Даровскимъ, помѣщикомъ Петербургской губерніи, какъ и Петрашевскій, который вмѣстѣ съ Петрашевскимъ въ дворянскомъ собраніи внесъ проектъ освобожденія крестьянъ, что привело министра Перовскаго въ бѣшенство.

Бесѣдуя съ офицерами, бывшими моими воспитанниками, я, натурально, часто касался предметовъ, которые преподавалъ имъ въ классахъ, на что они меня сами вызывали. Тогда только что начала зарождаться, такъ называемая, теорія національностей, и нѣкоторыя давно придавленныя національности стали пробуждаться и заявляли о своемъ существованіи, между прочими чехи и мадьяры.

Разъ у насъ зашелъ разговоръ объ этомъ предметѣ. Нѣкоторые изъ присутствующихъ выразили мнѣніе, „что поляки-де не заслуживаютъ возрожденія, такъ какъ они всѣ ретрограды, аристократы и клерикалы". На это я возразилъ: „Вы, господа, ошибаетесь, поляки далеко не всѣ такіе: вы берете во вниманіе Польшу до 1791 года, но съ тѣхъ поръ прошло много времени и много кой-чего измѣнилось. Если Польшѣ суждено воскреснуть, то она явится въ формѣ новѣйшаго, а не средневѣковаго государства". Воодушевляясь все больше и больше, я добавилъ: „Господа, я полякъ и за возрожденіе Польши дамъ изъ себя выпустить до послѣдней капли крови; но если бы я былъ увѣренъ, что Польша возродится въ формѣ государства средневѣковаго, то я бы первый принесъ топоръ, чтобы отрубить ей голову".

Конечно, рѣчь эта была слѣдствіемъ увлеченія молодости и пылкаго характера, но въ ней, по крайней мѣрѣ, былъ смыслъ; вопросъ же князя Гагарина былъ лишенъ всякаго смысла. Особенно „благо человѣчества", для котораго я (титулярный совѣтникъ, учитель) будто жертвовалъ участью Польши.

Надо замѣтить, что, произнося слова „я изрублю польскую народность, если этого потребуетъ благо человѣчества", князь Гагаринъ особенно разсвирѣпѣлъ, воздѣлъ руки и очи горѣ и бросилъ на меня взглядъ, полный негодованія. Изъ этого я заключилъ, что настоящее-то мое преступленіе и состоитъ именно въ томъ, что я взялъ на себя заботу о „благѣ человѣчества", когда благо это подлежитъ попеченію исключительно однихъ лишь высокопоставленныхъ.

Слѣдующій затѣмъ вопросъ, при полномъ безмысліи, представлялъ еще слѣды ехидства и подлости шпіона Антонелли, вызвавшаго его своимъ доносомъ.

Кн. Гагаринъ: „Вы сказали у Петрашевскаго, что въ военно-учебныхъ заведеніяхъ статистика называется *статистикою* потому, что такъ повелѣлъ великій князь Михаилъ Павловичъ".

Чудовищная нелѣпость этого вопроса такъ меня поразила и озадачила, что я не вдругъ нашелся, что отвѣтить. Генералъ Ростовцевъ взялся опять ободрять меня:

— Не безпокойтесь, г. Ястржембскій, сознайтесь, не обращайте вниманія на то, что здѣсь упоминается имя великаго князя; Его Высочество по отношенію къ вамъ стоитъ такъ неизмѣримо высоко, что ваши слова не могутъ его обидѣть.

Несмотря на сладенькій тонъ, которымъ эти слова были произнесены, я очень хорошо замѣтилъ все ихъ инквизиторское ехидство.

— Я не могу, отвѣчалъ я, сознаться въ томъ, что я сказалъ такую нелѣпость. Я думаю о себѣ настолько хорошо, что говорить такихъ нелѣпостей не способенъ. Я сказалъ вотъ что: Однажды у Петрашевскаго я читалъ разсужденіе „о предметѣ статистики, какъ науки". Напомнивъ о томъ, что многіе ученые отъ Ахенбаха до Кетле не только еще не выяснили значенія статистики въ области наукъ, но еще спорятъ даже о ея названіи, я замѣтилъ, что все равно какъ называть науку, а важно точно обозначить ея предметъ. Если люди живутъ въ обществѣ и государствѣ, то должна существовать и наука о законахъ общественной и государственной жизни, и ничто не мѣшаетъ назвать эту науку *статистикой;* цифры же, выражающія собою статистическія данныя, не больше, какъ формулы законовъ государственной жизни, формулы положительныя или отрицательныя, выражающія отступленія отъ этихъ законовъ и послѣдствія этихъ отступленій, формулы, взятыя изъ опыта и наблюденій, на которыхъ ученые основываютъ свои выводы. Такая наука преподается въ военно-учебныхъ заведеніяхъ и по программѣ, утвержденной великимъ княземъ, называется статистикой.

Замѣчу здѣсь, что, какъ извѣстно, такая наука народилась въ послѣднее время подъ названіемъ „соціологіи".

Князь Гагаринъ опять вскрикнулъ: „вотъ и извернулся", но о каверзѣ уже не вспомнилъ.

Наконецъ, послѣдній вопросъ:

Князь Гагаринъ: „Вы возмущали въ Петербургѣ простой народъ и проповѣдывали *извозчикамъ*, что надо убивать господъ".

На это я отвѣтилъ, что „это просто неправда".

Тогда князь Гагаринъ возразилъ: „вы положительно проповѣдывали эту мысль одному извозчику, съ которымъ ѣхали по Екатерининскому каналу.

Я опять отрицалъ это.

Тогда князь Долгоруковъ въ первый разъ прервалъ молчаніе и сказалъ: „Да вѣдь мы же отыщемъ этого извозчика и сведемъ васъ съ нимъ на очную ставку".

На это князь Гагаринъ съ улыбкой замѣтилъ: „онъ-де (т. е. я) очень хорошо знаетъ, что этого сдѣлать нельзя".

Во мнѣ же слова князя Долгорукова породили убѣжденіе, что его благородная натура не способна была къ роли политическаго сыщика-инквизитора.

Основаніемъ этому обвиненію послужило слѣдующее обстоятельство. У меня несчастная привычка фланировать и вступать въ разговоры съ лицами знакомыми и незнакомыми, но охотниками поболтать. Въ то время привычка такая, какъ я узналъ по опыту, вела къ большой опасности. Есть у меня еще и другая не менѣе несчастная и не менѣе опасная привычка думать вслухъ.

Однажды, дѣйствительно, я торговался съ извозчикомъ; онъ запросилъ тридцать копеекъ, я же убѣждалъ его довольствоваться двадцатью. Желая отстоять свою цѣну, извозчикъ приводилъ то обстоятельство, что онъ обязанъ платить оброкъ барину. На это я въ шутку отвѣтилъ: „ну, ужъ лучше на этотъ разъ ты барину оброкъ убавь, а съ меня возьми двадцать копеекъ". Извозчикъ, хотя и согласился, но, ѣдучи со мной, все жаловался на значительность оброка, при чемъ сказалъ: „некому за насъ заступиться, Богъ высоко, Царь далеко". Въ это время я задумался и, по обыкновенію, сталъ думать вслухъ: „Вотъ французы, нѣмцы и прочіе нехристи свободны, а православные русскіе въ рабствѣ".

Этотъ случай я разсказалъ у Петрашевскаго, а мой разсказъ подслушалъ Антонелли и донесъ, куда слѣдуетъ, конечно, съ добавленіями и извращеніями собственнаго изобрѣтенія.

Въ слѣдственной комиссіи я разсказалъ откровенно, какъ было дѣло, не знаю повѣрили мнѣ, или нѣтъ, но послѣ ни въ слѣдственной комиссіи, ни въ судебной объ этомъ эпизодѣ не упоминалось.

Допросъ кончился, и князь Гагаринъ, послѣ сдѣланнаго мнѣ еще разъ увѣщанія раскаяться и чистосердечно сознаться, велѣлъ мнѣ удалиться. Я опять съ полковникомъ Яблонскимъ и инвалидомъ отправился въ равелинъ.

Недѣли, кажется, черезъ двѣ, а можетъ быть, и больше, хорошо не помню, тотъ же полковникъ привелъ меня опять въ ту же квартиру въ

крѣпости. Въ прежней комнатѣ я засталъ тотъ же, что и прежде, составъ комиссіи.

Мнѣ дали листъ бумаги, на которомъ послѣ обыкновенныхъ вопросовъ о моей фамиліи, званіи, вѣроисповѣданіи и т. д. были написаны тѣ же вопросы, которые прежде мнѣ были дѣланы словесно, велѣли садиться и отвѣчать.

Я сѣлъ за столъ между генераломъ Дубельтомъ и княземъ Долгоруковымъ.

Когда я сталъ читать вопросы и взялся за перо, чтобы писать отвѣты, я былъ до того взволнованъ и мои нервы были такъ потрясены что, вѣроятно, это отражалось на моемъ лицѣ, потому что генералъ Дубельтъ началъ меня успокаивать и посовѣтовалъ быть похладнокровнѣе и обдумывать свои отвѣты.

Этотъ, можетъ быть, ничтожный знакъ, не говорю участья, но просто человѣческаго отношенія къ обвиняемому, ободрилъ меня нѣсколько, и я, замѣтивъ себѣ внутренно, что стыдно быть малодушнымъ, сталъ писать отвѣты.

Здѣсь замѣчу, что, кромѣ того, что чувствую благодарность къ генералу Дубельту за такое его со мной обращеніе, но долженъ сказать еще, что память его подвергается часто незаслуженному нареканію. Я знаю нѣсколько случаевъ, въ которыхъ онъ сдѣлалъ всевозможныя облегченія политическимъ обвиненнымъ и не знаю ни одного случая, чтобы онъ погубилъ кого-либо. Конечно, онъ былъ не герой добродѣтели, но спрашивается много ли такихъ героевъ?

На вопросы письменные я далъ дословно тѣ же отвѣты, что и на словесные.

Но прежде чѣмъ отпустить, генералъ Ростовцевъ сдѣлалъ какое-то замѣчаніе на счетъ моей дѣятельности, какъ преподавателя въ военно-учебныхъ заведеніяхъ. На это замѣчаніе, котораго я не разслышалъ, генералъ Дубельтъ вполголоса сказалъ: „ему ли учить русскихъ дѣтей!“

Повторяю, я замѣчанія генерала Ростовцева не разслышалъ, но мнѣ послышались слова въ родѣ потрясенія основъ, превратныхъ толкованій и т. п. По поводу этого замѣчанія я, какъ это объясню ниже, въ моихъ письменныхъ отвѣтахъ сдѣлалъ одинъ промахъ, за который я, какъ юристъ, крѣпко себя упрекаю. Именно: я забѣжалъ впередъ, отвѣчалъ на то, о чемъ меня не спрашивали.

Надо замѣтить, что тогдашніе консерваторы и охранители, особенно высшіе члены чиновничьей олигархіи, были очень напуганы всѣми тогдашними движеніями, проявившимися уже въ Вѣнѣ и Берлинѣ и вызвавшими памятное „съ нами Богъ, разумѣйте, языцы и покоряйтесь“, боялись

крестьянской даже жакеріи. А ужъ всѣ эти политико-экономическія и соціальныя разсужденія о трудѣ, капиталѣ, рабочемъ вопросѣ, пролетаріатѣ, и т. д. этимъ господамъ, получившимъ образованіе въ прежнихъ корпусахъ и семинаріяхъ, рѣшительно не лѣзли въ голову.

Какъ я, такъ всѣ, кого я встрѣчалъ у Петрашевскаго, занимались преимущественно вопросами политико-экономическими. Сверхъ того, я въ особенности, какъ убѣжденный послѣдователь ученья Фурье, политикой въ собственномъ смыслѣ не интересовался вовсе и въ особенности къ формѣ правленія былъ совершенно равнодушенъ.

Поступивъ преподавателемъ статистики въ Дворянскій полкъ и второй корпусъ, я старался исполнить программу преподаванія добросовѣстно. Програмы по всѣмъ предметамъ для корпусовъ были выработаны особой комиссіей и утверждены Николаемъ Павловичемъ. Утвердивъ эти програмы, Государь добавилъ: „Вмѣнить въ обязанность преподающимъ, чтобы они непремѣнно преподавали предметы такъ, чтобы ученіе прежде всего служило средствомъ развитія учащихся“.

Соображая мое преподаваніе съ этой програмой, я прежде всего заботился о томъ, чтобы передать научные факты истинно, не дѣлалъ самъ отъ себя никакихъ заключеній, а предоставлялъ выводить ихъ логически самимъ ученикамъ. Конечно, я не защищалъ софистовъ консервативно-буржуазной школы Молинари, Бастіа и другихъ, но и не нападалъ на нихъ, зная очень хорошо, что, сравнивъ ихъ мысленно съ изложенными ими законами общественной жизни, мои слушатели сами оцѣнятъ ихъ по достоинству.

Все это я желалъ объяснить генералу Ростовцеву, наивно полагая, что онъ пойметъ это. Объяснить это я желалъ тѣмъ болѣе, что на третій годъ моего преподаванія я получилъ отъ благосклонныхъ, хотя мнѣ незнакомыхъ лицъ, предостереженія насчетъ скользкости пути, по которому слѣдовалъ, и даже дружескія замѣчанія насчетъ моей методы наставника-наблюдателя по Дворянскому полку.

Я желалъ объясниться тутъ же въ комиссіи, но князь Гагаринъ сказалъ:

— Ступайте на ваше мѣсто, вамъ дадутъ 12 листовъ бумаги, напишите полное сознаніе—вамъ же лучше будетъ.

Такъ я ушелъ и дѣйствительно написалъ, но что—уже не помню, скажу только, что я не извинялся, не сознавался, а тѣмъ болѣе не просилъ прощенія, только юридически защищался. Худо было только то, что я защищался противъ того, о чемъ меня не спрашивали, объясняя мое преподаваніе въ корпусахъ. Кажется, я до того былъ наивенъ, что хотѣлъ обратить допрашивающій меня Синедріонъ въ ученіе Фурье.

Меня опять отвели въ равелинъ. Прошли долгіе и скучные дни, въ которые я не разъ вспоминилъ стихъ изъ слова о полку Игоревѣ: „долго ночь меркнетъ".

Наконецъ, въ концѣ, кажется, іюля, противъ обыкновенія, мнѣ принесли мое платье днемъ и велѣли одѣваться. Мы опять пошли съ полковникомъ Яблонскимъ въ крѣпость. Меня ввели въ какой-то домъ, въ большую залу. Тамъ я замѣтилъ множество, какъ ихъ называлъ мой проводникъ, „вельможъ", изъ которыхъ я зналъ въ лицо одного лишь графа Строганова, а посреди нихъ, на возвышеномъ нѣсколько сѣдалищѣ, какого-то „вельможу" въ казачьемъ облаченіи, съ лежащей передъ нимъ бѣлой папахой. Впослѣдствіи я узналъ, что это былъ генералъ Перовскій, совершавшій побѣдоносный походъ въ Хиву.

Посреди залы стоялъ небольшой, покрытый сукномъ столикъ, похожій на аналой. На столикѣ лежало объемистое „дѣло", а возлѣ столика стоялъ аудиторъ съ Владимирскимъ крестомъ на шеѣ.

Аудиторъ развернулъ дѣло и сталъ читать; я замѣтилъ только, что „открывшихся злоумышленниковъ Государь Императоръ велѣлъ судить по полевому уложенію".

Чтеніе продолжалось едва нѣсколько минутъ. Когда аудиторъ остановился, генералъ Перовскій предложилъ мнѣ подписать что-то и указалъ рукою въ сторону.

Я пошелъ по указанному направленію и замѣтилъ подъ стѣною другой аналой, на которомъ лежала кипа написанной бумаги, разрѣзанной въ четверть листа, стояла чернильница и лежало нѣсколько перьевъ.

Я взялъ одинъ изъ листовъ; на немъ было написано: „Я, ниже подписавшійся, симъ свидѣтельствую, что ничего не могу привести въ свое оправданіе".

Генералъ Перовскій, видя, что я стою въ недоумѣніи, сказалъ: „Подпишите".

На это я возразилъ, что „подписать этой бумаги я не могу, такъ какъ не знаю даже, въ чемъ меня обвиняютъ; самъ же я виновнымъ себя не признаю".

Генералъ Перовскій аудитору: „Прочитайте". Ко мнѣ: „Да, вы должны признать себя виновнымъ въ томъ, о чемъ васъ спрашивали въ слѣдственной комиссіи".

Я отвѣчалъ, что ничего не помню, что было въ комиссіи.

Генералъ Перовскій опять къ аудитору: „Прочитайте".

Аудиторъ начинаетъ что-то бормотать, но вдругъ останавливается.

Генералъ Перовскій снова настоятельно требуетъ, чтобы я подписалъ, но я твердо отказываюсь.

Наконецъ, утомленный и раздраженный этою незаконною настойчивостью, я подошелъ къ аналою и на одной изъ бумагъ написалъ: „Я, нижеподписавшійся, симъ объявляю, что никогда злоумышленникомъ не былъ и никакой вины за собой не признаю“.

Тогда генералъ Перовскій, обращаясь ко мнѣ съ невыразимо язвительной улыбкой, сказалъ на прощанье: „Такъ вы не виноваты? Въ такомъ случаѣ ступайте и спите спокойно“. (Дословно).

Я не сомнѣваюсь, что это мое энергическое отрицаніе своей виновности было единственнымъ поводомъ того, что 4-хъ лѣтній срокъ каторжной работы (который мнѣ благоволилъ назначить генералъ-аудиторіатъ) былъ всемилостивѣйше замѣненъ шестилѣтнимъ. Въ этомъ отрицаніи я вижу также причину того, что мнѣ въ Сибири уже было прочитано слѣдующее: „Воля Государя Императора есть, чтобы преступникъ Ястржембскій былъ въ полномъ смыслѣ каторжнымъ арестантомъ“, вслѣдствіе чего поручено было окружному стряпчему въ Тарѣ ежемѣсячно свидѣтельствовать меня и наблюдать за исполненіемъ этого повелѣнія. Вслѣдствіе той же, я полагаю, причины, когда года черезъ два сестра моя подала было прошеніе о смягченіи моей участи, ей велѣно было отвѣтить, что „такой преступникъ, какъ Ястржембскій, не можетъ ожидать никакого помилованія“. Да и послѣ возвращенія изъ Сибири, когда уже всѣ мои товарищи по дѣлу Петрашевскаго были въ Петербургѣ, я скитался въ провинціи, подъ надзоромъ полиціи 18 лѣтъ.

Такъ кончилась эта судебная комедія, и я просидѣлъ въ Алексѣевскомъ равелинѣ до извѣстной траги-комедіи на плацу въ Семеновскомъ полку.

Добавлю, что изъ вѣрнаго источника я слышалъ, что судебная комиссія рѣшила: по недостатку доказательствъ отъ отвѣтственности насъ освободить. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что въ дѣлѣ о состоящихъ подъ надзоромъ лицахъ (которое было у меня въ рукахъ) о рѣшеніи этой комиссіи не сказано ни слова. Да впрочемъ, и передавать рѣшеніе этой комиссіи на ревизію генералъ-аудиторіата не предстояло никакого юридическаго основанія, такъ какъ спеціальная судебная комиссія, назначенная по Высочайшему именному повелѣнію, если ее и не считать верховной (которой она, однако, имѣла всѣ атрибуціи), все-таки іерархически была выше генералъ-аудиторіата.

Еще двѣ характерныя подробности.

Когда изъ судебной комиссіи я возвратился въ равелинъ, я спросилъ у полковника Яблонскаго: нельзя ли мнѣ достать экземпляръ полевого уложенія?

На этотъ вопросъ въ единственномъ глазѣ сего почтеннаго стража

отразилось столько удивленія и недоумѣнія, что его достаточно было бы для освѣщенія нѣсколькихъ десятковъ глазъ.

— На что вамъ уложеніе?

— Да вѣдь меня,—сказалъ я,—будутъ судить по этому уложенію...

— Не нужно вамъ уложенія... Начальство само знаетъ, какъ судить...

Дуровъ говорилъ мнѣ, что князь Гагаринъ при допросѣ спрашивалъ его: называлъ ли Ястржембскій государя богдыханомъ, и правда ли, что онъ дурно отзывался о нѣкоторыхъ высокопоставленныхъ лицахъ?

Когда Дуровъ отрицалъ это, князь Гагаринъ сказалъ:

— Convenez qu'il a dit cela par esprit de causticite...

Онъ добавилъ:

— Впрочемъ, все равно: ему и такъ не миновать Сибири.

Дуровъ сказалъ еще князю, что я только разъ какъ-то сказалъ, что дѣйствительные тайные совѣтники часто вслѣдствіе старости выживаютъ изъ ума.

Вотъ какіе въ то время были слѣдствія и суды!

Кончу торжественнымъ заявленіемъ, что все здѣсь разсказанное вполнѣ истинно и всѣ разговоры до малѣйшей подробности вѣрны.

И. Ястржембскій.

1883 г., 6 мая.
Петербургъ.

Письма Карла Маркса и Фридриха Энгельса къ Николаю—ону.

Объяснительная замѣтка.

Первый томъ „Капитала" Карла Маркса появился въ 1867 году. Трудъ этотъ произвелъ такое сильное впечатлѣніе на Николая—она, что онъ тогда же сталъ подыскивать возможность познакомить съ нимъ русскую публику. Нѣкоторые изъ тогдашнихъ издателей, къ которымъ онъ обращался, соглашались издать, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы Николай—онъ нашелъ свѣдущаго переводчика. Въ то время, какъ, впрочемъ, и теперь, задача была не изъ легкихъ. Послѣ долгихъ поисковъ, сдѣлать переводъ этого труда было предложено очень извѣстной личности, о которой въ то время въ образованныхъ кругахъ русскаго общества сложилось мнѣніе, какъ о человѣкѣ знающемъ, высоко образованномъ. Если къ этому прибавить, что это лицо въ то время очень нуждалось и бѣдствовало, то, казалось, что наиболѣе подходящаго переводчика трудно было отыскать. Получивъ предложеніе, это лицо сразу, безъ всякихъ оговорокъ согласилось приняться за работу.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ была доставлена рукопись перевода небольшой части первой главы „Капитала". По ознакомленіи съ нею, оказалось, что переводъ плохъ, между тѣмъ именно первая глава, наиболѣе трудная для пониманія, требовала наибольшей точности, наибольшей ясности. Присылкою перевода нѣсколькихъ страницъ первой главы, которыми такъ и не пришлось воспользоваться, дѣло съ этимъ переводчикомъ закончилось, такъ какъ самъ переводчикъ вскорѣ отказался—черезъ своихъ друзей—отъ продолженія предпринятой имъ работы при обстоятельствахъ, о которыхъ упоминаетъ Марксъ въ одномъ изъ своихъ писемъ. Такимъ образомъ пришлось искать другого переводчика, по возможности болѣе свѣдущаго.

Вскорѣ послѣ этого, въ началѣ 1870 года, въ Лондонѣ поселился

Германъ Александровичъ Лопатинъ. Онъ еще ничѣмъ не заявлялъ себя въ то время какъ переводчикъ, но выборъ остановился на немъ какъ на человѣкѣ, очень строго относящемся къ работѣ, которую ему приходилось брать на себя. А онъ съ своей стороны взялся за переводъ, разсчитывая въ трудныхъ случаяхъ на помощь Маркса, съ которымъ онъ познакомился, и съ которымъ у него установились вскорѣ очень близкія и сердечныя отношенія.

Первая глава „Капитала" (въ послѣдующихъ изданіяхъ первый отдѣлъ), наиболѣе трудная для пониманія, особенно въ первомъ изданіи, для лучшаго усвоенія русскимъ читателемъ, требовала, по мнѣнію Г. А. Лопатина, полнѣйшей переработки. Съ этимъ мнѣніемъ согласился Марксъ, обѣщавъ произвести эту работу; поэтому Г. А. Лопатинъ началъ переводъ со второй главы (въ послѣдующихъ изданіяхъ второй отдѣлъ).

Между тѣмъ дѣятельность Маркса по организаціи Международнаго Союза Рабочихъ (International), по управленію его дѣлами отвлекла его отъ научныхъ занятій, и онъ долго не могъ осуществить своего намѣренія.

Принявшись за переводъ „Капитала", Г. А. Лопатинъ во многихъ случаяхъ для выясненія себѣ облика цитируемаго Марксомъ писателя, отправлялся въ библіотеку британскаго музея и тамъ по подлиннику знакомился съ тѣмъ или другимъ изъ авторовъ, на которыхъ ссылался Марксъ. Ему случалось подмѣчать у этихъ авторовъ еще большую путаницу понятій противъ той, которую отмѣчалъ у нихъ Марксъ. Въ такихъ случаяхъ Марксъ принималъ замѣчанія Г. А. Лопатина къ свѣдѣнію и дѣлалъ соотвѣтственныя добавленія. Примѣромъ можетъ служить добавленіе, которое онъ сдѣлалъ къ 32-й выноскѣ второго отдѣла (186—187 стр. 4-го нѣмецкаго изданія) по поводу путаницы понятій Senior'a (русскій переводъ стр. 177). Это добавленіе впервые появилось именно въ русскомъ изданіи: оно было прислано въ приложеніи къ одному изъ писемъ Маркса. Иногда Г. А. Лопатинъ находилъ, что изложеніе автора можетъ ввести читателя въ заблужденіе и дѣлалъ въ этомъ мѣстѣ перевода соотвѣтственную выноску, о чемъ сообщалъ Марксу. Марксъ съ нимъ въ этомъ соглашался и въ послѣдующихъ изданіяхъ оригинала въ соотвѣтственномъ мѣстѣ появлялась такая же выноска (4-ое изданіе оригинала стр. 179, Note zur 2 Ausgabe; русскій переводъ 3-е изданіе стр. 170; въ первомъ изданіи перевода эта выноска отмѣчена какъ *примѣчаніе переводчика*).

Изъ этого видно, насколько добросовѣстно отнесся переводчикъ къ своей работѣ и насколько вникъ въ смыслъ идей переводимаго автора. Къ сожалѣнію, переведя треть перваго тома, начиная со второй главы (второго отдѣла послѣдующихъ изданій), Г. А. Лопатинъ вынужденъ былъ

бросить дальнѣйшій переводъ, такъ какъ взялся за дѣло болѣе, по его мнѣнію, неотложное и важное.

Пришлось въ третій разъ искать переводчика. Послѣ долгихъ поисковъ, не найдя подходящаго человѣка, Н.—ону пришлось волей-неволей взять трудъ перевода (кромѣ части первой главы, переведенной другимъ лицомъ) на себя, при чемъ Г. А. Лопатинъ свою работу предоставилъ ему въ полную собственность. Въ мартѣ 1872 года появилось первое изданіе русскаго перевода „Капитала".

Въ то время, когда за переводъ „Капитала" взялся первый переводчикъ, а не Г. А. Лопатинъ, Николай—онъ обратился къ Марксу съ письмомъ, въ которомъ, сообщая ему о предстоящемъ выходѣ русскаго перевода его труда, просилъ его въ то же время сообщить біографическія свѣдѣнія о себѣ и библіографическія данныя о своихъ работахъ для того, чтобы помѣстить эти свѣдѣнія въ предисловіи къ русскому переводу „Капитала".

Въ отвѣтъ Николай—онъ получилъ отъ Маркса письмо, часть котораго помѣщена въ предисловіи къ русскому изданію. Этимъ началась переписка, которая съ болѣе или менѣе значительными перерывами продолжалась до кончины Маркса.

Какъ посмотрѣлъ Марксъ на сообщеніе о предпринятомъ изданіи русскаго перевода „Капитала", можно видѣть изъ письма его къ одному изъ его друзей, Л. Кугельману, отъ 12 октября 1868 года. Въ этомъ письмѣ Марксъ, между прочимъ, пишетъ: „На дняхъ одинъ петербургскій книгопродавецъ [1]) удивилъ меня сообщеніемъ, что въ настоящее время печатается русскій переводъ „Капитала". Онъ просилъ при этомъ мою фотографію, чтобы приложить къ книгѣ снимокъ съ нея. Въ такой бездѣлицѣ я не могъ отказать моимъ добрымъ друзьямъ русскимъ. Не иронія ли это судьбы, что русскіе, на которыхъ вотъ уже лѣтъ 25 какъ я непрерывно нападалъ и притомъ не только на нѣмецкомъ, но также и на французскомъ и англійскомъ языкахъ, постоянно „благоволили" ко мнѣ. Въ 1843—1844 годахъ въ Парижѣ тамошніе русскіе аристократы носили меня на рукахъ. На мое сочиненіе противъ Прудона [2]), а также на книгу, вышедшую у Дункера (1859) [3]) нигдѣ не нашлось большаго сбыта, чѣмъ въ Россіи. И первая чужая нація, переведшая „Капиталъ", это русская. Но этому большого значенія придавать нельзя. Русская аристократія воспитывается въ юности въ нѣмецкихъ университетахъ и въ Парижѣ. Она всегда

---

[1]) Не зная условій книгоиздательства въ Россіи, Марксъ принялъ Николая—она за книгопродавца.

[2]) „Misère de la Philosophie" etc. 1847.

[3]) Zur Kritik der Politischen Oekonomie.

хватается за самое крайнее, что даетъ западъ. Это такіе же сластёны, какими была часть французскихъ аристократовъ въ 18 вѣкѣ. Ce n'est pas pour les tailleurs et les bottiers (это не для портныхъ и не для сапожниковъ), говорилъ въ то время Вольтеръ о своей собственной просвѣтительной дѣятельности. Это нисколько не мѣшаетъ тѣмъ же самымъ русскимъ, тотчасъ по поступленіи на государственную службу, становиться негодяями". (Die Neue Zeit, Band 2, 1902, стр. 224).

Первыя письма Маркса относятся, главнымъ образомъ, къ изданію русскаго перевода „Капитала". Марксъ намѣревался переработать первую главу (первый отдѣлъ) для послѣдующихъ изданій оригинала и думалъ, что въ русскомъ изданіи можно будетъ помѣстить ее уже въ обновленномъ и болѣе удобопонятномъ изложеніи. Но этому намѣренію помѣшала осуществиться его практическая дѣятельность по организаціи Интернаціонала и пропагандѣ его задачъ,—такъ что первую главу въ русскомъ изданіи пришлось помѣстить въ томъ же видѣ, какъ и въ первомъ нѣмецкомъ.

Затѣмъ, послѣ ознакомленія съ русскими хозяйственными условіями развитія, передъ Марксомъ явилось новое освѣщеніе изслѣдуемыхъ вопросовъ. Изучая русскую хозяйственную жизнь, онъ имѣлъ возможность наблюдать формы докапиталистическаго производства, а также возникновеніе и развитіе производства капиталистическаго и вмѣстѣ съ тѣмъ переходныхъ къ нему формъ. Николай—онъ посылалъ ему все существенное, что выходило въ то время по этому вопросу въ Россіи. На первомъ планѣ находились, конечно, земскіе статистическіе сборники, начиная съ классическаго труда Вас. Ив. Орлова по крестьянскому хозяйству московской губерніи. Н.—онъ имѣлъ при этомъ кромѣ того въ виду, что использованіе этого огромнаго, прекрасно разработаннаго статистическаго матеріала поможетъ фактическому подтвержденію нѣкоторыхъ основныхъ положеній „Капитала", а также установленію генезиса прибавочной стоимости въ капиталистической ея формѣ путемъ изслѣдованія переходныхъ ея формъ отъ барщины, черезъ испольщину, отработки, къ арендѣ. То же самое въ обрабатывающей промышленности доставляютъ данныя о кустарныхъ промыслахъ и т. п. Независимо отъ этого, у Н.—она была въ то же время надежда, что будетъ, наконецъ, съ научной цѣлью использованъ огромный трудъ сотенъ земскихъ работниковъ, что данныя, полученныя ими, явятся звеньями цѣпи, связывающей все общественное хозяйство въ одно цѣлое, и этимъ самымъ не только освѣтятъ ходъ нашего хозяйственнаго развитія, но, кромѣ того, покажутъ самимъ земскимъ изслѣдователямъ то, что есть наиболѣе существеннаго въ ихъ работѣ, что относительно мало существенно и чего въ нихъ, быть можетъ, не хватаетъ.

Къ величайшему сожалѣнію, всѣ эти надежды не осуществились.

Вся огромная работа Маркса по изученію матеріаловъ русской хозяйственной жизни пропала даромъ для науки. Второй и третій томы „Капитала" появились въ томъ видѣ, какъ они были написаны въ 60-хъ гг. Русскіе матеріалы 70-хъ годовъ остались неиспользованными... Въ кружкѣ интимныхъ друзей Маркса Н.—ону ставили въ вину то, что онъ присылками русской хозяйственной литературы отдаляетъ время появленія второго и третьяго томовъ „Капитала", такъ какъ Марксъ слишкомъ увлекался, по мнѣнію его друзей, изученіемъ богатаго матеріала, который давала русская земская статистическая литература и другія русскія работы по общественно-хозяйственнымъ вопросамъ. [1])

По мѣрѣ знакомства съ этими матеріалами у Маркса возникали вопросы, для разрѣшенія которыхъ требовались новые матеріалы изъ другихъ областей хозяйственной жизни Россіи, за которыми онъ обращался къ Н.—ону. Такъ какъ Н.—онъ въ своихъ письмахъ по большей части сообщалъ Марксу результаты своихъ работъ по тѣмъ или другимъ экономическимъ вопросамъ, то Марксъ въ одномъ изъ писемъ просилъ Н.—она, „какъ занимающагося банкирскимъ дѣломъ" (Н.—онъ находился на службѣ въ одномъ кредитномъ учрежденіи), сообщить ему о положеніи русскаго государственнаго хозяйства.

Эта просьба заставила Н.—она приняться за болѣе систематическую работу, которая имѣла цѣлью, изучивъ всѣ главнѣйшія стороны общественно-хозяйственной жизни Россіи, въ томъ числѣ и источникъ финансовыхъ средствъ государства, показать ихъ взаимную зависимость и того двигателя, который приводитъ ее въ дѣйствіе, одушевляетъ ее.

Результатъ этой работы, скомбинированный въ цифровыя таблицы, Н.—онъ послалъ при объяснительномъ письмѣ Марксу. Эти таблицы и объясненіе ихъ были опубликованы на русскомъ языкѣ въ 1880 году подъ заглавіемъ *„Очерки нашего пореформеннаго общественнаго хозяйства"* („Слово", октябрь).

Въ письмахъ Маркса отъ 10-го апрѣля 1879 и 19-го февраля 1881 гг. рѣчь идетъ именно объ этой работѣ Николая—она.

II.

Переписка съ Энгельсомъ началась вскорѣ по кончинѣ Маркса. Поводомъ для нея послужили два обстоятельства. Во-первыхъ, предположеніе,

---

[1]) По словамъ Поля Лафарга, какъ-то Энгельсъ, смѣясь сказалъ Марксу: „Я бы съ удовольствіемъ сжегъ русскія изданія по земской сельско-хозяйственной статистикѣ, такъ какъ они вотъ уже сколько лѣтъ только мѣшаютъ тебѣ закончить „Капиталъ". (Die Neue Zeit, 29 Juli 1905, стр. 560).

что Энгельсъ издастъ переписку Маркса, поскольку ее можно будетъ собрать. Н.—онъ предложилъ Энгельсу переслать ему письма, полученныя имъ отъ Маркса. Во-вторыхъ, Николай—онъ изданіемъ перваго тома „Капитала" принялъ на себя передъ русской читающей публикой обязательство познакомить ее съ послѣдующими томами этого труда; чтобы имѣть возможность выполнить это обязательство, онъ обратился съ просьбой къ Энгельсу высылать листы оригинала второго тома по мѣрѣ ихъ отпечатанія. Энгельсъ съ величайшей готовностью исполнилъ его просьбу. Только вслѣдствіе этого было возможно опубликовать русскій переводъ второго тома „Капитала" въ томъ же году, когда онъ появился въ продажѣ въ оригиналѣ.

Затѣмъ, въ началѣ 90-хъ годовъ рѣчь зашла уже объ изданіи третьяго тома „Капитала".

Кромѣ того, предметомъ переписки съ Энгельсомъ, какъ и съ Марксомъ, послужила русская общественно-хозяйственная жизнь, развитіе русскихъ экономическихъ отношеній. Н.—онъ сообщалъ ему о разныхъ явленіяхъ русской хозяйственной жизни съ тою ихъ оцѣнкой, которая представлялась ему наиболѣе правильной.

Неурожай въ Россіи въ 1891 году и сопровождавшій его голодъ, безработица послужили для Н.—она поводомъ для сводки его наблюденій и изслѣдованій въ области общественно-хозяйственной жизни и для ознакомленія русской публики съ тѣми общественными условіями, которыя привели къ такому народному бѣдствію.

По мѣрѣ хода работъ, Н.—онъ сообщалъ Энгельсу факты и выводы, слѣдовавшіе, по его мнѣнію, изъ этихъ фактовъ. Эта работа Н.—она вышла отдѣльной книгой въ 1903 году подъ тѣмъ же заглавіемъ, какъ и начало работы, опубликованной въ 1880 году.

III.

Такъ какъ письма Маркса, а въ особенности Энгельса, касаются часто явленій русской хозяйственной жизни, о которыхъ имъ сообщалъ Н.—онъ; такъ какъ книга Н.—она составилась, главнымъ образомъ, изъ тѣхъ же матеріаловъ, какъ и письма къ Марксу и Энгельсу; наконецъ, въ виду того, что эта книга, опубликованная въ небольшомъ числѣ экземпляровъ, давно разошлась, и современные читатели съ нею не знакомы, то будетъ умѣстно, для пониманія нѣкоторыхъ писемъ Маркса и Энгельса, намѣтить, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ, главнѣйшіе результаты его работъ.

При сопоставленіи цифровыхъ данныхъ различныхъ отраслей общественно-хозяйственной жизни за цѣлый рядъ лѣтъ передъ Н.—ономъ об-

наружилась определенная закономѣрность этихъ явленій, ихъ взаимная зависимость: если абсолютныя цифры, относящіяся къ разнымъ сторонамъ этой жизни (урожаи; товарное и пассажирское движеніе по желѣзнымъ дорогамъ; банковая дѣятельность по пассивнымъ и активнымъ операціямъ, т. е. измѣненіе суммы вкладовъ въ банки, учетно-ссудная операція, переводъ денегъ, вклады на храненіе, сумма обращающихся денежныхъ знаковъ; вывозъ хлѣба за границу; суммы государственныхъ доходовъ; долги казны и долги казнѣ, и т. д., и т. д.), обратить въ относительныя, то окажется, что эти цифры измѣняются въ строгой взаимной зависимости.

Сопоставленіе тѣхъ же цифръ не по календарнымъ, а по хозяйственнымъ годамъ,—отъ жатвы до жатвы,—обнаружило не только такую же закономѣрность, но показало вмѣстѣ съ тѣмъ, что колебанія всѣхъ явленій общественно-хозяйственной жизни находятся въ непосредственной зависимости отъ величины урожая хлѣбовъ. Изъ сопоставленія всѣхъ этихъ явленій выяснилось, что, при существующихъ условіяхъ общественной жизни, хозяйственная политика, направленная не на развитіе сельско-хозяйственнаго производства (для этого необходимымъ условіемъ является всестороннее образованіе развитіе самодѣятельности населенія и т. д., и т. д.), а односторонне направленное на развитіе обращенія (постройка желѣзныхъ дорогъ, развитіе банковаго дѣла и т. д.), въ корнѣ подрываетъ благосостояніе огромнаго большинства населенія. Все это составило предметъ работы, появившейся въ 1880-мъ году.

Прошло десять лѣтъ. Въ продолженіе этого періода началось усиленное, изъ года въ годъ прогрессировавшее таможенное, покровительство крупной капиталистической промышленности, опять-таки за счетъ бѣднѣвшаго крестьянства. Послѣдствія не замедлили обнаружиться. Хозяйственная политика, которая получила преобладаніе со времени отмѣны крѣпостного права, привела, наконецъ, какъ это можно было предвидѣть, къ голоду 1891 года.

Народное бѣдствіе 1891 года слишкомъ глубоко потрясло все зданіе народнаго хозяйства, чтобы можно было остаться безучастнымъ къ нему и чтобы не явилось попытки его объясненія. Голодъ 1891 года и вызвавшіе его общественно-хозяйственныя причины составили предметъ дальнѣйшей работы Николая—она. Результатомъ этой работы вмѣстѣ съ предшествующей явилась въ 1893 году его книга „*Очерки пореформеннаго хозяйства*“. Въ этой второй части Н.—онъ, путемъ опять-таки сопоставленія соотвѣтственныхъ цифровыхъ данныхъ общественно-хозяйственной жизни, показалъ, что односторонняя поддержка капиталистическаго производства и обращенія при помощи таможенной охраны, а также при помощи податей и косвенныхъ налоговъ, падающихъ, главнымъ образомъ, на большинство

населенія, на крестьянство, въ корнѣ подрывала не только благосостояніе крестьянъ, но, при обѣдненіи ихъ, повела къ сокращенію рынка для продуктовъ капиталистической промышленности, подрывая дальнѣйшее развитіе ея и затѣмъ вела къ неизбѣжному кризису.

Н.—онъ постоянно имѣлъ въ виду, что въ наукѣ никакихъ абстрактныхъ, якобы научныхъ, законовъ не существуетъ. Онъ постоянно имѣлъ въ виду, что научный законъ есть „просто общее выраженіе или утвержденіе,—основывающееся на наблюденіи или опытѣ,—что опредѣленныя явленія или совокупность ихъ неизбѣжно влекутъ за собою опредѣленный результатъ. Научный законъ не есть внѣшняя реальность, а есть только наше мысленное отношеніе къ внѣшнимъ реальностямъ... Выраженіе *законъ природы*, *законъ экономическій* можетъ ввести въ заблужденіе, такъ какъ это выраженіе, напоминая о принудительности юридическаго закона, устанавливаемаго людьми, вызываетъ представленіе о какой-то волѣ, какомъ-то законодателѣ, о какой-то принудительности. Между тѣмъ какъ въ дѣйствительности принудительность надо искать не внѣ фактовъ, а въ нихъ самихъ, въ совокупности тѣхъ условій, при которыхъ они обнаруживаются какъ во времени, такъ и въ пространствѣ". („*Капиталъ I*". Предисловіе ко второму русскому изданію, стр. XXI—XXII).

На основаніи этихъ соображеній Николай—онъ имѣлъ въ виду выяснить условія возникновенія хозяйственнаго кризиса въ Россіи, такъ какъ по его изслѣдованію причины кризисовъ, какъ и каждаго изъ явленій общественной хозяйственной жизни страны, надо искать въ совокупности общихъ конкретныхъ хозяйственныхъ условій каждой данной страны въ отдѣльности, и что прилагать безъ всякаго отношенія къ такимъ конкретнымъ условіямъ схему кризисовъ Маркса, который излагалъ законы капиталистическаго строя, охватившаго уже всѣ отрасли хозяйственной дѣятельности страны, было бы логической ошибкой, такъ какъ въ Россіи, какъ и въ С. Американскихъ Штатахъ, земледѣльческая промышленность находится почти внѣ сферы капиталистическаго производства, подчиняясь въ то же время законамъ капиталистическаго обращенія. Абстрактный законъ можетъ обнаружиться только при совокупности тѣхъ условій, при которыхъ онъ подмѣченъ. Въ каждомъ конкретномъ случаѣ надо принимать въ расчетъ всѣ условія, какъ тѣ, при которыхъ онъ можетъ обнаружиться, такъ и тѣ, которыя затемняютъ его проявленіе. Можетъ оказаться, что въ наличности даже и совсѣмъ нѣтъ условій, при которыхъ проявляется тотъ или другой законъ.

Въ письмахъ къ Энгельсу Николай—онъ постоянно выставлялъ на видъ тѣ своеобразныя условія, при которыхъ течетъ общественно-хозяйственная жизнь Россіи. Оцѣнка этихъ условій въ нѣкоторыхъ случаяхъ у

Энгельса и Н.—она была разная. На этой почвѣ у нихъ возникъ обмѣнъ мнѣній, прерванный кончиною Энгельса.

Неурядица общественно-хозяйственныхъ отношеній, о которой шла рѣчь въ перепискѣ между Энгельсомъ и Николаемъ—ономъ, которая, обостряясь съ каждымъ годомъ, отражалась на всѣхъ классахъ населенія, подтачивая весь общественно-хозяйственный организмъ, неизбѣжно должна была рано или поздно изъ затяжной формы обратиться въ острую. Ускоренію этого поспособствовалъ внѣшній толчокъ. Этимъ толчкомъ явилась война съ Японіей, встряхнувшая всѣ слои населенія. Пораженіе Россіи, подготовлявшееся годами, вслѣдствіе не только задержки хозяйственнаго развитія большинства населенія, но его прогрессивнаго обѣднѣнія, заставило всѣ классы населенія, кромѣ незначительной части его, занимающей привилегированное положеніе,—подъ угрозою гибели государства, стремиться къ пересозданію общественной жизни на новыхъ началахъ, болѣе соотвѣтствующихъ общественно-хозяйственнымъ условіямъ государствъ, среди которыхъ приходится жить Россіи. Явленія общественной жизни послѣднихъ четырехъ лѣтъ (1904—1907 г.г.) наглядно, болѣзненно-осязательно подтвердили то, на что языкомъ нелицепріятныхъ цифръ съ такой очевидностью указывали явленія, пережитыя народомъ за сорокъ лѣтъ, слѣдовавшихъ за упраздненіемъ крѣпостного права. А потому про переживаемые нами дни можно съ полнымъ правомъ сказать вмѣстѣ съ Гамлетомъ: the time is out of joint...

Вновь возникшія общественно-хозяйственныя условія и совокупность ихъ настолько непреодолимы, что никакія силы не въ состояніи воспрепятствовать пересозданію общественныхъ отношеній, которыя основываются на нихъ и которыя требуются самою жизнью, ростомъ общественнаго организма.

По смерти Энгельса Н.—онъ обратился съ просьбой къ младшей дочери Маркса—Элеонорѣ, съ которою ему уже и раньше приходилось обмѣниваться письмами, съ просьбою присылать для перевода листы оригинала 4-го тома „Капитала", по мѣрѣ ихъ отпечатыванія. Отвѣтнымъ письмомъ Элеоноры Марксъ-Эвелингъ заканчивается рядъ публикуемыхъ писемъ.

Отъ редакціи.

Въ печатаемыхъ ниже письмахъ Маркса попадаются очень рѣзкія сужденія о М. А. Бакунинѣ по поводу инцидента съ переводомъ „Капитала" и раскола Интернаціонала. Передавая намъ эти письма, Николай—онъ совѣтовалъ выбросить этотъ инцидентъ и всѣ рѣзкости, и въ своемъ поясни-

тельномъ вступленіи онъ не назвалъ даже по имени перваго переводчика. Но мы смотримъ на эти письма, какъ на историческіе документы, не подлежащіе вообще произвольнымъ сокращеніямъ. Къ тому же инцидентъ этотъ, обсуждавшійся въ свое время въ секретномъ засѣданіи одной изъ комиссій Гаагскаго конгресса Интернаціонала, попалъ впослѣдствіи на страницы европейскихъ и русскихъ (заграничныхъ) газетъ, а потому давно не составляетъ тайны. Что же касается до пристрастности сужденій, легковѣрныхъ подозрѣній и рѣзкости выраженій по отношенію къ партійнымъ врагамъ (особенно въ частныхъ письмахъ), то явленіе это, къ сожалѣнію, слишкомъ общеизвѣстно и обычно, и о вещахъ такого рода нужно судить, считаясь съ историческимъ моментомъ, обстоятельствами времени и крайнимъ возбужденіемъ противныхъ сторонъ въ періодѣ горячей партійной борьбы на жизнь и на смерть. Вотъ почему мы печатаемъ нижеслѣдующія письма безъ всякихъ выпусковъ.

Предшествующая объяснительная замѣтка писана, по нашей просьбѣ Николаемъ—ономъ, къ которому были адресованы эти письма, а переводъ самихъ писемъ сдѣланъ Г. А. Лопатинымъ.

I.

ПИСЬМА МАРКСА.

1.

1, Modena Villas, Maitland Park
London N. W.
7 октября 1868.

Милостивый государь!

Въ отвѣтъ на ваше письмо могу сообщить слѣдующее:

1) Вамъ не слѣдуетъ дожидаться второго тома, такъ какъ появленіе его, быть можетъ, замедлится еще мѣсяцевъ на шесть. Я не могу изготовить его для печати до окончанія и появленія въ свѣтъ нѣкоторыхъ официальныхъ разслѣдованій (enquêtes), предпринятыхъ въ теченіе прошлаго и позапрошлаго (1866, 1867) годовъ во Франціи, въ С. А. Соединенныхъ Штатахъ и въ Англіи. Къ тому же первый томъ представляетъ собою законченное цѣлое.

2) Соціалистической литературы въ С. А. Соединенныхъ Штатахъ не существуетъ; тамъ имѣются только рабочія газеты.

3) Прилагаю, по вашей просьбѣ, мою фотографію [1]).

4) Что касается до моихъ сочиненій, писанныхъ на разныхъ языкахъ и вышедшихъ въ свѣтъ въ различныхъ мѣстахъ, то я и самъ не имѣю полнаго собранія ихъ. Большинства ихъ уже не находится болѣе въ продажѣ. Итакъ, не имѣя возможности удовлетворить вашему желанію по этому пункту—La plus belle fille de France ne peut donner, que ce qu'elle a—[2]) я принужденъ ограничиться коротенькой замѣткой о моей литературно-политической дѣятельности, которой вы можете воспользоваться для предисловія къ вашему переводу.

Д-ръ Карлъ Марксъ родился въ Трирѣ (Рейнская Пруссія) въ 1818 году.

1842—43: Главный редакторъ **Рейнской Газеты** (Rheinische Zeitung) въ Кельнѣ. Эта газета насильственно закрывается прусскимъ правительствомъ. Марксъ переселяется въ Парижъ и издаетъ тамъ (1844), совмѣстно съ Арнольдомъ Руге, **Нѣмецко-Французскія Лѣтописи** (Deutsch-Französische Jahrbücher). Въ концѣ 1844 года Гизо изгоняетъ Маркса изъ Франціи, вслѣдствіе чего Марксъ переселяется въ Брюссель и издаетъ оттуда, совмѣстно съ Энгельсомъ, **Святое Семейство или Критика критической критики противъ Бруно Бауэра „съ товарищи"**. (Франкфуртъ-на-Майнѣ, 1845). Это сочиненіе—также какъ и статьи Маркса въ **Нѣмецко-Французскихъ Лѣтописяхъ**—направлено противъ идеологическаго мистицизма гегелевской и вообще спекулятивной философіи. Затѣмъ, изъ Брюсселя же были выпущены Марксомъ: **Нищета Философіи. Отвѣтъ на Философію Нищеты П. Ж. Прудона.** (Брюссель и Парижъ, 1847).—**Разсужденіе о свободѣ торговли** (Брюссель, 1847) и, наконецъ, въ началѣ 1848 г., совмѣстно съ Фридрихомъ Энгельсомъ: **Манифестъ Коммунистической Партіи** (Лондонъ).

Вслѣдъ за взрывомъ февральской революціи, Маркса почти тотчасъ изгоняютъ изъ Бельгіи, но въ то же время онъ получаетъ приглашеніе отъ временнаго французскаго правительства вернуться во Францію, вслѣдствіе чего онъ отправляется въ Парижъ, а въ апрѣлѣ 1848 переселяется въ Кельнъ, гдѣ издаетъ **Новую Рейнскую Газету** (Neue Rheinische Zeitung) съ іюня 1848 по май 1849.

Тамъ же выпущены имъ:

Два политическихъ процесса (Кельнъ, 1849). Эта брошюра содержитъ изложеніе судебной процедуры и защитительныя рѣчи Маркса. Въ первомъ изъ этихъ процессовъ Марксъ обвинялся въ оскорбленіи королев-

---

[1]) Приложить портретъ Маркса къ русскому переводу „Капитала" цензура не разрѣшила.

[2]) Самая красивая дѣвушка во всей Франціи не можетъ дать болѣе того, что у нея есть.

скаго прокурора, а во второмъ—послѣ прусскаго государственнаго переворота (Мантейфель)—за призывъ къ возстанію. Въ обоихъ случаяхъ присяжные вынесли Марксу оправдательный приговоръ. Однако, въ маѣ 1849 г., **Новая Рейнская Газета** закрывается прусскимъ правительствомъ, а Марксъ изгоняется изъ предѣловъ Пруссіи, вслѣдствіе чего онъ отправляется снова въ Парижъ, но, будучи снова изгнанъ изъ Франціи, переселяется въ концѣ октября 1849 въ Лондонъ, гдѣ живетъ и понынѣ и откуда имъ были издаваемы:

Новая Рейнская Газета. Политико-Экономическое обозрѣніе (Гамбургъ и Нью-Іоркъ, 1850).

Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта (Нью-Іоркъ, 1852).

Разоблаченія касательно коммунистическаго процесса въ Кельнѣ (1853). Два изданія—одно въ Базелѣ, а другое въ Бостонѣ.

Летучіе листки противъ лорда Пальмерстона (Лондонъ, Бирмингамъ и Глазго, 1853—1854).

Къ критикѣ политической экономіи (Берлинъ, 1859).

Господинъ Фогтъ (Лондонъ, 1860).

1851—1861. Рядъ статей на англійскомъ языкѣ въ американскихъ періодическихъ изданіяхъ: New-York Tribune, Putnam's Review и New-American Cyclopaedia.

1864. Учредительная программа „Международнаго Союза Рабочихъ" (International Workingmen's Association), изданная подъ названіемъ **Воззваніе къ рабочему люду Европы**, а также **уставъ** этого союза, окончательно принятый позже (1866) на Женевскомъ конгрессѣ Международнаго Союза Рабочихъ.

Съ тѣхъ поръ Марксъ состоитъ непрерывно членомъ **Главнаго Совѣта** (General Council) этого Союза, а также секретаремъ совѣта для Германіи.

1867. **Капиталъ** и пр.

Преданный вамъ

Карлъ Марксъ.

2.

13 іюня 1871. Лондонъ.

Многоуважаемый!

Я съ удовольствіемъ займусь переработкой „первой главы" [1]), но я не могу приступить къ этому дѣлу ранѣе, чѣмъ черезъ двѣ недѣли. Вслѣдствіе восьминедѣльной болѣзни у меня накопилось много работъ, которыя должны быть исполнены прежде всего другого. Тогда же пришлю вамъ и списокъ разныхъ мелкихъ исправленій.

---

[1]) Капиталъ, т. I.

Что касается до продолженія моего труда, то сообщеніе нашего друга есть результатъ какого-то недоразумѣнія. Я нахожу необходимой полную переработку первоначальной рукописи. Къ тому же мнѣ не хватало до настоящей минуты нѣкоторыхъ необходимыхъ документовъ, которые, однако, должны же придти въ концѣ концовъ изъ С.-А. Соединенныхъ Штатовъ.

Нашъ другъ *долженъ вернуться въ Лондонъ* изъ своей торговой поѣздки. Корреспонденты той фирмы, отъ которой онъ разъѣзжаетъ, пишутъ мнѣ по временамъ изъ Швейцаріи и изъ другихъ мѣстъ. Все дѣло *рухнетъ*, если онъ отложитъ свое возвращеніе, и самъ онъ навѣки потеряетъ возможность оказывать дальнѣйшія услуги своей фирмѣ. Соперники фирмы увѣдомлены о немъ, ищутъ его повсюду и навѣрно заманятъ его въ какую-нибудь ловушку своими происками [1]).

Очень благодарю васъ за дружескую присылку разныхъ русскихъ книгъ. Все получено мною въ исправности. „Примѣчанія къ Дж. Ст. Миллю" у меня есть, но я былъ бы радъ получить и остальныя экономическія сочиненія того же автора.

Не смотря на мою болѣзнь, я выпустилъ недавно брошюрку листа въ два. Какъ переслать ее вамъ?

Такъ какъ я много разъѣзжаю, а потому часто не бываю дома, то прошу васъ направлять впредь ваши письма и посылки по нижеслѣдующему адресу одного изъ моихъ друзей безъ всякой передаточной надписи:

A. Williams, Esd. [2]). Онъ живетъ въ моемъ домѣ, а потому и адресъ его тотъ же, что мой, т. е. 1, Maitland Park Road, Chalk Farm, N. W. London.

Преданный вамъ

М.

3.

22 іюля 1871.

Любезный другъ!

Вы должны извинить меня за столь позднее полученіе отвѣта. Въ послѣднее время я до такой степени былъ заваленъ работой, что едва находилъ время для сна.

---

[1]) Рѣчь идетъ о Г. А. Лопатинѣ и о его поѣздкѣ въ Сибирь за Н. Г. Чернышевскимъ.

[2]) Псевдонимъ его старшей дочери Дженни (впослѣдствіи вышедшей замужъ за коммунара Лонгѣ), подъ которымъ она напечатала въ рошфоровской La Marseillaise рядъ корреспонденцій о жестокомъ и унизительномъ обращеніи въ англійскихъ тюрьмахъ съ осужденными феніями. Статьи эти вызвали въ Англіи взрывъ общественнаго негодованія и повели къ офиціальному слѣдствію и устраненію указанныхъ въ нихъ золъ.

Въ дальнѣйшихъ письмахъ къ Николаю—ону Марксъ и подписывается— *А. Вильямсъ.*

Поэтому я не могъ и подумать о томъ, чтобы сдѣлать что-нибудь относительно „Капитала“. Однако же, на будущей недѣлѣ я приступлю къ этому дѣлу и вскорѣ приготовлю все, что вамъ требуется.

Я уже давно заготовилъ *пакетъ для Берлина*, но, къ несчастію, вслѣдствіе какой-то ошибки, онъ не былъ отосланъ и до сихъ поръ еще находится у меня. Поэтому пришлите мнѣ, пожалуйста, новый адресъ для Берлина, и я отправлю тогда пакетъ безъ всякаго промедленія.

Здѣсь получены самыя тревожныя извѣстія о нашемъ „общемъ другѣ“ [1]), но я надѣюсь, что они окажутся ложными или, по крайней мѣрѣ, преувеличенными.

Если бы вамъ удалось найти въ Берлинѣ какого-нибудь корреспондента, который согласился бы служить посредникомъ по отношенію къ *нѣкоторой части* того торговаго дѣла, которое мнѣ приходится вести въ Петербургѣ, то это было бы очень полезно; при чемъ, по отношенію къ *нѣкоторымъ товарамъ*, этотъ кружный путь могъ бы оказаться короче, чѣмъ прямой. Прямая линія далеко не во всѣхъ случаяхъ, какъ это воображаютъ себѣ математики, есть самая кратчайшая.

Истинно вашъ

А. Вильямсъ.

4.

9 ноября 1871.

Дорогой другъ!

Прилагаю при семъ нѣсколько измѣненій текста, представляющихъ отчасти просто исправленіе опечатокъ. Нѣкоторую важность имѣютъ только измѣненія, относящіяся къ страницамъ 192, 201, 288, 205а (сноска) и 376, такъ какъ тутъ дѣло идетъ отчасти о самомъ содержаніи текста.

Было бы безполезно *дожидаться* переработки I-й главы, такъ какъ за послѣдніе мѣсяцы все мое время до такой степени поглощено разными текущими дѣлами (да и въ ближайшемъ будущемъ мало надежды на улучшеніе по этой части), что я никакъ не могу приняться за мои теоретическіе труды. Конечно, въ одинъ прекрасный день я положу конецъ всему этому; но бываютъ обстоятельства, когда чувство долга принуждаетъ васъ заниматься вещами несравненно менѣе привлекательными, чѣмъ теоретическія изысканія и изслѣдованія. Горячо благодарю васъ за все ваше участіе ко мнѣ и моимъ трудамъ. Съ сочиненіями Добролюбова я отчасти уже знакомъ. Я сравниваю его, какъ писателя, съ Лессингомъ и Дидеро.

---

[1]) Г. А. Лопатинъ.

Недавно я получилъ нѣсколько курьезныхъ нумеровъ „Московскихъ Вѣдомостей“.

Искренно вашъ

А. В.

(A. Williams).

(При этомъ письмѣ былъ приложенъ списокъ исправленій къ I т. *Капитала*, который не помѣщается здѣсь, такъ какъ всѣ эти исправленія были приняты во вниманіе при изданіи русскаго перевода этого тома.)

5.

Лондонъ, 28 мая 1872.

Многоуважаемый!

Отвѣтъ мой запоздалъ такъ сильно собственно потому, что я все время надѣялся на возможность послать вамъ, одновременно съ письмомъ, первые выпуски 2-го нѣмецкаго изданія „Капитала“, а также перевода его на французскій языкъ (Парижъ). Но нѣмецкіе и французскіе книгоиздатели до такой степени затянули печатаніе, что я не могу долѣе откладывать отвѣта.

Прежде всего очень благодарю васъ за прекрасно переплетенный экземпляръ вашего перевода. Переводъ я нахожу мастерскимъ. Мнѣ было бы пріятно, если бы я могъ получить еще одинъ непереплетенный экземпляръ для Британскаго Музея.

Мнѣ очень жаль, что *безусловно* непреодолимыя помѣхи (въ самомъ строгомъ смыслѣ этого слова) не дозволили мнѣ приступить къ переработкѣ моего сочиненія для второго изданія ранѣе конца декабря 1871 г., а между тѣмъ эта переработка оказалась бы очень полезной для русскаго изданія.

Хотя французское изданіе, вышедшее въ переводѣ г. Руа, переводчика Фейербаха, и выполнено великимъ знатокомъ обоихъ языковъ, тѣмъ не менѣе онъ переводилъ временами черезчуръ ужъ буквально. Поэтому я былъ принужденъ передѣлать по-французски цѣлые отрывки, чтобы угодить литературнымъ вкусамъ французской публики. Тѣмъ легче будетъ современемъ переводить съ французскаго на англійскій и на романскіе языки.

Я до такой степени переутомленъ и встрѣчаю столько помѣхъ моимъ теоретическимъ трудамъ, что въ концѣ сентября намѣренъ покинуть наше *торговое дѣло*, которое въ настоящее время лежитъ, главнымъ образомъ, на моихъ плечахъ и которое, какъ вы знаете, имѣетъ свои развѣтвленія

по всему свѣту [1]). Est modus in rebus (во всемъ нужна мѣра); и я не могу дольше, по крайней мѣрѣ, въ теченіе нѣкотораго времени заниматься заразъ двумя родами дѣлъ столь различнаго характера.

Извѣстія, сообщаемыя вами о *нашемъ общемъ другѣ* [2]), очень обрадовали меня и мою семью: есть мало людей на свѣтѣ, которыхъ я такъ люблю и такъ уважаю.

Вы очень обяжете меня, переславъ прилагаемое письмо доктору В. Баранову по такому адресу: Г-жа Багговутъ. Театральная площадь, домъ барона Кистера.

Въ надеждѣ вскорѣ услышать о васъ,

дружески преданный вамъ

А. В. (A. W.)

Одинъ изъ проживающихъ въ Швейцаріи крикливыхъ шарлатановъ (Marktschreier)—М. Бакунинъ—откалываетъ такія штуки (spielt solche Streiche), что я былъ бы очень благодаренъ за всякое точное свѣдѣніе объ этомъ человѣкѣ, а именно: 1) о его вліяніи въ Россіи и 2) о той роли, которую играла его особа въ пресловутомъ (нечаевскомъ) процессѣ.

6.

15 августа 1872.

Дорогой сэръ!

Надѣюсь, что вы уже получили первую часть второго нѣмецкаго изданія, которую я послалъ вамъ нѣсколько дней тому назадъ. Я вышлю вамъ также первые 6 выпусковъ французскаго изданія, которые выйдутъ на дняхъ. Нужно справляться съ *обоими изданіями,* такъ какъ я прибавилъ и измѣнилъ кое-что тамъ и сямъ во французскомъ изданіи.

Ваше интересное письмо мною получено, и я отвѣчу на него на этихъ дняхъ. Получилъ я также посланную вами рукопись и статью изъ „Вѣстника Европы". [3])

Пишу сегодня второпяхъ, чтобы обратиться къ вамъ съ просьбою по одному спеціальному дѣлу *самаго неотложнаго* свойства.

Бакунинъ—бывшій руководитель въ Нечаевскомъ дѣлѣ, старавшійся всѣ эти годы подкопать своими тайными происками Интернаціоналъ, былъ въ послѣднее время до такой степени прижатъ нами къ стѣнѣ, что нашелъ себя вынужденнымъ сбросить, наконецъ, маску и *отколоться открыто*

---

[1]) Международный Союзъ рабочихъ.

[2]) Г. А. Лопатинѣ.

[3]) И. И. К—нъ: „Точка зрѣнія о политико-экономической критикѣ у К. Маркса". „Вѣстникъ Европы". Май, 1872 г.

отъ Союза вмѣстѣ съ руководимыми имъ глупцами. Такъ вотъ, этому Бакунину было какъ-то предложено перевести на русскій языкъ мою книгу, при чемъ часть денегъ за переводъ была имъ получена впередъ, но, вмѣсто того, чтобы доставить свой трудъ, онъ написалъ или велѣлъ написать къ нѣкоему Лю—ну (такъ, мнѣ помнится, звали человѣка, ведшаго съ нимъ это дѣло по порученію будущаго издателя) въ высшей степени возмутительное и компрометирующее письмо. Это письмо могло бы принести мнѣ громадную пользу, если бы я могъ получить его немедленно. Такъ какъ это чисто коммерческое дѣло и такъ какъ, при пользованіи этимъ документомъ, не будетъ названо никакихъ именъ, то я надѣюсь, что вы добудете мнѣ это письмо. Но не слѣдуетъ терять ни минуты времени. Если вы согласны прислать мнѣ это письмо, то нужно сдѣлать это сейчасъ же, потому что въ концѣ этого мѣсяца я уѣзжаю изъ Лондона на Гаагскій конгрессъ.

Искренно вашъ

А. Вильямсъ.

7.

25 ноября 1872.

Мой дорогой другъ!

Пересланное мнѣ письмо пришло во время и сдѣлало *свое дѣло.*

Если я не написалъ вамъ ранѣе, и если, даже въ эту минуту, посылаю вамъ лишь нѣсколько строкъ, то исключительно потому, что мнѣ требуется получить предварительно отъ васъ, буде это возможно, другой, *строго коммерческій,* адресъ, по которому я могъ бы свободно писать вамъ.

Выдача Нечаева и интриги его учителя Бакунина заставляютъ меня сильно безпокоиться за васъ и за нѣкоторыхъ другихъ друзей. Вѣдь эти люди способны на всякую гнусность.

Я не могу достаточно сильно выразить мою благодарность за ваше участіе къ моимъ трудамъ и за тѣ хлопоты, которыми обременяете себя вы и другіе русскіе мои друзья.

Искренно вашъ

А. Вильямсъ.

Пожалуйста, отвѣтьте на эти строки какъ можно скорѣе.

8.

12 декабря 1872.

Дорогой другъ!

Изъ прилагаемаго вложенія вы узнаете результаты Гаагскаго конгресса. Въ засѣданіи слѣдственной комиссіи по дѣлу Alliance'а, я про-

чель письмо къ Лю—ну, подъ условіемъ строжайшей тайны и не называя имени адресата. Однако, тайна не была соблюдена, во-первыхъ, потому, что въ комиссіи засѣдалъ, въ числѣ прочихъ, бельгійскій адвокатъ Сплингардъ, который былъ въ дѣйствительности просто агентомъ альянистовъ, а во-вторыхъ, потому, что Жуковскій, Гильомъ и К° (въ предвидѣніи грядущаго и ради его предотвращенія) заранѣе разсказывали направо и налѣво это дѣло, конечно, *по своему* и съ апологетическими прибавками. Вслѣдствіе этого, комиссія, въ своемъ докладѣ конгрессу, была вынуждена сообщить относящіеся къ Бакунину *факты*, содержавшіеся въ письмѣ къ Лю—ну (при чемъ я, понятно, не назвалъ его имени; но друзья Бакунина знали уже о немъ изъ Женевы). Спрашивается теперь: имѣетъ ли право комиссія, назначенная для опубликованія протоколовъ конгресса (въ составѣ которой нахожусь и я), сдѣлать *публичное употребленіе* изъ этого письма, или же—нѣтъ? Рѣшеніе этого вопроса зависитъ, конечно, отъ Лю—на. Однако же, считаю нужнымъ замѣтить, что, со времени конгресса, эти факты, безъ всякаго нашего содѣйствія, давно уже обошли всю европейскую прессу. Принятый этимъ дѣломъ оборотъ тѣмъ противнѣе для меня, что я разсчитывалъ на безусловную скромность и требовалъ ея самымъ настойчивымъ и торжественнымъ образомъ.

Вслѣдствіе исключенія Бакунина, а также Гильома изъ Интернаціонала, ихъ Alliance, держащій въ своихъ рукахъ наши секціи въ Италіи и Испаніи, немедленно открылъ повсюду противъ насъ клеветническую войну и, въ соединеніи со всякими испорченными элементами, стремится вызвать распаденіе на два лагеря. Однако, ожидающее его окончательное пораженіе несомнѣнно, и онъ только поможетъ намъ *очистить* Интернаціоналъ отъ неопрятныхъ и слабоголовыхъ элементовъ, вкравшихся въ него тамъ и сямъ.

Злодѣйское покушеніе друзей Бакунина на бѣднаго Утина, совершенное въ Цюрихѣ, есть несомнѣнный фактъ, и самъ Утинъ находится въ эту минуту въ очень опасномъ положеніи со стороны здоровья. Это разбойничье дѣло уже разсказано во многихъ газетахъ Союза (между прочимъ, въ мадридской Emancipacion) и будетъ фигурировать во всѣхъ подробностяхъ въ нашемъ публичномъ отчетѣ о Гаагскомъ конгрессѣ. Та же разбойничья шайка произвела еще два подобныхъ же нападенія на своихъ противниковъ въ Испаніи. Вскорѣ она будетъ пригвождена къ позорному столбу передъ цѣлымъ свѣтомъ.

Судьба нашего милаго „общаго друга“ глубоко волнуетъ всю мою семью. У меня есть планъ—помочь ему путемъ дипломатическаго вмѣшательства изъ Константинополя. Можетъ быть и удастся.

Присланная вами рукопись [1]) все еще находится у меня, такъ какъ Утинъ не въ состояніи заняться ея печатаніемъ, а Элпидинъ принадлежитъ къ той же шайкѣ негодяевъ [2]). Рукопись очень интересна.

Съ нетерпѣніемъ ожидаю обѣщанной критики (рукописной), а также всякаго печатнаго матеріала, которымъ вы обладаете по этой части. Дѣло въ томъ, что одинъ изъ моихъ друзей желаетъ написать статейку касательно пріема, встрѣченнаго моей книгой въ Россіи.

Печатаніе французскаго перевода пріостановилось вслѣдствіе одной несчастной случайности, но черезъ нѣсколько дней оно начнется снова. Готовится также итальянскій переводъ.

Въ заключеніе еще одна просьба. Мой зять, французскій эмигрантъ, докторъ медицины, Лафаргъ желалъ бы, буде это возможно, посылать въ какой-либо русскій журналъ періодическія сообщенія или по части естественныхъ наукъ, или же объ общественно-политическихъ событіяхъ въ Италіи и Испаніи (а также и во Франціи). Но его матеріальное положеніе не позволяетъ ему дѣлать этого даромъ, и, кромѣ того, онъ можетъ доставлять свои статьи лишь на французскомъ языкѣ.

Мнѣ очень хотѣлось бы увидѣть книгу кіевскаго профессора Зибера о Рикардо и его теоріи цѣнности и капитала, такъ какъ въ этомъ сочиненіи говорится, между прочимъ, и о моей книгѣ.

Дружески преданный вамъ

А. Вильямсъ.

Во второмъ томѣ „Капитала", въ отдѣлѣ о поземельной собственности, я намѣренъ заняться очень подробно русской ея формою.

Еще одно. Мнѣ хотѣлось бы напечатать что-нибудь о жизни и дѣятельности Чернышевскаго, чтобы вызвать сочувствіе къ нему въ Западной Европѣ. Но для этого мнѣ нужны фактическія данныя.

9.

18 января 1873.

Дорогой другъ!

Вмѣстѣ съ вашимъ письмомъ получилъ я Зибера, Головачева и 5 томовъ Скребицкаго. Право, мнѣ, наконецъ, совѣстно, что вы входите для меня въ такія большія издержки. Сердечно благодарю васъ за все!

Оперы тоже были получены въ свое время и доставили моей дочери большое удовольствіе [3]). Но она думала, что онѣ были высланы ей

---

[1]) „Письма безъ адреса" Чернышевскаго.

[2]) Совершенное заблужденіе на основаніи ложныхъ слуховъ.

[3]) Рѣчь идетъ о русскихъ операхъ—„Жизнь за царя" и „Русланъ", пересланныхъ Николаемъ—ономъ, по просьбѣ Г. А. Лопатина, старшей дочери Маркса, Дженни, чтобы познакомить ее немного съ русской музыкой.

одной знакомой русской дамой, а теперь проситъ меня передать ея живѣйшую благодарность неизвѣстному доброжелателю [1]). „Знаніе“ еще раньше само обращалось ко мнѣ съ предложеніемъ сотрудничества, но у меня нѣтъ времени для подобныхъ работъ. Что касается до Лафарга, то онъ пошлетъ черезъ васъ свою пробную статью.

Относительно Чернышевскаго скажу, что это ваше дѣло рѣшить: долженъ ли я говорить только объ его научныхъ заслугахъ или же могу затронуть и другія стороны его дѣятельности. Во второмъ томѣ моего сочиненія онъ будетъ фигурировать, конечно, только какъ экономистъ. Значительная часть его сочиненій мнѣ извѣстна.

Что касается до нашего „общаго друга“ [2]), то вы можете быть увѣрены, что я предприму то, о чемъ уже говорилъ—пока я все еще ожидаю нѣкоторыхъ свѣдѣній по этой части изъ Константинополя—но я, конечно, не сдѣлаю ничего такого, что могло бы компрометировать его или кого бы то ни было.

Что касается до Лю-на, то я предпочту скорѣе выбросить изъ готовящагося къ печати слѣдствія всю относящуюся къ нему часть, чѣмъ подвергнуть его самомалѣйшей опасности. Съ другой же стороны, смѣлость есть, можетъ быть, наилучшая политика. Къ тому же, судя по одному печатному произведенію, выпущенному Бакунинымъ въ Швейцаріи не отъ собственнаго лица, а отъ имени одного изъ его славянскихъ друзей, они намѣреваются представить публикѣ *свой собственный отчетъ* о всей этой сдѣлкѣ, какъ только *обстоятельства* позволятъ имъ сдѣлать это. Нескромность, совершенная ихъ сообщниками въ Гаагѣ, была умышленной и, какъ я предполагаю, была разсчитана на то, чтобы запугать ихъ обвинителей.

Но, съ другой стороны, я не могу судить о томъ, къ какимъ послѣдствіямъ можетъ повести опубликованіе этого дѣла, а потому я желалъ бы, чтобы нашъ другъ сообщилъ мнѣ черезъ ваше посредство свое окончательное рѣшеніе, послѣ того какъ онъ еще разъ спокойно пересмотритъ и обсудитъ этотъ вопросъ.

Второй выпускъ французскаго перевода появится только черезъ нѣсколько дней. Задержки въ выходѣ вызываются всякаго рода случайностями, которыя затрудняютъ въ настоящее время всякое дѣло въ Парижѣ, при существованіи тамъ осаднаго положенія. Трудно повѣрить, сколько работы требуетъ отъ меня пересмотръ этого перевода; вѣроятно, мнѣ стоило бы гораздо меньшаго труда, если бы я съ самаго начала выпол-

---

[1]) На посылкѣ не было обозначено имя отправителя.

[2]) Г. А. Лопатинъ.

нилъ все дѣло самъ. И притомъ, благодаря всѣмъ этимъ редакціоннымъ заплаткамъ и заштопкамъ, весь переводъ носитъ характеръ незавиднаго литературнаго кропанья (Stümperwerk).

Въ послѣднихъ номерахъ парижскаго „Экономиста" за прошлый годъ имѣется критика Блоха на мою книгу, могущая служить новымъ доказательствомъ полнаго паденія теоретической мысли у научныхъ представителей средняго сословія.

Съ наилучшими пожеланіями на новый годъ, дружески преданный вамъ

А. Вильямсъ.

10.

Лондонъ, 22 марта 1873.

Мой дорогой сэръ!

Вы очень обязали бы меня сообщеніемъ кое-какихъ свѣдѣній касательно взглядовъ Чичерина на историческое развитіе общиннаго землевладѣнія въ Россіи и о его полемикѣ по этому поводу съ Бѣляевымъ. Тотъ путь, которымъ эта форма собственности вошла (исторически) въ русскую жизнь, представляетъ, конечно, второстепенный вопросъ, не имѣющій никакого отношенія къ вопросу о цѣнности этого учрежденія. Однако, нѣмецкіе реакціонеры, въ родѣ берлинскаго профессора А. Вагнера и ему подобныхъ, пользуются этимъ оружіемъ, вложеннымъ въ ихъ руки Чичеринымъ. Съ другой же стороны, всѣ историческія аналогіи говорятъ противъ Чичерина. Въ самомъ дѣлѣ, какъ могло случиться, чтобы то же самое учрежденіе было введено въ Россіи, какъ простая фискальная мѣра,— просто какъ случайный спутникъ рабства,—тогда какъ во всѣхъ другихъ странахъ оно явилось путемъ самороднаго возникновенія и разростанія, и отмѣчаетъ собою необходимую фазу развитія всѣхъ свободныхъ народовъ?

Истинно вашъ

А. Вильямсъ.

11.

Лондонъ, 2 августа 1873.

Мой дорогой сэръ!

Въ послѣдніе мѣсяцы я много и тяжко страдалъ и мое здоровье находилось одно время даже въ очень опасномъ состояніи, вслѣдствіе постояннаго переутомленія. Въ особенности пострадала моя голова, такъ что можно было опасаться апоплексическаго удара; да даже и въ настоящее время я все еще не способенъ работать болѣе нѣсколькихъ часовъ въ сутки. Вотъ *единственная* причина, почему я не отвѣчалъ такъ долго на ваше письмо и до сихъ поръ не поблагодарилъ васъ за драгоцѣнное собраніе книгъ, которое вы имѣли любезность прислать мнѣ.

Конечно, вы уже получили—по крайней мѣрѣ, я такъ понялъ ваше письмо—3 экземпляра „Капитала", сброшюрованные въ цѣльные томы; а сегодня я посылаю вамъ послѣдній выпускъ того изданія, которое выходило отдѣльными тетрадками.

Мы печатаемъ въ настоящую минуту „Разоблаченія" касательно Alliance'а. (Вы знаете, вѣроятно, что секта *титоталлеровъ* [1]) называетъ себя въ Англіи этимъ именемъ). Такъ вотъ я желалъ бы знать самый *дешевый* [2]) способъ отправить вамъ довольно значительное число экземпляровъ этой вещи. Что касается до письма, относящагося къ главарю этой ханжеской компаніи, [3]) то мы все еще держимъ его въ резервѣ.

Очень благодарю васъ за послѣднее длинное письмо и не премину сдѣлать изъ него въ свое время надлежащее употребленіе. Оно имѣетъ для меня большую коммерческую цѣнность.

Истинно вашъ

А. Вильямсъ.

Примѣчаніе: Вставленная въ скобкахъ фраза о титоталлерахъ, понятно, имѣетъ единственною цѣлью ввести въ заблужденіе *посторонняго* читателя насчетъ того, о *какомъ* Alliance'ѣ идетъ тутъ рѣчь.

12.

Лондонъ, *15 ноября 1878.*

Мой дорогой сэръ!

Сегодня получилъ я ваше письмо, помѣченное 28 октября. Письмо, на которое вы ссылаетесь, я вовсе не получилъ. Возможно, что оно было перехвачено нѣмецкою почтою или просто затерялось: прусское правительство до такой степени тормошитъ своихъ почтовыхъ чиновниковъ, что много писемъ „исчезаютъ" нивѣсть куда просто изъ-за безурядицы. Говоря фактически, послѣднее письмо, которое я имѣлъ честь получить отъ васъ, было помѣчено 7 марта 1877 г.

Перерывъ моей переписки съ вами былъ просто результатомъ предостереженій, полученныхъ мною около этого времени отъ моихъ проживающихъ въ Россіи друзей, которые просили меня перестать на нѣкоторое время писать имъ, такъ какъ мои письма, несмотря на свою невинность, могли причинить имъ всякія непріятности и безпокойства.

Касательно второго изданія „Капитала" позволю себѣ сдѣлать слѣдующія указанія:

---

[1]) „Чаепійцевъ", отвергающихъ *всѣ* спиртные напитки и во всякой дозѣ.
[2]) Читай наиболѣе *надежный*.
[3]) М. А. Бакунинъ.

1) Я желалъ бы, чтобы *раздѣленіе на главы*—то же относится и къ ихъ *подраздѣленіямъ* — было сдѣлано согласно съ французскимъ изданіемъ.

2) Чтобы переводчикъ постоянно и тщательно свѣрялъ второе нѣмецкое изданіе съ французскимъ, такъ какъ послѣднее содержитъ много важныхъ измѣненій и добавленій (хотя, правда, я былъ вынужденъ не разъ, особенно въ первой главѣ, дѣлать изложеніе болѣе *плоскимъ*—to „aplatir" it—ради удобствъ передачи его по-французски).

3) Я нахожу полезнымъ сдѣлать для вашего второго изданія еще *нѣсколько измѣненій* и постараюсь изготовить ихъ вамъ не позже, какъ черезъ восемь дней, такъ, чтобы имѣть возможность выслать ихъ вамъ въ слѣдующую субботу (сегодня у насъ пятница).

Какъ только *второй томъ* „Капитала" поступитъ въ печать—но это едва ли случится ранѣе конца 1879 г.—вы сейчасъ же начнете получать корректурные оттиски указаннымъ вами путемъ.

Я получилъ изъ Петербурга нѣсколько печатныхъ произведеній, за которыя очень благодарю васъ.

Изъ полемики Чичерина и нѣкоторыхъ другихъ противъ меня мнѣ ничего не попадалось на глаза, за исключеніемъ того, что вы сами выслали мнѣ въ 1877 г. (Статья Зибера въ „Отечественныхъ Запискахъ" и еще другая—кажется, Михайловскаго—въ томъ же журналѣ). Профессоръ М. М. Ковалевскій, проживающій здѣсь въ эту минуту, говорилъ мнѣ, что статья этого курьезнаго, якобы энциклопедиста, Жуковскаго вызвала въ отвѣтъ довольно оживленную полемику касательно „Капитала".

Англійскій кризисъ, предвозвѣщенный мною на стр. 354 французскаго изданія (сноска), наконецъ, разразился въ теченіе этихъ послѣднихъ недѣль. Мои друзья, теоретики и простые дѣльцы, просили меня въ то время выбросить эту сноску, потому что она казалась имъ недостаточно обоснованной; до такой степени они были убѣждены, что кризисы въ С. А. Соединенныхъ Штатахъ, въ Германіи и Австріи должны, такъ сказать, *учесть* („escompter") англійскій кризисъ [1]).

Первой страною, гдѣ дѣла пойдутъ вновь по *восходящей* линіи, будутъ С. А. Соединенные Штаты. Только улучшеніе наступитъ здѣсь при совершенно измѣнившихся условіяхъ и при томъ—измѣнившихся къ худшему. Тамошній народъ тщетно будетъ стараться освободиться отъ монополизирующей силы и (поскольку дѣло идетъ о *среднемъ благополучіи* массъ) отъ гибельнаго вліянія крупныхъ компаній и непрерывнаго расширенія производства, торговли, землевладѣнія, желѣзныхъ дорогъ и финансовъ,

[1]) Т. е. ослабить или даже предотвратить его, какъ бы исчерпавъ его заранѣе путемъ ряда болѣе раннихъ кризисовъ въ другихъ странахъ.

возрастающихъ все болѣе и болѣе ускореннымъ темпомъ со времени междуусобной войны. Лучшіе американскіе писатели громко провозглашаютъ, какъ неопровержимый фактъ, что хотя агитація противъ рабства и разбила цѣпи негровъ, за то, съ другой стороны, она поработила бѣлаго производителя.

Я считаю, что наиболѣе интересное поле для изслѣдователя-экономиста представляютъ теперь именно Соединенные Штаты и въ особенности періодъ отъ 1873 (со времени сентябрьскаго кризиса) до 1878 г., т. е. до наступленія хроническаго кризиса. Тѣ перемѣны, которыя потребовали въ Англіи для своего постепеннаго развитія цѣлыхъ столѣтій, осуществились здѣсь въ теченіе какихъ-нибудь нѣсколькихъ лѣтъ. Но наблюдатель долженъ обращать свое вниманіе не на болѣе старые штаты вдоль атлантическаго побережья, а на болѣе новые (изъ которыхъ Огайо представляетъ поразительнѣйшій примѣръ) и на самые новѣйшіе (какъ, напр., на Калифорнію). Многіе глупцы въ нашей Европѣ, вообразившіе себѣ, что корень зла кроется въ теоретикахъ, въ родѣ меня и другихъ, могли бы почерпнуть цѣлительный урокъ изъ чтенія *офиціальныхъ* американскихъ отчетовъ.

Вы очень обязали бы меня сообщеніемъ кое-какихъ свѣдѣній о нынѣшнемъ состояніи русскихъ финансовъ, которое должно быть извѣстно вамъ въ виду вашихъ занятій банкирскимъ дѣломъ.

Истинно вашъ

А. В.

13.

Лондонъ, 28 ноября 1878.

Мой дорогой сэръ!

Три посланныя вами книги получилъ и очень благодарю за нихъ. Мои русскіе друзья уже подготовили меня къ тому, чтобы ожидать отъ Чичерина довольно слабаго произведенія, но дѣйствительность превзошла мои ожиданія. Онъ, очевидно, не знакомъ съ самыми начатками политической экономіи и воображаетъ, будто бы пошлости Бастіа и его школы, будучи высказаны отъ собственнаго имени, превращаются въ оригинальныя и самоочевидныя истины.

На прошлой недѣлѣ я не имѣлъ возможности взяться за пересмотръ „Капитала". Въ настоящую минуту я уже справился съ этимъ дѣломъ и нахожу, что—за исключеніемъ тѣхъ измѣненій, которыя должны быть сдѣланы переводчикомъ, послѣ сличенія второго нѣмецкаго изданія съ французскимъ,—необходимо будетъ сдѣлать еще лишь очень немного новыхъ измѣненій, которыя вы найдете далѣе въ этомъ письмѣ.

Тутъ идетъ подробное перечисленіе этихъ измѣненій, которыя всѣ были приняты во вниманіе при выпускѣ второго русскаго изданія, а потому не приводятся здѣсь.

Кризисъ и вытекающія изъ него стачки, закрытія фабрикъ и банкротства продолжаютъ бурно свирѣпствовать въ промышленныхъ графствахъ, но наши лондонскія газеты, чтобы не пугать широкой публики, употребляютъ всѣ усилія, чтобы замять и заглушить эти непріятные, но неопровержимые „инциденты". Поэтому, человѣкъ, читающій только лондонскія статьи о состояніи денежнаго рынка, получаетъ лишь очень скудныя свѣдѣнія по этому вопросу.

Искренно вашъ

А. Вильямсъ.

14.

Лондонъ, 10 апрѣля 1879 г.

Мой дорогой сэръ!

Какъ разъ, когда я получилъ ваше февральское письмо (а вмѣстѣ съ нимъ цѣнные печатные матеріалы, благополучно дошедшіе до меня такъ же, какъ и другія упоминаемыя вами книги), моя жена заболѣла такъ тяжко, что врачи даже сомнѣвались, въ состояніи ли будетъ она пережить этотъ неожиданный припадокъ своей болѣзни. Въ то же самое время мое собственное здоровье потерпѣло серьезное потрясеніе. (Въ сущности говоря, съ того самого времени, когда измѣнившееся положеніе вещей въ Германіи и Австріи принудило меня прекратить мои ежегодныя поѣздки въ Карлсбадъ, я никогда уже не находился даже въ сравнительно-удовлетворительномъ состояніи здоровья). При такихъ обстоятельствахъ, которыя улучшились лишь очень недавно, я не могъ, конечно, изучать присланныхъ мнѣ отчетовъ. Однако, я послалъ вамъ въ это время съ однимъ нѣмцемъ, ѣхавшимъ въ Петербургъ, небольшое письмецо, въ которомъ ограничился, впрочемъ, только сообщеніемъ о полученіи вашего письма, да рекомендаціей вамъ подателя. Но, къ моему великому изумленію, онъ снова появился здѣсь вчера и сообщилъ мнѣ, что вслѣдствіе какихъ-то случайностей онъ не проѣхалъ далѣе Берлина и отказался совершенно отъ поѣздки въ Петербургъ.

А теперь—primo—я долженъ сообщить вамъ (это совершенно конфиденціально), что, по дошедшимъ до меня изъ Германіи свѣдѣніямъ, второй томъ моего труда *не можетъ быть изданъ*, пока нынѣшній режимъ продолжаетъ держаться тамъ во всей его нынѣшней суровости. Это сообщеніе, принимая въ соображеніе status quo, ничуть не удивило меня и долженъ сознаться, даже совсѣмъ не раздосадовало по слѣдующимъ причинамъ:

Во-первыхъ, я ни за что не согласился бы выпустить второй томъ ранѣе того, когда нынѣшній англійскій кризисъ достигнетъ своей высшей точки, своего поворотнаго пункта (climax). Его проявленія оказываются на этотъ разъ очень своеобразными и, во многихъ отношеніяхъ, очень отличными отъ тѣхъ, которыя наблюдались въ прежнихъ случаяхъ. Это своеобразіе, помимо другихъ видоизмѣняющихъ обстоятельствъ, легко объясняется изъ того факта, что никогда еще *англійскому* кризису *не предшествовали* такіе страшные и продолжительные кризисы (тянущіеся въ продолженіе почти 5 лѣтъ) въ С. А. Соединенныхъ Штатахъ, Германіи, Австріи и пр.

Поэтому необходимо тщательно наблюдать за нынѣшнимъ ходомъ дѣлъ до ихъ полной зрѣлости, прежде чѣмъ вы окажетесь въ состояніи „потребить" эти факты „производительно", т. е. *теоретически*.

Вотъ, напр., одна изъ странныхъ особенностей нынѣшняго положенія дѣлъ. Какъ вы знаете, здѣсь было множество банковыхъ краховъ въ Шотландіи, а также въ нѣкоторыхъ англійскихъ графствахъ, въ особенности въ западныхъ (въ Корнуэльсѣ и Уэльсѣ). И тѣмъ не менѣе, настоящій *центръ денежнаго рынка*, не только всего Соединеннаго Королевства, но и того *міра*, который зовется Лондономъ, потерпѣлъ до сихъ поръ очень мало Наоборотъ, за немногими исключеніями, громадные акціонерные банки, въ родѣ Англійскаго Банка, пока только выиграли отъ общаго крушенія дѣлъ. А каково это крушеніе, вы можете судить изъ полнаго отчаянія англійскихъ торговыхъ и промышленныхъ филистеровъ и изъ потери ими всякой надежды дожить снова до лучшихъ временъ. Я никогда еще н видѣлъ ничего подобнаго; никогда еще не доводилось мнѣ быть свидѣтелемъ такой моральной растерянности, хотя я жилъ въ Лондонѣ въ 1857 1866 годахъ.

Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что одно изъ обстоятельствъ, благопріятствующихъ лондонскому денежному рынку, заключается въ нынѣшнемъ состояніи Французскаго Банка, который, со времени недавняго расширенія торговли между обѣими странами, превратился какъ бы въ *отдѣленіе* Лондонскаго Банка. Французскій Банкъ, вслѣдствіе того, что свободный размѣнъ кредитныхъ билетовъ еще не возстановленъ, держитъ громадный запасъ золота въ слиткахъ и, при первомъ же признакѣ какого-либо замѣшательства на лондонской биржѣ, французскія деньги наводняютъ ее для скупки вѣрныхъ бумагъ, понизившихся на время въ цѣнѣ. Если бы прошлою осенью французскія деньги внезапно потребовались обратно, Англійскому Банку пришлось бы навѣрно прибѣгнуть къ своему послѣднему средству *въ крайнихъ случаяхъ — къ пріостановкѣ банковаго акта*, вслѣдъ зачѣмъ у насъ неизбѣжно разразился бы денежный крахъ.

Съ другой стороны, то спокойствіе, съ какимъ совершилось въ Соединенныхъ Штатахъ возстановленіе расплаты золотомъ, также устранило напряженныя требованія съ этой стороны на рессурсы Англійскаго Банка.

Но что и до настоящей минуты содѣйствуетъ предотвращенію краха на лондонскомъ денежномъ рынкѣ, это—кажущееся спокойное состояніе банковъ *Ланкашира* и другихъ промышленныхъ округовъ (за исключеніемъ горнозаводскихъ округовъ Запада), хотя вполнѣ удостовѣрено и несомнѣнно, что эти банки не только употребили значительную часть своихъ рессурсовъ на учетъ векселей и на ссуды невыгоднымъ предпріятіямъ разныхъ промышленниковъ, но нѣкоторые изъ нихъ,—какъ напр., Ольдгэмскій,—даже затратили значительную часть своего капитала на основаніе новыхъ фабрикъ. Въ то же самое время большіе запасы произведенныхъ товаровъ, въ особенности хлопчатобумажныхъ, накопляются день ото дня не только въ Азіи (преимущественно въ Остъ-Индіи), куда они посылаются на комиссію (on consignment), но и въ Манчестерѣ и т. п. Какимъ образомъ такое состояніе вещей можетъ пройти безъ общаго краха въ промышленной средѣ, а слѣдовательно и среди мѣстныхъ банковъ, вліяющихъ въ свою очередь прямо на лондонскій денежный рынокъ,—это трудно себѣ представить. А пока—стачки, безпорядки и замѣшательства господствуютъ повсюду.

Замѣчу мимоходомъ, что въ теченіе прошлаго года, столь неблагопріятнаго для всѣхъ другихъ торгово-промышленныхъ предпріятій, желѣзныя дороги процвѣтали; но это происходило только вслѣдствіе разныхъ исключительныхъ обстоятельствъ, въ родѣ Парижской выставки и т. п. На дѣлѣ же, желѣзныя дороги только поддерживаютъ внѣшній видъ процвѣтанія, накопляя долги и увеличивая со дня на день счетъ основного капитала.

Но какимъ бы путемъ ни пошло развитіе этого кризиса, столь важнаго во всѣхъ его подробностяхъ для наблюдательнаго изслѣдователя капиталистическаго производства и профессіональнаго теоретика,—но онъ все же пройдетъ, какъ и его предшественники, и породитъ новый „промышленный циклъ", со всѣми его разнообразными фазами процвѣтанія и пр.

Но подъ покровомъ этого, „повидимому", прочнаго, англійскаго общества, кроется другой кризисъ,—*земельный*, который произведетъ великія и важныя перемѣны въ соціальной структурѣ этого общества. Я вернусь къ этому предмету при другомъ случаѣ, а то въ настоящую минуту онъ завелъ бы меня слишкомъ далеко.

Во-вторыхъ, огромная масса сырыхъ матеріаловъ, полученныхъ мною не только изъ Россіи, но и изъ С.-А. Соединенныхъ Штатовъ, даетъ мнѣ пріятный „предлогъ" продолжать мои изученія, вмѣсто того, чтобы заканчивать уже сдѣланное для читающей публики.

Въ-третьихъ, мой врачъ предостерегаетъ меня отъ излишествъ въ занятіяхъ и говоритъ, что я долженъ значительно сократить мой „рабочій день“, если не желаю впасть въ то же состояніе, въ которомъ я находился въ 1874 г. и въ послѣдующіе годы, когда я испытывалъ частыя головокруженія и не былъ способенъ продолжать моихъ занятій послѣ немногихъ часовъ серьезнаго труда.

Относительно вашего крайне интереснаго и замѣчательнаго письма я ограничусь пока лишь немногимъ. Желѣзныя дороги возникли прежде всего въ качествѣ „увѣнчанія зданія“ (le couronnement de l'œuvre) въ тѣхъ странахъ, гдѣ *новая промышленность достигла наибольшаго развитія*,—въ Англіи, Соединенныхъ Штатахъ, Бельгіи, Франціи и пр. Я называю ихъ „увѣнчаніемъ зданія“ не только въ томъ смыслѣ, что въ нихъ получились, наконецъ, (наряду съ океанскимъ пароходствомъ и телеграфами) такія *средства сообщенія*, которыя пришли въ соотвѣтствіе съ новыми средствами производства, но также и потому, что онѣ сдѣлались основою для возникновенія громадныхъ акціонерныхъ компаній, начиная съ банковыхъ. Онѣ дали, однимъ словомъ, такой громадный толчекъ *концентраціи капитала*, возможности котораго никто и не подозрѣвалъ ранѣе и, въ то же время, ускорили и расширили въ громадной степени *космополитическую дѣятельность ссуднаго капитала*, охватывающаго, такимъ образомъ, весь міръ одной обширной сѣтью финансоваго плутовства и взаимной задолженности,—этой капиталистической формой „международнаго братства“.

Съ другой стороны, возникновеніе желѣзнодорожныхъ сѣтей въ передовыхъ странахъ капитализма поощряло и даже вынуждало государства, гдѣ капитализмъ ограничивался пока овладѣніемъ лишь немногими выдающимися верхами общества, къ внезапному созданію и расширенію ихъ капиталистической *надстройки* въ размѣрахъ совершенно непропорціональныхъ величинѣ и толщинѣ общественнаго организма, ведшаго до сихъ поръ великое дѣло производства въ унаслѣдованныхъ изстари формахъ. Не подлежитъ, поэтому, ни малѣйшему сомнѣнію, что въ этихъ государствахъ введеніе желѣзныхъ дорогъ ускорило соціальную и политическую дезинтеграцію, подобно тому, какъ въ передовыхъ странахъ оно ускорило конечное развитіе, а слѣдовательно, и конечное преобразованіе капиталистическаго производства. Во всѣхъ странахъ, за исключеніемъ Англіи, правительства всегда покровительствовали желѣзно-дорожнымъ компаніямъ и обогащали ихъ на счетъ государственнаго казначейства. Въ С.-А. Соединенныхъ Штатахъ, онѣ получили въ даръ значительную часть государственныхъ земель и притомъ не только ту землю, которая была необходима для проложенія дороги, но и цѣлыя мили земли по обѣимъ сторо-

намъ дороги, покрытыя лѣсами и т. п. Такимъ образомъ, онѣ стали самыми крупными землевладѣльцами въ государствѣ. Понятно, что мелкіе фермеры изъ иммигрантовъ предпочитали впослѣдствіи селиться именно на ихъ земляхъ, благодаря удобству ихъ положенія и ради обезпеченія своимъ продуктамъ легкаго способа доставки на рынки.

Система, введенная во Франціи Луи-Филиппомъ и заключавшаяся въ передачѣ желѣзныхъ дорогъ небольшой шайкѣ финансовыхъ аристократовъ, въ дарованіи имъ всяческихъ владѣльческихъ правъ, въ гарантированіи имъ прибылей изъ народнаго кошелька и пр., и пр. была доведена до своихъ крайнихъ предѣловъ Луи-Бонапартомъ, правленіе котораго въ дѣйствительности покоилось существеннымъ образомъ на торговлѣ желѣзнодорожными концессіями, при чемъ онъ былъ такъ добръ, что даже отдалъ въ даръ нѣкоторымъ изъ желѣзно-дорожныхъ компаній государственные каналы и пр., и пр.

Но въ Австріи, и въ особенности въ Италіи, желѣзныя дороги стали новымъ источникомъ невыносимой государственной задолженности и налогового обремененія народныхъ массъ.

Вообще, желѣзныя дороги дали, конечно, громадный толчекъ развитію иностранной торговли; но въ странахъ, вывозящихъ, главнымъ образомъ, *сырье*, эта торговля усилила нищету и бѣдствія массъ; и притомъ не только оттого, что новая задолженность, навязанная имъ правительствами ради желѣзныхъ дорогъ, увеличила *общую сумму давившихъ ихъ налоговъ;* но еще и оттого, что съ того момента, когда продукты мѣстнаго производства получили возможность превращаться въ космополитическое золото, многіе изъ этихъ продуктовъ, *бывшіе ранѣе очень дешевыми*, какъ, напр., фрукты, вино, рыба, дичь и т. п., стали въ значительной степени недоступными массамъ вслѣдствіе своей *дороговизны* и были такимъ образомъ изъяты изъ потребленія народа; а въ то же время, съ другой стороны, и *самое производство* (я разумѣю нѣкоторые спеціальные роды продуктовъ) также измѣнилось, согласно большей или меньшей *приспособленности его для вывоза*, тогда какъ ранѣе оно приспособлялось преимущественно къ мѣстному потребленію. Такъ, напримѣръ, въ Шлезвигъ-Гольштейнѣ, пахотныя земли были обращены въ пастбища, такъ какъ вывозъ скота оказался выгоднѣе вывоза земледѣльческихъ продуктовъ, но за то въ то же время земледѣльческое населеніе было изгнано изъ насиженныхъ мѣстъ. Всѣ эти перемѣны оказались дѣйствительно очень выгодными для крупныхъ землевладѣльцевъ, ростовщиковъ, купцовъ, желѣзнодорожниковъ, банкировъ и т. п., но очень гибельными для дѣйствительныхъ праизводителей.

Чтобы закончить мое письмо, время отправленія котораго на почту

надвигается все ближе и ближе, скажу еще, что я считаю невозможнымъ провести дѣйствительную аналогію между Соединенными Штатами и Россіей. Въ С. Штатахъ государственные расходы уменьшаются съ каждымъ днемъ, и государственный долгъ ежегодно и быстро сокращается; передъ Россіей же все яснѣе и яснѣе видится почти неизбѣжное государственное банкротство. С. Штаты освободились, хотя самымъ гнуснымъ образомъ, къ выгодѣ кредиторовъ и въ ущербъ мелкому люду, отъ бумажныхъ денегъ; въ Россіи же ни одна фабрика не процвѣтаетъ въ такой мѣрѣ, какъ фабрика кредитныхъ билетовъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ концентрація капитала и постепенная экспропріація массъ представляютъ не только орудіе, но и естественное порожденіе (хотя и ускоренное искусственно междуусобной войной) неслыханно быстраго промышленнаго развитія, земледѣльческаго прогресса и пр.; Россія же напоминаетъ намъ скорѣе Францію временъ Людовика XIV и Людовика XV, когда финансовая, торговая и промышленная надстройка, или вѣрнѣе *фасадъ* общественнаго зданія (хотя все же имѣвшій подъ собою гораздо болѣе прочный фундаментъ, чѣмъ въ Россіи), представлялъ собою что-то въ родѣ сатиры надъ отсталымъ, неподвижнымъ состояніемъ главной отрасли производства (земледѣлія) и надъ голоданіемъ производителей. Соединенные Штаты въ настоящее время значительно перегнали Англію въ быстротѣ экономическаго прогресса, хотя все еще находятся позади ея по размѣрамъ накопленныхъ богатствъ; но въ то же самое время народныя массы обладаютъ тамъ болѣе живымъ темпераментомъ и имѣютъ въ своихъ рукахъ болѣе сильныя политическія средства для выраженія своего негодованія противъ той формы прогресса, которая позволяетъ ему совершаться на ихъ счетъ. Но я не вижу нужды продолжать далѣе эти антитезы.

Кстати: какое русское сочиненіе по кредиту и банковому дѣлу вы считаете болѣе всего удовлетворительнымъ?

Г. Кауфманъ имѣлъ любезность прислать мнѣ свою книгу—„Теорія и практика банковаго дѣла"; но я былъ нѣсколько удивленъ, увидѣвъ изъ нея, что мой прежній разсудительный критикъ въ петербургскомъ „Вѣстникѣ Европы" превратился въ какого-то Пиндара новѣйшаго биржевого плутовства. Кромѣ того, разсматривая эту книгу даже только съ точки зрѣнія чисто-спеціальныхъ достоинствъ—а я вообще не ожидаю отъ книгъ этого рода ничего другого,—я нахожу ее далеко не оригинальной въ ея частностяхъ. Наилучшая часть ея, это — полемика противъ бумажныхъ денегъ.

Говорятъ, будто бы нѣкіе иностранные банкиры, черезъ посредство которыхъ нѣкое правительство пожелало заключить новый иностранный заемъ, потребовали отъ него въ видѣ гарантіи введенія у себя конституціи; я лично далекъ отъ того, чтобы вѣрить этому, такъ какъ, при ихъ

нынѣшней методѣ вести такія дѣла, они были всегда очень равнодушны къ формамъ правленія и не имѣютъ пока причинъ измѣнять этому равнодушію и въ настоящее время.

Истинно вашъ

А. Вильямсъ.

15.

Лондонъ, 19 сентября 1879.

Мой дорогой сэръ!

Я только что вернулся въ Лондонъ послѣ почти двухмѣсячнаго деревенскаго отдыха на островѣ Джерси и въ другихъ приморскихъ мѣстахъ. Я былъ вынужденъ сдѣлать эту поѣздку и пріостановить на все это время всякую работу настоятельными совѣтами врачей, вслѣдствіе моего нервнаго разстройства. По этой же причинѣ я не былъ также въ состояніи сдѣлать надлежащей чести той умственной пищѣ, которой вы имѣли любезность снабжать меня. Но теперь я чувствую себя много бодрѣе и оживленнѣе и вскорѣ примусь за работу съ новой энергіей и охотой.

Книгу Ковалевскаго [1]) я получилъ отъ него самого. Онъ принадлежитъ къ числу моихъ друзей „по наукѣ" („Scientific" friends) и пріѣзжаетъ ежегодно въ Лондонъ, чтобы пользоваться сокровищами Британскаго музея.

Болѣе длинное письмо вы получите отъ меня тогда, когда я справлюсь немного хоть съ наиболѣе неотложной частью той работы, которая накопилась за время моего отсутствія.

А пока желаю вамъ всего лучшаго.

Искренно вашъ

А. Вильямсъ.

16.

Рамсгэтъ, 12 сентября 1880.

Мой дорогой сэръ!

Мнѣ нѣтъ надобности говорить вамъ, что я былъ бы очень счастливъ сдѣлать все, что вы считаете полезнымъ; но краткое изложеніе тѣхъ обстоятельствъ, въ которыхъ я нахожусь въ эту минуту, убѣдитъ васъ, что я не способенъ въ настоящее время къ теоретическому труду. Я былъ посланъ сюда моимъ врачемъ съ строгимъ приказомъ „ничего не дѣлать" и стараться возстановить мою нервную систему посредствомъ такого „far niente"; какъ вдругъ, болѣзнь моей жены, мучающая ее уже съ давнихъ поръ, неожиданно ухудшилась въ такой мѣрѣ, которая угро-

---

[1]) Максимъ Максимовичъ.

жаетъ привести ее къ *роковому* концу. При этихъ условіяхъ все то немногое время, какое мнѣ удается урвать для труда, неизбѣжно уходитъ у меня исключительно на такія работы, которыя я *долженъ* во что бы то ни стало сбыть съ рукъ.

Кромѣ того, я могу сказать, что все наиболѣе важное для *широкой публики* вами уже исполнено; я разумѣю составленіе статистическихъ таблицъ и истолкованіе содержащихся въ нихъ *фактовъ*. Было бы жаль если бы вы отложили опубликованіе вашего труда, котораго я ожидаю съ величайшимъ нетерпѣніемъ.

Вы можете свободно располагать всѣмъ, что вы найдете полезнымъ извлечь изъ моихъ писемъ съ этою цѣлью. Боюсь только, что это все окажется очень немногимъ, такъ какъ я послалъ вамъ лишь нѣсколько отрывочныхъ замѣтокъ.

Нынѣшній кризисъ есть величайшій, черезъ какой когда-либо проходила Англія со стороны его продолжительности, размѣровъ и интенсивности. Но, несмотря на крушеніе нѣкоторыхъ шотландскихъ и англійскихъ провинціальныхъ банковъ, обычное завершеніе всѣхъ прошлыхъ періодическихъ крупныхъ англійскихъ кризисовъ—я разумѣю финансовый крахъ въ Лондонѣ—на этотъ разъ „блистало своимъ отсутствіемъ". Этотъ въ высшей степени необычайный фактъ, отсутствіе собственно, такъ называемой, *денежной паники*, нужно приписать особому сцѣпленію обстоятельствъ, анализъ которыхъ завелъ бы меня въ эту минуту слишкомъ далеко. Однимъ изъ наиболѣе рѣшающихъ обстоятельствъ былъ, однако, тотъ фактъ, что громадный спросъ на золото въ 1879 г. былъ въ значительной мѣрѣ удовлетворенъ содѣйствіемъ Французскаго и Германскаго Имперскаго банковъ. Съ другой стороны, внезапное оживленіе дѣлъ въ Соединенныхъ Штатахъ—съ весны 1879 г.—отразилось сейчасъ же на Англіи, явившись для нея настоящимъ deus ex machina.

Что касается до *земельнаго* кризиса, то онъ будетъ постепенно накоплять силу, развиваться и мало-по-малу продвигаться впередъ, неся съ собою настоящую революцію въ отношеніяхъ поземельной собственности, совершенно независимо отъ цикловъ торгово-промышленныхъ кризисовъ. Даже такіе оптимисты, какъ г. Кэрдъ, уже начали „чуять крысу". Въ высшей степени характеристиченъ для англійской тупоголовости такой фактъ: вотъ уже два года, какъ въ Times и въ разныхъ земледѣльческихъ газетахъ печатается рядъ писемъ фермеровъ, дающихъ подробный разсчетъ всѣхъ издержекъ по обработкѣ ихъ фермъ, сопоставляющихъ эти издержки съ ихъ доходами отъ продажи земледѣльческихъ продуктовъ по ихъ нынѣшнимъ цѣнамъ и показывающихъ, что въ заключеніе у нихъ получается положительный *дефицитъ*. И что же? Повѣрите ли вы, что ни

одному изъ этихъ спеціалистовъ, распространяющихся такъ много по поводу этихъ разсчетовъ, не приходитъ въ голову спросить себя: какой видъ получили бы эти разсчеты, если бы та расходная статья, которая именуется *рентою*, была во многихъ случаяхъ вычеркнута изъ нихъ совсѣмъ, а въ другихъ сокращена „самымъ чувствительнымъ образомъ"? Но это—тотъ щекотливый пунктъ, до котораго никто не долженъ касаться. И хотя фермеры начинаютъ уже недовѣрять шарлатанскимъ лекарствамъ (nostrums), предлагаемымъ имъ лэндлордами и преданными ихъ интересамъ писаками (plumitifs), тѣмъ не менѣе даже они не осмѣливаются стать въ позу смѣлаго мужества, въ виду того, что и сами они, съ своей стороны, подвергаются нападкамъ деревенскаго „рабочаго класса". И вообще тутъ заваривается славная каша (a nice pickle).

Я надѣюсь, что Европа не будетъ вовлечена въ общую войну; хотя въ концѣ концовъ даже война не смогла бы задержать соціальнаго развитія, разумѣя подъ этимъ словомъ развитіе *экономическое*, а скорѣе усилила бы его интенсивность, но она навѣрно послужила бы поводомъ къ безполезному истощенію силъ на болѣе или менѣе продолжительный срокъ.

Пожалуйста, посылайте ваши письма попрежнему на мой лондонскій адресъ, откуда они всегда будутъ доставляемы мнѣ даже въ случаѣ моего временнаго отсутствія изъ Лондона.

Искренно вашъ

А. Вильямсъ.

17.

Лондонъ, 19 февраля 1881 г.

Мой дорогой сэръ!

Со всею поспѣшностью тороплюсь отвѣтить хоть нѣсколькими строчками на ваше дружеское письмо.

Со времени возвращенія изъ Рамсгэта здоровье мое, въ общемъ, улучшилось; но здѣшняя отвратительная погода, продолжающаяся цѣлые мѣсяцы, благословила меня насморкомъ и кашлемъ, мѣшающимъ мнѣ спать и пр. Но самое худшее это то, что состояніе здоровья моей жены съ каждымъ днемъ становится все опаснѣе, несмотря на обращеніе къ самымъ знаменитымъ изъ лондонскихъ врачей; а кромѣ того, на меня свалилась куча всякихъ домашнихъ затрудненій и хлопотъ, о которыхъ скучно было бы разсказывать. Съ другой стороны, мнѣ приходилось все это время, да и теперь еще приходится, одолѣвать громадную уйму синихъ книгъ, присылаемыхъ мнѣ изъ разныхъ странъ, въ особенности же изъ С.-А. Соединенныхъ Штатовъ, такъ что все мое рабочее время оказывается едва до-

статочнымъ для выполненія этой задачи, въ особенности вслѣдствіе того, что всякая ночная работа въ послѣдніе годы безусловно запрещена мнѣ моими врачами. Отсюда встаетъ передо мною неизбѣжная перспектива страшной задолженности по части частной корреспонденціи. А тутъ еще, какъ разъ въ эту минуту, въ семьѣ моей царитъ ужасная суматоха по случаю отъѣзда моей старшей дочери, г-жи Лонге, съ ея дѣтьми изъ Лондона въ Парижъ, гдѣ ея мужъ (занимавшій во время своего эмигрантства мѣсто профессора въ Лондонской Королевской Коллегіи, а теперь подошедшій подъ амнистію) сталъ однимъ изъ издателей „Справедливости" (La Justice). (Къ слову сказать, марсельская полусоціалистическая рѣчь Клемансо была внушена именно имъ). Вы понимаете, какой мучительной, при нынѣшнемъ состояніи здоровья моей жены, является для насъ эта разлука, такъ какъ наши внуки, три маленькихъ мальчика, служили для меня и для нея неистощимымъ источникомъ житейскихъ радостей.

Теперь, прежде всего, поговоримъ о прилагаемой рукописи. Авторъ ея, Лафаргъ, мужъ моей второй дочери и одинъ изъ моихъ прямыхъ учениковъ. Онъ просилъ меня справиться у васъ, не можетъ ли онъ черезъ ваше посредство сдѣлаться сотрудникомъ какого-либо петербургскаго журнала, напр., „Отечественныхъ Записокъ" или „Слова". (Мнѣ кажется, что это единственные журналы, гдѣ онъ бы могъ имѣть удачу). Если это окажется исполнимымъ, то онъ уполномочиваетъ васъ выкинуть или измѣнить все то, что окажется неподходящимъ для петербургскаго меридіана. Что касается до его „имени", то можно будетъ ограничиться одними иниціалами. Во всякомъ случаѣ вамъ вѣрно будетъ интересно прочесть его статью.

Я съ величайшимъ интересомъ прочелъ вашу статью и нахожу ее „оригинальной" въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Этимъ и объясняется ея бойкотированье. Какъ только вы прорветесь черезъ сѣти рутинной мысли, вы можете быть увѣрены встрѣтиться на первыхъ порахъ съ бойкотированіемъ, такъ какъ это единственное оборонительное оружіе, находящееся подъ рукою у *рутинеровъ* въ моментъ ихъ перваго замѣшательства, и они отлично умѣютъ владѣть имъ. Я былъ бойкотированъ въ Германіи въ теченіе многихъ-многихъ лѣтъ, а въ Англіи меня продолжаютъ бойкотировать и теперь съ тѣмъ маленькимъ отличіемъ, что здѣсь отъ времени до времени выпускается противъ меня что-нибудь до такой степени нелѣпое, прямо-таки ослиное, что мнѣ было бы стыдно публично отозваться на подобный вздоръ. Но продолжайте итти своимъ путемъ! Ближайшая вещь, которой вамъ слѣдовало бы заняться, по моему мнѣнію, это—изумительное возрастаніе *задолженности крупнаго землевладѣнія*; при чемъ вы могли бы показать вашимъ лэндлордамъ, этому высшему классу представителей агри-

культуры, какъ они „кристаллизуются“ въ общественной ретортѣ подъ могучимъ вліяніемъ „новыхъ столповъ общества“.

Мнѣ очень хотѣлось бы прочесть вашу полемику со „Словомъ“. Какъ только мой житейскій корабль вступитъ въ болѣе спокойныя воды, я выскажусь болѣе подробно насчетъ вашихъ „*Очерковъ*“. Пока же не могу удержаться только отъ одного замѣчанія по ихъ поводу. Почва, будучи непрерывно истощаема и не получая, путемъ растительнаго, животнаго или искусственнаго удобренія, необходимыхъ для ея возстановленія элементовъ, но предоставленная лишь измѣнчивымъ вліяніямъ болѣе или менѣе благопріятной погоды и другихъ независящихъ отъ человѣка обстоятельствъ, будетъ все же продолжать приносить жатвы очень различнаго изобилія; хотя при обзорѣ цѣлаго періода лѣтъ, напр., съ 1870 по 1880 г., застойный характеръ земледѣльческаго производства выступаетъ передъ нами съ поразительной ясностью. При такихъ обстоятельствахъ, благопріятныя климатическія условія только пролагаютъ путь *голодному году*, вслѣдствіе быстраго потребленія и освобожденія еще скрывавшихся въ почвѣ минеральныхъ оплодотворителей: и наоборотъ, *голодный годъ*, а еще болѣе рядъ неурожайныхъ годовъ, позволяетъ свойственнымъ данной почвѣ минераламъ накопиться сызнова и обнаружить свое благодѣтельное присутствіе при новомъ возвращеніи благопріятныхъ климатическихъ условій. Этотъ процессъ совершается, конечно, повсюду; однако, *въ другихъ мѣстахъ* онъ сдерживается видоизмѣняющимъ вмѣшательствомъ самого земледѣльца, но онъ становится *единственнымъ регулирующимъ факторомъ* всюду, гдѣ человѣкъ пересталъ быть дополнительною „силою“ просто по недостатку средствъ.

Такъ, вы имѣли прекрасную жатву въ 1870 г., но этотъ годъ былъ, такъ сказать, *климактерическимъ* (a climax-year), за которымъ, какъ за таковымъ, немедленно послѣдовалъ очень плохой годъ—1871. Этотъ 1871 г., съ его очень плохою жатвою, можетъ разсматриваться, какъ отправный пунктъ для новаго маленькаго цикла, приводящаго насъ къ новому климактерическому году, 1874-му, за которымъ непосредственно идетъ опять голодный 1875 годъ. Затѣмъ снова начинается движеніе вверхъ, завершающееся еще худшимъ голоднымъ годомъ—1880-мъ. Сводка результатовъ отдѣльныхъ годовъ за весь этотъ періодъ показываетъ намъ, что среднее годовое производство за этотъ періодъ оставалось на одной и той же высотѣ, и что отличія въ характерѣ отдѣльныхъ годовъ и маленькихъ годовыхъ цикловъ были результатомъ исключительно однихъ только естественныхъ факторовъ.

Я писалъ вамъ нѣсколько времени тому назадъ, что крупный промышленный и торговый кризисъ, черезъ который прошла недавно Англія,

протекъ на этотъ разъ безъ обычнаго кульминаціоннаго финансоваго краха въ Лондонѣ, и что этотъ *исключительный* феноменъ объясняется только своевременнымъ наплывомъ французскихъ денегъ. Въ настоящую минуту даже англійскіе рутинеры узрѣли, наконецъ, и открыто признали этотъ фактъ. Такъ, The Statist (29 янв. 1881 г.) говоритъ: „Спокойствіе и изобиліе нашего денежнаго рынка въ теченіе прошлаго года было результатомъ *чистой случайности*, а именно того, что Французскій Банкъ въ самомъ началѣ осени рѣшился допустить сокращеніе своего запаса золота съ 30 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ до 22 милліоновъ... *Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что прошлой осенью мы едва-едва ускользнули отъ великой опасности*".

Англійскія желѣзныя дороги продолжаютъ катиться по той же наклонной плоскости, какъ и вся европейская *система государственныхъ долговъ*. Финансовые магнаты, правящіе ихъ дѣлами, въ качествѣ директоровъ разныхъ желѣзнодорожныхъ сѣтей, не только заключаютъ непрерывно все новые и новые займы *для расширенія своихъ сѣтей*, т. е. своихъ „территорій", гдѣ они царствуютъ какъ самодержавные монархи, но и расширяютъ свои сѣти, *чтобы имѣть новые предлоги для заключенія новыхъ займовъ*, дающихъ имъ возможность уплачивать проценты держателямъ облигацій, привилегированныхъ акцій и т. п., а также выбрасывать отъ времени до времени подачку постоянно обольщаемымъ несбыточными иллюзіями рядовымъ акціонерамъ, въ формѣ нѣсколько повышенныхъ дивидендовъ. Понятно, что этотъ милый методъ рано или поздно долженъ завершиться безобразной катастрофой.

Въ Соединенныхъ Штатахъ желѣзнодорожные короли становятся теперь мишенью нападокъ, не только, какъ это было раньше, со стороны фермеровъ и другихъ промышленныхъ „предпринимателей" Запада, но также и со стороны крупныхъ представителей торговли, напр., *Нью-іоркской Торговой Палаты*. Одинъ изъ такихъ желѣзнодорожныхъ королей и финансовыхъ плутовъ, чудовищный спрутъ финансоваго міра — Гульдъ съ своей стороны сказалъ нью-іоркскимъ торговымъ магнатамъ: „вы нападаете сейчасъ на желѣзныя дороги потому, что считаете ихъ наиболѣе уязвимыми, благодаря ихъ нынѣшней непопулярности; но берегитесь, вслѣдъ за желѣзными дорогами наступитъ очередь для *всякаго рода корпорацій* (на языкѣ янки это слово обозначаетъ *акціонерныя компаніи*), затѣмъ, немного позднѣе, — для *всѣхъ формъ ассоціированнаго капитала* и въ заключеніе—для *всѣхъ формъ капитала вообще*; вы прокладываете, такимъ образомъ, дорогу для *коммунизма*, стремленія къ которому уже и сейчасъ все болѣе и болѣе распространяются въ народѣ". У мистера Гульда „хорошій нюхъ".

Въ *Индіи* для британскаго правительства готовятся серьезныя затрудненія, если не всеобщее возстаніе. То, что англичане отбираютъ ежегодно у индусовъ—въ формѣ ренты, желѣзнодорожныхъ дивидендовъ отъ безполезныхъ для самихъ индусовъ дорогъ, пенсій военнымъ и гражданскимъ чиновникамъ, издержекъ на афганскія и иныя войны и пр., и пр.—то, что они берутъ у нихъ *безъ всякаго эквивалента* и *совершенно независимо* отъ того, что присваивается ими *въ самой Индіи,*—т. е. *цѣнность* того, что индусы должны ежегодно *отсылать* въ Англію совершенно *задаромъ,—превышаетъ всю общую сумму дохода 60 милліоновъ земледѣльческихъ и промышленныхъ работниковъ Индіи!* Это—кровавое, вопіющее дѣло! Голодные годы слѣдуютъ тамъ одинъ за другимъ и достигаютъ неслыханныхъ донынѣ въ Европѣ *размѣровъ*. Въ населеніи складывается настоящій заговоръ противъ англичанъ, въ которомъ участвуютъ совмѣстно и индусы, и мусульмане. Британское правительство знаетъ, что въ массѣ идетъ какое-то „броженіе"; но эти неглубокіе люди (я разумѣю правительственныхъ чиновниковъ), оглупляемые ихъ собственной парламентской манерой говорить и думать, даже не желаютъ видѣть ясно передъ собою, не хотятъ реализировать весь размѣръ угрожающей имъ опасности! Обманывать другихъ, чтобы ввести подъ конецъ въ обманъ этимъ путемъ и самого себя,—вотъ вся *парламентская мудрость* въ двухъ словахъ. Тѣмъ лучше!

Не можете ли вы сказать мнѣ, переведено ли на русскій языкъ сочиненіе профессора Ланкестера *о вырожденіи,* которое вы цитируете въ своей статьѣ? Онъ—одинъ изъ моихъ друзей.

Въ прошломъ мѣсяцѣ у насъ было нѣсколько русскихъ посѣтителей, между прочимъ, профессоръ Зиберъ (поселившійся въ послѣднее время въ Цюрихѣ) и г. Каблуковъ (изъ Москвы). Они цѣлыми днями работали въ Британскомъ Музеѣ.

Все еще никакихъ извѣстій о нашемъ „общемъ другѣ"?

Кстати: послѣдній статистическій трудъ Янсона, сопоставляющій Россію съ Европою, произвелъ большую сенсацію. Я былъ бы радъ взглянуть на него.

Съ наилучшими пожеланіями,
истинно вашъ

Карлъ Марксъ.

Если статья Лафарга не нашла себѣ „пристанища" въ Петербургѣ, то, будьте добры, верните мнѣ ее обратно [1]).

---

[1]) Статья Поля Лафарга о хлѣбной торговлѣ и промышленности въ С.-А. С. Штатахъ была помѣщена въ „Отечественныхъ Запискахъ".

18.

Лондонъ, 18 декабря 1881.

Мой дорогой другъ!

Второго числа этого мѣсяца, послѣ долгой и мучительной болѣзни, я потерялъ мою жену. Въ продолженіе осеннихъ мѣсяцевъ я находился при ней, въ качествѣ сидѣлки, сначала въ одномъ изъ англійскихъ приморскихъ мѣстечекъ (Истборнъ), а затѣмъ въ Аржантейлѣ, гдѣ я и она пользовались великимъ удовольствіемъ,—жить съ нашей дочерью (г-жею Лонге) и 4 ея маленькими мальчиками (самому старшему сейчасъ около 5 лѣтъ), чрезвычайно привязанными къ своимъ дѣдушкѣ и бабушкѣ.

Съ моей стороны было, конечно, очень рискованной вещью предпринять эту поѣздку въ Парижъ при ослабленномъ состояніи здоровья моей дорогой жены. Но, положившись на мнѣніе моего превосходнаго друга, доктора Донкина, я принялъ это смѣлое рѣшеніе, чтобы доставить ей это послѣднее удовольствіе!

Къ несчастью, мое собственное издавно расшатанное здоровье было болѣе или менѣе плохо все это время; а вскорѣ послѣ нашего возвращенія въ Лондонъ, я совсѣмъ слегъ въ постель отъ бронхита, усложненнаго плевритомъ, такъ что въ теченіе трехъ недѣль изъ числа послѣднихъ шести недѣль жизни моей жены я не могъ видѣть ее, хотя мы лежали въ двухъ сосѣднихъ комнатахъ.

Вплоть до настоящей минуты я все еще не могу покидать дома; за то одно время я былъ очень близокъ къ тому, чтобы совсѣмъ покинуть „этотъ грустный міръ“. Доктора находятъ нужнымъ услать меня на югъ Франціи или даже въ Алжиръ.

Многочисленныя сочувственныя письма, получаемыя мною со всѣхъ сторонъ, были до сихъ поръ для меня большимъ источникомъ утѣшенія, такъ какъ во всѣхъ этихъ письмахъ (за исключеніемъ одного единственнаго *русскаго* письма) звенѣла струна непритворной симпатіи и настоящаго пониманія и признанія рѣдкихъ качествъ моей дорогой жены.

Мой нѣмецкій издатель сообщаетъ мнѣ, что требуется третье изданіе „Капитала“. Это извѣстіе является въ очень неподходящую для меня минуту. Во-первыхъ, я долженъ прежде всего возстановить свое здоровье; а во-вторыхъ, я желаю окончить какъ можно скорѣе 2-й томъ (даже въ томъ случаѣ, если бы мнѣ пришлось издать его за границей). У меня есть теперь добавочный поводъ довести его до конца, а именно—чтобы помѣстить на первой его страницѣ посвященіе моей женѣ.

Впрочемъ, какъ бы ни сложились обстоятельства, во всякомъ слу-

чаѣ я условлюсь съ моимъ издателемъ такимъ образомъ, чтобы ограничиться какъ можно меньшимъ числомъ измѣненій и прибавленій къ третьему изданію; но, съ другой стороны, я потребую чтобы онъ отпечаталъ на этотъ разъ только 1000 экземпляровъ вмѣсто обычныхъ у него 3000. Когда эти 1000 экземпляровъ распродадутся, я могу внести въ книгу тѣ перемѣны, которыя я внесъ бы теперь, если бы мои личныя обстоятельства были иными.

Вѣрьте всегда моей истинной дружбѣ

А. Вильямсъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Г. г. „Семейству М. М. Достоевскаго", издающему журналъ „Эпоха" [1]).

М. м. Г. г.

Вы продолжаете заниматься мною (зри „замѣтки лѣтописца", октябрь), несмотря на всѣ „послѣднія сказанія", несмотря даже на то, что я до сихъ поръ не отвѣчалъ ни однимъ словомъ на ваши дѣтскія упражненія, направленныя противъ моей личности. Такая настойчивость вынуждаетъ меня на отвѣтъ.

Я всего два раза въ теченіе моей недолговременной журнальной дѣятельности имѣлъ удовольствіе бесѣдовать объ васъ, и, могу сказать смѣло, обѣ статьи мои имѣли „нѣкоторый успѣхъ". Я не нападалъ въ нихъ ни на ваши „идеи", ни на ваше „направленіе" (ни тѣхъ, ни другого я и до сего дня усмотрѣть не могу), но это-то, повидимому, и было причиной успѣха моихъ

[1]) Печатающаяся съ имѣющагося у насъ подлинника, настоящая статья М. Е. Салтыковъ Щедрина любезно передана намъ однимъ изъ сотрудниковъ „Современника" (приносимъ ему нашу искреннюю благодарность), разсказавшимъ намъ вмѣстѣ съ тѣмъ причины, по которымъ она до сихъ поръ не была напечатана. Дѣло заключается въ слѣдующемъ: въ 1864 году Щедринъ принесъ эту статью Некрасову для помѣщенія въ „Современникѣ". Прочтя статью, Некрасовъ нашелъ ее, вслѣдствіе ея рѣзкаго по отношенію къ Достоевскимъ тона, неудобною для печати, но вмѣстѣ съ тѣмъ отказомъ помѣстить ее въ своемъ журналѣ не хотѣлъ и обидѣть Щедрина. Откладывая подъ разными предлогами помѣщеніе статьи, Некрасовъ въ концѣ концовъ заявилъ со всякими извиненіями Щедрину, что статью онъ *потерялъ*, что онъ, конечно, въ этомъ виноватъ, но что повинную голову мечъ не сѣчетъ и т. д. Щедринъ вспылилъ, кричалъ, что возстановить статьи онъ не можетъ, такъ какъ у него не осталось копіи (а это только Некрасову и надо было) и что, какъ угодно, а статья должна быть найдена. Некрасовъ, однако, стоялъ на своемъ. Съ теченіемъ времени инцидентъ этотъ Щедринымъ былъ, конечно, забытъ, и статья его, переданная Некрасовымъ на сохраненіе одному изъ сотрудниковъ „Современника", такъ и пролежала у него до нашихъ дней. Мы печатаемъ эту статью съ разрѣшенія лицъ, имѣющихъ право на литературное наслѣдство Щедрина. *Ред.*

статей. Я отнесся къ вамъ въ художественной формѣ, я заставилъ васъ говорить самихъ за себя — и публика поняла въ совершенствѣ, что въ извѣстныхъ случаяхъ эта манера есть единственно возможная. И замѣтьте, я ни однимъ словомъ не оскорбилъ ни всѣхъ васъ въ совокупности, ни кого-либо изъ васъ въ частности; я даже не посягалъ на изображеніе какихъ бы то ни было „литературныхъ отношеній“, какъ выражается вашъ семейный лѣтописецъ, я просто имѣлъ въ виду наглядно и безразлично изобразить вашу журнальную сущность, ваше журнальное міросозерцаніе — и, разумѣется, успѣлъ въ этомъ какъ нельзя лучше. Однако, вы оскорбились. Сначала, вы обозвали меня злымъ человѣкомъ, тогда какъ вся моя злость въ томъ только и заключается, что я охотно смѣюсь, когда вижу что нибудь очень смѣшное. Потомъ, ссылаясь на г. Фета, вы объяснили читателямъ, что „страусъ“ — птица совсѣмъ не постыдная, а кроткая, занимающаяся ловленіемъ мухъ и даже предвѣщающая хорошую погоду (ну, не прелестны-ли всѣ эти ваши разъясненія?)—но вѣдь я и не желалъ слову „страусъ“ придать какой-нибудь непохвальный смыслъ; я просто хотѣлъ сказать, что страусы не орлы—и ничего болѣе. Наконецъ, вы выпустили на мой личный счетъ цѣлую эпопею, подъ названіемъ „щедродаровъ, или расколъ въ нигилистахъ“... Говорю, положа руку на сердце, упражненіе это нимало не оскорбило меня. Прочитавши его, я ощутилъ только чувство глубочайшаго *омерзенія* къ перу, излившему за разъ такую массу непристойной лжи, и въ то же время мнѣ показалось, что я наступилъ на что-то очень ехидное и гадкое [1]). Столько лжи, клеветъ и самыхъ недостойныхъ сплетенъ, пущенныхъ въ упоръ, въ видѣ отвѣта на оцѣнку, быть можетъ, и рѣзкую, но все-таки чисто литературнаго свойства,— воля ваша, а это ужъ слишкомъ игриво! Это должно быть признано черезчуръ игривымъ, даже въ томъ случаѣ, если постоянно держать въ памяти стихот. г. Фета:

---

[1]) Прошу многоуважаемаго Ө. М. Достоевскаго (такъ какъ онъ впослѣдствіи сознался, что статья эта написана имъ) извинить рѣзкость моихъ выраженій; я полагаю, онъ самъ пойметъ, что статья его не заслуживаетъ и не можетъ заслуживать иного отзыва.

Стрижи мелькають и звенять...

Нынѣ вы, или, лучше сказать, вашъ семейный лѣтописецъ, вновь обращаетъ на меня вниманіе почтеннѣйшей публики Онъ подвергаетъ разбору всю мою журнальную дѣятельность въ „Современникѣ“ и приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ: 1) къ изумленію передъ моею плодовитостью; 2) къ убѣжденію, что моя журнальная дѣятельность свидѣтельствуетъ лишь о „необыкновенной легкости въ мысляхъ“, и 3) къ недоумѣнію насчетъ моихъ отношеній къ роману „Что дѣлать?“ Постараюсь удовлетворить, на сколько могу, и изумленіямъ, и глумленіямъ, и недоумѣніямъ г. Лѣтописца.

Начну съ плодовитости. Да, я писалъ въ 1863 году очень много. Расчетливо ли я поступалъ, работая такимъ образомъ,— это другой вопросъ; но дѣло въ томъ, что и публика, и вы, дѣйствительно, видѣли, что я работаю много. Но почему же и вы и публика это видѣли? Почему, напримѣръ, въ то время, какъ подъ бременемъ трудовъ рукъ гг. Страхова, Косицы, Дм. Аверкіева и друг. полки въ книжныхъ магазинахъ ломятся, публика положительно убѣждена, что они совсѣмъ-таки ничего не пишутъ. Напрасно оказываютъ они безпримѣрное трудолюбіе, напрасно сочиняютъ втроемъ цѣлыя книги „Эпохи“, напрасно подъ одними статьями подписываютъ свои собственныя имена, подъ другими псевдонимы (я, напримѣръ, убѣжденъ, что „К. Бибиковъ“ есть псевдонимъ г. Косица),—не только публика, но даже литература не хотятъ знать, что пишетъ г. Страховъ и что Дм. Аверкіевъ, а просто говоритъ: все это писали „стрижи“. Откуда это явленіе? Смѣю думать, м. м. г. г., что оно оттого происходитъ, что публика имѣетъ способность различать авторскую дѣятельность, имѣющую хоть какое-нибудь значеніе для нея, отъ таковой же, представляющей собой дѣтскую стряпню изъ песку, мѣлу и слюней. И, пожалуйста, не подумайте, чтобы слова мои заключали въ себѣ самовосхваленіе, но примите ихъ единственно, какъ доказательство того, что ежели „писатель, и дѣйствительно, одержимъ страстью „прудить“ (выраженіе это принадлежитъ не мнѣ, а

„Эпохѣ“), то этотъ недостатокъ ему легко прощается, лишь бы онъ „прудилъ“ не въ собственное свое ложе.

Затѣмъ, на очереди вопросъ о „легкости въ мысляхъ“. Замѣчу мимоходомъ, что вы, м. м. г. г., и острить какъ-то не умѣете своими словами, а все съ помощью Гоголя, либо Островскаго, а не то такъ и у меня позаимствуетесь.

Слова нѣтъ, что иногда подобныя заимствованія не лишни, однако, неумѣренное употребленіе такого пріема нерѣдко свидѣтельствуетъ и о скудости собственныхъ средствъ заимствователей... Итакъ, вы находите во мнѣ сходство съ тѣмъ гоголевскимъ персонажемъ, который говоритъ о себѣ: „у меня легкость въ мысляхъ необыкновенная“. Прекрасно. Я, разумѣется, всего менѣе оспариваю у вашего журнала право относиться къ моей дѣятельности по ближайшему его усмотрѣнію, но мнѣ кажется страннымъ одно обстоятельство: какъ это вы, г. лѣтописецъ, сдѣлавши такой нелестный обо мнѣ отзывъ, забыли, что за нѣсколько строкъ передъ тѣмъ сами же упоминаете о „неистовомъ терзаніи“ мною нѣкоторыхъ идей и сюжетовъ, а въ одномъ изъ моихъ сочиненій усматриваете даже (шутка сказать!) *варіацію на теорію страстей, положенную въ основаніе универсальной ассоціаціи?* И еще, какъ забыли вы, что за мѣсяцъ или за два передъ тѣмъ, вы сами, и въ томъ же журналѣ, выражались такъ: „не личности насъ трогаютъ, а *идеи*, проводимыя г. г. Щедринымъ, Антоновичемъ и Пыпинымъ“? Какой смыслъ послѣ этого можетъ имѣть вопросъ вашъ: „что сказалъ или хотѣлъ сказать г. Щедринъ въ продолженіе года?“ И не имѣю ли я права отвѣчать вамъ на это такимъ образомъ: я сказалъ и хотѣлъ сказать то самое, что сказалъ и хотѣлъ сказать весь „Современникъ“, я проводилъ тѣ самыя идеи, которыя вы, купно съ прочими стрижами собирались преслѣдовать? Полагаю, что имѣю такое право, а еще полагаю одно изъ двухъ: либо вы, собираясь въ походъ противъ „идей, мною проводимыхъ“, не понимали, о чемъ говорили, либо, дѣлая послѣ этихъ сборовъ отзывъ о моемъ „легкомысліи“ и отрицая съ моей стороны всякую заслугу передъ

дѣломъ мысли, сами поступали весьма легкомысленно. И не возражайте на это, что подъ легкостью мыслей вы разумѣли именно ихъ несостоятельность; нѣтъ, это вопросъ совершенно особый— *несостоятельность моихъ идей*, ихъ антипатичность вы будете преслѣдовать, со всѣми стрижами, *потомъ;* теперь же преслѣдуете собственно мое *легкомысліе*... и, воля ваша, выставляете на показъ только легкомысліе ваше собственное. Положимъ, что „идея" о *теоріи страсти* и т. д.—идея несостоятельная, но *легкою* ее все-таки назвать нельзя; положимъ также, что я „терзалъ ненравящіеся мнѣ сюжеты" безъ строгой связи, что я болѣе, нежели желательно, прибѣгалъ къ намекамъ, такъ вѣдь, во-первыхъ, на это есть обстоятельства, вполнѣ меня оправдывающія и вамъ совершенно извѣстныя, а во-вторыхъ, несмотря даже на темноту изложенія, читатели все-таки очень хорошо понимали, о чемъ и какъ я говорилъ. Очень можетъ быть, конечно, что я, и дѣйствительно, успѣлъ сказать немногое, но это немногое все-таки больше, нежели „мелькать", „звенѣть" и „предвѣщать ясную погоду". Затѣмъ, г. Лѣтописецъ въ подтвержденіе моего легкомыслія, задаетъ себѣ еще вопросъ: почему мнѣ, Щедрину, никто не отвѣчалъ, несмотря на постоянное „терзаніе" ненравящихся мнѣ нѣкоторыхъ идей и сюжетовъ? На это могу отвѣчать одно: журнальная дѣятельность обнимала 1863 и начало 1864 года, а въ это время россійскіе журналы и газеты совсѣмъ не объ „идеяхъ" и „сюжетахъ" заботились, а о томъ, въ комъ изъ нихъ больше пріятности; ежели же и встрѣчались въ нихъ различные „сюжеты", то именно такіе, которыхъ въ „Современникѣ" совсѣмъ не было... Наконецъ, хотя я и очень желаю разъяснить лѣтописцу мои отношенія къ роману „Что дѣлать?", но успѣю ли въ этомъ, ручаться не могу.

Прежде всего, изъ чего онъ вывелъ заключеніе о враждебности моихъ отношеній къ роману? Если изъ моего отзыва о *вислоухихъ и юродствующихъ,* такъ вѣдь тамъ говорится отнюдь не о самомъ романѣ, а объ извѣстномъ на него взглядѣ и тѣхъ поученіяхъ, которыя, подъ вліяніемъ этого взгляда, изъ него из-

влекаются. Что же касается до моего собственнаго мнѣнія, то разъяснить его я могу только ссылкою на мое сочиненіе „Какъ кому угодно“. Лѣтописецъ, упоминая объ этомъ сочиненіи, усматриваетъ въ немъ извѣстное намѣреніе (*варіаціи на теорію страстей и т. д.*). Не желаю спорить съ проницательнымъ критикомъ, но утверждаю, что ежели и было подобное намѣреніе, то оно стояло на весьма отдаленномъ планѣ. Ближайшая и для всѣхъ понятная мысль заключалась въ слѣдующемъ: въ обществѣ господствуютъ нѣкоторыя идеи, на которыя всѣ ссылаются, но которыхъ сила, даже на практикѣ, весьма сомнительна; спрашивается и т. д. Мысль, какъ видится, очень скромная, гораздо скромнѣе того *намѣренія*, которое приписываетъ мнѣ г. Лѣтописецъ, но не скрываюсь, имѣющая съ этимъ *намѣреніемъ* ближайшее родство. Но потому-то именно, что мысль эта скромна и даже ограничена, проведеніе ея казалось мнѣ дѣломъ прямѣе ведущимъ къ цѣли. Очень возможно, что я и не правъ, но таково мое убѣжденіе, что, дѣйствуя въ извѣстномъ смыслѣ, слѣдуетъ начинать не съ намѣреній, а съ разбора самыхъ простыхъ и ходячихъ общественныхъ истинъ. Авторъ „Что дѣлать?“ полагалъ иначе, но изъ чего же слѣдуетъ, что мои отношенія къ этому роману враждебны? Не слѣдуетъ ли, напротивъ того, заключить, что тутъ идетъ рѣчь единственно о практическихъ путяхъ? Удовлетворивъ, такимъ образомъ, вашего Лѣтописца, считаю долгомъ обратиться къ вамъ, г. г. Семейство, еще съ однимъ разъясненіемъ. Вы не разъ обличали меня въ томъ, что я принималъ участіе во „Времени“ прежде, нежели былъ закрытъ „Современникъ“.

Да, это правда! Утверждая противное, я ошибся. Но теперь могу даже припомнить всѣ обстоятельства, при которыхъ началось мое участіе во „Времени“. Въ 1861 году я пріѣзжалъ въ Петербургъ и случайно свидѣлся съ Ѳ. М. Достоевскимъ, который, между прочимъ, *весьма убѣдительно* приглашалъ меня къ участію, даже, такъ сказать, упрекалъ въ равнодушіи къ вновь возникшему журналу. Имѣя въ виду, что „Время“ въ ту пору пи-

талось ухвостьями идей „Современника“, подобно тому, какъ „Эпоха“ питается нынѣ ухвостьями ухвостій „Дня“, я согласился на сотрудничество и послалъ „Недавнія комедіи“. Затѣмъ, по закрытіи „Современника“ я послалъ во „Время“ еще нѣсколько очерковъ и получилъ отъ М. М. Достоевскаго письменное приглашеніе сотрудничать далѣе, съ предложеніемъ *какихъ угодно условій*... И послѣ этакихъ-то льстивыхъ словъ вдругъ оказаться и легкомысленнымъ и негоднымъ! Впрочемъ, успокойтесь; это не первый примѣръ горькой непослѣдовательности: г. Зайцевъ въ 1863 году обращался ко мнѣ съ статьями, и когда онѣ не были приняты, ужъ костилъ же онъ меня, костилъ въ „Русскомъ Словѣ“! Г. Дм. Аверкіевъ дѣлалъ мнѣ честь поднесеніемъ нѣкоторой гишпанской трагедіи (въ родѣ „Мамаева побоища“), которая тоже не была принята — нў, и онъ попробовалъ на мнѣ свои зубы... О, ужасъ! даже въ объявленіи объ изданіи „Русскаго Слова“ на 1863 годъ не усматриваю ли я своего имени въ числѣ прочихъ, долженствовавшихъ украсить своими трудами этотъ журналъ — а теперь? Вотъ гдѣ легкомысліе-то, дѣйствительное, заправское легкомысліе!

Въ заключеніе, позвольте одинъ совѣтъ: никогда не слѣдуетъ говорить неправду. Вы притворяетесь, что не прочли послѣднихъ статей „Современника“, направленныхъ противъ васъ, и въ то же время называете ихъ „оправдательными“. Но если вы ихъ не читали, откуда же знаете, что онѣ оправдательныя? Или опять какая-нибудь птица-вѣщунья сказала? Такъ не вѣрьте вы этой обманщицѣ и прочтите обѣ статьи съ прилежаніемъ. Увидите, что онѣ имѣютъ характеръ совсѣмъ не оправдательный, а обвинительный и даже поучительный.

Н. Щедринъ.

Глѣбъ Ивановичъ и Александра Васильевна Успенскіе.

(Воспоминанія и впечатлѣнія).

Посвящаю ихъ дѣтямъ.

Воспоминанія эти вызваны желаніемъ и даже какъ бы предсмертнымъ завѣщаніемъ мнѣ покойной Александры Васильевны Успенской. При жизни она не разъ высказывала это желаніе, но я не рѣшалась его исполнить— по многимъ очень важнымъ причинамъ. Личность Глѣба Ивановича слишкомъ своеобразна, сложна и порою едва уловима. Это былъ, по моему, во всѣхъ смыслахъ человѣкъ исключительный, *необыкновенный,* и мнѣ не пришло бы даже на мысль изобразить его *во всей цѣльности.* Не предполагая, что буду когда-нибудь писать мемуары, я никогда не записывала подробно и точно никакихъ разсказовъ и разговоровъ Глѣба Ивановича. Да и невозможно было въ тѣ годы вести подобныя записи — безъ риска подвергнуть другихъ и себя жестоко-произвольному преслѣдованію. Всѣ мы писали тогда больше въ головѣ, чѣмъ на бумагѣ. Многое поэтому улетучилось... И только *память сердца* сохранила въ неувядаемой свѣжести былое пережитыхъ и передуманныхъ лѣтъ...

I.

Моимъ близкимъ знакомствомъ съ Успенскими я обязана отчасти счастливой случайности.—Читая съ весны 1872 г. корректуру „Гражданина“, мнѣ приходилось по воскресеньямъ работать въ типографіи Траншеля, чтобы не задерживать набора и верстанья газеты, длившихся иногда цѣлую ночь. А съ переѣздомъ семьи редактора, Г. К. Градовскаго, на дачу, я нашла болѣе удобнымъ и въ остальные дни работать въ типографіи, а не въ столовой редактора, куда ежедневно являлся издатель— считать нумера своего изданія... Въ конторѣ у Траншеля я чувствовала

себя гораздо свободнѣе. Самъ Траншель слылъ за человѣка „съ образованіемъ". Онъ изъѣздилъ и исходилъ пѣшкомъ—по его словамъ—„всю Европу", года два или три посѣщалъ университетъ гдѣ-то „на югѣ", умѣлъ красно говорить на нѣсколькихъ языкахъ, велъ переписку съ знаменитыми фирмами за границей,—„зналъ" и Бебеля, и Лассаля, но отрицалъ соціализмъ въ Россіи, гдѣ „только дураки способны мечтать о немъ",—и вообще отличался богатой фантазіей рѣшительно во всѣхъ направленіяхъ. Заказчиковъ у него было много, а корректоромъ былъ тогда нѣкто З—скій, или „Бобоша", какъ всѣ называли его (онъ былъ заика, и когда волновался—всѣ слова начиналъ съ слога *ббо*). Это былъ недоучившійся студентъ Горнаго института, человѣкъ съ большими способностями, но совершенно неприспособленный къ какому бы то ни было „образу жизни". Онъ и работалъ, и кутилъ запоемъ, по цѣлымъ недѣлямъ пропадая въ разныхъ „общественныхъ учрежденіяхъ", и постоянно сражался съ Траншелемъ, доказывая ему, что онъ „человѣкъ свободный, а вовсе не крѣпостной, и „вправѣ" работать „не изъ-подъ палки, а когда „дѣйствительно нужно". Дѣйствительно же нужно было ему работать тогда, когда въ карманѣ не оставалось болѣе ни гроша и ни въ одно „общественное учрежденіе" его не пускали. Тогда онъ и спалъ, и обѣдалъ у Траншеля, и, не выходя изъ конторы, работалъ, не разгибая спины, цѣлыми сутками. И такъ какъ Бобоша все-таки былъ, очевидно, полезенъ своими знаніями и знакомствами въ разныхъ литературныхъ кругахъ еще со времени своего студенчества, Траншель смотрѣлъ сквозь пальцы на всѣ его „слабости", но, заочно жалуясь на „лѣнь и безсовѣстность этого негодяя", безцеремонно высчитывалъ у него изъ заработка всѣ прогульные дни, не брезгая иногда и процентами. А Бобоша отводилъ потомъ душу, давая ему всевозможныя клички: Пиратъ... Корсаръ... Гонзалезъ-Перейра... Шейлокъ изъ Бердичева...— Ббо... что же это вы—ремни изъ меня хотите вырѣзывать? —грозно подступалъ онъ, бывало, къ Траншелю, когда тотъ выдавалъ ему рублей двадцать-пять вмѣсто восьмидесяти. — Вы думаете, я стану даромъ для васъ работать?... Ббо... ббо... вы жестоко тогда ошибаетесь!.. Ббо.. я впередъ вамъ скажу: не на того дуралея напали!.. Ббо... чортъ васъ возьми со всѣми дѣлами... Ищите себѣ другого корректора... Ббо я... ббо я сейчасъ ухожу... Имѣю честь кланяться!—Онъ расшаркивался по военному и, хлопнувъ дверью, скрывался опять на недѣлю. А корректуры цѣлыми ворохами лежали у него на столѣ или просматривались самимъ Траншелемъ вмѣстѣ съ метранпажами.

И вотъ въ одну изъ такихъ недѣль я, ничего не подозрѣвая, заняла его должность корректора „Гражданина". И помню, въ какое смущеніе привелъ онъ меня при первой же встрѣчѣ своимъ рѣзкимъ допросомъ:

— Вы это что же, сударыня,— хлѣбъ у меня отнимать желаете? Въ конкурренцію мнѣ сюда вы пожаловали?—И онъ при этомъ строго окинулъ меня глазами съ головы до ногъ, нимало не стѣсняясь своимъ истрепаннымъ костюмомъ и грязнымъ воротникомъ и манштетами.

Видъ у него былъ очень внушительный. Высокій и статный, съ гордо закинутой головой чистокровнаго поляка-„мазура“, съ пышной шапкой волнистыхъ темныхъ волосъ и ярко-голубыми глазами навыкатъ, онъ могъ бы, пожалуй, назваться красивымъ, если-бъ не красное, какъ будто всегда воспаленное лицо и крупныя пухлыя губы циника, придававшія ему что-то чувственно-наглое и отталкивающее.

Я начала, было, объяснять ему въ свое оправданіе, что приглашена редакціей, а не Траншелемъ, и ни отъ Г. К. Градовскаго, ни отъ князя М. ничего не слыхала о немъ, и очень сожалѣю, если дѣйствительно нарушила его интересы. Но онъ остановилъ меня громкимъ хохотомъ.

— Да я за васъ теперь молебенъ отслужить способенъ—за то, что избавили меня отъ этого „Гра-аж-жданина“!.. Ббо меня всякій разъ ..., съ позволенья сказать,... тошнило отъ этого глупѣйшаго и пошлѣйшаго журнала... Ббо... названіе этому журналу вовсе не „Гражданинъ“, а просто-на-просто ид-діотъ!.. Честное слово даю: вы меня обязали. Траншель самъ меня бы никогда отъ него не избавилъ... Только, признаюсь, удивляюсь и вамъ: какъ это вы можете, не краснѣя, читать всѣ эти мерзости?.. Неужто вы ничего лучшаго никогда не читали?

Такимъ же точно тономъ „радикала“ и „обличителя“ говорилъ онъ при мнѣ А. Н. Майкову:

— Достопочтеннѣйшій Аполлонъ Николаевичъ, какъ же это не стыдно вамъ: вы, знаменитый русскій поэтъ, проводникъ просвѣщенія, и вдругъ на жалованьи чиновникомъ цензурнаго комитета?! Аполлонъ Майковъ, поэтъ— и вдругъ цензоръ! Я бы, на вашемъ мѣстѣ, считалъ для себя позоромъ.

И знаменитый русскій поэтъ не безъ смущенія оправдывался передъ „Бобошей“:

— Мнѣ кажется, я и теперь служу „проводникомъ просвѣщенія“: благодаря именно тому, что я цензоръ, въ Россію свободно проникаютъ такія книги, которыхъ другіе цензора, можетъ быть, ни за что бы не пропустили...

— Нѣтъ, ужъ какъ тамъ хотите, а поэтъ и цензура—это позоръ!.. Стыдно, стыдно, Аполлонъ Николаевичъ!

„Обличеніе“ издателя „Гражданина“ вышло, пожалуй, еще эффектнѣе.

Князь М. пришелъ въ контору, когда мы спѣшно работали, и поднялъ оглушительный крикъ по поводу только-что выпущеннаго изданія его „Исторіи Севастопольской войны“. Онъ требовалъ къ себѣ Траншеля, но

тотъ, какъ всегда въ такихъ случаяхъ, спрятался у себя, а передъ княземъ стоялъ безотвѣтно трепещущій отъ испуга литографщикъ Крейтенбергъ и, тщетно пытаясь успокоить разсерженнаго издателя, робко повторялъ одно только: „Aber, Durchlaut!.. Aber, Durchlaut!..“ Князь кричалъ такъ, что стекла въ окнахъ дрожали, и я невольно заткнула пальцами уши, не шутя боясь за свою барабанную перепонку. Но и сквозь крѣпко втиснутые пальцы я слышала, какъ онъ грубо,—казарменно-грубо,—прокричалъ на весь домъ:

— Скажите вашему Траншелю, что я его притяну къ суду! Я этого такъ не оставлю! Вы все изданіе мнѣ *изгадили*! (Онъ употребилъ другое, еще болѣе вульгарное, непечатное слово).

З—скій вскочилъ и, весь багровый отъ гнѣва, проговорилъ съ трудомъ, заикаясь:

— Прошу васъ здѣсь не кричать и не взабываться... Ббо... здѣсь рра...ббо...ботаютъ... Здѣсь общественное учрежденіе, а не кабакъ!

— Мо-олчать!—неистово завопилъ князь.—Какъ вы смѣете обращаться ко мнѣ, когда я васъ не замѣчаю!.. Я знаю васъ какъ пьянчужку, котораго лакей мой всегда можетъ вытолкать въ шею!..

З—скій, летавшій все время по комнатѣ съ напряженными жилами на вискахъ и сжатыми кулаками, остановился и крикнулъ въ упоръ князю М., съ великолѣпнымъ жестомъ безстрашнаго рыцаря, и даже ни разу не заикнувшись:

— Вы меня знаете какъ пьянчужку, а васъ вся Россія знаетъ— какъ ид-діота!..

Я сидѣла, не помня, гдѣ я и что со мною, и, затаивъ дыханіе, ожидала чего-то еще болѣе ужаснаго... Но въ конторѣ настала вдругъ мертвая тишина; князь отошелъ съ Крейтенбергомъ въ сторону и говорилъ ему пониженнымъ голосомъ:

— Что вы сказали? Я васъ не понялъ... Что вы сказали?..

Я взяла работу и убѣжала подальше отъ нихъ, въ факторскую. Туда же, вслѣдъ за мной, пришелъ и Бобоша.

— Нну!—говорилъ онъ, весь дрожа, какъ въ горячкѣ:—еще бы минута, и я бы спустилъ его сіятельство прямо въ окно, на Владимирскую... Пусть бы меня послали потомъ *по владимиркѣ*...

И онъ началъ тутъ же разсказывать мнѣ, какъ зимой вызывали одного „нагрубившаго“ князю студента къ шефу жандармовъ, въ III-е отдѣленіе, продержали дня три, и „самъ шефъ жандармовъ“ грозилъ выслать по этапу студента „за непочтительность къ вельможѣ“... Но не успѣлъ онъ всего досказать, какъ вошелъ князь съ корректурой своей

статьи. Стульевъ свободныхъ въ факторской не было ни одного. Князь подошелъ къ Бобошѣ и самымъ вѣжливымъ образомъ произнесъ:

— Прошу васъ, милостивый государь, уступить мнѣ вашъ стулъ: минутъ на десять!

Бобоша всталъ и отвѣтилъ въ такомъ же тонѣ, указывая на стулъ.

— Прошу садиться, милостивый государь!

Тѣмъ все и кончилось. Ни къ Шувалову, ни даже къ Трепову Бобошу не вызывали, но мнѣ за то онъ съ тѣхъ поръ не давалъ проходу.

— Рѣшительно не понимаю,—говорилъ онъ,—какъ это честная и неглупая женщина можетъ имѣть дѣло съ такимъ шутомъ гороховымъ, какъ этотъ вашъ, съ позволенья сказать, князь М...

Онъ подносилъ мнѣ печатавшіеся у Траншеля листки „Маляра", гдѣ постоянно помѣщались карикатуры на „Гражданинъ" и его издателя, изображаемаго большею частью въ образѣ Арлекина, и говорилъ съ ядовитой ироніей

— Вотъ, полюбуйтесь на вашего арлекина!.. Вотъ какъ надъ нимъ потѣшаются! А вы отъ него получаете деньги, вы зависите отъ этого арлекина!

И какъ я ни старалась доказать ему и себѣ, что деньги я получаю не за сочувствіе мое взглядамъ кн. М. и его сотрудниковъ, а за очень утомительный трудъ разбиранія его рукописей и выправленіе ошибокъ,—внутренно я тяготилась моимъ положеніемъ съ самаго перваго дня и всей душой стремилась къ освобожденію... А З—скій не унимался вплоть до тѣхъ поръ, пока не увидалъ меня однажды въ типографіи съ книжкой „Отечественныхъ Записокъ", взятой по дорогѣ у Черкесова.

— Ба! Что я вижу! Да вы и хорошія книжки тоже читаете!.. Вы, можетъ быть, и пріятеля моего, Николая Михайловскаго, тоже читаете? Вѣдь это будущее наше свѣтило. Умница и большой талантъ! Это второй у насъ Писаревъ. Честное слово даю!

И тутъ—совершенно неожиданно для меня—оказалось, что З—скій близко знаетъ не только Михайловскаго, съ которымъ ихъ „вмѣстѣ изъ Горнаго за одну и ту же исторію выгнали" [1]), но и жену Михайловскаго, бывшую невѣсту свою, онъ „уступилъ, какъ другъ,—болѣе его достойному другу"... Зналъ З—скій чуть ли не всю подноготную всѣхъ современныхъ ему литераторовъ,—и братьевъ Курочкиныхъ, и Демерта, и Минаева, и Слѣпцова, и Марко-Вовчокъ—„плантаторша—тоже въ своемъ родѣ Траншель въ юбкѣ..." Я слушала его невѣроятно-„обличительные" разсказы,—„Некрасовъ—первостатейный кулакъ, картежникъ и весь сгнилъ отъ раз-

---

[1]) Не помню, въ чемъ заключалась эта „исторія"...

врата съ француженками“... „Щедринъ—кулакъ, генералъ и сквалыга“, и т. д., и т. д..., слушала и не знала, что думать.

„Мнѣ было двадцать лѣтъ едва“.

Я только-что пріѣхала въ Петербургъ, только-что начинала самостоятельно мыслить и жить,—литература съ дѣтскихъ лѣтъ была для меня святыней...

— И Глѣба Успенскаго тоже знаете?—не безъ страха спросила я подъ конецъ. Этотъ писатель—изъ современныхъ—былъ мнѣ всѣхъ симпатичнѣе, какъ художникъ внутренней жизни, и жизни именно *нашей*, искателей хлѣба насущнаго, свѣта и правды,—и задавая вопросъ, я уже безотчетно боялась услышать что-нибудь нехорошее.

— Глѣба Иваныча? Глѣбушку?—нараспѣвъ протянулъ Бобоша:—еще бы не знать!

И тонъ, и выраженіе лица у него замѣтно смягчились, и глаза смотрѣли не такъ уже нагло, когда онъ съ чувствомъ прибавилъ:

— Ахъ, славный онъ! Золотая душа! И младенчески чистая, долженъ прибавить. Ббо... я... чистоту души увва-ж-жаю!

— Глѣбушка теперь за границей,—продолжалъ разсказывать мнѣ Бобоша.—Онъ въ Парижѣ. Но какъ только пріѣдетъ—обязательно васъ съ нимъ познакомлю. И жена у него—великолѣпная женщина. Всѣмъ женамъ въ примѣръ ее можно поставить. Идеалъ и самоотверженіе. Представьте одно: чтобы дать возможность Глѣбу Ивановичу побывать за границей, она взяла мѣсто сельской учительницы,—и вотъ теперь сидитъ гдѣ-то въ глуши въ Орловской губерніи... А потомъ и еще: умна необыкновенно! Недавно она такое письмо прислала въ редакцію „Отечественныхъ Записокъ“, такое письмо, что я—какъ только ее увижу—въ ножки ей поклонюсь за него. Умная! И ка-акъ она ихъ тамъ всѣхъ пробираетъ—всѣхъ „генераловъ“-то отъ „Записокъ Отечества“... По пятидесяти рублей въ мѣсяцъ положили Глѣбу Ивановичу,—точно онъ тоже у нихъ, что я здѣсь у Траншеля,—да еще *одинъ рубль* каждый разъ у него высчитывали—за пересылку по почтѣ... Какъ вамъ это понравится? Да я бы, послѣ такого письма, какое она имъ прислала,—пулю бы въ лобъ пустилъ—себѣ или ей,—честное слово даю!—ну, а эти ихъ превосходительства поторговались промежъ себя, посчитали на счетахъ, накинули двадцать-пять рублей серебромъ, заперли лавку и разошлись по домамъ, играть въ карты. Репутація, дескать, обезпечена. Фирма не пострадаетъ. Ну, и талантъ... поддержали!.. Вообще, я вамъ вотъ что скажу,—просвѣщалъ онъ меня при этомъ:—вы, пожалуйста, эту вашу провинцію поскорѣй позабудьте, и такъ и знайте, что всѣ эти литературные „генералы“—въ сущности тѣ же

Траншели; торгуютъ чужимъ трудомъ... Пираты-рабовладѣльцы, Гонзалезъ Перейры и больше ничего. Такъ и знайте!

Какъ-то утромъ, вскорѣ послѣ этого разговора, въ контору къ Траншелю вошелъ быстрой и легкой походкой невысокій, худощавый блондинъ въ черепаховомъ пенснэ, съ бѣлокурой бородой и усами, одѣтый по лѣтнему—въ парусиновой блузѣ подъ свѣтло-сѣрымъ пальто и въ свѣтлой соломенной шляпѣ. Подъ мышкой у него былъ портфель и книжка „Отечественныхъ Записокъ“.

Не знаю почему, я сейчасъ догадалась, что это—Михайловскій.

— Здравствуйте, Бобоша!—сказалъ онъ, подходя къ столу, за которымъ работалъ З—скій.

Бобоша вскочилъ и, съ шумомъ отодвинувъ стулъ, торжественно возгласилъ, обращаясь ко мнѣ:

— Вотъ! Ре-кко-мендую! Намѣстникъ св. Петра... то-бишь, Чернышевскаго, Добролюбова et tutti quanti! Клянусь честью, онъ самый!.. Ибо, знаешь, Николай Константинычъ, сія юная провинціалка не хотѣла мнѣ вѣрить, что я знакомъ съ порядочными людьми,—не то что съ знаменитыми литераторами... „Вы, говоритъ, все по трущобамъ шатаетесь, съ разными тамъ бродягами“...

Бобоша начиналъ фантазировать и совсѣмъ задыхался отъ усилія выражаться какъ можно краснорѣчивѣе.

— Отдохните немного, Бобоша!—съ улыбкой остановилъ его Михайловскій.—Я къ вамъ по дѣлу.

Онъ присѣлъ къ столу и, наклонивъ голову, началъ рыться въ портфелѣ, передавая разныя порученія отъ себя и Марьи Евграфовны (такъ звали жену Мих—го). Я съ интересомъ слѣдила за выраженіемъ его лица и движеніями. У него были тонкія, правильныя черты, свѣтлые, проницательно-умные, насмѣшливо-холодные глаза и всепобѣдная—*юпитеровская*—улыбка. Возвышенно-строгій лобъ, крутой, какъ стѣна, и эта улыбка внушали представленіе чего-то неприступнаго и несокрушимаго—какъ будто прикрытаго броней мыслительнаго арсенала. Энергіей молодого успѣха, самодовольствомъ удачника вѣяло тогда отъ этого знаменитаго впослѣдствіи „борца на славномъ посту“...

Въ манерахъ его сказывалась изысканная вѣжливость и какая-то особая, какъ бы тоже изысканная, *идейная простота*. Говорилъ онъ опредѣленно и сжато, внушительно подчеркивая иныя слова; голосъ былъ звучный, хотя несильный, и пріятный, но въ акцентѣ чувствовалось что-то слишкомъ *книжное*, сухое, теоретическое.

— Черезъ недѣлю пріѣзжаетъ Александра Васильевна,—говорилъ онъ Бобошѣ.—И пока она не найдетъ квартиры, она будетъ жить у насъ, въ

Гатчинѣ. Но квартиру необходимо найти въ этомъ мѣсяцѣ, такъ какъ Глѣбъ Иванычъ вернется—самое позднее—въ первыхъ числахъ августа. Александра Васильевна... несовсѣмъ здорова, ей будетъ вредно много подниматься по лѣстницамъ,—ей надо помочь,—внушительно заключилъ онъ,—и мы съ Марьей Евграфовной возлагаемъ надежды на васъ.

Бобоша не прекословилъ, и Михайловскій сейчасъ же заторопился на поѣздъ, или въ редакцію.

Мнѣ онъ сказалъ тогда нѣсколько привѣтливыхъ словъ, шутя посовѣтовалъ не слишкомъ полагаться на импровизаціи „нашего общаго знакомаго" и въ заключеніе любезно пригласилъ на дачу къ нимъ въ Гатчину. Узнавъ, что я только-что передъ тѣмъ читала его „Замѣтки Профана", гдѣ онъ сравниваетъ обычные пріемы журнальной полемики съ пріемомъ одной маленькой, близко знакомой ему дѣвочки, которую въ шутку называютъ колбасницей, а она отвѣчаетъ всѣмъ безъ различія пола: „*самъ* колбасница!"—Николай Константиновичъ прибавилъ тогда къ своему приглашенію:

— Тамъ у насъ вы увидите и эту маленькую дѣвочку, и услышите сами, что именно такъ она всегда отвѣчаетъ...

— Какъ NN въ „Русскомъ Вѣстникѣ"?—переспросила я.

— Точь въ точь какъ NN въ „Русскомъ Вѣстникѣ"! [1])—съ улыбкой подтвердилъ Николай Константиновичъ.

Недѣлю или двѣ спустя, въ контору пришли двѣ дамы,—З—скій предупредилъ меня, что онѣ придутъ,—одна высокая, полная брюнетка, вся въ черномъ, другая—маленькая, сухощавая и вертлявая, съ распущенными вдоль спины бѣлокурыми волосами и грубымъ загорѣлымъ лицомъ, одѣтая по дачному—въ чемъ-то легкомъ и свѣтломъ, съ небрежно наброшеннымъ на плечи синимъ ватерпруфомъ, и въ шляпѣ мужского покроя. Она звонко крикнула:

— Здѣсь господинъ З—скій? Можно его видѣть?—обратилась она ко мнѣ и прибавила:

— Михайловская.

— Успенская,—тихо проговорила вслѣдъ за ней высокая, блѣдная дама, энергически пожимая мнѣ руку.

Время было обѣденное; З—скій еще не вернулся. Я предложила имъ подождать его. Онѣ присѣли, и мы молча съ минуту разглядывали другъ друга. Я не сомнѣвалась, что З—скій успѣлъ и ихъ посвятить во всѣ подробности нашего съ нимъ знакомства.

Жены писателей представляли, повидимому, полную противоположность.

---

[1]) Не помню точно, съ кѣмъ именно полемизировалъ тогда Михайловскій, но это уподобленіе—именно изъ статей его лѣтомъ 1872 г. Это я хорошо помню.

Одна походила на школьницу-сорванца, другая—на солидную гувернантку, хотя онѣ были почти одннхъ лѣтъ,—обѣимъ подъ-тридцать.

Михайловская напоминала что-то цыганское, эксцентричное и бравурное. У нея были крупныя, какъ у Бобоши, чувственныя губы; въ низкомъ грудномъ голосѣ звенѣли точно колокольчики, красивые темносѣрые глаза сверкали какимъ-то бѣшенымъ весельемъ. Но я отлично знала уже, благодаря Бобошѣ, что она изъ вполнѣ благовоспитанной семьи, кончила курсъ „съ брилліантовымъ шифромъ" въ одномъ изъ лучшихъ тогда институтовъ и считалась любимою ученицею Рубинштейна.

Жена Успенскаго была совсѣмъ въ другомъ родѣ. Круглолицая, очень бѣлая, безъ кровинки въ лицѣ, съ мягкими очертаніями, съ тихимъ, слегка пѣвучимъ голосомъ, съ плавной походкой и ровными, неторопливыми движеніями, она казалась гораздо старше и въ своей черной мантильѣ, шляпѣ-капотъ на коротко остриженныхъ волосахъ и въ замшевыхъ черныхъ перчаткахъ (Михайловская была совсѣмъ безъ перчатокъ) напомнила мнѣ директрису не очень давно оставленной мною гимназіи,—и не скажу, чтобы меня отъ этого повлекло тогда къ ней (Михайловская показалась мнѣ интереснѣе). Но энергическое рукопожатіе говорило о нервной жизненной силѣ, и въ круглыхъ, какъ бусины, черныхъ глазахъ вспыхивалъ какой-то таинственный огонекъ, невольно покорявшій этой скрытой въ ней силѣ.

З—скій пришелъ пріодѣтый, причесанный, въ свѣжемъ бѣльѣ, и онѣ увели его съ собою—смотрѣть квартиры. Михайловская, прощаясь со мной, повторила приглашеніе побывать у нихъ въ Гатчинѣ.

— Только совѣтую пріѣзжать поскорѣе—пока еще розы цвѣтутъ, и ягоды не всѣ оборвали!—и пока насъ всѣхъ вмѣстѣ съ нашей великолѣпной дачей не унесло вѣтромъ!—со смѣхомъ крикнула она мнѣ уже на порогѣ.

22-го іюля были ея именины, и З—скій наканунѣ категорически объявилъ мнѣ, что Михайловскіе ждутъ меня завтра въ Гатчинѣ, и ему „приказано—не пріѣзжать безъ барышни".

— И я далъ слово. И вы, пожалуйста, не капризничайте и не выдумывайте никакихъ предлоговъ... Ббо... что это вы въ самомъ дѣлѣ ломаетесь точно Монаховъ, когда его вызываютъ на b i s!

Предлоговъ къ отказу, дѣйствительно, больше не было. „Гражданинъ" въ то лѣто выходилъ мѣсячнымъ сборникомъ, и я была почти совершенно свободна, но ѣхать туда все-таки было „страшно". И я всю дорогу молчала, а З—скій потомъ разсказывалъ разные анекдоты,—какъ я „трусила" и пыталась выскочить изъ окна,—„и непремѣнно бы выскочила", если-бъ онъ предусмотрительно не забаррикадировалъ меня корзинами съ бакалейнымъ товаромъ—цѣлымъ грузомъ дачныхъ комиссій Марьи Евграфовны.

Но я совсѣмъ не трусила, я только мысленно приготовлялась къ чему то очень большому и важному... Вѣдь шутка сказать!—ѣду къ одному изъ главныхъ сотрудниковъ „Отеч. Зап.“, буду слушать самыя умныя рѣчи, увижу самыхъ настоящихъ „новыхъ людей“, о которыхъ всѣ мы тогда столько мечтали... Не „разговоровъ“ хотѣлось мнѣ и не гостепріимства или „протекціи“ литературнаго „кружка“, а чего-то въ родѣ церковнаго пріобщенія святыхъ тайнъ *новой истины*. И страшно было—оказаться вдругъ недостойной и „отлученной“, и еще болѣе страшно—подойти и разочароваться,—на „мѣстѣ святомъ“ не найти никакой святыни...

Дача Михайловскихъ была у самаго парка, и вся утопала въ зелени. Мы застали всѣхъ—и гостей, и хозяевъ—въ саду, за чтеніемъ писемъ Глѣба Иваныча изъ Парижа. Александра Васильевна жаловалась при этомъ, что не находитъ подходящей для нихъ квартиры, гдѣ было бы удобно работать Глѣбу Иванычу, и что придется оставаться опять на старой—тамъ же, гдѣ Демертъ,—въ домѣ Воронина, на Гончарной [1]). Потомъ Марья Евграфовна повела меня показывать дачу и „маленькую колбасницу“. Это была премилая нѣмочка лѣтъ пяти, которую Михайловскіе пріютили у себя на лѣто [2]), и которая поминутно безъ устали отвѣчала всѣмъ и каждому: „самъ колбасница“.

— А дача-то, дача!—кричала мнѣ Марья Евграфовна:—Обратите же, пожалуйста, вниманіе на нашу дачу!..

Помню, въ какое умиленіе привела меня эта бѣдная, тѣсная дача изъ барочныхъ досокъ, съ круглыми дырами отъ гвоздей, въ которыя свободно дулъ лѣтній вѣтеръ и брызгали золотымъ огнемъ солнечные лучи. Вся обстановка—простые, некрашенные столы, скамейки и табуреты, даже кровати, покрытыя плэдами,—вызывали во мнѣ умиленіе и восторгъ. А къ письменному столу Николая Константиновича я не смѣла и подойти—какъ будто это былъ не столъ, но алтарь, гдѣ совершалось священнослуженіе. Столъ былъ тоже простой деревянный, заваленный грудами рукописей, книгъ и газетъ. Книги лежали на полкахъ и на полу. Пара вѣнскихъ стульевъ и деревянный табуретъ у стола довершали убранство этого „кабинета писателя“. Въ комнатѣ Марьи Евграфовны была такая же первобытная простота. И помню, когда Александра Васильевна передъ обѣдомъ искала зеркала, чтобы поправить прическу, Марья Евграфовна, смѣясь, принесла ей изъ кухни осколокъ, въ которомъ можно было разглядѣть одинъ только глазъ или кончикъ носа, да и то въ исковерканномъ видѣ. Но Але-

---

[1]) Въ письмахъ изъ-за границы Гл. Ив. дѣлаетъ часто сравненія съ этимъ домомъ Воронина и съ Гончарной.

[2]) Сестра этой „колбасницы“, впослѣдствіи извѣстная оперная пѣвица, уѣзжала куда-то въ „турнэ“ съ братомъ Марьи Евграфовны, тоже прекраснымъ артистомъ.

ксандрѣ Васильевнѣ уступили самую лучшую комнату, а въ столовой—для гостей стояла привезенная изъ города удобная софа. И все, что мнѣ говорили и показывали тогда, казалось мнѣ до того плѣнительно и чудесно, что я окончательно расчувствовалась, ушла отъ нихъ въ садъ и предалась тамъ на волѣ самымъ восторженнымъ размышленіямъ о „новой жизни“ и „новыхъ людяхъ“. Вѣдь, собственно, новое и было вотъ именно тутъ, въ этой восхитительной простотѣ! Человѣкъ подходилъ прямо и просто какъ *человѣкъ* къ *человѣку*,—входилъ въ кругъ близкихъ, становился членомъ одной и той же семьи. Развѣ это было не ново? Не возвышенно-хорошо?..

Меня разбудилъ тогда звонкій голосъ Марьи Евграфовны:

— Бобоша, гдѣ же ваша барышня? Что это она все убѣгаетъ отъ насъ? Не знаю, какъ ее занимать!.. Зовите ее обѣдать...

За обѣдомъ Николай Константиновичъ разсказывалъ о „новыхъ талантахъ“ Madame (такъ звалъ онъ жену):

— Представьте, Александра Васильевна,—говорилъ онъ,—вотъ ужъ чего бы никогда не подозрѣвалъ: Madame, оказывается, не только великолѣпная музыкантша и переводчица, но еще и гимнастка-эквилибристка. И это невольно мнѣ открываетъ новыя перспективы на будущее... Не знаю, способна ли она ходить по канату, но что она съ изумительнымъ совершенствомъ ходитъ по людскимъ головамъ—это я недавно узналъ по собственному опыту. Вчера—только-что вы уѣхали въ городъ—взялись мы съ ней вмѣстѣ за Спенсера. Мѣсто было очень трудное—Madame перевела мнѣ à livre ouvert. Я, разумѣется, по совѣсти похвалилъ... Вдругъ—бацъ!—не успѣлъ я опомниться—Madame стоитъ у меня на плечѣ,—буквально, на однихъноскахъ!.. „Ура! Степанида! Ура!.. Баринъ меня похвалилъ!..“ Степанидѣ послышалось, что „пожаръ“... Степанида подняла крикъ: „горимъ!..“ Набѣжало тутъ къ намъ народу чуть не со всѣхъ дачъ... Супъ ушелъ, жаркое перегорѣло... Съ Madame—истерика... отъ чрезмѣрнаго хохота, полагаю...

— Баринъ! Что это вы тамъ разсказываете!?—кричала изъ кухни Марья Евграфовна (она дѣлала тамъ воздушный пирогъ)—и въ тотъ же мигъ, влетая въ столовую, она съ разбѣга—непостижимо для всѣхъ—вспрыгнула на плечи къ сидѣвшему у самыхъ дверей Бобошѣ, а потомъ—совершенно какъ бѣлка—очутилась на спинѣ у Михайловскаго.

— Бобоша! Стаканъ вина! Налейте вина мнѣ!—командовала она.—Баринъ, держитесь! За здоровье присутствующихъ! Vive l'adresse!.. Да что же никто мнѣ не аплодируетъ?!..

Она собиралась продѣлать еще какую-то новую штуку,—но Александра Васильевна запротестовала:

— Не надо больше, Марья Евграфовна!—жалобно просила она.—У

меня даже голова закружилась, глядя на васъ. Бѣдному Николаю Константинычу, я думаю, тяжело. Вы вѣдь не „маленькая колбасница"... Николай Константинычъ,—правда, вѣдь вамъ тяжело?

— Что дѣлать, Александра Васильевна!.. Начинаю привыкать понемногу... Брачныя узы—все-таки узы!—философически отозвался Николай Константинычъ, и трудно было рѣшить—въ шутку это онъ говоритъ или серіозно.

Къ вечеру набралось еще много новыхъ гостей, и гатчинскихъ, и пріѣзжихъ. То и дѣло назывались болѣе или менѣе извѣстныя мнѣ имена сотрудниковъ разныхъ газетъ и журналовъ. Говорили, что Демертъ тоже пріѣхалъ, но—„весьма свирѣпъ" и бродитъ гдѣ-то по парку съ Минаевымъ. Мы тоже были въ паркѣ,—осматривали старый дворецъ,—и все время слышали гдѣ-то вдали странные звуки—не то мычаніе раненаго звѣря, не то похоронное пѣніе...

— Слышите, господа,—это вѣдь Демертъ поетъ!?—неувѣренно сказалъ кто-то изъ присутствующихъ.

— Нѣтъ, это вамъ послышалось,—говорили другіе.—Это просто вѣтеръ. Начинается, кажется, буря,—видите, какъ деревья качаются?—Сейчасъ пойдетъ дождь.

И дѣйствительно, начинало накрапывать, и слышались глухіе удары грома. Но позже, когда всѣ собрались на балконѣ, въ ожиданіи чая, изъ парка снова послышались тѣ же звуки.

— Ну, конечно, это Демертъ!—заговорили вокругъ.—Страшная сила у человѣка!.. Губитъ онъ ее только зря...

— На дуэль собирается вызвать Б—на. До бѣлаго каленія его довели...

— Удары грома заглушали слова, пѣніе замѣтно приближалось,—и по временамъ казалось, какъ будто все это вмѣстѣ—и пѣніе, и громъ, и молнія, и шумные порывы вѣтра—сливалось въ одинъ драматически-бурный аккордъ. Кто-то вспомнилъ при этомъ сцену изъ „Лира"... Наконецъ, можно было разслушать слова. Сильный, выразительный голосъ пѣлъ „Стараго Капрала" Беранже:

...„Я оскорби́лъ офицера—
Молодъ и онъ оскорблять
Старыхъ солдатъ!—Для примѣра
Надо меня разстрѣлять!..."

Новый ударъ грома заглушилъ окончаніе. Въ глубинѣ сада скрипнула калитка, и въ сумракѣ ненастнаго вечера показались двѣ темныхъ фигуры, одна повыше, другая пониже. Точно электрическій токъ ударилъ по нервамъ—всѣ поднялись навстрѣчу входившимъ, и минуту спустя высокій по-

жилой господинъ съ желчнымъ угрюмымъ лицомъ, изрытымъ оспинами, въ золотыхъ очкахъ, въ мягкой войлочной шляпѣ и теплом осеннемъ пальто, грузно опустился на ступеняхъ балкона. Подозрительно оглядываясь вокругъ себя исподлобья на всѣхъ присутствующихъ, онъ промычалъ что-то невнятное себѣ подъ носъ:

— Мазурики... канальи!—неясно донеслось до меня.

— Здѣсь все свои, Николай Александровичъ!—говорила ему съ улыбкой Марья Евграфовна.—Вотъ и Александра Васильевна тоже здѣсь!..

— Какая такая Александра Васильевна? Не надо мнѣ никакой Александры Васильевны!..

Вокругъ послышался смѣхъ.

— Вотъ прекрасно! Вы ужъ и Александру Васильевну позабыли.... Жену Глѣба Иваныча!

Демертъ тоже расхохотался.—Матушка, Александра Васильевна!.. Не узналъ! Ее-ей, не узналъ!—бормоталъ онъ, стоя передъ ней на колѣняхъ, и, ловя ея руку, цѣловалъ взасосъ пьяными поцѣлуями. А она уговаривала его своимъ тихимъ, успокоительнымъ голосомъ:

— Не надо такъ разстраивать себя Николай Александровичъ! Вы такой хорошій писатель—вамъ надо себя беречь. Что же дѣлать? У всѣхъ бываютъ свои непріятности. И у Глѣба Иваныча тоже бывали...

— Глѣбъ Иванычъ? А гдѣ онъ,—гдѣ Глѣбъ Иванычъ? Дайте мнѣ Глѣба Иваныча! Дайте Глѣбушку! Не хочу я съ мазуриками! Не хочу!—взвизгивалъ онъ и снова яростно бранилъ кого-то:—Разбойники! Палачи! Давятъ за горло... Понимаете?—душатъ... прямо за горло... „Разстрѣля-ть!“—вдругъ дико выкрикнулъ онъ, и опять запѣлъ, какъ въ лѣсу,—унылымъ, торжественно-похороннымъ маршемъ:

„Въ ногу, ребята, идите!
Слушай команды слова!
Разъ—два! разъ—два!“

И руки его при этомъ отбивали въ воздухѣ зловѣщую барабанную дробь... Становилось и жутко, и жалко кого-то, и мучительно-тяжело...

Марья Евграфовна отпаивала его горячимъ чаемъ съ ромомъ и совала ему въ ротъ куски своего именинпаго пирога, которые онъ тутъ же выплевывалъ съ такимъ гнѣвомъ и отвращеніемъ, какъ будто это былъ не слоеный и очень вкусный паштетъ съ бѣлыми грибами, а инквизиторскій кляпъ, орудіе возмутительной пытки.

Дождь лилъ ужъ вплотную, когда пришли сказать, что пріѣхалъ извозчикъ, заказанный Демертомъ. И какъ его ни удерживали,—онъ не захотѣлъ остаться. И даже Минаева наотрѣзъ отказался везти обратно съ собою.

— Тѣсно вдвоемъ—ну тебя совсѣмъ! Бери себѣ другого извозчика, а я поѣду одинъ.

Шатаясь, побрелъ онъ въ темнотѣ къ калиткѣ—между деревьями. Пролетка была открытая, зонтика съ нимъ не было, дождь такъ и хлесталъ его по головѣ. Но только-что застучали, отъѣзжая, колеса—раздался тоскливо-прочувствованный напѣвъ: онъ пѣлъ!

„Ѣду ли ночью по улицѣ темной,
Бури заслушаюсь въ пасмурный день“...

На балконѣ все стихло. Всѣ слушали. Только Марья Евграфовна, какъ бы подчиняясь общему настроенію, допѣвала вполголоса эту грустную строфу:

„Другъ беззащитный, больной и бездомный,
Вдругъ предо мной промелькнетъ твоя тѣнь!“...

— Фу! только тоску на всѣхъ нагналъ!—проговорила она въ заключеніе, когда всѣ начали одинъ за другимъ вставать и прощаться.— А все-таки я его больше всѣхъ люблю, господа!—съ чувствомъ прибавила она тутъ же.—Онъ всѣхъ васъ оригинальнѣе.

— И вѣдь чудакъ этакій!—вставилъ, смѣясь, Минаевъ.—Зонтика никогда съ собой не беретъ. Самъ мнѣ разсказывалъ, какъ онъ весной нынче разъ до того обозлился, что надо „что-то постоянно держать надъ собою“,—взялъ и бросилъ его въ Фонтанку. Новый шелковый зонтикъ,—двѣнадцать рублей при мнѣ заплатилъ въ Англійскомъ магазинѣ.

Меня оставили ночевать и уложили въ центральной столовой, на „софѣ для гостей“. Вокругъ меня всѣ размѣстились по разнымъ комнатамъ и клѣтушкамъ. Только Бобошѣ не хватило мѣста въ домѣ, и его съ другимъ гостемъ-студентомъ уложили спать на балконѣ, въ ворохахъ свѣжаго сѣна. И, кажется, только они тамъ и спали въ эту ночь, несмотря на дождь и грозу. Вокругъ меня разговаривали всю ночь напролетъ. Марья Евграфовна безъ умолку хохотала и заставляла другихъ хохотать, разсказывая остроумные анекдоты изъ жизни—своей и чужой—большею частью, разумѣется, фантастическіе.

Потомъ какъ будто затихало, и слышался только шелестъ переворачиваемыхъ страницъ изъ спальни Николая Константиновича, но минуту спустя раздавался стукъ въ тонкую стѣну и голосъ Марьи Евграфовны:

— Александра Васильевна,—вы еще не заснули? Что вы тамъ дѣлаете?

— Я перечитываю письма Глѣба Ивановича. Мнѣ не нравится, зачѣмъ это онъ пошелъ въ Bal Mabil... Это вашъ братъ его туда затащилъ, Марья Евграфовна.

— Отъ Михаила Евграфовича я всего ожидаю,—но вообще я не понимаю, какъ это вы рѣшились отпустить Глѣба Иваныча безъ себя!..

— Я не могла ѣхать съ нимъ теперь за границу. У насъ столько долговъ... Откуда же было взять денегъ на это? И потомъ я больна, я теперь устаю... Я бы только стѣснила его.

— Ну, такъ и ему совсѣмъ тогда незачѣмъ было ѣхать!..

— Ему было нужно поѣхать. Глѣбъ Иванычъ хочетъ работать. Ему надо много видѣть и знать.

— Но въ Парижъ, въ Парижъ!.. Нѣтъ, воля ваша, я бы ни за что не пустила!—Баринъ! вы слышите?—Она стучала въ дощатую перегородку „кабинета“, гдѣ Михайловскій, повидимому, читалъ въ постели.—Вы отъ меня не уѣдете никуда. Предупреждаю! Повисну на шеѣ—или со мной, или никуда!.. Баринъ! Отвѣчайте же намъ: хорошо она сдѣлала, что пустила его?

— По моему, превосходно. Образцово поступила Александра Васильевна. Глѣбъ Ивановичъ не ребенокъ, и онъ прекрасно знаетъ цѣну своей женѣ.

— Но я бы дьявольски ревновала... Баринъ, какъ это вы не хотите понять! Француженки... парижанки... Канканъ въ Bal-Mabil... И Глѣбъ Иванычъ на все это смотритъ... Воображаю!—Она звонко расхохоталась.—Онѣ его тамъ начнутъ просвѣщать,—а онъ и пикнуть не смѣетъ! Смотритъ во всѣ глаза да дергаетъ себя за бороду... Воображаю!.. Нѣтъ, баринъ, вы только это представьте себѣ... Картина! (Хохотъ.) Глѣбъ Иванычъ... канканъ... И какая-нибудь Suzon-Louison башмачкомъ ему въ носъ! ...„Qu'est-ce qu'il veut de moi, ce drole-là“... (Хохотъ.)

— Я не боюсь никакихъ парижанокъ,—слышался ровный, невозмутимый голосъ Александры Васильевны.—И мы не для того сошлись съ Глѣбомъ Иванычемъ, чтобы виснуть другъ у друга на шеѣ... Я увѣрена, Глѣбъ Иванычъ вернется такимъ, какъ онъ былъ... Мнѣ просто страшно за его здоровье... И зачѣмъ же ему смотрѣть всѣ эти гадости, когда онъ знаетъ, что это гадко?!.

— Барышня! Вы не спите?—не унималась Марья Евграфовна.—Мы васъ будимъ? не даемъ вамъ заснуть? Спите завтра хоть до обѣда, но теперь подавайте свой голосъ... Что вы думаете? Говорите скорѣе!

Я еще ровно ничего не думала и не до сна мнѣ было съ такимъ обиліемъ новыхъ впечатлѣній, но я должна была что-нибудь отвѣтить, чтобы онѣ знали, что я не сплю и все слышу,—и я сказала, что, по моему, Александра Васильевна очень счастлива, если можетъ быть такъ увѣрена...

— Ну, ужъ счастье, могу сказать!—закипятилась снова М. Е.—

Мужъ полгода въ Парижѣ, а жена—здѣсь одна!.. Страсти ни капли— вотъ въ чемъ вся штука! Это отъ малокровія, Александра Васильевна,— увѣряю васъ. Баринъ, вы слышали, что я говорю? Вы согласны?..

И такъ продолжалось вплоть до разсвѣта.

Я прогостила тогда у Михайловскихъ дня два или три, и всѣ дни походили на этотъ. Было весело, интересно, но и какъ будто слегка дурманно,—благодаря бурной неугомонности Марьи Евграфовны. Все существо этой женщины какъ будто начинено было порохомъ—и отъ малѣйшаго прикосновенія вызывало взрывы—то истерическаго смѣха, то истерическихъ слезъ. Только въ часы, когда работалъ Николай Константиновичъ, она ходила на цыпочкахъ, прикладывая палецъ къ губамъ, или убѣгала вонъ изъ дому,—„чтобы не мѣшать“,—уводя при этомъ съ собой свою свиту— безпрестанно откуда-то приходившихъ и опять исчезавшихъ гостей. И чего только ни выдѣлывала она тогда! То бѣгала взапуски со студентами и колбасницей, то прыгала черезъ скамейки, канавы и изгороди, то ураганомъ носилась по парку, пуская драматическія рулады,—то просто, ни съ того, ни съ сего, кричала „ура!“, „караулъ!“, и была счастлива, какъ ребенокъ, когда на крикъ ея прибѣгалъ, запыхавшись, городовой и съ недоумѣніемъ оглядывался вокругъ на чинно сидѣвшую на скамейкахъ „чистую публику“,—не понимая, въ чемъ дѣло. Погулявъ такъ съ нами однажды, Александра Васильевна отказывалась потомъ подъ разными предлогами: или нужно было написать Глѣбу Иванычу, или—прочесть какую-нибудь статью и посовѣтоваться о своихъ дѣлахъ съ Николаемъ Константиновичемъ,—и затѣмъ встрѣчала насъ съ снисходительной улыбкой доброй наставницы, какъ неразумныхъ, но милыхъ дѣтей...

Сначала я чутко прислушивалась къ каждому слову Николая Константиновича, боясь пропустить что-нибудь очень важное,—но всѣ разговоры вертѣлись на ихъ личныхъ и редакціонныхъ, журнальныхъ дѣлахъ или на пустякахъ. На общихъ прогулкахъ онъ обыкновенно молчалъ,— вѣроятно, обдумывая свои работы,—или шутилъ съ „колбасницей“ и подтрунивалъ надъ „дамскими туалетами“. Тогда носили платья съ „panier“, и я какъ сейчасъ слышу его насмѣшливый голосъ, какимъ говорилъ онъ женѣ: „Поправьте, пожалуйста, вашу корзинку, Madame,—она у васъ совсѣмъ ни на что непохожа!“... Въ остальное же время,—т. е. за обѣдомъ и чаемъ,—писатель ѣлъ, пилъ, отдыхалъ, рѣшительно какъ всѣ прочіе люди...

Возвращалась я не то что разочарованная, а какъ бы „исцѣленная“ отъ „нелѣпаго бреда“ о „святыняхъ“, „пророкахъ“ и прочее... Даже самой мнѣ казалось тогда смѣшнымъ высокопарное настроеніе, въ какомъ я ѣхала въ Гатчину. Нимбы исчезли. Небожителей не было. Ни святыхъ, ни пророковъ—люди, какъ люди. Добрые, умные, честные и простые. Главное,—

очень простые, доступные всѣмъ, какъ будто всѣ были имъ дѣйствительно *ближніе*... Чего же еще желать?! Я какъ будто сразу „прозрѣла“ и поняла неизбѣжную разницу между „писательствомъ“ и обиходною жизнью. За письменнымъ столомъ, наединѣ съ собою и книгами, писатель и думаетъ, и живетъ для *литературы*, т. е. для всѣхъ. И кто хочетъ знать его чувства и мысли—долженъ читать, что онъ написалъ...

Такъ думалось мнѣ тогда. И только послѣ встрѣчи съ Глѣбомъ Ивановичемъ я узнала, что можно даже однимъ молчаливымъ своимъ присутствіемъ давать ощущеніе живой творческой правды и творческаго огня.

II.

— Ну-съ, Глѣбъ Ивановичъ, наконецъ, пріѣхалъ!—возвѣстилъ мнѣ З—скій. Это было въ самомъ началѣ августа, наканунѣ какого-то праздника, когда мы собирались опять ѣхать въ Гатчину.—Не желаете ли зайти къ нему сегодня со мной? Намъ будетъ какъ разъ по дорогѣ.

— Но какъ же безъ приглашенія? Онъ будетъ недоволенъ. Мы можемъ ему помѣшать... Вообще—страшно...

— Глѣбушки страшно?! Да вы не имѣете никакого понятія, что это за человѣкъ. Онъ—добрѣйшій. Однимъ словомъ—душа. И больше ничего. А помѣшать мы ему не можемъ, потому что зайдемъ на одну минуту. Можетъ быть, и ему понадобится что-нибудь передать Александрѣ Васильевнѣ... Такъ желаете?

Видѣть Глѣба Иваныча мнѣ очень хотѣлось,—я согласилась, и мы пошли на Фонтанку, въ домъ Тарасова. Съ точностью, впрочемъ, не берусь рѣшить, гдѣ это было,—но только не на Гончарной, а гдѣ-то по пути на варшавскій вокзалъ. И по разспросамъ близкихъ лицъ, и по логическимъ догадкамъ заключаю, что это было въ квартирѣ Павловскаго (второго брата Марьи Евгр., артиста, въ то время еще ученика консерваторіи), Въ Гончарной, въ квартирѣ Успенскихъ, вѣроятно, производился ремонтъ, такъ какъ и Александры Вас. тоже не было въ Петербургѣ,—она все еще оставалась въ Гатчинѣ.

Помню, что мы вошли, не стучась, въ комнату, залитую лучами заката. Лучи падали сбоку, въ растворенное окно, и освѣщали съ головы до ногъ стройную и высокую фигуру человѣка, стоявшаго передъ письменнымъ столомъ, спиною къ дверямъ. Онъ набивалъ папиросы и что-то оживленно разсказывалъ господину, сидѣвшему сбоку у стола. Не помню навѣрное, кто сидѣлъ, но, кажется, это былъ тогда Демертъ. Голосъ разсказчика былъ необыкновенно выразительный и пріятный, съ характерными

паузами и то замедленной, то ускоренной рѣчью. Я пропустила впередъ Бобошу, и первое, что бросилось мнѣ въ глаза, былъ этотъ весь освѣщенный лучами заката высокій, стройный человѣкъ въ старенькомъ сѣромъ лѣтнемъ пальто и въ туфляхъ—кажется, на босыхъ ногахъ... Заслышавъ наши шаги, онъ быстро обернулся, вспыхнулъ и стыдливо запахнулся полой съ одной верхней пуговицей,—онъ былъ безъ жилета и галстуха. Густые русые волосы безпорядочными прядями падали ему на широкій лобъ, бѣлый и гладкій, какъ слоновая кость. Я не могла бы съ точностью разсказать, какія были у него черты, какіе губы и носъ, но золотисто-русая борода, ласковая застѣнчивая улыбка, и темные горячіе глаза, и все лицо, молодое и доброе, разгоряченное солнцемъ и не остывшимъ еще волненіемъ любимаго труда, симпатичное и какъ будто *родное* лицо,—все это запомнилось сразу и навсегда.

— Извините, пожалуйста!—торопливо заговорилъ онъ, здороваясь съ нами.—Тутъ у меня полнѣйшій разгромъ. Я вѣдь только-что всталъ... Всю ночь надо было писать—онъ указалъ глазами на разбросанные по столу мелко исписанные листки почтовой бумаги.—Не хотите ли чаю? Вы, я слышалъ, изъ Вильны? Чудесный городъ!.. Я проѣзжалъ... Совершенно какъ за границей... Постройки совсѣмъ такія же...

И не слушая моихъ отказовъ отъ чаю, все придерживая рукою полу пальто, другой—онъ уже наливалъ и подавалъ мнѣ стаканъ, предлагалъ папиросу, рекомендовалъ и дарилъ только-что привезенный имъ новый французскій романъ новаго романиста [1]) и, видимо, не зналъ, что ему со мной дѣлать. Я поспѣшила объяснить, что мы зашли только узнать, не дастъ ли онъ какого-нибудь порученія въ Гатчину.

— Вы ѣдете въ Гатчину? Это чудесно. Я тоже завтра пріѣду. Съ первымъ же поѣздомъ. Непремѣнно. А сегодня—никакъ не могу. Надо еще дописать и доставить въ редакцію. Александра Васильевна знаетъ... Но все-таки лучше я ей сейчасъ напишу. Обождите одну минуту, пожалуйста. Я васъ ничуть не задержу, я сейчасъ... пару словъ...

Онъ стоя писалъ записку, а мнѣ почему-то сдѣлалось вдругъ совершенно легко, точно дома, въ этой неприбранной комнатѣ, съ сапогами на столѣ и диванѣ, съ кипящимъ на окнѣ самоваромъ, съ раскрытыми чемоданами и разбросанными вокругъ вещами...

„Вотъ и пріѣхалъ Глѣбъ Ивановичъ!“—думала я, любовно оглядывая его милую растрепанную голову и нервныя, порывистыя движенія, и мы-

---

[1]) Романъ „Ventre de Paris“ Zola, который онъ привезъ для Александры Васильевны, но дарилъ всѣмъ, кого ни увидитъ.—Онъ считалъ этотъ романъ самой жестокой и вѣрной сатирой на буржуазную Францію...

словно тутъ же опредѣляя его себѣ: „чуткій и трепетный какъ струна"... И руки у него были тоже трепетныя и горячія.

— Ну что, какъ вамъ понравился Глѣбъ Ивановичъ?—спрашивалъ меня З—скій дорогой.

— Прелесть!—откровенно призналась я.—Чувствую, что уже люблю его всей душою! И вотъ странно: какъ будто я давно, давно его знаю!.

Глѣбъ Ивановичъ пріѣхалъ въ Гатчину, какъ обѣщалъ—съ первымъ поѣздомъ, когда мы всѣ еще спали. Запомнилось на всю жизнь это яркое голубое утро, и тѣнисто разросшійся садикъ на дачѣ у Михайловскихъ, и пышный зеленый малинникъ, полный спѣлыхъ душистыхъ ягодъ, куда я пошла набрать для всѣхъ на дорогу малины. Сейчасъ послѣ завтрака устраивалась „научная экспедиція" въ Пулково, гдѣ намъ обѣщали показать Венеру, „сверкающую, какъ алмазъ, въ лучахъ солнца"... Глѣбъ Иванычъ стоялъ подлѣ меня и помогалъ мнѣ находить самыя спѣлыя, крупныя ягоды, еще не тронутыя червемъ. Но совѣтовалъ класть ихъ не въ корзину, а прямо въ ротъ.

— Увѣряю васъ, что именно такъ слѣдуетъ всегда поступать. Кто хочетъ—пусть себѣ самъ собираетъ.

И вдругъ, обернувшись ко мнѣ лицомъ, онъ отрывисто вымолвилъ:— Я слышалъ,—вы пишете?

Я даже вздрогнула отъ неожиданности.

— Пробую... Но пока еще все неудачно...

— О чемъ же вы вы пишете... или хотите писать? — спрашивалъ онъ, склонивъ голову немного къ плечу, крутя кончики бороды и сосредоточенно всматриваясь въ мое лицо. И тутъ же подсказалъ мнѣ отвѣтъ на мое взволнованное молчанье:

— Ну да, я понимаю: это всегда очень трудно сказать. Обо всемъ хочется?!—Вы и пишите—о чемъ только хочется.—Только тогда и выходитъ, когда пишешь, о чемъ хочется...

Я слушала это какъ будто сердцемъ, а не ушами—такъ проникалъ его голосъ мнѣ въ душу — и понимала только одно—что рѣшительно у меня нѣтъ и не можетъ быть никакихъ тайнъ отъ этого человѣка, что этому человѣку можно все разсказать и повѣрить, — все онъ пойметъ. И если даже осудитъ—не будетъ ни больно, ни оскорбительно. Будетъ одна только *правда*.

И это чувство къ Глѣбу Ивановичу оставалось у меня неизмѣннымъ всю жизнь, и никакія позднѣйшія событія не въ силахъ были его измѣнить,—даже когда мнѣ казалось, что онъ *не понялъ* и оттого невѣрно судилъ многое, многое...

Онъ былъ въ то утро въ изящномъ лѣтнемъ костюмѣ, и помню—

всѣ и мужчины и дамы восхищались „изумительнымъ“ покроемъ его парижскаго пальто и жакета и элегантностью его галстуха изъ настоящаго linot. И всѣ говорили, что у Глѣба Иваныча теперь видъ настоящаго „дэнди“, а совсѣмъ не автора „Разоренія“ и „Нравовъ Растеряевой улицы“.

Марья Евграфовна приколола ему даже розу въ петлицу, увѣряя, что онъ очень похожъ на Альфреда Мюссе. Глѣбъ Ивановичъ конфузливо крутилъ бороду (его любимый жестъ) и, какъ-то забавно складывая губы, изображалъ предъ нами, въ какомъ бы „по настоящему“ видѣ слѣдовало ходить этому неумытому и нечесанному, хотя вполнѣ благородно-голодному разночинцу... Выходило нѣчто подобное тому, что мы видѣли наканунѣ въ домѣ Тарасова на Фонтанкѣ.

Александра Васильевна внезапно молодѣла и хорошѣла, какъ только онъ подходилъ къ ней или издали смотрѣлъ на нее. На блѣдныхъ щекахъ ея выступала тогда нѣжная розоватая краска, а въ глазахъ теплилось что-то мягкое и счастливое, какъ материнская ласка. Они были однихъ почти лѣтъ и одного роста, и, стоя рядомъ подъ деревомъ, оба напоминали не мужа и жену послѣ пяти лѣтъ супружества, а скорѣе влюбленную институтку и влюбленнаго студента на вакаціяхъ,—говорили при постороннихъ другъ другу „вы“, называя по имени-отчеству,—но Вобоша увѣрялъ въ это утро, что онъ „собственными ушами слышалъ, какъ Глѣбъ Иванычъ сейчасъ назвалъ Александру Васильевну Alexandrine“...

Друзья-литераторы называли ихъ „четой изъ *Давида Копперфильда*“.

Въ „экспедицію“, помню, собралось насъ тогда ровно двадцать-восемь человѣкъ, и до Царскаго намъ дали отдѣльный вагонъ третьяго класса. Все устраивалось на артельныхъ началахъ, въ складчину, — всѣ были поэтому нагружены необходимыми припасами, такъ какъ до Пулкова предстояло сдѣлать верстъ семь пѣшкомъ, а въ Пулковѣ можно было достать только воду и самоваръ. По началу все сулило одно только общее благополучіе, но затѣмъ оказалось, что насъ ожидали „однѣ только глупости“—такъ выражался, по крайней мѣрѣ, Демертъ, исподлобья поглядывая на всю „компанію“. Компанія, дѣйствительно, была самая разнообразная и держала себя безъ всякихъ стѣсненій. Шумъ былъ при этомъ такой, что нельзя было разслышать даже, что говорилось рядомъ. И помню, что Михайловскій, желая сдѣлать какое-то предложеніе, долженъ былъ встать на скамейку и палкой постучать въ потолокъ, чтобы обратить на себя вниманіе.

— Господа!.. Молодая Россія!.. Предлагаю на общеева ше рѣшеніе...— во весь голосъ кричалъ онъ. На минуту все стихло. Выслушали и согласились на все, видимо, ничего не понимая,—и снова подняли общій гамъ.

Кондукторъ открылъ, было, дверь, посмотрѣлъ на насъ, повертѣлъ головой—и безслѣдно исчезъ. Не знаю, что онъ думалъ при этомъ, но на лицѣ у него какъ будто стояло: „Не то сумасшедшіе, не то пьяные,—а еще *господа!*“

Помню также — всѣ очень интересовались молоденькой дѣвушкой лѣтъ шестнадцати, маленькой, кругленькой и румяной, какъ наливное яблоко, съ дѣстки-наивными карими глазами, въ коричневомъ платьѣ и черномъ передникѣ ученицы на акушерскихъ курсахъ.

— Сестра Нечаева!—шопотомъ называли ее другъ другу.—До сихъ поръ подъ надзоромъ...

Спутникъ ея былъ тоже маленькій, четыреугольный студентъ-ветеринаръ, съ пухлымъ ртомъ, рѣзко-угловатыми движеніями и отрывисто-повелительнымъ голосомъ. Онъ все время командовалъ ею, а она только звонко и весело хохотала.

Кромѣ Нечаевой, невольно обращалъ на себя вниманіе „заграничный“ профессоръ политической экономіи О..., говорившій неимовѣрныя глупости съ самымъ „научнымъ видомъ“... Онъ явился съ молоденькой родственницей, сестрой жены, и съ ними сейчасъ же подружился Бобоша, такъ какъ въ корзинѣ у нихъ обрѣтались бутылка коньяку и фляга экспорту.

Семь верстъ шли пѣшкомъ всѣ, кромѣ Успенскихъ, уѣхавшихъ впередъ въ таратайкѣ, но шли мы эти семь верстъ что-то очень долго.

По дорогѣ не разъ присаживались, развертывались корзины и свертки, раскупоривались бутылки, и поднималась веселая бѣготня по лугамъ. Народъ собрался здоровый и жизнерадостный, еще не извѣдавшій ни громовъ, ни бурь... И какъ сейчасъ помню одну характерную сцену, невольно бросавшуюся въ глаза. На самомъ солнопекѣ, посреди луга съ стогами и копнами, барахтались въ сѣнѣ пухленькая Нечаева и студентъ-ветеринаръ. Она, совсѣмъ еще дѣвочка, въ слегка вздернутомъ спереди платьѣ, уже замѣтно беременная, радостно взвизгивала, когда онъ зарывалъ ее съ ногами и головой, — и они перекатывались другъ черезъ друга, очевидно, позабывъ обо всемъ на свѣтѣ. — И только слышались по временамъ восклицанія: „Ухъ, хорошо“:—„Хорошо? Ну, такъ вотъ вамъ еще!.. А теперь что вы скажете: хорошо?“—„Хорошо!“—радостно звенѣлъ ея серебристый смѣхъ.

— Совсѣмъ какъ маленькія животныя!—съ улыбкой замѣтилъ мой спутникъ, редакторъ-издатель карикатурнаго листка „Маляръ“, А. М. Волковъ.—А вѣдь ее, бѣдняжку, чуть, было, къ каторгѣ не приговорили. Если бы не Урусовъ,— приговорили бы непремѣнно. Онъ защищалъ ее какъ несовершеннолѣтнюю, а она—уже мать!

Въ Пулково, благодаря остановкамъ, попали мы уже часовъ въ

шесть, когда тамъ всѣ инструменты заняты наблюдателями. И никакихъ свѣтилъ намъ, разумѣется, не показали. Помню, какъ всѣ мы почтительно и робко, выступая гуськомъ, подходили къ „Трубѣ“ въ круглой залѣ обсерваторіи, но вмѣсто Венеры—увидѣли только царскосельскій трактъ, усаженный липами, по которому плелись рысцой ломовые... Михайловскій, впрочемъ, сошкольничалъ, увѣряя, что *видитъ*.

— Господа, ну, право, я вижу! Блескъ и игра изумительные!

Марья Евграфовна чуть не плакала отъ огорченія, а водившій насъ астрономъ предлагалъ ей ночевать въ полѣ.

— Теперь вѣдь тепло. Сѣна дадимъ. На разсвѣтѣ можно увидѣть собственными глазами.

Въ утѣшеніе намъ отвели для отдыха цѣлую рощу и прислали сторожа съ самоварами. Среди общаго смѣха и шума „Молодая Россія“ ухитрялась вести даже споръ на принципіальныя темы—передъ лицомъ своего „учителя“. Н. К. Михайловскій лежалъ ничкомъ на травѣ, въ позѣ Зевса на Олимпѣ, положивъ бороду на руки, и внимательно слушалъ. На немъ былъ его обычный тогда костюмъ—прудоновская блуза изъ небѣленнаго холста и ремешокъ вмѣсто пояса. Мы съ В. тоже подсѣли къ ихъ группѣ, въ надеждѣ услышать что-нибудь интересное изъ устъ „учителя“ и „вождя“. Но кромѣ отрывочныхъ выкриковъ нельзя было ничего разобрать. Всѣ кричали, и никто другъ друга не слушалъ...

— Грамота только тормазъ... Съ грамотой не поднимешь народъ...

— Народу нужно только одно: земля и воля...

— Я стою за народное благо!—старался перекричать обоихъ третій голосъ...

А Михайловскій только слушалъ и насмѣшливо улыбался.

— Лежитъ точно сфинксъ на Университетской набережной! Въ обществѣ онъ всегда молчитъ,—просвѣщалъ меня В—въ,—но это самый умный и талантливый теперь человѣкъ, и его ждетъ блестящая будущность.

Вокругъ насъ между тѣмъ поднималась какая-то всеобщая истерика, которую трудно и разсказать. Все слилось въ одинъ общій гулъ. Смѣхъ и крикъ стояли въ воздухѣ, какъ „ура“ на парадахъ. Марья Евграфовна, съ распущенными волосами, бѣжала съ оглушительнымъ крикомъ, спасаясь отъ коровъ, и звала на помощь Бобошу. Бобоша летѣлъ внизъ головой съ верхушки сосны и призывалъ на помощь профессора... Профессоръ приводилъ въ порядокъ туалетъ своего новаго друга и тоже кричалъ, „научно“ доказывая свое безстрашіе:

— А я *не боюсь* коровъ! Я *хочу* сѣсть верхомъ на корову! Женни, *позволь* мнѣ, пожалуйста, сѣсть верхомъ на корову! *Можно* мнѣ сѣсть верхомъ на корову? *Почему* мнѣ нельзя сѣсть верхомъ на корову?—А

Женни, свояченица, похожая на чопорную англійскую миссъ, строго и терпѣливо отвѣчала ему на каждую его паузу:—Не позволяю!—Нельзя!

И не знаю, чѣмъ бы все это кончилось, если бы не было тутъ Михайловскаго.

— Господа!—внушительно провозгласилъ онъ—призываю къ порядку! Иначе мы очутимся всѣ въ участкѣ за нарушеніе общественной тишины и спокойствія.

И сейчасъ же всѣ безропотно послѣдовали за нимъ обратно на станцію. И только тутъ спохватились:—А гдѣ же Успенскіе? Гдѣ Глѣбъ Ивановичъ? Гдѣ Демертъ?—Никто не замѣтилъ, гдѣ и когда они отстали отъ насъ. Мы съ В—мъ шли позади всѣхъ и только-что выбрались на дорогу, онъ указалъ мнѣ глазами на группу, лежавшую на травѣ въ глубокой сухой канавѣ. Двое людей таинственно перешептывались о чемъ-то между собою. Одинъ по виду былъ просто бродяга, такъ называемый, „зимогоръ“, а можетъ быть, и какой-нибудь фабричный рабочій. А рядомъ съ нимъ лежалъ тотъ самый студентъ-ветеринаръ, котораго мы видѣли вмѣстѣ съ Нечаевой. Студентъ что-то внушительно говорилъ и совалъ ему въ руки зеленую трехрублевку. Завидѣвъ насъ, они отскочили другъ отъ друга, и парень въ лохмотьяхъ, торопливо спрятавъ бумажку за пазуху, скорчивъ глупую рожу, гнусаво затянулъ какую-то нелѣпо-удалую пѣсню (я запомнила ее хорошо):

„Душа ваша проситъ наша
„Къ намъ да на фатеру“—

И онъ хлопалъ при этомъ въ тактъ рукою по колѣну въ заплатанныхъ синихъ пестрядинныхъ штанахъ. Потомъ досталъ изъ-за голенища кисетъ съ табакомъ и началъ свертывать себѣ цыгарку.

— Ахъ, жаль, что Глѣба Иваныча съ нами нѣтъ!—сокрушенно вздыхалъ Волковъ.—Какой бы это ему матеріалъ! Вѣдь это, положительно, страница изъ современной литературы!.. *Они* тамъ ратовали за „народное благо“, а „народъ“ лежалъ въ это время въ канавѣ и, получивъ зелененькую, сосалъ цыгарку да, поплевывая, внималъ „пропагандѣ“... „народника“, „бакунинца“... кого угодно! И никакого другого „блага“ этотъ народъ себѣ не желаетъ... Напрасно они самообманываются.—И куда это онъ, въ самомъ дѣлѣ, пропалъ?—опять начиналъ онъ о Глѣбѣ Ивановичѣ:—пошелъ, говорятъ, съ Демертомъ искать рессорную пролетку для Александры Васильевны, а нашелъ, вѣроятно... Съ Демертомъ вѣдь только одно и можно найти: полштофъ въ кабакѣ!

На вокзалѣ насъ ждала новая „страница“. Марья Е. бѣгала взадъ и впередъ по платформѣ, перебраниваясь съ Бобошей. Бобоша говорилъ

ей дерзости, она истерически всхлипывала... Михайловскій бѣгалъ за ними, размахивая руками, и что-то гнѣвно кричалъ, но его не слушали...

— Трудно ему съ ней,—говорилъ В—въ.—Хорошій она человѣкъ добрая, умная, образованная, но совсѣмъ больная. Всѣ прогулки у нихъ такъ кончаются.

Наконецъ, нашлись и Успенскіе.

У дверей передъ кассой стояла блѣдная и взволнованная Александра Васильевна. Глѣбъ Иванычъ, съ лихорадочными пятнами на щекахъ и судорожно сдвинутыми бровями, стоялъ передъ ней—не то оправдываясь, не то успокаивая ее.

— Уѣдемте, пожалуйста, поскорѣе отсюда!—напряженной скороговоркой прошепталъ онъ, когда мы къ нимъ подошли. И онъ подходилъ ко всѣмъ съ тѣмъ же увѣщаніемъ:—Нечего тутъ смотрѣть, господа! Разъѣдемтесь поскорѣе!

Уѣхать было нельзя, — поѣздовъ еще не было. Но всѣ смущенно отходили подальше, на другой конецъ платформы, гдѣ Демертъ, смѣясь своимъ заразительнымъ дѣтскимъ смѣхомъ, журилъ и просвѣщалъ въ свою очередь моего просвѣтителя, В—ва, за послѣднія карикатуры въ „Малярѣ":

— Что такое? Въ чемъ дѣло?—Ей Богу, ничего не поймешь! И совсѣмъ это даже не карикатура, а чортъ знаетъ что! Ей Богу, чортъ знаетъ что!

И В—въ простодушно каялся, что дѣйствительно неудачно:

— Сознаюсь, не вышло того, что хотѣлъ...

— Не вышло, голубчикъ, совсѣмъ не вышло. Карикатура—это вѣдь жало. Такъ надо, чтобъ оно жалило. А тутъ—ничего! Глупо—и больше ничего.

Поѣздъ въ Петербургъ, наконецъ, пришелъ. Глѣбъ Ив. посадилъ насъ съ Алекс. Вас. во второмъ, а самъ ушелъ въ третій, гдѣ собралось нѣсколько знакомыхъ ему людей, но на всѣхъ полустанкахъ онъ приходилъ узнавать, какъ себя чувствуетъ Александра В., и хорошо ли намъ тутъ сидѣть. Ал. В. тутъ же пересказывала ему все, что я успѣла ей сообщить изъ впечатлѣній этого дня, и я съ удивленіемъ слушала, какъ все у нея выходило гладко, литературно и мало похоже на то, что я думала и переживала сама. Всѣ слова мои *перерабатывались* ею, какъ „матеріалъ" для сужденія Глѣбу Ивановичу.

— Что же тутъ такого особеннаго, что бы стоило *наблюдать*?— ни къ кому не обращаясь, проговорилъ онъ съ улыбкой. — И какая же это *молодая Россія*? Какъ она тутъ попала?.. Все это—такъ, сущій вздоръ... А вотъ Нечаеву дѣйствительно жалко. Хоть бы ее пристроить

куда?—озабоченно прибавилъ онъ, уходя отъ насъ, и вернулся потомъ съ самыми точными свѣдѣніями о Нечаевой и о томъ, что знакомый присяжный повѣренный С., ѣхавшій въ этомъ же поѣздѣ, обѣщалъ ему „непремѣнно устроить Нечаеву"...

Я смотрѣла тогда на его повеселѣвшіе глаза, и мнѣ становилось понятнымъ, почему онъ ушелъ изъ нашей „развеселой компаніи". Невольно вспомнилась Некрасовская молитва: „Отъ ликующихъ, праздно болтающихъ... Уведи!"... Да, именно такъ долженъ былъ чувствовать себя, уходя отъ насъ, этотъ чуткій, сосредоточенный въ себѣ человѣкъ,—и не отъ водки горѣло тогда лихорадочными пятнами его выразительное лицо...

Дорогой тогда же Александра В—на слегка поисповѣдывала меня насчетъ моихъ „гражданскихъ чувствъ" и житейскихъ обстоятельствъ, и узнавъ, что я въ нѣкоторомъ родѣ послѣдовала примѣру героини „Разоренія"—ушла изъ дому въ поискахъ „новой жизни" „за свой страхъ и собственными средствами",—сейчасъ же обезпокоилась за меня.

— Вы еще слишкомъ молоды, чтобы жить одной. Переѣзжайте поближе къ намъ—въ Гончарную. Въ нашемъ домѣ, кажется, отдается комната—у нѣмки, гдѣ живетъ Демертъ. Я разузнаю и сообщу вамъ. Приходите къ намъ завтра вечеромъ.

III.

Комната оказалась удобной для меня во всѣхъ отношеніяхъ, и дня черезъ два я переѣхала въ домъ Воронина (теперь Дрябина,—уголъ Полтавской,—такъ называемыя, бывало, у насъ „Дрябинскія трущобы"). И въ первый же вечеръ, какъ только я переѣхала, Александра Васильевна пришла за мной и увела къ нимъ—„справлять общее новоселье". Она ходила теперь въ бѣломъ вышитомъ платьѣ, спокойная и счастливая, скорѣе похожая на невѣсту, чѣмъ на жену.

Когда я вошла, Глѣбъ Иванычъ опять стоялъ у письменнаго стола и читалъ вслухъ письмо Рѣшетникова къ какому-то знакомому или родственнику (это былъ *матеріалъ* для его будущей статьи), и я какъ сейчасъ вижу его лицо и слышу его голосъ, какимъ онъ читалъ это: „...Сдѣлайте божескую милость, пришлите съ подателемъ сего три копѣйки, а ежели можно, то семь. Клянусь честью—отдамъ при первой возможности. Теперь же надобно тятенькѣ купить соленыхъ огурцовъ и выпить имъ надо разсолу, такъ какъ они теперича вторыя сутки никакъ очухаться не могутъ"... Это читалъ онъ, когда я вошла, и особенно что запомнилось въ его голосѣ—улыбка, сливающаяся съ ядовитою горечью. Онъ подчеркивалъ *что-то*, врѣзанное ему въ самое сердце, и это *что-то* трепетало

въ лицѣ его знакомымъ ему, былымъ, давно пережитымъ, но все еще живымъ воспоминаніемъ... Онъ вспоминалъ и какъ бы приглашалъ всѣхъ насъ пережить вмѣстѣ съ нимъ и съ Рѣшетниковымъ это жестокое и мучительное воспоминаніе...

Кажется, въ тотъ же вечеръ, позднѣе, кому-то пришло въ голову прокатиться на Острова въ ландо. Поѣхали мы впятеромъ. На Невскомъ, у табачнаго магазина, Гл. И. вышелъ, чтобы купить папиросъ, что-то долго покупалъ и вернулся весь красный, смущенный и улыбающійся.

— Вотъ такъ штука со мной случилась!—заговорилъ онъ, садясь. —Только вошелъ—Звонаревъ [1]) за мной слѣдомъ, кричитъ, буквально, на всю лавку: „Глѣбъ Ивановичъ! Знаменитый писатель!" Потомъ присталъ вдругъ при всѣхъ: „Продайте мнѣ изданіе вашихъ сочиненій! Я вамъ сейчасъ пять тысячъ на столъ!"

— Ну, и что же вы ему на это? — спросилъ Демертъ.—Показали фигу, конечно? Долговъ по векселямъ не платитъ, а изданія покупаетъ!

— Что вы чушь порете, говорю: какія такія у меня сочиненія... Я ровно ничего еще не написалъ... „Нечего, нечего! — говоритъ: знаемъ мы сами, что вы написали"...

— Пронюхалъ, небось, каналья, что барышами пахнетъ!—язвительно вставилъ Демертъ. А сидѣвшій съ нимъ рядомъ Бобоша пришелъ въ такой азартъ, что завопилъ на всю улицу:—Ура-а! Глѣбъ Успенскій, ура-а! Публика Невскаго проспекта! Взирай на восходящее свѣтило! Глѣбъ Иванычъ! Глѣбъ Иванычъ! Глѣбъ Иванычъ! — какъ уличный мальчишка затвердилъ онъ, подплясывая на скамейкѣ.

Глѣбъ Ивановичъ вспыхнулъ и, судорожно вздрогнувъ отъ сдержаннаго гнѣва, быстро проговорилъ:

— Перестаньте, Бобоша! Что я вамъ за игрушка дался? Ведите себя поприличнѣе—или я выйду!

Бобоша притихъ какъ убитый. А Глѣбъ Иванычъ, видимо, долго не могъ успокоиться и всю дорогу курилъ и молчалъ.

Квартира Успенскихъ была—какъ наша, у нѣмки,—въ три комнаты: изъ мебели было только самое необходимое.

Когда собиралось много народу, брали столы и стулья отъ меня и отъ Демерта. Окна моей комнаты выходили прямо въ окна ихъ „гостиной" (служившей и сто́ловой, и кабинетомъ, когда въ ней работалъ Глѣбъ Ивановичъ). Мы часто перекликались и разговаривали знаками изъ окна въ окно. Отъ Демерта меня отдѣляла комната какого-то архитектора, котораго никто изъ насъ никогда не видалъ, и общая передняя—на замкѣ. У

[1]) Издатель и книготорговецъ, бывшій тогда наканунѣ банкротства.

каждаго изъ жильцовъ былъ свой ключъ отъ дверей, такъ какъ хозяйка съ прислугой помѣщались по другую сторону коридора, огибавшаго весь четвертый этажъ. Такое „self-help“ очень мнѣ нравилось,—безпокоило только по временамъ близкое сосѣдство Демерта, котораго я, признаться, немного побаивалась,—особенно, когда онъ, поздно возвращаясь домой, долго не могъ найти замочную скважину и трагически мычалъ и стоналъ отъ своей безпомощности. Александра Васильевна убѣждала меня, что онъ вовсе не страшенъ, хотя *непріятенъ*, когда *заболѣетъ*.

— Но вы тогда, самое лучшее, не выходите, или приходите къ намъ.

Совѣты эти были для меня невыполнимы, такъ какъ по роду моихъ занятій мнѣ приходилось возвращаться домой въ разное время дня и ночи. Сначала, впрочемъ, все шло благополучно. Демертъ хотя и „заболѣвалъ“ довольно-таки часто, но дичился и прятался отъ меня, запираясь у себя въ комнатѣ. А затѣмъ вскорѣ произошла и неизбѣжная встрѣча.

Какая-то барышня въ томъ же домѣ по цѣлымъ часамъ разучивала арію Вани изъ „Жизни за Царя“: „Бѣдный конь въ полѣ палъ... я едва добѣжалъ... Ото-прите!“ И вотъ однажды, — въ августѣ, когда всѣ окна стояли настежь,—Демертъ не выдержалъ, подошелъ къ окну и тоже запѣлъ—своимъ трагическимъ басомъ: „Отоприте!.. Отоприте!..“ Но такъ какъ на барышню это не подѣйствовало, и она продолжала пронзительнымъ голосомъ „тянуть изъ насъ душу“, — Демертъ высунулся по поясъ изъ окна и закричалъ на весь дворъ:—Да отоприте же вы, наконецъ! Выпустите вы ее! Что же это она какъ собака голодная воетъ!.. Душу всю вытянула!.. Отопри-и-те! Отоприте!

Успенскихъ въ тотъ день не было дома, но въ окнахъ со всѣхъ сторонъ и изъ всѣхъ этажей появились любопытныя, смѣющіяся лица... Поднялся общій хохотъ и общій крикъ... Внизу, на дворѣ, лаетъ стая собакъ... Толпа мальчишекъ, указывая пальцами вверхъ, на растрепанную голову „веселаго барина“, звонкими дѣтскими голосами, съ хохотомъ тоже визжитъ „Отопри-и-те!“ Собаки начинаютъ выть... Дворники бѣгаютъ за ними съ метлой, и, наконецъ, на дворѣ выростаетъ грозно-внушительная фигура городового... Но это появленіе городового чуть-чуть не вызвало настоящую катастрофу... Изъ окна Демерта я видѣла только грозные кулаки его, мелькнувшіе въ воздухѣ, и слышала дикій крикъ: „Канальи!.. Убью!“... А изъ оконъ сосѣди въ это время махали руками и въ испугѣ кричали: „держите, Держите его!.. Онъ сейчасъ упадетъ“...

Дворники стремглавъ понеслись наверхъ, въ комнату Демерта, а ко мнѣ влетѣла перепуганная хозяйка и почти насильно потащила съ собою— „спасать *вумнаго*, хорошаго, сумасшедшаго совсѣмъ господина“.

Въ комнатѣ Демерта мы застали такую картину: дворники за ноги тянутъ его съ подоконника, голова его виситъ въ воздухѣ, кухарка изъ ковша льетъ ему воду на голову, а онъ, неистово отбиваясь руками и ногами, кричитъ нечеловѣческимъ голосомъ: „Мазурики! Канальи! Убью!“

— Aber schämen Sie doch, Николай Александровичъ!—уговаривала его хозяйка, когда его, наконецъ, удалось втянуть въ комнату.—Посмотрите, пожалуйста, какъ вы сосѣдку, молоденькую барышню, совсѣмъ напугали!..

— Барышню? Напугалъ?—бормоталъ онъ точно во снѣ, и, взглянувъ на меня исподлобья, опустился на подставленный ему стулъ и залился простодушнѣйшимъ дѣтскимъ смѣхомъ... Чудакъ!

Эта исторія повела къ тому, что меня начали звать всякій разъ, когда Демерту приходила фантазія „буйствовать“... И въ концѣ концовъ мы познакомились съ нимъ настолько, что онъ сталъ заходить ко мнѣ въ комнату, приносить мнѣ газеты и книги и, между прочимъ, далъ прочесть свою замѣчательную,—„сожженную рукой палача“,—книгу „*Воля*“, единственный экземпляръ которой сохранялся у него, какъ у автора. Это было очень талантливо и горячо написанное повѣствованіе о первыхъ дняхъ манифеста 1861 г. по непосредственнымъ наблюденіямъ очевидца. Нѣчто подобное—по силѣ языка и мысли—можно найти только у Герцена.

Моему окончательному вступленію въ эту литературную семью помогъ еще одинъ довольно забавный эпизодъ. Однажды, уже въ концѣ сентября, въ часы обѣда, когда я одна была дома, въ передней раздался звонокъ. Изъ сосѣдей никто не выходилъ, и я вышла открыть дверь, ожидая встрѣтить почтальона. Но вмѣсто почтальона стоялъ какой-то почтенный господинъ, плечистый, средняго роста, съ сѣдыми волосами до плечъ, съ крупными чертами лица, въ золотомъ пенснэ и очень изящно одѣтый, въ темносѣромъ пальто и сѣрой пуховой шляпѣ. Онъ спрашивалъ, дома ли Демертъ? Я указала ему на дверь,—но Демерта не было, и господинъ попросилъ позволенія написать ему нѣсколько строкъ, такъ какъ онъ только-что пріѣхалъ, и ему нужно видѣться съ Д-томъ по неотложному дѣлу.

Такихъ пріѣзжихъ изъ разныхъ концовъ Россіи къ Д-ту ходило много, и мнѣ не впервые приходилось вступать съ ними въ объясненія. Этого господина я тоже приняла за такого пріѣзжаго изъ провинціи, и именно за одного казанскаго помѣщика, товарища Д-та по университету, о которомъ онъ мнѣ разсказывалъ. Я пригласила его войти, и онъ присѣлъ къ столу, на которомъ лежали конверты, перо и бумага. И какъ теперь помню, онъ писалъ, а я вставляла свѣчи въ подсвѣчники на консолѣ у зеркала.

Написавъ записку, господинъ попросилъ позволенія закурить папиросу, благодушно оглядывая при этомъ вокругъ мою комнату. Онъ сдѣлалъ мнѣ нѣсколько вопросовъ—по поводу нашей общей квартиры, и мы какъ-то невольно разговорились, т. е., вѣрнѣе, я разсказывала откровенно и съ увлеченіемъ о петербургскихъ похожденіяхъ и о жизни въ кругу литераторовъ,—а онъ слушалъ меня съ тою же благодушной улыбкой.

— Значитъ, у васъ здѣсь что-то въ родѣ литературной коммуны? Вы, очевидно, знаете теперь всѣхъ сотрудниковъ „От. Записокъ“?

— Ну нѣтъ, говорю, далеко не всѣхъ. Самыхъ главныхъ—„столповъ“—до сихъ поръ не удостоилась даже видѣть... А очень бы хотѣлось, хоть бы однимъ глазкомъ, на нихъ поглядѣть.

— Т. е., это вы говорите про Некрасова и Салтыкова? Такъ вѣдь они оба больные и рѣдко бываютъ даже въ редакціи.

— А Елисеевъ? Елисеевъ вѣдь не больной, но попасть къ нему въ домъ невозможно. У него пріемы по самому строгому цензу — только люди въ чинахъ, съ отмѣнными аттестатами. А у меня ни чиновъ, ни аттестатовъ, да вдобавокъ еще это клеймо ..

Онъ поднялъ брови.—Какое клеймо?

— А какъ же! Я работаю въ „Гражданинѣ“, а это вѣдь тоже „печать отверженія“...

Я смѣялась и надъ собой, и надъ „столпами“. Онъ тоже смѣялся и въ заключеніе, прощаясь и прося передать записку его Демерту, поблагодарилъ меня „за пріятно проведенное время“ и выразилъ надежду, что мы не разъ еще увидимся.

-- А вы еще долго здѣсь пробудете, извините, не знаю вашего имени-отчества и фамиліи?

— Да всю зиму, я полагаю. Я вѣдь только-что изъ Парижа.

Мнѣ послышалось, онъ назвалъ себя при этомъ *Исѣевъ*, и я окончательно утвердилась въ мнѣніи, что это—именно казанскій знакомый Николая Ал—ча. Записку я тутъ же передала хозяйкѣ, чтобы она положила ему на столъ. А на другой день вечеромъ ко мнѣ зашелъ Демертъ и въ присутствіи сидѣвшаго тогда у меня Минаева сказалъ мнѣ, буквально, слѣдующее:

— Вамъ кланяется Григорій Захаровичъ Елисеевъ. Онъ поручилъ мнѣ сказать, что вы теперь у него въ долгу: визитъ за вами.

Я ровно ничего не понимала! А Демертъ, смѣясь, разсказывалъ тутъ же Минаеву, что я—точь въ точь „Капитанская дочка“ у Пушкина— „приняла Екатерину Великую за барскую барыню и выложила все дѣло на чистоту“...

— Въ будущій понедѣльникъ Елисеевы ждутъ васъ къ себѣ. И ужъ

какъ себѣ хотите—надо итти. Васъ теперь всѣ у насъ называютъ „Fille du régiment",—дочь полка, а меня въ „крестные" вамъ пожаловали.

И такимъ образомъ одно изъ самыхъ задушевныхъ моихъ желаній исполнилось какъ-то само собою: я жила въ литературномъ кругу, питалась исключительно литературными интересами, или, правильнѣе говоря,—интересами того „кружка", который занимался и жилъ современной журнальной литературою. (Въ этомъ, какъ я убѣдилась потомъ, была огромная разница!)

Съ Успенскими я видалась почти ежедневно, иногда и по нѣскольку разъ въ одинъ день: то я къ нимъ зайду, то отъ нихъ кто-нибудь ко мнѣ (всѣ знакомые почти были общіе) зайдетъ съ приглашеніемъ. Безъ приглашенія я никогда не ходила,—изъ боязни помѣшать работѣ Глѣба Иваныча. Но не проходило, кажется, дня, чтобы кто-нибудь не зашелъ и къ Демерту, и ко мнѣ. То Минаевъ придетъ „въ ударѣ"—говоритъ экспромтами. То Демертъ что-нибудь интересное разсказываетъ. То возвратили Гл. Ив. неразрѣшенную цензурой статью, и онъ собирался прочесть ее вслухъ. То Бобоша досталъ что-нибудь „нецензурное"... То крикнутъ въ окно: „Прислали красное вино изъ Парижа... Цѣлую бочку! Приходите пробовать!"... Иногда и самъ Глѣбъ Ивановичъ застѣнчиво, бывало, подойдетъ къ дверямъ и спроситъ нервной скороговоркой:—Не желаете ли съ нами на выставку? Пришелъ Николай Степановичъ (Курочкинъ). Выставка, говоритъ, интересная. Онъ знатокъ—и все намъ покажетъ.

Въ первый разъ Глѣбъ Ивановичъ, помню, зашелъ ко мнѣ, чтобы взглянуть на мой альбомъ съ фотографіями Дрезденской галлереи и Лувра. Ему сказали, что у меня есть снимокъ съ Венеры Милосской,—и ему хотѣлось провѣрить свои парижскія впечатлѣнія. Но, увидавъ фотографію, онъ не хотѣлъ даже вѣрить, что это—*„она, та самая"*.

— Помилуйте!—съ волненіемъ говорилъ онъ: — тамъ это что-то просто уму непостижимое... Туда вѣдь молиться на нее ходятъ... Тамъ это дѣйствительно *богиня*... Можетъ быть, оттого, что тамъ это въ мраморѣ... и стоитъ она одна, въ отдаленіи... Но какъ есть живая... во весь человѣческій ростъ! Однимъ словомъ, не знаю отчего, но только это—совсѣмъ *не то!*—И онъ захлопнулъ альбомъ, не пожелавъ даже посмотрѣть другіе, болѣе удачные снимки.

У меня сохранилась отъ того времени такая записка Глѣба Иваныча:

„В. В.! Не хотите ли привить оспу [1]? Ничуть не больно. Если хотите, приходите теперь же. У насъ докторъ. „Г. У."

[1]) Тогда была эпидемія.

И, разумѣется, я шла всегда, когда меня звали: прививала вмѣстѣ съ ними оспу, пробовала красное вино, слушала Минаевскіе экспромты и смотрѣла картины... Мнѣ казалось тогда, что жизнь бьетъ ключомъ,— иногда черезъ край,—а они, писатели, жаловались тогда на тяготу, скуку, на „отсутствіе всякой жизни“... И чтобы разжечь въ себѣ хоть искру этой „жизни“, имъ нужно было безпрестанно ходить другъ къ другу и взаимно заражаться общественно-политическимъ недовольствомъ... Тогда начинались у нихъ разговоры и споры, тогда возникалъ матеріалъ для „очерковъ“, для статей и стихотвореній. Было ли это хорошо или дурно— судить не берусь, но оживленіе взаимной электризаціи наступало только когда собирались главные изъ сотрудниковъ. Михайловскій бывалъ рѣже другихъ, хотя и Глѣбъ Иванычъ, и Александра Васильевна дорожили особенно обществомъ Михайловскаго. Алекс. Вас. любила его больше всѣхъ.

— Онъ умница, онъ работаетъ,—говорила она.

Минаевъ, Демертъ, Максимовъ, Бобоша и прочіе многіе не понимали продолжительныхъ бесѣдъ безъ водки. Михайловскій пилъ только красное вино, да и то не всегда. Тѣ, напиваясь, кричали, выходили *изъ береговъ*. Михайловскій всегда былъ точно обведенъ вокругъ чертою,—точно въ рамкѣ. И Александра Васильевна знала заранѣе, что если Глѣбъ Иванычъ ушелъ къ Михайловскому,—значитъ, онъ скоро начнетъ работать.

Трудно представить двѣ болѣе противоположныя натуры, какъ эти два „друга“—Успенскій и Михайловскій. Это были какъ бы два полюса одной и той же силы. Оттого, можетъ быть, они и тяготѣли всегда другъ къ другу. Не подражая и ничего не заимствуя, они составляли вмѣстѣ что-то въ родѣ той самой *двояко-вогнутой призмы*, о которой говоритъ Михайловскій въ своей теоріи прогресса. Одинъ изображалъ искаженную, ненормальную жизнь искалѣченныхъ общимъ строемъ людей, другой—отвлеченіе или теорію желанныхъ „нормъ“ этой жизни. Они черпали другъ у друга не мысли, а то, что *вызывало на мысль*, самый позывъ къ размышленію,—и выводы этихъ размышленій почти всегда совпадали.

Присутствуя часто при разговорахъ писателей, я мысленно сравнивала иногда характеры каждаго. Въ спорахъ характеръ сказывается ярче всего. Михайловскій никогда *не излагалъ* своихъ мыслей и никогда не доказывалъ ихъ. Его обычный пріемъ былъ тогда—наводить другихъ на доказательства, заставляя выбалтываться или сбиваться въ противорѣчіяхъ— и потомъ вдругъ окатить, точно холодной водой, однимъ коротенькимъ замѣчаніемъ: „Почему же? Я этого не понимаю“. И онъ, бывало, молча ожидаетъ отвѣта, а въ глазахъ и на лицѣ мелькаетъ и нескрываемое торжество, и безпощадная насмѣшка. Такъ что порой становилось невольно и жутко, и стыдно и за того, кто спрашиваетъ такъ, и за того, кто ему

отвѣчаетъ... Мнѣ не случалось замѣчать, чтобы Михайловскій поправилъ когда-нибудь невольную ошибку неумѣлаго спорщика, облегчилъ смущенную застѣнчивость, смягчилъ остроту самолюбиваго раздраженія. Скорѣе напротивъ—вызывалъ ихъ и какъ бы тѣшился чужимъ раздраженіемъ, дававшимъ ему яркое ощущеніе собственнаго превосходства. И только разъ мнѣ довелось услышать искренно-теплые звуки его голоса, когда онъ, разойдясь въ ту же зиму съ своей женой,—обѣдалъ, вмѣстѣ со мной, у Успенскихъ. Это было годъ спустя, въ день его именинъ, и такъ какъ у него уже не было дома хозяйства, Александра Васильевна пригласила его „на пирогъ". Въ сумерки, помню, всѣ мы сидѣли вокругъ стола съ послѣобѣденнымъ самоваромъ, и всѣ жаловались, что жизнь слагается не такъ, какъ бы хотѣлось.

— Не знаю, какъ другіе,—задумчиво говорилъ Николай Константиновичъ,—но для себя я бы хотѣлъ только одного: клочокъ земли и какъ можно побольше книжекъ. И я надѣюсь современемъ устроиться именно такъ, à la Цинциннатъ: куплю себѣ десятину, выстрою избу и буду копаться въ огородѣ, да читать разныхъ Спенсеровъ, Дарвиновъ и Гексли—въ оригиналѣ...

— Неужели больше ничего не хотите?—спрашивала Александра Васильевна.—Вы еще молоды, соскучитесь одинъ...

— Такъ чувствую теперь, Александра Васильевна. А за будущее никто поручиться не можетъ.

Разговоровъ или споровъ, въ которыхъ участвовалъ бы Глѣбъ Ивановичъ, я совсѣмъ не помню. Мнѣ онъ запомнился въ одномъ положеніи: сидитъ или стоитъ гдѣ-нибудь въ углу въ тѣни, слушаетъ и думаетъ про себя... И по лицу его всегда угадаешь, бывало, когда говорятъ правду, когда—что-нибудь *вовсе ненастоящее*... Когда на вискахъ появится скорбная складка, и нервно вздрагиваютъ губы, и глаза строго впиваются въ говорящаго, и брови сжаты вплотную, точно держатъ тамъ свою крѣпкую думу—это значитъ—онъ несогласенъ и мысленно разрушаетъ хотя бы самыя краснорѣчивыя и хитроумныя построенія... А если глаза его тихо свѣтятся, и улыбаются губы, и нѣтъ складки на лбу—значитъ *правда*, и ему хорошо, слушая эту правду...

Глѣбъ Иванычъ для многихъ—и въ томъ числѣ для меня—игралъ тогда роль „эрдени" въ старинныхъ сказкахъ Востока—существа, приносящаго счастье всѣмъ, кто съ нимъ встрѣтится или залучитъ его къ себѣ въ домъ. Увидишь, бывало, его на улицѣ, обмѣняешься однимъ взглядомъ, поклономъ, а въ душѣ—впечатлѣніе чего-то хорошаго, добраго, чистаго, радостнаго... То же самое и въ толпѣ, гдѣ бы онъ ни былъ. Тайной невѣдомыхъ еще силъ природы у каждой души есть своя лучистая атмо-

сфера. И все, что вносятъ собою эти лучи въ міровое теченіе жизни, никогда не остается безслѣднымъ. Часто думала я и тогда и потомъ—*въ чемъ* собственно заключалась эта тайна его обаянія? Отчего воспоминаніе о немъ вызываетъ сейчасъ же представленіе кипучей живительной дѣятельности и сердца, и ума? Даже самые дома, гдѣ онъ жилъ, обвѣяны для меня какъ будто токами магнетической силы. И я не знаю другого отвѣта, какъ это сравненіе съ магнетическимъ токомъ его привлекательной личности. Все невѣдомое и еще неосуществленное, но уже *данное* душѣ его, уже существующее въ ней, какъ зерна *будущихъ* цвѣтеній — весь этотъ сонмъ прочувствованныхъ образовъ и выстраданныхъ чувствъ, и сердцемъ выношенныхъ, до тла перегорѣвшихъ воспоминаній, — всѣ его повѣсти, очерки и разсказы, написанные и ненаписанные, но уже мелькавшіе въ его головѣ, все это было неразрывно съ нимъ вмѣстѣ всегда, его душа и его біографія, и его всѣмъ намъ милое имя: *Глѣбъ Успенскій*!..

Въ обстановкѣ и въ обращеніи Михайловскаго была простота *по теоріи*, по извѣстной строго опредѣленной программѣ,—у Глѣба Успенскаго простота была въ сердцѣ. Мнѣ кажется, онъ *физически* не выносилъ ничего показного, ничего пріукрашеннаго ни въ литературѣ, ни въ жизни. Вкусы его были строгіе и простые, впослѣдствіи, можетъ быть, даже аскетическіе. И даже красоту Тургеневскаго слога онъ называлъ брезгливо „фокусами сороковыхъ годовъ".

Михайловскій работалъ методически-правильно, изо дня въ день, заботился о гигіенѣ, занимался гимнастикой, столярничалъ или вырѣзывалъ что-то на ручномъ станкѣ. У Михайловскаго—въ ихъ крошечной квартиркѣ въ двѣ узкихъ, длинныхъ комнаты на Офицерской въ домѣ Виноградовой—все-таки былъ *кабинетъ*, настоящій письменный столъ съ настоящими письменными принадлежностями, была библіотека...

У Глѣба Иваныча я не помню ничего подобнаго. Вмѣсто чернильницы—просто пузырекъ съ ализариновыми чернилами, простая деревянная ручка съ перомъ и пачка почтовой бумаги въ осьмушку. Писалъ онъ всегда прямо набѣло и совсѣмъ безъ помарокъ. Все вынашивалось въ головѣ,—съ помощью записной книжки вмѣсто библіотеки,—и заносилось на бумагу, какъ остріемъ гравера на камень. (И все вр[illegible]я, пока онъ писалъ, гдѣ-нибудь подлѣ обязательно кипѣлъ самоваръ, хотя [illegible]итые стаканы оставались невыпитыми). Самый почеркъ его въ эти годы [illegible]апряженнаго писательства напоминаетъ именно гравюру-офортъ. Что-то острое, сжатое и простое, какъ шпицъ готическаго *Dom*'а, и съ такими же характерно-опредѣленными очертаніями—къ *одной идеѣ* направленнаго глубокаго замысла. Ничего лишняго и все живетъ заставляетъ задумываться, все тянетъ, увлекаетъ—вверхъ, туда, гдѣ одно единое на потребу"... Какой-то стрѣльчатый почеркъ, какъ бываетъ стрѣль-

чатая архитектура.—Напряженная внутренняя работа никогда въ немъ не прерывалась,—*мысленно* онъ писалъ, можно сказать, постоянно, но къ столу присаживался, когда все было готово внутри, и когда никто и ничто ему не мѣшали. Двери тогда закрывались для всѣхъ, и на стражѣ у этихъ дверей была Александра Васильевна. Посѣтители тогда мѣняли квартиру, собираясь у Демерта или Михайловскаго. Иногда и сама Александра Васильевна приходила ко мнѣ на цѣлый вечеръ съ книгой и „Тунькой“ [1]), и мы читали или разсказывали другъ другу свою жизнь. Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ я узнала подробную исторію ея знакомства и сближенія съ Глѣбомъ Иванычемъ.

Она была изъ богатой семьи фабриканта Бараева (Глѣбъ Иванычъ звалъ ее часто *Бяшечка*), рано осталась сиротой, съ мачихой и чахоточнымъ братомъ. Воспитывалась она въ Маріинскомъ институтѣ, когда тамъ былъ Вл. Як. Стоюнинъ; она была его ученицей [2]), любила серіозное чтеніе, мечтала,—„какъ всѣ мы тогда“,—о пользѣ „для человѣчества“, но ѣздила съ мачихой въ театръ, на вечера и балы, читала Шелгунова и Писарева, искала себѣ „дѣла“ и танцовала ночи напролетъ съ офицерами въ клубѣ... Братъ ея вскорѣ умеръ, она совсѣмъ осталась одна и начинала потихоньку отъ мачихи готовиться въ народныя учительницы. И вотъ, лѣтомъ, когда они жили на дачѣ въ Стрѣльнѣ, рядомъ съ ними на томъ же дворѣ поселилось нѣсколько литераторовъ. Это были Н. С. Курочкинъ, Демертъ, Кущевскій и затѣмъ Глѣбъ Успенскій съ двоюроднымъ братомъ своимъ Николаемъ.

— Сначала мы только молча встрѣчались на дворѣ и въ саду,— разсказывала мнѣ Александра Васильевна.—Глѣбъ Иванычъ былъ тогда совсѣмъ еще юноша и всегда ходилъ съ книжкой. Сначала онъ все отъ меня убѣгалъ,—дикій былъ онъ ужасно. А мой сводный братъ, мачихи сынъ, мальчикъ лѣтъ десяти, все бѣгалъ къ нему, носилъ ему отъ насъ разныя книжки. У нашего знакомаго—Коли Долганова—была библіотека, и Глѣбъ Иванычъ все просилъ „что-нибудь почитать“. Я посылала ему книги съ выборомъ—за одну, Щапова, онъ меня поблагодарилъ, и мы начали разговаривать. Потомъ Глѣбъ Иванычъ сталъ къ намъ ходить. Я привыкла всегда съ кѣмъ-нибудь няньчиться. Сначала мой братъ... Я только имъ и

---

[1]) Объ этой Тунькѣ Г. И. вспоминаетъ въ одномъ письмѣ изъ Парижа. Это была маленькая, шарообразная, лохматая собачонка, которую онъ подобралъ гдѣ-то на улицѣ съ переломленной ногой и цѣлый мѣсяцъ лечилъ потомъ холодными компрессами—и вылечилъ.

[2]) Въ годъ его юбилея было помѣщено ея воспоминаніе о немъ въ „Сынѣ Отечества“.

жила тогда... и все Богу молилась—чтобы Богъ его спасъ. Но онъ умеръ, и я съ тѣхъ поръ перестала молиться. Если бы Богъ существовалъ, онъ долженъ былъ исполнить мою молитву,—у меня только и былъ одинъ, дорогой, близкій мнѣ человѣкъ,—я хотѣла жить для него,—зачѣмъ же онъ допустилъ, что братъ умеръ! Я не знаю,—можетъ быть, я невѣрно сужу, но съ тѣхъ поръ Богъ для меня не существуетъ. Человѣкъ совершенно одинъ на землѣ. И люди всѣ—такіе несчастные! Люди сами должны помогать другъ другу... Вотъ и Глѣбъ Иванычъ тогда былъ тоже одинъ... И никто ему не хотѣлъ помочь... И у него были такіе товарищи... Этотъ двоюродный братъ его Николай... Они бы его совсѣмъ погубили. Мнѣ было его очень жалко... За меня тогда многіе сватались. Опекуны къ тому времени насъ совсѣмъ разорили, и мачиха думала, что я „сдѣлаю партію“, выйду за какого-нибудь купца или офицера... А я, бывало, гдѣ-нибудь на балу, откажусь отъ приглашеній,—скажу, что голова заболѣла, и уѣду потихоньку къ Глѣбу Иванычу. Куплю по дорогѣ сыру, краснаго вина, пирожковъ,—у Глѣба Иванычa, кромѣ долговъ, ничего тогда не было, и онъ иногда совсѣмъ голодалъ... Ну, вотъ, пріѣду, сидимъ съ нимъ вдвоемъ, разговариваемъ... И такъ намъ было тогда хорошо!.. А мачиха думаетъ, что я на балу веселюсь!..—Она тихо смѣялась, разсказывая мнѣ это взволнованно-прерывистымъ голосомъ, какимъ всегда говорила о Глѣбѣ Иванычѣ. „Даже одно это имя—*Глѣбъ*—для меня ужъ поэзія!“—признавалась она мнѣ потомъ, когда ея „Глѣба“ уже не существовало въ живыхъ.

Она разсказывала и все поглядывала въ окно, откуда были видны ихъ освѣщенныя окна и въ одномъ изъ нихъ—голова Глѣба Иванычa, низко склоненная надъ столомъ. Увлеченная воспоминаніемъ и разсказомъ, она засидѣлась тогда у меня далеко за полночь. И когда мы вышли съ ней въ коридоръ,—лампы были потушены, и вокругъ была тьма египетская. Я зажгла свѣчу и пошла ее провожать. Но дорогой мы снова разговорились, и, стоя уже подлѣ дверей, она еще разъ повторяла мнѣ „исторію своего безвѣрія“...

— Бога не существуетъ!.. Люди такъ одиноки и такъ безпомощны!.. И иначе думать я не могу... Я не могу себя обманывать... Я знаю, что ничего больше нѣтъ...

Она стояла передо мной тогда какъ типическій образецъ *новой женщины*: высокая и полная, въ бѣломъ вышитомъ платьѣ, съ замѣтно расширенной таліей и выдающимся спереди животомъ, но остриженная какъ мальчикъ, съ короткими черными прядями на вискахъ и на лбу, съ страдальчески-горькой улыбкой на блѣдныхъ губахъ и съ ядовитой горечью въ тихомъ взволнованномъ голосѣ... И голосъ былъ новый, и онъ звучалъ откуда-то изъ глубины давно затихшихъ, но все еще не забытыхъ страданій. И лицо

было новое: оно дышало истомой былого отчаянія, но въ то же время въ этомъ блѣдномъ и нервномъ лицѣ съ разгорѣвшимися глазами чувствовалась живая и властная сила, дающая и новую жизнь и новую вѣру...

Вѣру въ *новыхъ* людей, помогающихъ людямъ... Людямъ „такимъ одинокимъ, такимъ несчастнымъ... безъ Бога!"

Я съ интересомъ всматривалась въ это новое для меня лицо, когда вдругъ распахнулась дверь ихъ квартиры, и на порогѣ показался самъ Глѣбъ Иванычъ, въ своемъ старенькомъ сѣромъ пальто и со свѣчкой въ рукахъ. Онъ держалъ подсвѣчникъ высоко надъ головой и, испуганными глазами всматриваясь вглубь темнаго коридора, тревожно окликнулъ:

— Это вы, Александра Васильевна? Съ кѣмъ это вы тутъ? Я слышу все время вашъ голосъ за дверями и думалъ, что-нибудь случилось... Что же это вы такъ поздно... впотьмахъ... Еще кто-нибудь подойдетъ... Гдѣ это вы до сихъ поръ?..—Въ голосѣ его послышалось что-то недовольное и ревнивое.

Счастливая улыбка затрепетала у нея на губахъ.

— Да кто же можетъ ко мнѣ подойти!.. Что это вы, Глѣбъ Иванычъ! Я была у В. В., и мы съ ней заговорились...

Я ушла отъ нихъ тогда подъ впечатлѣніемъ какой-то идилліи. Совершенно точно Аѳанасій Иванычъ и Пульхерія Ивановна. Счастливая пара,— только не смѣшная, а милая.

На слѣдующій вечеръ она снова пришла и, какъ обѣщала, разсказала мнѣ до конца „романъ ихъ *беззаконной* любви" съ Глѣбомъ Иванычемъ.

— Ну, а потомъ мы разъѣхались,—начала она свое „продолженіе". Глѣбъ Иванычъ кончилъ свой романъ „Разореніе" [1]) и уѣхалъ лечиться въ Тамбовскую губернію. А я поступила учительницей въ Елецкій уѣздъ, въ имѣніе Хорадиновой. Потомъ и Глѣбъ Иванычъ переѣхалъ поближе, въ Крапивну, народнымъ учителемъ. Онъ пріѣзжалъ, бывало, въ Елецъ, чтобъ повидаться со мной—урывками, гдѣ придется. Ждалъ меня разъ на вокзалѣ... И никто и не подозрѣвалъ тогда, что мы давно уже мужъ и жена,—только не вѣнчанные. Но вѣдь тогда еще на это смотрѣли не такъ, какъ теперь, особенно тамъ, въ глуши; школу бы отняли, если бы знали. А я хотѣла работать. Да и мачиха моя, женщина неразвитая,—конечно, не понимала, что Глѣбъ Иванычъ совсѣмъ не то, что другіе...

---

[1]) Повѣсть Глѣба Успенскаго „Разореніе", по словамъ А. В., во многомъ заимствована изъ жизни его семьи, а героиня повѣсти, Надя—едва ли не списана съ самой Ал. В—ны.

Состояніе ихъ къ тому времени пришло въ окончательное разстройство, и у Алекс. Вас. оставались „какіе-то гроши“,—да и для полученія этихъ грошей надо было еще хлопотать судебнымъ порядкомъ.

— А мы съ Глѣбомъ Иванычемъ не умѣемъ ни отчета требовать, ни защищать свои права,—прибавляла она.

Наконецъ, послѣ разныхъ мытарствъ и вынужденной разлуки на цѣлые мѣсяцы, они повѣнчались осенью въ Петербургѣ [1]), но только черезъ годъ потомъ могли устроить совмѣстное житье. Жить приходилось обоимъ разнаго рода работой. Она давала уроки, переводила съ французскаго и нѣмецкаго разныя легкія книжки, а Глѣбъ Иванычъ дописывалъ свое „Разореніе“, писалъ и задумывалъ новыя работы. Но всѣ труды ихъ приносили гроши, или цѣликомъ уходили на уплату прежнихъ долговъ Глѣба Иваныча, и часто не хватало рубля на чай, на свѣчи, на булку...

Деньги у нихъ вообще—и тогда и потомъ—уходили неимовѣрно легко. Это были какія-то *не свои*, а какъ бы *общія* деньги. Кому было надо, тотъ ими и пользовался. Никакихъ пріемовъ и угощеній они никогда не устраивали,—но „нельзя же было“ не дать чего-нибудь поѣсть или выпить всѣмъ этимъ людямъ, хотя и не голоднымъ по профессіи, но далеко не обезпеченнымъ въ сытости...

— Александра Васильевна, какъ бы намъ чего-нибудь закусить?—говорилъ Глѣбъ Ивановичъ. И Александра Васильевна изобрѣтала закуску: она писала „Колѣ Долганову“... [2]). Совершались обычныя операціи займа, съ векселями и простыми расписками, съ залогомъ и выкупомъ... И все это тайно, безъ вѣдома Глѣба Иваныча, чтобы не безпокоить его, не отвлекать отъ работы...

Однимъ словомъ, это была именно та жена, которую надо было *выдумать* для Глѣба Успенскаго, если-бъ ея не существовало въ дѣйствительности. Именно въ ней было нѣчто подобное *власти земли*, внѣ которой гибнетъ „замученное естество человѣческое“...

Ее многіе осуждали за „ревность“—за то, что она, будто-бы, никого „не пускала“ къ Глѣбу Ивановичу... Въ то время, о которомъ я здѣсь разсказываю, женскаго общества возлѣ нихъ, дѣйствительно, я не помню. Жена Михайловскаго да я были тогда чуть не единственными

---

[1]) Вѣнчаніе Гл. Ив. и Ал. В. совершилось 27 мая 1870 г. въ верхней церкви Владимирскаго собора (на Владим. ул.). Свидѣтелями были со стороны жениха: Д. Н. Симоновъ и Н. А. Демертъ; со стороны невѣсты—А. М. Скабичевскій и Н. А. Долгановъ. Жениху было 28 лѣтъ, невѣстѣ—25.

[2]) Этотъ „Коля Долгановъ“ долго игралъ въ ихъ жизни роль добраго генія—появлялся, когда былъ нуженъ, и исчезалъ, когда надобность въ немъ исчезала. Впослѣдствіи онъ спился, и А. В. въ свою очередь помогала ему.

исключеніемъ. Раза два появлялась какая-то молоденькая барышня,—кажется, сестра одного литератора, только что вышедшая изъ института, собиравшаяся поселиться въ деревнѣ, приносить пользу и пр.,—но и она потомъ вскорѣ исчезла. Тогда и это пытались объяснять ревностью. Хотя вѣрнѣе всего—самой барышнѣ было здѣсь скучно. Александра Васильевна интересовалась только тѣмъ, что близко касалось Глѣба Ивановича, а самъ онъ при „барышняхъ“ обыкновенно молчалъ или попросту уходилъ къ кому-нибудь изъ знакомыхъ. Меня Александра Васильевна часто сама посылала къ Глѣбу Иванычу:

— Подите, поговорите съ Глѣбомъ Иванычемъ... Разскажите это Глѣбу Иванычу,—это будетъ ему интересно.

Поводовъ же къ ревности было не мало,—и можно скорѣе удивляться долготерпѣнію и такту жены писателя, никогда не допускавшей себя ни до какихъ „семейныхъ сценъ“ и взрывовъ. Глѣбъ Ивановичъ могъ бы пользоваться полной свободой, если-бъ хотѣлъ, а для жены его существовалъ во всю жизнь только онъ.

Были и у нея, конечно, свои недостатки—напр., удивительная способность выискивать во всемъ обратную сторону, выставлять въ смѣшномъ видѣ все, что не подходитъ подъ рубрику „направленія“... Никто лучше ея не умѣлъ подхватить невзначай сорвавшееся, неумѣстное слово, оттѣнить слабую струнку каждаго. Всякое слово, поступокъ и жестъ въ этомъ родѣ („ложные жесты“!—у Михайловскаго) подчеркивались и выставлялись на судъ, какъ ошибка въ школьномъ диктантѣ, и вызывали игриво-ядовитое или критически-строгое замѣчаніе „гувернантки“, какъ я мысленно тогда называла ее. Иногда это меня возмущало, какъ возмущаетъ дѣтей замѣчаніе старшаго. Но теперь мнѣ кажется—тутъ тоже сказывалось вліяніе всеобщей нашей воспитательницы — „обличительной литературы“ шестидесятыхъ годовъ, вмѣстѣ съ привычками институтки-учительницы. Помню, какъ однажды она „отчитывала“ меня—ни въ чемъ неповинную—за ссору Демерта и Бобоши, едва не поведшую къ дуэли. Это было чистѣйшее недоразумѣніе между нами, но она такъ убѣдительно-краснорѣчиво внушала мнѣ обязанности женщины не раздувать никакихъ страстей и смягчать нравы всего окружающаго, что я безропотно прослушала тогда ея внушительное поученіе... Да, это была дѣйствительно наша общая гувернантка, строго слѣдившая за поведеніемъ своихъ воспитанниковъ, не допускавшая ихъ „распускаться“ въ ея присутствіи. И тѣ, кто тяготились этой „опекой“ или „надзоромъ“, уходили отъ нея, раздраженные, и... „грѣшили на сторонѣ“, но близко подходить къ себѣ чему-нибудь невполнѣ чистоплотному въ физическомъ или моральномъ отношеніи Алекс. Васильевна никогда и *никому* не разрѣшала. Эта пуританская строгость

сказывалась у нея во всемъ—въ языкѣ и обращеніи съ людьми, даже въ отношеніяхъ ея къ Глѣбу Иванычу. Они оба казались влюбленными и стыдливо прятали эту влюбленность отъ всѣхъ, даже отъ самихъ себя. Иногда мнѣ случалось подмѣчать его взглядъ на нее—глубокій и нѣжно-задумчивый,—и сейчасъ оба вспыхивали и опускали глаза.

Они ждали тогда ребенка. Но онъ родился преждевременно, мертвый, и нѣсколько дней они потомъ оба очевидно страдали, чувствуя себя какъ бы виноватыми. И Глѣбъ Иванычъ началъ вдругъ ненавидѣть эту квартиру въ домѣ Воронина на Гончарной.

— Казематъ какой-то,—помилуйте!—сумрачно говорилъ онъ.—Коридоры эти кругомъ—зги не видать,—совершеннѣйшія „Трущобы“ Всеволода Крестовскаго! Шорохи тамъ постоянно какіе-то за стѣною... Кто тамъ живетъ, что они дѣлаютъ?—ничего не извѣстно. Даже жутко иной разъ становится... Ни думать ни писать я здѣсь ни о чемъ не могу...—И они переѣхали на Фонтанку, опять въ домъ Тарасова, гдѣ случайно освободилась маленькая—„веселенькая“—квартирка во дворѣ, по сосѣдству съ той, гдѣ я увидѣла впервые Гл. Ив., и гдѣ жилъ теперь братъ Марьи Евграфовны, артистъ Павловскій.

Работа у Гл. И. въ то время что-то не клеилась. Объ этомъ говорили всѣ сотрудники и друзья. И то же самое говорило его лицо. Ни на одномъ лицѣ не удавалось мнѣ читать такъ выразительно и счастье и муку писательства...

Разъ вечеромъ, поздно вернувшись откуда-то, съ публичной лекціи или изъ концерта,—мы цѣлымъ обществомъ пили чай у Успенскихъ. Кто-то принесъ ему нумеръ газеты,—кажется, „Петербургскихъ Вѣдомостей“,—съ рецензіей о его послѣднихъ работахъ въ „Отеч. Запискахъ“,—именно о Парижѣ. Рецензентъ находилъ у автора „недостатокъ образованія“, совѣтовалъ ему еще поучиться и не браться за темы, въ которыхъ прославились наши первоклассные таланты и геніи... Что-то въ этомъ родѣ,—теперь ужъ не помню. Глѣбъ Иванычъ, присѣвъ къ столу на диванѣ, читалъ, не отрываясь. Вокругъ него ходили, говорили,—а онъ все читалъ и читалъ... Я сидѣла въ тѣни, противъ него, и, украдкой глядя на его лицо, невольно угадывала,—*видѣла*,—что переживалъ онъ, читая эту рецензію. За минуту оживленно-веселое лицо его было искажено теперь глубокимъ страданьемъ. Онъ точно горѣлъ весь на медленномъ огнѣ... Даже всегда бѣлый лобъ его какъ будто пылалъ, губы судорожно кривились и вздрагивали,—и по временамъ онъ закрывалъ рукою глаза, чтобы ничто не отвлекало его отъ этого листа газетной бумаги. Кончитъ и опять начнетъ перечитывать. Наконецъ, кто-то догадался и отнялъ у него га-

зету. Онъ не пошевельнулся и продолжалъ сидѣть, не отводя глазъ отъ стола, какъ будто жгучія строки все еще были передъ его глазами...

— Ну, что же тамъ написано, Глѣбъ Иванычъ?—спросилъ кто-то изъ присутствующихъ.—Хвалятъ или бранятъ?—Плюньте, если бранятъ: значитъ, болванъ какой-нибудь, ничего не понимаетъ!..

Глѣбъ Иванычъ точно проснулся.

— Какъ это ничего не понимаетъ?! Что это вы говорите!.. Отлично все это у него написано... Какъ есть сущая правда!—беззвучно проговорилъ онъ, порывисто всталъ съ дивана и, никому не сказавъ ни слова, вышелъ въ переднюю. Больше въ тотъ вечеръ мы его не видали.

Александра Васильевна не спала потомъ цѣлую ночь, ожидая его возвращенія. А онъ всю ночь ходилъ взадъ и впередъ по Фонтанкѣ... И, говорятъ, эта Фонтанка не разъ манила его въ свои мутныя волны...

Запомнилось и еще одно впечатлѣніе... въ томъ же родѣ.

Это было уже полгода спустя, въ ночь пасхальной заутрени, когда онъ зашелъ къ Демерту поздно вечеромъ—прямо отъ Некрасова. Я тоже зашла зачѣмъ-то къ Николаю Александровичу и застала ихъ вдвоемъ за столомъ, на которомъ были разставлены пасхальныя снѣди: куличъ, пасха, окорокъ, красныя яйца и красное вино. Въ церквахъ уже благовѣстили, и Демертъ предлагалъ, „отбросивъ рутину", разговѣться, прежде чѣмъ итти бродить по улицамъ. И, какъ всегда, изображая всѣхъ и вся въ комическомъ видѣ, усердно подливалъ въ стаканы и мнѣ, и Глѣбу Ивановичу.

Успенскій сидѣлъ молчаливый, сосредоточенный. Но послѣ второго стакана лицо его начинало разогрѣваться.

— А знаете, В. В.,—обратился онъ вдругъ ко мнѣ:—я сегодня долго проговорилъ съ Некрасовымъ... Какіе у него удивительные глаза! Просто заворожилъ онъ меня сегодня... Вотъ гдѣ именно можно сказать его же стихами:

„Такъ осенью бурливѣе рѣка,
Но холоднѣй бушующія волны!"

Онъ прочиталъ эти два стиха вполголоса, просто, какъ будто думая вслухъ и самъ задумываясь надъ глубиной сокрытой въ нихъ мысли. Ни прежде, ни потомъ, никогда не слыхала я никакихъ лирическихъ звуковъ отъ Глѣба Успенскаго. Онъ точно стыдился или пренебрегалъ поэзіей... И вдругъ стихи—моментъ лирическаго экстаза! Помню, это произвело на меня тогда впечатлѣніе молніи въ темной комнатѣ: какъ будто душа его внезапно распахнулась на мигъ и стала мнѣ еще ближе и еще понятнѣе... И эти стихи запомнились навсегда вмѣстѣ съ образомъ Глѣба Иваныча въ ту пасхальную ночь...

— Необыкновенный это человѣкъ!—задумчиво прибавилъ онъ опять о Некрасовѣ.—Я съ нимъ безъ волненія говорить не могу... И что мы такое пишемъ? Зачѣмъ? Всѣ мы, вообще?.. А вотъ онъ... Однимъ взглядомъ всю душу перевернетъ... все внутри заработаетъ!

В. Т—ва (Починковская).

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Два письма Н. К. Михайловскаго къ П. Л. Лаврову [1]).

Wien Prager Strasse, № 9.

I.

Я очень поздно прочиталъ ваше письмо, потому что поздно узналъ объ его существованіи, а получивъ, не могъ разобрать адреса и такъ и до сихъ поръ его не знаю. Вотъ почему отвѣтъ затянулся. Несмотря на все мое желаніе, мнѣ, можетъ быть, не удастся съ вами видѣться и потому прошу у васъ пока письменнаго собесѣдованія, а тамъ что будетъ. Главное объ журналѣ и моемъ участіи въ немъ. Откровенно говоря, это дѣло мнѣ съ самаго начала не улыбалось. Заграничный журналъ, особенно теперь, долженъ быть, по моему мнѣнію, блистателенъ или его вовсе не должно быть. Вы пользуетесь превосходной репутаціей въ извѣстной части русскаго читающаго общества, не говоря уже объ томъ, что никакая партія не можетъ отрицать вашего таланта, глубокомыслія и обширности вашихъ знаній. Это даетъ вамъ положеніе очень выгодное, но и очень отвѣтственное. Поставивъ неудачно на карту свою репутацію, вы проиграете не только ее, а и много чужого имущества. И тогда жди опять времени и людей. Зная наличныя силы литературы и зная, что изъ этихъ крохотныхъ силъ въ заграничный журналъ можно привлечь только ничтожную долю и притомъ далеко не самыхъ лучшихъ, я относился къ вашему плану скептически. Однако, свое согласіе далъ. Мало того, въ горькую минуту, тянувшуюся, впрочемъ, не одну минуту, я рѣшилъ было эмигрировать и пристроиться къ вамъ окончательно и безповоротно. Мысль эту я бросилъ по многимъ

[1]) Печатаемыя письма переданы намъ изъ парижскаго архива покойнаго П. Л. Лаврова лицами, имѣющими на то всѣ юридическія и моральныя права. Въ письмахъ этихъ, какъ видитъ читатель, содержатся отвѣты Михайловскаго Лаврову на предложеніе участвовать въ организовавшемся за границею журналѣ „Впередъ“ Это было въ 1873 году. *Ред.*

причинамъ, изъ которыхъ нѣкоторыя разскажу. Во-первыхъ, вышеизложенное, т. е. безполезность и пожалуй даже вредность такого поступка: я—не вы, но и себя я не считаю вправѣ промѣнять 8000 читателей, обезпеченныхъ прочнымъ соединеніемъ болѣе или менѣе крупныхъ литературныхъ силъ, на дѣло невѣрное и трудное. Потомъ общія основанія, по которымъ эмигрировать вообще не легко. Потомъ частности въ родѣ возмутительной исторіи Смирнова: жить въ такой мерзости противно и во всякомъ случаѣ для этого нѣтъ надобности уѣзжать изъ Россіи, гдѣ эта мерзость не такъ больно и оскорбительно колетъ глаза. Потомъ чуть-ли не самое важное. Мои литературныя замѣтки создали мнѣ положеніе, котораго я побаиваюсь, но принимаю. Ко мнѣ лично и письменно обращаются молодые люди съ изложеніемъ своихъ сомнѣній и за разрѣшеніемъ разныхъ близкихъ имъ вопросовъ. Отъ этого положенія я, во-первыхъ, не откажусь ни за что въ мірѣ, а во-вторыхъ, сомнѣнія и вопросы таковы, что, поскольку я могу вообще помочь тутъ, я могу дѣлать это въ русскомъ журналѣ, а поскольку не могу вообще—не могу и въ заграничномъ. Я не революціонеръ, всякому свое. Борьба со старыми богами меня не занимаетъ, потому что ихъ пѣсня спѣта, и паденіе ихъ есть дѣло времени. Новые боги гораздо опаснѣе и въ этомъ смыслѣ хуже. Смотря такъ на дѣло, я могу до извѣстной степени быть въ дружбѣ съ старыми богами и слѣдовательно писать и въ Россіи. Вы скажете, что я не такъ ставлю вопросъ, что незачѣмъ или быть дѣятельнѣйшимъ вашимъ сотрудникомъ здѣсь на мѣстѣ, или не принимать въ вашемъ журналѣ никакого участія. Но въ корреспонденты, въ собиратели и сообщители фактовъ, не подлежащихъ публикаціи въ Россіи, я не гожусь по свойству моихъ связей и знакомствъ. Доставить же вамъ время отъ времени статью, которая почему-нибудь не можетъ быть напечатана въ Россіи, конечно, можно, но объ этомъ не стоитъ разговаривать. Въ заключеніе мнѣ хочется сказать вамъ, что я васъ очень люблю и уважаю.

II.

Опять запаздываю отвѣтомъ, многоуважаемый Петръ Лавровичъ, потому что уѣзжалъ на нѣсколько дней изъ Вѣны, и ваше письмо пришло безъ меня.

Между нами вышло маленькое недоразумѣніе. Говоря, что заграничный журналъ, и особенно теперь, долженъ быть блестящимъ или его вовсе не должно быть, я имѣлъ въ виду *блескъ* не въ спеціально литературномъ отношеніи. Это, конечно, дѣло второстепенное, хоть и далеко не лишенное значенія. Я говорилъ, что журналъ долженъ быть блестящимъ по своему внутреннему достоинству. И если онъ такимъ не будетъ, онъ будетъ,

не только не полезенъ, будетъ вреденъ, потому что даетъ случай порадоваться или поскалить зубы однимъ и разочароваться другимъ.

Въ этомъ смыслѣ я и говорилъ о значеніи и цѣнности вашей репутаціи. Какія у васъ данныя, не считая вашей высокоуважаемой личности, въ пользу того, что журналъ будетъ дѣйствительно хорошъ? Нашъ посредникъ склоненъ смотрѣть на вещи въ розовомъ свѣтѣ. Впрочемъ, я не знаю всего добытаго имъ, можетъ быть, есть и много цѣннаго, хотя мнѣ странно, что вы отъ него до сихъ поръ ничего не имѣете. Сообщу, что я знаю. Три или четыре талантливые и подходящіе писателя (а они на перечетѣ), съ которыми я говорилъ, отказались наотрѣзъ или отозвались весьма неопредѣленно и уклончиво. Смотрите на это какъ хотите, но это фактъ. Затѣмъ мнѣ извѣстно, что „Впередъ" ждутъ, но, насколько мнѣ извѣстно, не какъ сокровищницы, въ которую желательно вложить свою лепту, а какъ повелительнаго наклоненія. Эти вамъ ничего не дадутъ, а будутъ съ васъ спрашивать. Вотъ что я знаю. Затѣмъ думаю, что найдутся способы для собиранія и передачи голыхъ фактовъ, но сильно сомнѣваюсь, чтобы, не считая исключеній, вы получили изъ Россіи вещи обработанныя, я опять-таки не объ одномъ литературномъ отношеніи говорю.

Надѣюсь, вы не мечтаете направлять на путь истины правительство. Остаются двѣ цѣли: мѣсто, гдѣ можно вволю наплакаться и насмѣяться, для однихъ и повелительное наклоненіе для другихъ. Первыхъ вамъ придется искать и организовать съ большимъ трудомъ, потому что готовый человѣкъ-писатель къ вамъ не пойдетъ. Я первый не пойду, пока я живу въ Россіи. Легко сказать: высказывайте, что въ васъ накипѣло, выкрикивайте, что въ васъ наболѣло. Какъ будто человѣка, къ которому пригляделись, не узнаютъ съ перваго десятка строкъ и не упрячутъ въ тундры сибирскія, не лишатъ его общества и не лишатъ общества его. А ломаться, не быть искреннимъ, выкрикивать, что наболѣло, поддѣлываясь подъ чужой голосъ,—развѣ это возможно? Вотъ почему я, незадолго предъ отъѣздомъ, сказалъ нашему посреднику: или я буду принимать въ журналѣ самое близкое участіе, или никакого.

Я думалъ тогда объ эмигранствѣ. Кстати, эта мысль, въ концѣ концовъ мимолетная, неизвѣстна никому, ни даже самымъ близкимъ ко мнѣ людямъ. Считаю не лишнимъ предупредить васъ объ этомъ.

Что касается до повелительнаго наклоненія, то молодежь его очень ждетъ, и голосъ „Впередъ", какъ бы онъ ни устроился, если только вы будете вести его, будетъ имѣть большой вѣсъ. Скажите же мнѣ ваше повелительное наклоненіе не въ теоретической области, а въ практической. Въ ожиданіи я вамъ скажу свое: сидите смирно и готовьтесь.

Другого я не знаю, другого, по моему, русскій соціалистъ теперь имѣть не можетъ. Никакой радикально соціалистической оппозиціи въ Россіи нѣтъ, ее надо воспитать. Задача молодого поколѣнія можетъ состоять только въ томъ, чтобы готовиться къ тому моменту, когда настанетъ время дѣйствовать. Само оно безсильно его вызвать и будетъ только задаромъ гибнуть въ этихъ попыткахъ. А что моментъ настанетъ и даже, несмотря на теперешнюю реакцію, въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, это, по моему, несомнѣнно. Японія, Турція имѣютъ конституцію, долженъ же придти и нашъ чередъ. Я, впрочемъ, не знаю, въ какой формѣ придетъ моментъ дѣйствія, но знаю, что теперь его нѣтъ, и что молодежь должна его встрѣтить въ будущемъ не съ Молешотомъ на устахъ и не съ игрушечными коммунами, а съ дѣйствительнымъ знаніемъ русскаго народа и съ полнымъ умѣніемъ различать добро и зло европейской цивилизаціи. Откровенно говоря, я не такъ боюсь реакціи, какъ революціи. Готовить людей къ революціи въ Россіи трудно, готовить къ тому, чтобы они встрѣтили революцію, какъ слѣдуетъ, можно, и слѣдовательно должно. Въ тотъ часъ, когда это станетъ невозможнымъ,—я вашъ, несмотря ни на что, до тѣхъ поръ—нѣтъ.

Будемте, пожалуйста, продолжать бесѣду, отвѣтьте мнѣ на вопросъ о повелительномъ наклоненіи. Я читалъ обѣ программы, но яснаго понятія все-таки не имѣю. Можетъ быть, тогда мы столкуемся.

Глубоко васъ уважающій **Н. Михайловскій.**

Лесевичъ, можетъ быть, за границей, но адреса его я не знаю. Скабичевскій навѣрное въ Петербургѣ.

Адресуйте въ Киссингенъ poste-restante, потому что я на дняхъ ѣду.

Черты изъ жизни и дѣятельности С. Н. Кривенко.

(Къ исторіи созидательнаго народничества).

По мѣрѣ того какъ обостряются общественные вопросы, съ особой силой выдвинутые на очередь современнымъ освободительнымъ движеніемъ, въ широкихъ кругахъ нашей интеллигенціи все крѣпче и крѣпче утверждается мысль, что то или иное разрѣшеніе этихъ вопросовъ больше всего будетъ зависѣть отъ отношенія къ нимъ преобладающей массы коренного населенія страны. Въ виду этого къ исканію опоры въ этой массѣ народа направляются въ настоящее время усилія всѣхъ нашихъ крупнѣйшихъ политическихъ и соціалистическихъ партій. Явленіе это, впрочемъ, не ново въ русской жизни. Можно утверждать даже, что оно существуетъ съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ русская интеллигенція, задающаяся практическими цѣлями обновленія общественнаго строя. Но особенно яркое проявленіе его въ прошломъ относится къ шестидесятымъ и семидесятымъ годамъ XIX столѣтія, когда движеніе къ народу и въ народъ, извѣстное подъ общимъ названіемъ народничества, охватило самые разнообразные и наиболѣе сильные духомъ круги нашей интеллигенціи. Какова бы ни была современная оцѣнка всего народничества того времени, или только отдѣльныхъ теченій его, во всякомъ случаѣ едва ли найдется серьезный изслѣдователь, который не признаетъ за нимъ выдающагося значенія и первенствующаго вліянія на наше послѣдующее развитіе. До послѣдняго времени изъ всѣхъ направленій русской мысли, такъ называемое, народничество несомнѣнно было самымъ сильнымъ, самымъ обширнымъ и оставившимъ наиболѣе глубокіе слѣды въ жизни страны. Цѣлый рядъ крупныхъ, среднихъ и болѣе мелкихъ общественныхъ дѣятелей и писателей, стоявшихъ въ рядахъ этого направленія, до сихъ поръ пользуется всеобщимъ уваженіемъ и заслуженной извѣстностью, хотя огромное большинство изъ „сей стаи славныхъ“ сошло уже съ жизненной сцены и покончило свои земные счеты. Исторія ихъ и ихъ дѣятельности, какъ и исторія всего того ученія и дѣла, которому они служили, составляетъ интереснѣйшую, полную глубокаго смысла

страницу въ общей исторіи русскаго общественнаго и интеллектуальнаго развитія и въ то же время имѣетъ не только теоретическое, но и очень важное практическое значеніе. Она уясняетъ, между прочимъ, и тотъ опытъ въ отношеніяхъ интеллигенціи къ народу, который можетъ быть использованъ въ интересахъ современнаго движенія; она опредѣляетъ въ значительной мѣрѣ почву, на которой возможно взаимное пониманіе культурной и некультурной части населенія; она помогаетъ въ установленіи предѣловъ усвояемости идей массами населенія въ ихъ настоящемъ развитіи, въ опредѣленіи силъ, ихъ активности, организаціи и проч.

Однако, для такой полной, всесторонней, глубокой и объективной исторіи движенія шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія еще не настало время. Еще живы многіе дѣятели этого времени, еще не улеглись страсти, еще скрыты и недоступны многіе матеріалы, еще не умерло и самое движеніе, не только въ его послѣдующихъ развѣтвленіяхъ, но даже и въ его едва ли не первоначальной чистотѣ. И если научная исторія его дѣло будущаго, то это не исключаетъ возможности использованія ея въ отдѣльныхъ частяхъ и въ тѣхъ матеріалахъ, которые войдутъ современемъ въ общую исторію. Слишкомъ ужъ важны эти годы для науки, слишкомъ жизнены и близки они текущимъ злобамъ дня, текущимъ интересамъ, чтобы забыть о нихъ и не обращаться къ нимъ при всякой къ тому возможности.

Этимъ, повидимому, и объясняется тотъ исключительный, по временамъ чисто жгучій, интересъ, который вызываютъ къ себѣ въ послѣднее время всевозможные мемуары, записки, воспоминанія, очерки и т. п. печатныя произведенія, касающіяся общественнаго и умственнаго движенія въ Россіи въ послѣднія десятилѣтія истекшаго столѣтія. Этимъ же, въ значительной мѣрѣ, интересомъ руководствовались и мы, останавливаясь на мысли дать нѣсколько очерковъ жизни и дѣятельности недавно умершаго писателя и общественнаго дѣятеля Сергѣя Николаевича Кривенка.

Современной молодежи это имя говоритъ сравнительно мало. Но было время, когда его внутреннія обозрѣнія въ „Отечественныхъ Запискахъ“ читала вся прогрессивная часть русскаго общества, иногда, впрочемъ, тоже не подозрѣвавшая, кто былъ ихъ авторомъ. Сергѣй Николаевичъ рѣдко подписывалъ свои статьи и совсѣмъ не подписывалъ своихъ „обозрѣній“. Тѣмъ не менѣе въ литературныхъ кругахъ его знали и цѣнили. Здѣсь пользовался онъ заслуженнымъ уваженіемъ и вниманіемъ; съ нимъ считались самые видные представители литературнаго міра, къ нему приглядывались и прислушивались. Да и трудно было не замѣтить въ интеллигентныхъ кружкахъ того времени этого выдающагося, несмотря на всю, по истинѣ, замѣчательную его скромность, человѣка, импонировавшаго не только своей

стройной, мускулистой фигурой, своей красивой „львиной“ головой, съ глубокими, ясными, выразительными глазами, но и, главнымъ образомъ, той атмосферой нравственной чистоты и творческой силы, которыя невольно чувствовались всѣми сталкивавшимися съ нимъ. Недаромъ къ нему проникались искренне дружескими чувствами такіе гораздо старшіе его по возрасту крупнѣйшіе люди той эпохи, какъ Елисѣевъ, М. Е. Салтыковъ (Щедринъ), Некрасовъ и многіе другіе, недаромъ онъ былъ однимъ изъ ближайшихъ друзей Г. И. Успенскаго, Шелгунова, В. Гаршина и едва ли не единственно дѣйствительнымъ близкимъ другомъ Н. К. Михайловскаго. Самой крупной, выдающейся чертой Сергѣя Николаевича была удивительная, рѣдкая во всѣ времена, а особенно въ переходные историческіе моменты, цѣльность его натуры, гармоническая связь его мысли, слова и дѣла, обусловливавшая его высокую нравственную чистоту, которую признавали въ немъ даже тѣ, кто не постѣснялся бросить камнемъ въ его свѣжую могилу. Эта черта его натуры могла принять выразительныя и яркія формы, главнымъ образомъ, потому, что онъ былъ не случайнымъ дѣятелемъ преобладавшаго въ то время направленія, не человѣкомъ, воспринявшимъ уже готовое ученіе, а, до извѣстной степени, однимъ изъ его творцовъ, останавливавшимся на всѣхъ крупныхъ частяхъ его, глубоко изучившимъ и продумавшимъ ихъ, распространявшимъ его на незатронутыя ранѣе области и немало содѣйствовавшимъ облеченію его въ форму цѣльной и стройной системы, съ большимъ практическимъ смысломъ и значеніемъ. Если Н. К. Михайловскій, развивая и продолжая философскія мысли П. Л. Лаврова или работая въ той же области самостоятельно, давалъ идеологію народничества и его философское обоснованіе, то С. Н. Кривенко разрабатывалъ и обосновывалъ научными данными программу этого направленія и его тактику. Его творческая работа въ этой именно сферѣ, его глубокая и послѣдовательная убѣжденность, искренняя проникновенность имъ самимъ обдуманныхъ и всегда послѣдовательно развитыхъ доктринъ и выдающееся значеніе этихъ послѣднихъ въ исторіи нашего общественнаго и интеллектуальнаго развитія, наряду съ высоконравственной чистотой его самого, даютъ достаточно основаній, чтобы считать его личность достояніемъ нашей исторіи. Мыслящее общество должно знать такихъ людей, какъ Сергѣй Николаевичъ Кривенко, должно учиться у нихъ жить и работать во имя высшихъ идеаловъ, должно чтить ихъ и съ глубокимъ интересомъ изучать ихъ труды. Ибо только въ преемственно обоснованныхъ ученіяхъ, програмахъ и тактикѣ, въ послѣдовательномъ развитіи и воплощеніи въ жизнь высокихъ моральныхъ началъ и кроется прочный успѣхъ общественныхъ движеній прогрессивнаго характера.

Въ этихъ именно видахъ черты изъ жизни, литературной и обще-

ственной дѣятельности Сергѣя Николаевича, въ связи съ тѣмъ направленіемъ, которому честно и убѣжденно онъ служилъ, представляютъ особый интересъ и особое значеніе. Въ этихъ именно видахъ и начата нами настоящая работа.

Къ сожалѣнію, матеріалы для біографіи его очень не полны. Частью они не разысканы и не собраны, частью еще недоступны для литературы, а частью погибли безвозвратно. Тѣмъ не менѣе и то, чѣмъ располагаемъ мы, даетъ достаточно данныхъ, чтобы отмѣтить важнѣйшіе періоды въ его жизни, указать особенности, вліявшія на выработку его личности, на ростъ и развитіе его убѣжденности и на крупнѣйшія черты его творческой литературной и общественной дѣятельности. Для настоящаго момента особенно интереснымъ представляется первый періодъ его жизни, тотъ именно періодъ, когда съ наибольшей силой сказалась его практическая созидательная работа въ области направленія, которому онъ служилъ.

Теперь, когда первый натискъ освободительнаго движенія оказался отбитымъ, когда въ рядахъ его началась перестройка, провѣрка орудій борьбы, когда подъ вліяніемъ этого взоры едва ли не всѣхъ передовыхъ партій движенія обращаются къ вопросамъ организаціи и подготовки элементовъ новаго дѣла, къ органической культурной работѣ въ интересахъ послѣдняго, представитель созидательнаго народничества, какимъ, по существу, является С. Н. Кривенко, не можетъ не привлекать къ себѣ общаго вниманія. Онъ не былъ узкимъ практикомъ въ дѣлѣ насажденія и осуществленія народническихъ идеаловъ, но кто знакомъ съ его внутренними обозрѣніями въ „Отечественныхъ Запискахъ" и въ другихъ журналахъ, столь часто возвращавшихся къ вопросу объ интеллигенціи и народѣ и объ ихъ взаимодѣйствіи, съ его изложеніемъ ученія о физическомъ трудѣ, какъ основы соціальнаго строя, съ его описаніями „культурныхъ одиночекъ" и „культурныхъ скитовъ" и съ другими статьями, касающимися практической работы интеллигенціи,—тотъ не можетъ не признать, что вопросы органической культурной работы, вопросы осуществленія народническихъ идеаловъ въ жизни отдѣльныхъ лицъ и ихъ группъ, вопросы подготовки послѣднихъ къ этимъ идеаламъ и вообще все созидательное дѣло въ народническомъ направленіи было для него едва ли не самымъ важнымъ. Въ немъ онъ сказался наиболѣе ярко и выпукло, и въ его лицѣ народничество семидесятыхъ годовъ, послѣ неудачъ хожденія въ народъ, имѣло едва ли не наиболѣе опредѣленнаго выразителя своихъ практическихъ путей, въ условіяхъ русской дѣйствительности.

Эта сторона дѣятельности Сергѣя Николаевича такъ тѣсно связана съ условіями его жизни въ дѣтствѣ и ранней молодости, что нѣкоторыя подробности въ этой области совершенно необходимы для правильнаго по-

вниманія и освѣщенія какъ самой личности покойнаго дѣятеля и писателя, такъ и многихъ его литературныхъ работъ. Останавливаясь теперь, пока не слеглась еще земля на его могилѣ, на этой—созидательной въ области народничества—сторонѣ его дѣятельности, мы разсчитываемъ въ будущемъ дать болѣе полный очеркъ его жизни, очерчивающій личность его по возможности всесторонне, во всѣхъ главнѣйшихъ особенностяхъ его цѣльной натуры, и выясняющій мѣсто его въ рядахъ крупнѣйшаго общественно-интеллектуальнаго движенія въ Россіи, огромное значеніе котораго сказывается до сихъ поръ съ почти неослабѣвающей силой.

I. Воспитательныя вліянія дѣтства и юности.

Сергѣй Николаевичъ Кривенко родился въ городѣ Борисоглѣбскѣ Тамбовской губерніи 20 января 1847 г. въ помѣщичьей семьѣ, во время полнаго еще господства въ Россіи суроваго Николаевскаго режима и тяжкаго крѣпостничества, подъ которымъ, однако, начинала уже колебаться устойчивая почва. Отецъ его принадлежалъ по рожденію къ донскому дворянству, покинувшему родныя мѣста, и сохранялъ въ себѣ многія особенности малороссійскаго происхожденія. Въ Борисоглѣбскѣ онъ занималъ должность судьи, но, кажется, временно и во всякомъ случаѣ недолго. Какъ только былъ отстроенъ его домъ въ селеніи Никольскомъ-Кабаньемъ, онъ немедленно переѣхалъ туда на жительство со всей семьей. Маленькому Сережѣ было въ это время приблизительно года полтора. Жизни въ городѣ поэтому онъ не помнилъ, всѣ же свѣтлыя воспоминанія о раннемъ дѣтствѣ пріурочивались у него къ деревнѣ.

Здѣсь Кривенкамъ принадлежала обширная усадьба, расположенная на косогорѣ, большой садъ, раскинувшійся по двумъ его сторонамъ, хорошій просторный домъ, а внизу усадьбы, по широкому лугу, протекала небольшая, чистая, извилистая рѣченка. [1]) Здѣсь-то, близко къ землѣ и природѣ, близко къ народу и протекли первые годы дѣтства Сергѣя Николаевича, оставившіе неизгладимые слѣды во всемъ его характерѣ.

Трудно представить себѣ болѣе сильное вліяніе природы и народа на душу ребенка, чѣмъ то, которое пришлось испытать на себѣ Сергѣю Николаевичу въ раннемъ дѣтствѣ. Глубокіе слѣды этого вліянія ясно видны

---

[1]) Нѣкоторыя автобіографическія свѣдѣнія о своемъ раннемъ дѣтствѣ изложены Сергѣемъ Николаевичемъ въ его разсказѣ „Сергѣевы игры“, помѣщенномъ въ „Дѣтскомъ чтеніи“ съ подписью „Гл—въ“ (вѣроятно, сокращенный его псевдонимъ „Глазовъ“). Литературнаго значенія этому разсказу онъ никогда не придавалъ.

были и въ Кривенкѣ-писателѣ, и въ Кривенкѣ-общественномъ дѣятелѣ, и особенно въ Кривенкѣ-человѣкѣ, простомъ, чистомъ, непосредственномъ, въ лучшемъ значеніи этого слова, цѣльномъ, вдумчивомъ и скромномъ. Семья, въ свою очередь, имѣла на него немалое вліяніе и, надо сказать, что, по отношенію къ его раннему воспитанію, обстоятельства создали для него очень удачное по тому времени сочетаніе благопріятныхъ факторовъ, обусловливавшихъ развитіе его характера.

Отецъ Сергѣя Николаевича—Николай Алексѣевичъ, увлекавшійся, подобно большинству степныхъ помѣщиковъ того времени, охотой и конскимъ заводомъ, былъ человѣкъ мягкій, терпѣливый и доброжелательный. Хорошій семьянинъ и любящій отецъ вообще, онъ души не чаялъ въ своемъ первенцѣ-Сережѣ, съ которымъ старался не разлучаться не только въ свободное отъ занятій время, но даже и въ свои поѣздки по хозяйству и къ знакомымъ. Онъ велъ съ нимъ серьезные хозяйственные разговоры, сообщалъ ему въ письмахъ, когда Сережа былъ кадетомъ, хозяйственныя новости и даже какъ бы совѣтовался съ нимъ.

Въ семьѣ Кривенокъ отношеніе къ крестьянамъ было добродушное и, такъ сказать, „благопопечительное". Съ дворней, въ свою очередь, обращались гуманно, и хотя „дѣвки" сидѣли по обыкновенію за пяльцами, но никакія издѣвательства и тѣлесныя наказанія къ нимъ не примѣнялись. Зато, во время посѣщенія съ отцомъ помѣщиковъ, крѣпостной укладъ развертывался передъ ребенкомъ во всемъ своемъ ужасѣ, тѣмъ болѣе, что тогда дѣтей не стѣснялись и безобразничали при нихъ такъ же откровенно, какъ и безъ нихъ. Иногда дѣтская душа не выдерживала и протестовала. Такъ, однажды Сережѣ довелось заночевать у какого-то помѣщика; лишней комнаты для него не нашлось, и его положили въ столовой за перегородкой. Онъ легъ, а пирушка въ столовой продолжалась. Подвыпившій помѣщикъ, грубый самодуръ, и всегда-то нехорошо обращавшійся съ женой, теперь началъ издѣваться надъ ней, приставая къ ней и требуя отъ нея чего-то чрезвычайно унизительнаго. И вдругъ, залъ огласился горькими дѣтскими рыданіями... Не выдержала дѣтская душа издѣвательства надъ человѣческою личностью. Такія слезы не проходятъ даромъ: онѣ выжигаютъ въ душѣ слѣдъ и заставляютъ ее всю жизнь содрогаться при видѣ насилія и неправды, онѣ сдѣлали то, чего не сдѣлала бы для юнаго развивающагося ума ни одна книга въ жизни. Онѣ будили въ немъ страстный протестъ противъ угнетателей, съ одной стороны, и страстную же жалость къ угнетеннымъ, съ другой.

Мать Сергѣя Николаевича, Надежда Ивановна, урожденная Страхова, характеромъ не походила на мужа, но представляла собою личность тоже не лишенную оригинальности. Она была дочь богатаго когда-то помѣщика,

большого самодура и, вѣроятно, неврастенника (одно время онъ сходилъ съ ума), но несомнѣнно даровитаго человѣка, писавшаго очень недурные стихи. Матери своей, урожденной Верстовской (родной сестры композитора), она лишилась рано и много протерпѣла отъ чудившаго всю жизнь отца. Это выработало въ ней характеръ нѣсколько замкнутый, сдержанный, несклонный къ ласкамъ и внѣшнимъ изліяніямъ; но, съ другой стороны, это была натура глубоко честная и правдивая, ненавидѣвшая всякую фальшь, ложь и наушничество. Въ домѣ у нея никто не смѣлъ сплетничать и наушничать. Если дѣти приходили жаловаться другъ на друга, она рѣзко ихъ обрывала, а если слышала какое-нибудь шушуканье, то сейчасъ же прекращала его, говоря, что шушукаются лишь о томъ, чего нельзя сказать вслухъ. Дѣтей своихъ она любила, но ласкала мало и особенно мало ласкала почему-то Сергѣя Николаевича, можетъ быть, просто боясь избаловать его, такъ какъ онъ видѣлъ слишкомъ много ласкъ отъ отца. Но Сережа, однако, глубоко чувствовалъ отсутствіе этой ласки и огорчался. „Я не могу сказать, чтобы она совсѣмъ меня не любила или не заботилась обо мнѣ", писалъ онъ въ начатыхъ имъ когда-то воспоминаніяхъ о своемъ дѣтствѣ, [1]) „но ласкъ отъ нея я не видѣлъ. Придешь, бывало, посидѣть въ ея комнатѣ, или расположишься съ игрушками въ углу, а она скажетъ: „Что ты тутъ вертишься и мѣшаешь, иди къ отцу или въ дѣтскую". Причину этой холодности, впрочемъ, онъ видитъ въ самомъ себѣ: „изъ-за меня она не мало пролила слезъ и вынесла страданій. До $1^1/_2$ лѣтъ я былъ, говорятъ, ребенкомъ очень болѣзненнымъ, много разъ уже совсѣмъ умиралъ, много разъ кричалъ и день, и ночь, и такъ сильно, что становился синимъ и переставалъ даже на нѣкоторое время дышать". Насколько вѣрно было это объясненіе Сергѣя Николаевича, сказать трудно. Вѣроятнѣе всего, что мать просто, по своей натурѣ, не была склонна къ горячимъ проявленіямъ любви и не считала это полезнымъ. Ребенокъ же, всегда ласкаемый отцомъ, ждалъ и жаждалъ и материнской ласки и, не встрѣчая ее, глубоко огорчался. Во всякомъ случаѣ, въ недостаткѣ заботъ къ себѣ Сергѣй Николаевичъ никогда не упрекалъ свою мать, да и не имѣлъ къ этому повода.

Изъ другихъ членовъ семьи Кривенко большое вліяніе на Сергѣя Николаевича, какъ и на всю семью, имѣла бабушка его—мать отца—Гла-

---

[1]) Эти воспоминанія начаты были имъ, когда онъ сидѣлъ въ домѣ предварительнаго заключенія для одного близкаго друга, но не кончены, потому что, какъ онъ говорилъ, „стыдно стало собою заниматься". Вообще С. Н. не любилъ распространяться о себѣ, о своихъ чувствахъ и дѣлахъ. „Я какъ-то не чувствовалъ себя никогда", пишетъ онъ въ одномъ частномъ письмѣ: „точно жилъ не я, а жили вокругъ меня природа и другіе люди". Эта же характерная скромность сказывалась у него и въ томъ, что онъ очень рѣдко подписывалъ свои статьи и даже книги.

фира Васильевна. Это дѣйствительно была женщина рѣдкихъ душевныхъ качествъ, особенно въ то злополучное время, когда деспотизмъ и низменный взглядъ на женщину не давали ей возможности ни развить, ни проявить своего ума и сердца. Мужъ Глафиры Васильевны былъ врачъ. Умная и способная жена его переняла отъ него нѣкоторыя познанія и пріемы лѣченія и, оставшись рано вдовою, стала продолжать дѣло мужа, т. е. лечить крестьянъ. Буквально вся округа пользовалась ея услугами.

Глубоко религіозная, но не ханжа, она въ теченіе 40 лѣтъ своего вдовства ѣла постное, ходила всегда въ простой черной юбкѣ и гладкой кофточкѣ съ кожанными нарукавниками и всю жизнь свою проводила въ строгомъ трудѣ, сначала управляя своимъ имѣніемъ, имѣніемъ своего сына, лѣча крестьянъ, а подъ конецъ жизни только приготовляя лѣкарства изъ травъ и лѣча всѣхъ къ ней приходившихъ. Строгая къ себѣ, она была очень снисходительна къ окружающимъ, и внуки ея не помнятъ, чтобы она сказала хоть кому-нибудь изъ дворовыхъ или крестьянъ какое-нибудь грубое слово. Между тѣмъ, она умѣла внушить къ себѣ такое уваженіе крѣпостному люду, что одно ея простое ласковое слово дѣйствовало гораздо сильнѣе строгихъ приказаній. Маленькаго Сережу она очень любила, и онъ былъ всегда желаннымъ гостемъ въ ея комнаткѣ.

Нѣкоторая, хотя бы и наружная холодность матери, служила причиной тому, что ребенокъ искалъ привѣта, житейской радости и дружескаго общенія съ людьми помимо ея. Отецъ и бабушка многое давали въ этомъ отношеніи, но они были очень заняты и часто уѣзжали и уходили изъ дому. Естественно поэтому, что Сережу влекло изъ дому въ другую обстановку, въ другую среду. За предѣлами господскаго дома его ждали широкій просторъ огромной барской усадьбы и полная свобода въ выборѣ игръ и занятій; помимо родныхъ, у него было много близкихъ людей, не только среди товарищей-сверстниковъ изъ крестьянскихъ дѣтей, многихъ изъ которыхъ онъ причислялъ къ искреннимъ друзьямъ своимъ, но и среди взрослыхъ и даже стариковъ и старухъ.

Въ воспоминаніяхъ о раннемъ дѣтствѣ онъ упоминаетъ прежде всего о своей нянѣ, которая горячо любила его. „Она говорила мнѣ“—пишетъ онъ—„и ты и вы; при старшихъ и постороннихъ всегда вы, наединѣ—ты. Обращалась всегда очень ласково, разсказывала на сонъ грядущій сказки (о жаръ-птицѣ, Иванѣ-Царевичѣ, объ Аленушкѣ, братъ которой былъ превращенъ въ козлика и др.), подъ которыя я и засыпалъ. Умѣла она всегда и игры какія-то такія придумывать, которыя занимали насъ гораздо лучше покупныхъ игрушекъ: наберетъ, бывало, у плотниковъ и столяра какихъ-то дощечекъ и чурочекъ, изъ которыхъ воздвигаются цѣлые замки, наломаетъ тоненькихъ вѣточекъ, изъ которыхъ выходятъ сады и

парки, нарѣжетъ ржаной соломы и научитъ пускать мыльные пузыри, отливающіе всѣми цвѣтами радуги, принесетъ откуда-нибудь выпавшаго изъ гнѣзда маленькаго воробья и научитъ кормить его мухами, положитъ подъ галку, которыхъ немало гнѣздилось у насъ подъ крышей, куринное яйцо, а черезъ три недѣли принесетъ маленькаго цыпленка и т. д. Вліяніе ея на меня было самое благотворное. Всѣхъ она, бывало, разсудитъ по мирному, по хорошему, не навязывая какъ-то своего мнѣнія и не подавляя личности, но и не поступаясь справедливостью; въ горѣ—всегда утѣшитъ, никогда не жалуется и сама не сердится и только какъ-то обижается въ крайнихъ случаяхъ. Религіозность ея была какою-то житейскою, въ основѣ которой всегда лежала правда, милосердіе и живая любовь къ бѣдному, слабому, страдающему и обиженному, а не буква и сухая форма".

Кромѣ няни, Сергѣй Николаевичъ горячо любилъ пчелинца Егорыча. Онъ „былъ почти уже старикъ, съ большою, сильно уже посѣдѣвшею бородою. Онъ много гдѣ бывалъ и много кое-чего видалъ на своемъ вѣку, зналъ разныя диковенныя исторіи изъ охотничьей жизни; съ нимъ самимъ было нѣсколько случаевъ, въ высшей степени любопытныхъ и страшныхъ, отъ которыхъ просто сердце замираетъ отъ страха (у дѣтей). Какъ человѣкъ дѣловой и серьезный, онъ разговаривать много не любилъ, но все-таки, бывало, что-нибудь и разскажетъ, когда случай такой подойдетъ, что нельзя не разсказать". Затѣмъ, Егорычъ любилъ и баловалъ маленькаго Сережу

„и почти ни въ чемъ ему не отказывалъ: понадобится ли колесо у телѣжки починить, или новыя дрожки сдѣлать—поможетъ; встрѣтится ли нужда въ стамескѣ или рубанкѣ, чтобы подладить что-нибудь у водяной мельницы,—дастъ безъ разговора. Инструмента своего онъ никому не давалъ,—не любилъ этого, а Сережѣ давалъ. Самаго хорошаго и ему, бывало, не даетъ: „того—говорилъ онъ—и отцу родному нельзя дать"... Хорошій инструментъ, какъ утверждалъ Егорычъ, не покупается, а задается изъ тысячи одинъ, такъ что и тотъ, кто дѣлаетъ, и кто продаетъ его не знаютъ его достоинствъ, пока онъ въ дѣло не поступилъ; ну, а потомъ и ты къ нему привыкнешь, и онъ къ тебѣ привыкнетъ, вотъ и все"...

„Кромѣ того, Егорычъ былъ и охотникъ: у него было два ружья (или, какъ онъ говорилъ, „двусволка" и „односволка"), перепелиныя сѣти, всегда висѣли въ клѣткѣ два—три отборныхъ перепела, или „затѣйникъ" скворецъ; были и ястреба, которыхъ онъ по зорямъ вынашивалъ и готовилъ къ осенней охотѣ на перепеловъ" [1]).

Словомъ, Егорычъ не только былъ самъ обаятельный, интересный старикъ, но и располагалъ еще цѣлымъ арсеналомъ предметовъ, способ-

---

[1]) См. „Сергѣевы игры".

ныхъ плѣнить не одно дѣтское сердце. Къ тому же, жилье Егорыча и самый пчельникъ были чрезвычайно интересны.

Въ шалашѣ, гдѣ жилъ пчелинецъ, было два отдѣленія, раздѣленныхъ перегородкою: въ одномъ лежали пустые ульи и разныя принадлежности пчеловодства—сѣтки, роевни, маточники и проч.; а въ другомъ помѣщался самъ Егорычъ. Тамъ у него была устроена изъ досокъ кровать, стоялъ столикъ и небольшой сундукъ, а вмѣсто стула служилъ пенекъ.

„Хорошо было у него въ шалашѣ: всегда чисто, подметено и прибрано; ивы перекинули черезъ крышу свои вѣтви, а передъ самымъ входомъ цвѣтутъ два огромныхъ куста сирени. Пчельникъ весь видно, какъ на ладони: онъ раскинулся въ зелени, точно деревенька какая съ маленькими домиками. Въ самомъ концѣ его стоитъ громадный серебристый тополь и блеститъ на солнцѣ своею красивою листвою: а на самомъ пчельникѣ, между ульями, росли широкими, правильными рядами сливы, что нисколько не мѣшало пчеламъ работать и Егорычу ходить за ними, а между тѣмъ въ жаркіе лѣтніе дни они давали тѣнь и прохладу“.

„Впереди пчельника далеко-далеко разстилался заливной лугъ, на которомъ росло множество разныхъ цвѣтовъ и, извиваясь, протекала рѣка; влѣво тянулся садъ, занимавшій десятинъ 10—12, а вправо былъ опять лугъ, и шли поля пшеницы, ржи, овса, гречихи и другихъ хлѣбовъ“.

Маленькій Сережа очень любилъ этотъ мирный уголокъ, полный простоты, но вмѣстѣ съ тѣмъ и трудовой дѣятельности. Ему весело было смотрѣть и на работу пчелъ.

„Это не нагоняющая тоску фабричная работа, съ дымомъ, гарью, стукомъ и грохотомъ машинъ, съ усталыми, оборванными и перепачканными рабочими, а работа веселая, дружная, на чистомъ воздухѣ, подъ яснымъ солнцемъ; вездѣ кипитъ дѣятельность, вездѣ слышно жужжаніе, точно пѣсни поются. Пчела работаетъ не черезъ силу и не по неволѣ, а по собственной охотѣ. Пчельникъ тогда скорѣй на ярморку похожъ, или, вѣрнѣй, на праздничную косовицу, когда люди работаютъ съ пѣснями и веселыми лицами“...

А какъ хороша сама природа, особенно весной, когда всѣ деревья въ цвѣту,—

„просто не ушелъ бы съ пчельника; такъ и сидѣлъ бы тамъ весь день. А вечеромъ еще лучше, чѣмъ днемъ: кончится работа, и пчелы соберутся на ульяхъ кучками, отдыхаютъ и тихо жужжатъ... Деревья бросятъ длинныя вечернія тѣни, а тамъ зажгутся на небѣ звѣзды, ясный мѣсяцъ выйдетъ, серебристый тополь станетъ совсѣмъ серебрянымъ; соловей запоетъ въ вишняхъ, коростель и перепела закричатъ на лугу, лягушки заквакаютъ, дикія утки вдругъ просвистятъ надъ головой своими быстрыми крыльями и шлепнутся въ воду; лягушки испугаются и

на минуту смолкнутъ, но сейчасъ же опять начнутъ свое кваканье; гдѣ-нибудь телѣга стучитъ и погромыхиваетъ по дорогѣ, бабы поютъ, мальчишки лошадей гонятъ въ ночное, а тѣ радостно фыркаютъ въ свѣжѣющемъ воздухѣ. Сколько голосовъ и звуковъ, и въ то же время тишина стоитъ удивительная: все слышно, самый тихій шопотъ слышенъ; даже слышно, какъ кленовый листъ шелохнется на вѣткѣ" [1]).

Это полное красоты и задушевности художественное описаніе любимаго уголка лучше всего показываетъ, какъ глубоко вліяла на Сергѣя Николаевича природа вообще и въ особенности природа, окружавшая мирную, но и кипучую трудовую дѣятельность, работу „по собственной охотѣ", „съ веселыми лицами" и „съ пѣснями", „на чистомъ воздухѣ" и „подъ яснымъ солнцемъ". Такая природа не только хороша сама по себѣ, но и потому, что она составляетъ фонъ дружной, веселой работѣ, работѣ „не по неволѣ", потому что среди нея живутъ, въ ея атмосферѣ воспитываются и подъ ея непосредственнымъ вліяніемъ складываются такія простыя, цѣльныя и понятныя чистой дѣтской душѣ натуры, какъ Егорычъ. Къ нимъ-то, къ этимъ людямъ, близкимъ природѣ и на самое лоно природы и стремится маленькій Сережа во всякое время и особенно, когда „было горе на душѣ", или „какіе-нибудь неразрѣшимые вопросы заполняли голову", или „когда случались какія-нибудь непріятности", или просто когда „набѣгаешься и устанешь". Здѣсь на пчельникѣ мальчикъ находилъ то, что искалъ—„тишину, какой-то особый міръ—спокойный, ясный, хорошій. Душа тамъ какъ-то успокаивается, горе и непріятности забываются", а затѣмъ еще и этотъ хорошій человѣкъ—Егорычъ, „добрый и умный, который всегда ласкалъ и баловалъ Сережу, и котораго и самъ Сережа любилъ".

Ходилъ Сережа къ Егорычу по большей части вечеромъ, передъ заходомъ солнца, когда начинается или заканчивается уборка пчелъ на ночь.

„Окончивши уборку, онъ обыкновенно крестился на образъ (Зосимы и Савватія) и шелъ что-нибудь ужинать. Въ деревняхъ вѣдь рано ужинаютъ. Пища у него была самая простая: картофельная похлебка, или жидкая пшенная кашица (кулешъ), а иногда пирогъ съ гречневой начинкой, простой черный пирогъ, изъ ситной только муки. Все это стряпали ему дома жена съ дочерью и приносили на пчельникъ. А потомъ онъ по большей части питался тюрею; накрошитъ, бывало, въ чашку зеленаго луку, положитъ соли, разотретъ ложкою и нальетъ квасомъ, а не случится кваса, такъ и воды нальетъ; потомъ накрошитъ чернаго хлѣба,—вотъ и все. И выходило довольно вкусное кушанье, по крайней мѣрѣ, такъ находилъ Сережа, особенно, если можно было покрошить туда свѣжихъ огурцовъ и какой-нибудь соленой рыбы. Его-

[1]) См. Тамъ же.

рычъ говорилъ, что отъ этого кушанья человѣкъ всегда „здоровше бываетъ“... А иногда Егорычъ вдругъ откуда-то приносилъ чашечку съ медомъ, съ самымъ чистымъ и душистымъ сотовымъ медомъ. Самъ онъ, какъ и большинство настоящихъ пчелинцевъ, не любилъ медъ и никогда его не ѣлъ, а „про хорошихъ гостей“ всегда имѣлъ немного въ запасѣ“.

Поужинать Сережѣ простыми блюдами Егорыча, въ его простой обстановкѣ, въ его интересномъ обществѣ, большое удовольствіе. Но еще большее удовольствіе пойти съ нимъ на охоту на перепеловъ... А онъ опытный и умѣлый охотникъ, и при томъ не на однихъ только перепеловъ, но и съ ружьемъ. Какъ не любить его ребенку при такихъ условіяхъ! И Сережа дѣйствительно любилъ его всей своей чистой дѣтской душею... Но кромѣ того, онъ состоялъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ со всей дворней и очень дружилъ съ мальчиками-сверстниками, особенно съ тремя, помогавшими садовникамъ въ уходѣ за садомъ и пріучавшимися къ садоводству. Страстно любя птицъ, маленькій Сережа считалъ враговъ ихъ и особенно охотившихся за ними кошекъ—своими врагами, ведя съ ними, при помощи и содѣйствіи мальчиковъ-садовниковъ, непримиримую войну. Съ этими мальчиками жилъ онъ „душа въ душу“; они считали себя индѣйцами, а на котовъ смотрѣли, по меньшей мѣрѣ, какъ на тигровъ. У каждаго мальчика было самодѣльное вооруженіе, какъ и у Сережи, и прежде всего лукъ со стрѣлами.

„Все дѣлалось ими обыкновенно сообща, по заранѣе составленному плану. Жили эти мальчики все лѣто въ особыхъ шалашахъ, похожихъ на кочевыя юрты... Сережа очень любилъ своихъ пріятелей, дѣлившихъ съ нимъ всѣ опасности, горе и радости. Ему было съ ними гораздо веселѣе, чѣмъ съ сестрою и меньшимъ братомъ: сестра, какъ дѣвочка, больше всего въ куклы играла, а братъ былъ еще слишкомъ малъ для „серьезныхъ“ приключеній... Мало ли что могло случиться,—садъ вѣдь былъ большой, и были въ немъ мѣста довольно глухія“...

Было, разумѣется, и много другихъ игръ и занятій. Особенно интересовали Сережу и его товарищей животныя и птицы. Они знали чуть ли не каждый кустикъ въ саду, чуть ли не каждую норку крота или ласки.

„Всѣ птичьи гнѣзда, начиная отъ вороньяго и до маленькаго гнѣздышка подкоренника, были извѣстны на перечетъ и чуть ли даже не была извѣстна каждая птица. По крайней мѣрѣ, прилетитъ, бывало, какая-нибудь птачка, которую прежде не было видно, смотришь, кто-нибудь ужъ и кричитъ· „А, знаю, это изъ большой куртины, тамъ у нея гнѣздо“... Маленькихъ птичекъ они никогда не трогали и гнѣздъ ихъ не разоряли, а напротивъ, старались беречь и охранять ихъ. Конечно, если случалось, что появлялась какая-нибудь необыкновенная птица, въ родѣ сивоворонки и свиристели, то всѣ старались поймать ее, чтобы посмотрѣть поближе, какая она такая, или если ужъ очень хороша, то

взять домой, или же старались найти ея гнѣздо и дождаться, когда она выведетъ маленькихъ, а затѣмъ взять одного и самимъ выкормить. Но, вообще, это было довольно рѣдко. Птицъ у нихъ и безъ того всегда было не мало, потому что всегда были то вывалившіеся изъ гнѣзда птенчики, то сироты, у которыхъ кошки съѣли отца и мать, то какъ-нибудь затерявшіеся и отставшіе отъ родителей, которыхъ надо было выкармливать. Во время сѣнокоса косцы всегда находили въ полѣ и приносили Сережѣ маленькихъ перепелятъ... Иногда захватывали на гнѣздѣ и мать. Тогда она ходила съ ними совершенно какъ курица: подзывала ихъ къ корму, скликала, когда онѣ далеко разбѣгались, садилась и подбирала ихъ всѣхъ подъ крылья и т. п. Жили онѣ въ особой комнатѣ около кухни, гдѣ имъ постилалось на полу сѣно, въ которомъ онѣ и прятались, точно будто въ полѣ. Въ этой комнатѣ жили и другія птицы, а зимою тамъ былъ цѣлый птичникъ: синицы, снигири, овсянки, коноплянки, щеглы и проч. летали тамъ совсѣмъ свободно безъ клѣтокъ и весело чирикали свои пѣсенки. Кромѣ птицъ у Сережи были и разные звѣри: маленькіе лисички, ласки, сурки, кролики и волченокъ. Волченокъ этотъ былъ такой ручной, что ходилъ за Сережей, какъ собаченка: куда Сережа, туда и онъ [1]).

Любовь къ животнымъ, воспитавшаяся у Сергѣя Николаевича въ раннемъ дѣтствѣ, сохранилась у него на всю жизнь. Животныя, инстинктомъ угадывая въ немъ друга, какъ-то особенно быстро привыкали къ нему и явно чувствовали себя въ его отсутствіе выбитыми изъ колеи. Однажды— по разсказамъ брата его, Александра Николаевича,—десяти-двѣнадцатилѣтній Сережа выкормилъ пару птицъ, а самъ вслѣдъ за этимъ уѣхалъ въ корпусъ. Птицъ этихъ какъ-то упустили; онѣ сѣли на вершину стараго клена и, несмотря на то, что долго оставались безъ пищи, не шли на усиленный зовъ къ корму. Тогда отцу Сергѣя Николаевича пришла мысль надѣть форменную фуражку Сережи съ краснымъ околышемъ. Замѣтя это, птицы такъ и бросились къ нему на плечи, но, разобравъ обманъ, сорвались и стали кружиться надъ нимъ и жалобно кричать, то подлетая къ нему, то отлетая назадъ.

Знакомые Сергѣя Николаевича хорошо знаютъ и помнятъ его любовь къ канарейкамъ, которыхъ онъ держалъ, впрочемъ, и для какихъ-то научныхъ наблюденій. Онѣ проживали у него въ квартирѣ даже въ Петербургѣ многими десятками. Когда въ 1884 г. Сергѣй Николаевичъ былъ арестованъ, а квартира его опечатана на нѣсколько дней, много канареекъ погибло отъ жажды и голода. Объ этой никому ненужной и возмутительной жестокости онъ говорилъ неохотно и избѣгалъ, по возможности, вспоминать о ней. Всѣ любители птицъ въ Петербургѣ знали его, а среди Ярославскихъ крестьянъ, торгующихъ канарейками, у него было много прія-

---

[1]) Тамъ же.

телей и даже искреннихъ друзей. Очевидцы разсказываютъ объ удивительно трогательныхъ сценахъ встрѣчи его, по возвращеніи изъ ссылки, съ многими изъ этихъ его друзей. Семья крестьянина-торговца М. долго не могла говорить отъ волненія, когда Сергѣй Николаевичъ, пріѣхавъ въ Петербургъ, послѣ невольнаго отсутствія, пришелъ къ нимъ. Старикъ М., наконецъ, не выдержалъ и расплакался, а затѣмъ сталъ горячо его обнимать и цѣловать. Плакала и старуха, безъ конца крестя и цѣлуя его. Такъ встрѣчали Сергѣя Николаевича и другіе друзья его изъ числа тѣхъ, у которыхъ, по пословицѣ „шуба овечья, да душа человѣчья“. Вообще любовь къ животнымъ, къ птицамъ, къ пчеламъ, знаніе ухода за ними и умѣнье, въ связи съ этимъ, собственноручно сдѣлать необходимыя для такого ухода приспособленія создавали для Сергѣя Николаевича постоянный поводъ сближенія съ деревенскимъ простымъ людомъ, къ которому его всегда тянуло и котораго, въ свою очередь, инстинктивно влекло къ нему. Куда бы не попадалъ Сергѣй Николаевичъ, въ какой бы обстановкѣ онъ ни былъ—въ Петербургской ли редакціи, на своей ли землѣ въ Черноморьѣ, на родинѣ ли въ Тамбовской губерніи или въ далекой ссылкѣ,—у него, едва ли не прежде всего, завязывались связи съ маленькими людьми, среди которыхъ скоро находились преданные и даже самоотверженные друзья. Онъ такъ умѣлъ находить общіе съ ними интересы, такъ понималъ ихъ нужды, что они сразу, полусознательно угадывали въ немъ доброжелателя, человѣка съ чуткой душой, болѣющаго ихъ интересами, и горячо привязывались къ нему.

На этой сторонѣ характера Сергѣя Николаевича намъ придется останавливаться еще не разъ. Теперь же мы отмѣчаемъ ее съ цѣлью установить непосредственную связь этой черты его характера съ тѣми особенностями его дѣтской жизни, которыя имѣли наибольшее воспитательное значеніе для него. Въ дѣтской душѣ Сергѣя Николаевича было заложено такъ много впечатлѣній общихъ съ тѣми, на которыхъ воспитывается крестьянская масса, что онъ на всю жизнь остался близокъ ей по этимъ впечатлѣніямъ и связаннымъ съ нимъ интересамъ. Онъ выросъ среди деревенской природы, онъ любовался зорями и звѣздами, онъ наблюдалъ за тучами и росами, онъ слѣдилъ, откуда вѣтеръ врывается въ пчельникъ, зналъ, какъ и въ связи съ какой погодой кричатъ перепела, какъ летаютъ галки, онъ любилъ дѣятельный міръ пчелъ, понималъ наслажденіе добровольнаго труда на чистомъ воздухѣ, онъ цѣнилъ простоту обстановки пчелинца Егорыча и его умѣренность, онъ любилъ его невзыскательную пищу, а потому и эта природа, и эти наполняющіе ее звуки, и этотъ міръ животныхъ, и эта простота, и работа—все это было такъ же близко ему, какъ и любому жителю деревни, такъ же знакомо и родственно, какъ любому крестьянину, члену великой народной семьи. Народникомъ, въ смыслѣ близости къ на-

роднымъ интересамъ, сродственности вкусовъ, въ смыслѣ взаимнаго понимапія и жизни на лонѣ природы, Сергѣй Николаевичъ былъ гораздо раньше, чѣмъ его коснулись вѣянія кающагося дворянства. Онъ былъ народникомъ по своему воспитанію среди деревенской природы и возбуждаемыхъ ею интересовъ, общихъ съ интересами народа; потому что росъ среди дѣтей народа, дѣлилъ съ ними свои дѣтскія радости и горести больше, чѣмъ съ людьми близкими ему по происхожденію и матеріальному достатку, потому что привыкъ видѣть въ нихъ черты достойныя любви и уваженія, потому что находилъ среди нихъ искреннее отношеніе и между собой и къ нему, словомъ, потому что и дѣти народа любили его.

Попытки объясненія народничества крылатымъ терминомъ „кающееся дворянство“ далеко не все объясняютъ. Разумѣется, были народники изъ чуждой народу среды, по убѣжденію, по сознанію долга. Немногіе изъ нихъ дошли до признанія необходимости слиянія съ народомъ, опрощенія. Заложенные въ нихъ чужой, не народной средой инстинкты и влеченія не допускали до этого сознанія. Но были и народники по воспитавшейся въ нихъ съ пеленокъ близости къ народу, по органическому сродству съ нимъ, лишь впослѣдствіи освѣщенному сознаніемъ и критической мыслью. Такіе народники были стойче, послѣдовательнѣе и выдержаннѣе. Къ нимъ, какъ видно изъ приведенныхъ свѣдѣній о воспитательныхъ вліяніяхъ въ его дѣтствѣ, принадлежалъ и Сергѣй Николаевичъ Кривенко.

Тенденціи „кающагося дворянства“ едва ли рано коснулись его. Отецъ и мать Сергѣя Николаевича были люди достаточные, хотя и не богатые, и не имѣли поводовъ выжимать соки изъ своихъ крестьянъ. Жестокостію они, какъ уже было сказано, не отличались. Съ этой стороны, сознаніе помѣщичьей вины передъ крестьянствомъ, по крайней мѣрѣ въ раннемъ дѣтствѣ, едва ли могло явиться у него.

Что касается тѣхъ идейныхъ вліяній, которыя въ концѣ сороковыхъ и въ пятидесятыхъ годахъ обнаруживались уже въ интеллигентныхъ верхахъ русскаго общества, то они достигали Сергѣя Николаевича, повидимому, лишь въ самой незначительной мѣрѣ.

Въ годъ рожденія Сергѣя Николаевича Герценъ уже вынужденъ былъ оставить Россію. Кружокъ Петрашевскаго дѣятельно распространялъ уже соціалистическія ученія Сенъ-Симона, Фурье, Оуэна, Прудона и др. Проснулись стремленія къ политической свободѣ, и дворяне-конституціоналисты заговорили кое-гдѣ объ ограниченіи самодержавія. Однако, и конституціонная монархія уже не удовлетворяла самые передовые кружки. Политической свободы, по ихъ мнѣнію, было еще слишкомъ мало. Даже „республика“, по убѣжденію Герцена, была лишь „неминуемое начало освобожденія народовъ“, лишь „первый шагъ, безъ котораго не можетъ быть

второго“... А вся суть именно въ этомъ второмъ шагѣ, заключающемся въ экономическихъ преобразованіяхъ, согласныхъ съ коммунистическими взглядами русскаго народа и съ соціалистическими ученіями западныхъ мыслителей. Коммунизмъ русскихъ крестьянъ, хотя и „неразвитой“, Герценъ усматривалъ въ деревенской поземельной общинѣ и находилъ „большое счастіе“ въ томъ, что Россія сохранила общину. Этого счастья, по его мнѣнію, ни въ какомъ случаѣ „не надобно выпускать изъ рукъ“, такъ какъ иначе страна погрязнетъ въ культѣ собственности и мелкаго мѣщанства, какъ это случилось уже съ Западной Европой.

Если къ этимъ взглядамъ Герцена добавить его убѣжденіе въ наличности какой-то особенной русской народной психологіи, полной неотразимаго обаянія и высоко оригинальной, и если принять во вниманіе одушевлявшее его и близкихъ ему людей „чувство безграничной, охватывающей все существованіе любви къ русскому народу, къ русскому складу ума“, то нужно будетъ признать, что многія крупныя черты и основы русскаго народничества въ значительной мѣрѣ уже обозначались во время ранняго дѣтства Сергѣя Николаевича. Но изъ семейнаго круга эти черты и основы не доходили до него. Его тяготѣнье къ народу пришло прежде всего прямо изъ жизни, изъ его близости въ дѣтствѣ къ народу и къ природѣ, изъ всей обстановки его ранняго воспитанія въ деревнѣ, въ семьѣ, не создавшей искусственныхъ препятствій къ сближенію дѣтей съ крестьянами и къ знакомству съ ихъ нуждами и интересами. Вліяніе освободительнаго движенія того времени на мальчика начинается нѣсколько позже, хотя все еще въ раннемъ возрастѣ, когда, согласно старымъ дворянскимъ традиціямъ, его отдаютъ въ средне-учебное заведеніе—въ кадетскій корпусъ.

„Опредѣлили“ Сергѣя Николаевича въ Тамбовскій кадетскій корпусъ. Но такъ какъ въ этомъ послѣднемъ были только младшіе классы, то оставался онъ здѣсь не долго и, кажется, уже года черезъ два былъ переведенъ въ Воронежъ, въ преобразованную изъ корпуса военную гимназію. Приблизительно къ этому же времени относится одно небольшое событіе въ его жизни, указывающее, что на немъ уже начали сказываться вліянія времени, что онъ уже кое-что читалъ, кое о чемъ думалъ, что голова его работала не надъ одними только школьными науками. Событіе это относится ко времени, когда ему было 12—13 лѣтъ. Въ этомъ именно возрастѣ домъ отца Сергѣя Николаевича посѣтилъ извѣстный московскій митрополитъ Филаретъ, очевидно, сразу замѣтившій, что мысль мальчика усиленно работаетъ.

— А что—обратился онъ къ нему, подозвавъ къ себѣ,—читалъ Бюхнера Stoff und Kraft?

— Читалъ, признался мальчикъ.

— И раздѣляешь?

— Раздѣляю, не моргнувъ отвѣчалъ Сергѣй Николаевичъ.

— Ну, а какъ же на счетъ тѣлесныхъ наказаній?—лукаво спросилъ „владыко".—Объ этомъ мы еще съ тобой побесѣдуемъ.

Названная книга Бюхнера, какъ одно изъ первыхъ изложеній матеріалистическаго міровоззрѣнія, производила въ то время большое впечатлѣніе и считалась „запрещенной". Усвоивъ устанавливаемое въ ней соотношеніе между матеріей и силой, мальчикъ понялъ скрытый смыслъ вопроса митрополита, который, очевидно, желалъ сказать: если ты не вѣришь въ самостоятельность духовной природы человѣка и выводишь ее изъ природы матеріальной, то долженъ признать и матеріальныя воздѣйствія, т. е. тѣлесныя наказанія. Сергѣй Николаевичъ былъ очень заинтересованъ предстоящей бесѣдой съ знаменитымъ „княземъ церкви", плохо спалъ ночь, но на утро предполагаемая бесѣда почему-то не состоялась.

Мальчикъ читалъ въ это время не одного только Бюхнера. Жизнь въ самомъ концѣ пятидесятыхъ и въ началѣ шестидесятыхъ годовъ кипѣла ключемъ и ярко отражалась въ учебныхъ заведеніяхъ. Здѣсь устраивались чтенія, велись постоянные диспуты, учреждались библіотеки, издавались ученическіе журналы, листки и проч. Сергѣй Николаевичъ пользовался всѣмъ этимъ широко и, повидимому, жилъ полной жизнью.

Теперь трудно представить себѣ, какой огромный переворотъ происходилъ тогда въ обществѣ и народѣ, какія крупнѣйшія переживанія совершались въ нихъ. Падало, а затѣмъ и пало крѣпостное право, и приспособленіе къ новымъ условіямъ, вызваннымъ этимъ паденіемъ, шло—что называется—по всей линіи жизни. Сталкивались личные интересы, появились на сценѣ дотолѣ почти невѣдомые принципы, идеи. Переоцѣнивались всѣ понятія о народѣ, о сословіяхъ, о народномъ благѣ, объ отечествѣ, о власти, о человѣкѣ вообще, о семьѣ, о природѣ, о душѣ, о Богѣ. Во всѣ закоулки жизни проникала новая свѣжая струя, и страна бодро съ юношевскимъ молодымъ порывомъ переживала свою весну.

Въ области соціально-политическихъ теченій самымъ сильнымъ было то, во главѣ котораго стоялъ Герценъ и шедшіе съ нимъ сначала рука объ руку Чернышевскій, Добролюбовъ и другіе дѣятели „Современника". Сознавая необходимость политическаго переустройства Россіи, какъ это видно изъ приведенныхъ выше словъ Герцена о переходныхъ ступеняхъ въ образѣ правленія, дѣятели эти наиболѣе важное значеніе придавали, однако, экономическимъ преобразованіямъ страны. Въ этой области они предусматри-

вали появленіе и развитіе новыхъ факторовъ: крупныхъ промышленныхъ капиталовъ, фабрикъ, желѣзныхъ дорогъ и вообще переходъ отъ натуральнаго хозяйства къ капиталистическому, но въ то же время сознавали, что сущность дѣла въ Россіи не въ промышленномъ капитализмѣ, а въ сельскомъ хозяйствѣ. „Вопросъ о земледѣльческомъ бытѣ“—писалъ Чернышевскій въ 1857 г.—„важнѣйшій для Россіи, которая очень надолго останется государствомъ, по преимуществу, земледѣльческимъ, такъ что судьба огромнаго большинства нашего племени долго еще—цѣлые вѣка—будетъ зависѣть, какъ зависитъ теперь, отъ сельско-хозяйственнаго производства“. Имѣя это въ виду и видя, „какія печальныя послѣдствія породила на Западѣ утрата общинной собственности, и какъ тяжело возвратить западнымъ народамъ свою утрату“, Чернышевскій энергично взывалъ: „да не дерзнемъ мы коснуться священнаго, спасительнаго обычая, оставленнаго намъ нашею прошедшею жизнью, бѣдность которой съ избыткомъ искупается однимъ этимъ драгоцѣннымъ наслѣдіемъ, да не дерзнемъ мы посягнуть на общинное пользованіе землями, на это благо, отъ пріобрѣтенія котораго теперь зависитъ благоденствіе земледѣльческихъ классовъ Западной Европы“.

Разумѣется, доброжелательное и даже любовное отношеніе къ общинѣ Герцена, Чернышевскаго и др. основывалось прежде всего на симпатіяхъ ихъ къ русскому народу и къ его бытовымъ особенностямъ. Герценъ горячо вѣрилъ въ крестьянство, неоднократно выражалъ это и находилъ, что трудовая жизнь крестьянъ въ сельско-хозяйственной обстановкѣ представляетъ незамѣнимо благопріятныя условія для физическаго и душевнаго здоровья. Крестьянскую массу, по его мнѣнію, не только можно, но и должно было поднять до положенія господствующаго класса, чтобы пересоздать на основаніяхъ, заложенныхъ въ поземельной общинѣ, соціальный строй и осуществить политическій идеалъ Герцена—федеральную славянскую республику. Любовь его къ народу и воспитанная еще въ московскихъ кружкахъ того времени вѣра въ народъ нашли подтвержденіе, по отношенію къ экономическимъ устоямъ народной жизни, въ соціалистическихъ ученіяхъ Западной Европы, которыя онъ горячо воспринялъ, болѣе или менѣе отожествляя ихъ съ русской общиной и артелью. Чернышевскій и Добролюбовъ, въ свою очередь, стояли на народной соціалистической почвѣ. Къ нимъ примыкали Михайловъ и Серно-Соловьевичъ, тоже сотрудничавшіе въ „Современникѣ“.

Сначала движеніе имѣло попреимуществу мирный характеръ. Многіе надѣялись итти рука объ руку съ правительствомъ, рѣшившимся на освобожденіе крестьянъ. Общество несомнѣнно питало большое довѣріе къ доброй волѣ молодого монарха. На этой точкѣ зрѣнія стоялъ и Герценъ.

Молодежь была одухотворена желаніемъ учить народъ и стремилась преподавать въ воскресныхъ школахъ, которыя открывались тогда въ значительномъ числѣ и въ столицахъ и въ провинціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ соціальный характеръ движенія вызывалъ необходимость усиленнаго изученія народнаго быта вообще и экономической жизни въ особенности. Политическія формы были болѣе или менѣе извѣстны по европейскому опыту, собственно же соціальныя представлялись совершенно не изслѣдованными, а потому привлекали къ себѣ большое вниманіе. Вмѣстѣ съ изученіемъ экономическаго положенія народа и экономическихъ вопросовъ вообще, изучался народный бытъ: собирались народныя сказанія, пѣсни, повѣрья, обнаружился интересъ къ расколу, обычному праву и т. п.

Однако, періодъ вѣры въ то, что все обойдется просто и мирно, „по хорошему“ продолжался не долго. Правительство не имѣло въ виду удовлетворить весьма многія изъ заявленныхъ тогда соціальныхъ требованій. Оно относилось отрицательно и къ чисто политической сторонѣ движенія, которое хотя и не глубоко, но существовало, особенно среди дворянства, расчитывавшаго въ передовыхъ своихъ слояхъ компенсировать конституціоннымъ образомъ правленія свои потери, обусловливаемыя отмѣной крѣпостного права. Группа дворянъ-конституціоналистовъ была, впрочемъ, не велика такъ какъ большинство помѣщиковъ по своему умственному уровню и нравственному развитію стояло слишкомъ далеко отъ какихъ бы то ни было политическихъ запросовъ. Передовая часть ихъ не опиралась, такимъ образомъ, ни на значительную группу дворянъ, ни на массу крѣпостного крестьянства, которое, разумѣется, не пошло бы съ ней рука объ руку. Самое главное же — передовое дворянство не могло разсчитывать на буржуазію, сыгравшую въ Западной Европѣ въ конституціонномъ движеніи рѣшительную роль. У насъ не было буржуазіи, а невѣжественное купечество не могло ея замѣнить. Поэтому, политическое движеніе у насъ, не связанное съ соціальнымъ, наиболѣе понятнымъ народу, не имѣло подъ собой почвы и не могло разсчитывать на успѣхъ. Правительство считалось съ этимъ и потому нисколько не церемонилось съ политическимъ движеніемъ. Попытки дворянъ высказаться по этому поводу, равно какъ и заявленія нѣкоторыхъ дворянскихъ собраній объ ихъ конституціонныхъ вожделѣніяхъ, въ лучшемъ случаѣ, игнорировались правительствомъ, а еще чаще вызывали репрессіи. Правительство, сознававшее необходимость преобразованій, не отказывалось въ то же время и отъ реакціонныхъ дѣйствій,—что особенно обнаружилось назначеніемъ на мѣсто умершаго гр. Ростовцева Панина. Когда же выяснилось, что актъ 19 февраля 1861 г. объ освобожденіи крестьянъ не удовлетворилъ ни этихъ послѣднихъ, ни интеллигенцію, реакціонное настроеніе правительства стало сказываться съ особой настой-

чивостью. Грандіозные пожары 1862 г. въ С.-Петербургѣ и въ провинціи объяснялись какъ проявленія соціальной и политической революціи, хотя болѣе вѣроятнымъ представляется мнѣніе, по которому они были частью случайными, частью актами контръ-революціонеровъ, въ своемъ родѣ черной сотни шестидесятыхъ годовъ. Боясь пропаганды революціонныхъ идей въ народѣ, правительство закрыло воскресныя школы и другія просвѣтительныя учрежденія, возникшія по частному почину передовой интеллигенціи. Начались аресты: были арестованы Чернышевскій, Писаревъ и др. Настроеніе въ пользу мирнаго разрѣшенія назрѣвшихъ соціальныхъ и политическихъ вопросовъ все болѣе и болѣе слабѣло. На этой почвѣ между Герценомъ и Чернышевскимъ произошелъ разладъ еще, повидимому, въ 60 г. Послѣдній изъ этихъ крупнѣйшихъ вождей движенія, очевидно, не вѣрилъ въ мирный исходъ его, Герценъ же, видѣвшій въ Европѣ ужасы революціи 1848 г., отказывался вступить на путь революціонной борьбы и считалъ необходимымъ исчерпать всѣ возможныя мирныя средства, хотя и признавалъ, что освобожденіе крестьянъ не освободило, а еще болѣе закабалило ихъ въ экономическомъ отношеніи. Молодежь, однако, извѣрилась въ мирные пути и стояла на сторонѣ революціи. Она оказала поддержку польскому возстанію 1863 г. и подготовляла соціальный переворотъ внутри Россіи. Въ томъ же году возникло тайное общество „Земля и Воля", главнымъ дѣятелемъ котораго былъ Серно-Соловьевичъ. Къ нему примкнулъ извѣстный профессоръ военно-юридической академіи П. Л. Лавровъ и многіе другіе представители интеллигенціи. Движеніе распространялось и на военную среду и на высшія военныя училища; были даже спеціально офицерскіе революціонные комитеты.

Сообщество „Земля и Воля" особенно настаивало на организаціи революціонныхъ силъ, стремясь замѣнить стихійный характеръ движенія организованнымъ. Оно вело свое революціонное дѣло исключительно на почвѣ народныхъ интересовъ, т. е., главнымъ образомъ, трудового крестьянства, предоставленіе которому земли и воли ставилось во главу угла. Общество это желало, чтобы частной собственности на землю не было, чтобы земля принадлежала странѣ, чтобы каждое селеніе пользовалось надѣломъ на общинномъ правѣ, при которомъ передѣлы происходили бы черезъ сравнительно большіе промежутки времени. Оно желало вызвать движеніе крестьянъ и направить его на господствующій режимъ; оно желало привлеченія „образованныхъ классовъ на сторону интересовъ народа и, значитъ, своихъ собственныхъ":

Правительство поспѣшило, разумѣется, разгромить это общество. Ему помогла вспышка патріотическихъ чувствъ, вызванная польскимъ возстаніемъ, къ которому охладѣла и интеллигенція, какъ только выяснился его

узко-національный и помѣщичій характеръ. Реакція приняла крупные размѣры, распространяясь подъ вліяніемъ громовыхъ статей Каткова и на нѣкоторые общественные круги.

Таковы были общественныя теченія, когда Сергѣй Николаевичъ воспитывался въ Воронежской военной гимназіи. Общественныя движенія этого времени проникали и въ закрытыя учебныя заведенія, режимъ которыхъ уже значительно измѣнился по сравненію съ предшествовавшей эпохой. Среди воспитанниковъ чувствовался подъемъ, и шла усиленная работа мысли, а гимназическое начальство не предпринимало противъ этого рѣшительныхъ мѣръ. Сергѣй Николаевичъ или самъ издавалъ въ Воронежской гимназіи ученическій журналъ, или, заставъ его уже издающимся, принялъ въ нёмъ близкое участіе. Литературныя склонности, такимъ образомъ, обнаружились въ немъ довольно рано. Онъ уже тогда выдѣлялся среди другихъ и былъ центромъ кружка саморазвитія учащихся. Въ одной изъ своихъ статеекъ въ этомъ журналѣ Сергѣй Николаевичъ не особенно лестно отозвался о своемъ гимназическомъ начальствѣ и, между прочимъ, о директорѣ гимназіи, генералѣ Ватаци. Послѣдній узналъ объ этомъ, но имѣлъ достаточно такта, чтобы не сдѣлать изъ этого обычной гимназической исторіи. Онъ, повидимому, успѣлъ уже оцѣнить даровитаго и чистаго душей мальчика и послѣ его статейки не только не измѣнилъ своего хорошаго отношенія къ нему, но, напротивъ того, сталъ къ нему еще внимательнѣе. Это доброе расположеніе къ Сергѣю Николаевичу Ватаци сохранилъ до конца своей жизни, когда его ученикъ покончилъ уже счеты съ учебными заведеніями.

При такомъ директорѣ, какъ Ватаци, запрета на мысль въ гимназіи, очевидно, не было. Воспитанники жили полной жизнью и интересовались, насколько это было возможно въ закрытомъ учебномъ заведеніи, общественнымъ движеніемъ. Весьма вѣроятно, что и въ средѣ преподавателей были разные представители этого движенія. Въ то время очень часто по своему значенію для учащихся выдѣлялись учителя словесности. Въ Воронежской военной гимназіи такимъ былъ Де-Пуле, извѣстный біографъ Никитина и Кольцова. Онъ несомнѣнно игралъ нѣкоторую роль въ развитіи Сергѣя Николаевича, тепло относившагося къ нему и впослѣдствіи. Вспоминая о Де-Пуле, по поводу его смерти, въ одномъ частномъ письмѣ, относящемся къ 1885 г., Сергѣй Николаевичъ писалъ, что это былъ несомнѣнно „порядочный человѣкъ, несмотря на то, что писалъ иногда въ „Русс. Вѣстн.“ и въ „Руси“. Неправильно онъ смотрѣлъ на нѣкоторыя вещи, это правда, но кто зналъ его хорошо, тотъ зналъ также и то, что происходило это не отъ дурного какого-нибудь источника, а просто потому, что человѣкъ такъ ужъ смотрѣлъ и понималъ“. Поэтому „Москов. Вѣд.“ и „Русскій Вѣстн.“ не признавали въ немъ своего человѣка. Для нихъ онъ былъ слишкомъ

независимъ. Когда онъ умеръ, эти изданія не сказали о немъ ни единаго своего слова, ограничившись лишь перепечаткой изъ „Новаго Времени", что вотъ умеръ-де такой-то писатель, который былъ большимъ идеалистомъ и занимался преподавательской дѣятельностью. „Ужасно мнѣ хочется—продолжалъ Сергѣй Николаевичъ—сказать объ этомъ человѣкѣ доброе слово и о тѣхъ старыхъ спорахъ, какіе онъ велъ со мною, еще мальчикомъ. Разошлись мы съ нимъ разъ совсѣмъ въ разныя стороны; я очень вспылилъ, и другой, конечно, могъ бы мнѣ повредить (онъ былъ учителемъ очень вліятельнымъ въ совѣтѣ и помощникомъ инспектора классовъ), а онъ мнѣ вотъ что сказалъ: „хоть мы съ вами и расходимся такъ далеко, что врядъ ли когда-нибудь сойдемся, но позвольте мнѣ все-таки крѣпко пожать вамъ руку". И такъ крѣпко пожалъ руку и столько оказалъ мнѣ этимъ сочувствія, что я и теперь это помню. Тогда мнѣ, помню, это доставило удовольствіе, какъ торжество надъ учителемъ, удовольствіе чисто мальчишеское, а теперь вотъ я иное совсѣмъ удовольствіе испытываю, когда вспоминаю это и весь тотъ споръ. Темы для сочиненій онъ мнѣ давалъ очень трудныя или самому предоставлялъ выбирать, а его темы всегда вертѣлись около народа, народныхъ идеаловъ, вѣрованій, обычаевъ, взглядовъ и т. п. За занятіями моими онъ очень слѣдилъ, особенно когда приходилось имѣть дѣло съ источниками, а иногда нарочно задастъ какую-нибудь скользкую тему и посмѣивается, какъ-то я съ ней справлюсь. Поспорили мы съ нимъ въ первый разъ вотъ изъ-за чего: дана мнѣ была такая тема—„Іоаннъ Грозный въ мнѣніи русскаго народа". Я перерылъ всю исторію, всѣ пѣсни и былины и нашелъ такія двѣ былины, о какихъ онъ и не зналъ, а между тѣмъ онѣ, какъ нельзя лучше, подтверждали мой взглядъ, съ которымъ онъ никакъ не хотѣлъ согласиться. А послѣдній споръ былъ по поводу Некрасова и Чернышевскаго". „Можетъ быть—прибавляетъ съ грустной ироніей на свой счетъ Сергѣй Николаевичъ къ этому письму—я и соберусь что-нибудь о немъ написать, а можетъ быть, только сборами и ограничусь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ".

Дѣйствительно, Сергѣй Николаевичъ не собрался написать о Де-Пуле, но вспоминалъ его всегда съ добрымъ чувствомъ. Де-Пуле не привилъ Сергѣю Николаевичу новыхъ отношеній къ народу, такъ какъ симпатіи къ послѣднему Сергѣй Николаевичъ вынесъ еще изъ своей деревенской жизни, но онъ несомнѣнно поддержалъ эти симпатіи и, быть можетъ, научилъ его глубже заглядывать въ народную жизнь и стремиться къ ея всестороннему познанію. Съ этой стороны, Де-Пуле, не будучи народникомъ въ смыслѣ Герцена и Чернышевскаго, внесъ свою лепту въ народничество Сергѣя Николаевича, симпатіи котораго къ этому направленію несомнѣнно замѣчались уже въ Воронежской гимназіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, обращая вниманіе

на народную пѣсню, повѣрья и прочія стороны народнаго быта, Де-Пуле избавилъ, быть можетъ, Сергѣя Николаевича отъ слишкомъ односторонняго увлеченія одними экономическими вопросами и своимъ отношеніемъ къ самостоятельному ученику подалъ прекрасный примѣръ терпимости и уваженія къ чужимъ мнѣніямъ. Эти черты—отсутствіе узости во взглядахъ и широкая терпимость и вниманіе къ чужимъ мнѣніямъ—выпукло выдѣлялись въ характерѣ Сергѣя Николаевича во всю его жизнь и составляли истинное украшеніе его духовной личности. И очень вѣроятно, что на развитіе ихъ Де-Пуле, дѣйствительно, имѣлъ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторое вліяніе.

Вообще въ Воронежской гимназіи Сергѣй Николаевичъ уже значительно опредѣлился и въ смыслѣ характера и въ смыслѣ убѣжденій, насколько это было возможнымъ для юноши его возраста. Здѣсь же онъ началъ писать не только для учителей и ученическаго журнала, но и для себя и, быть можетъ, съ надеждой печататься. 15-ти лѣтъ отъ роду онъ написалъ уже огромную статью о современныхъ русскихъ женщинахъ-писательницахъ, главнымъ образомъ, о М. К. Цебриковой и о Е. И. Конради. Статья эта долго у него хранилась; онъ не отдавалъ ее для напечатанія, такъ какъ впослѣдствіи самъ находилъ ее слишкомъ восторженной, но въ ней уже сказались его литературныя дарованія и серьезное вдумчивое отношеніе къ литературнымъ вопросамъ.

Въ воронежскомъ же корпусѣ получили доступное для юноши обоснованіе и безсознательныя раньше, привитыя впечатлѣніями дѣтства, склонности Сергѣя Николаевича къ народу, любовь и стремленіе къ его быту и труду. Здѣсь начало складываться у него цѣльное міровоззрѣніе народника, видѣвшаго исходъ бѣдствіямъ страны въ полномъ сліяніи интеллигенціи съ народомъ, въ развитіи и въ осуществленіи совокупными ихъ силами соціальныхъ идеаловъ народа.

Въ указѣ объ отставкѣ Сергѣя Николаевича значится, что въ службу онъ „вступилъ изъ воспитанниковъ Михайловской Воронежской военной гимназіи въ первое военное Павловское училище юнкеромъ, куда и прибылъ 1865 года августа 23-го“. Начальникомъ училища въ это время былъ извѣстный затѣмъ военный министръ и, пожалуй, еще болѣе извѣстный потомъ министръ народнаго просвѣщенія—П. С. Ванновскій. Вспоминая о немъ по поводу его смерти, Сергѣй Николаевичъ въ одной изъ своихъ начатыхъ, но неоконченныхъ, къ сожалѣнію, рукописей, писалъ, что изъ множества „всякихъ начальниковъ и наставниковъ“, которымъ „ввѣряли“ его судьбу, ни отъ одного изъ нихъ „я не претерпѣлъ столько муштры, въ видѣ распеканій, наставленій и карцернаго сидѣнія, какъ отъ П. С. Ванновскаго, и тѣмъ не менѣе, когда онъ умеръ, мнѣ очень жаль его и

хочется сказать о немъ доброе слово. Не за муштру и наставленія, которыя для меня, какъ для человѣка уже сложившагося, были совершенно безполезны и тѣмъ болѣе не за карцерное пребываніе, безъ котораго можно было обойтись, а за то, что слѣдуетъ цѣнить въ человѣкѣ даже противоположныхъ убѣжденій: передъ вами была опредѣленная величина, человѣкъ твердыхъ, опредѣленныхъ убѣжденій и служебнаго долга, который, будучи требовательнымъ къ другимъ, подчиненнымъ, и самъ никогда не забывалъ своихъ обязанностей". Сергѣй Николаевичъ имѣлъ не мало тому доказательствъ и объ одномъ случаѣ, характерномъ для Ванновскаго съ этой стороны, будетъ сказано ниже. Теперь же нужно отмѣтить, что пребываніе во главѣ учебнаго заведенія человѣка вѣрнаго служебному военному долгу, понимаемому въ смыслѣ николаевскаго военнаго режима, разумѣется, не было благопріятно для развитія учащихся этого учебнаго заведенія. Ванновскій не любилъ того „вольнаго" духа, который вѣялъ въ училищѣ со всѣхъ сторонъ, и самъ, насколько это было въ его силахъ, ограждалъ юнкеровъ отъ новыхъ теченій.

Давалось это, однако, ему очень не легко. Движеніе въ пользу освобожденія личности отъ оковъ невѣжества и традицій было слишкомъ сильно, чтобы ему могли противустоять отдѣльныя лица. Сверстникъ и товарищъ Сергѣя Николаевича по первому Павловскому училищу—А. Н. Куропаткинъ, навсегда сохранившій о немъ самыя теплыя воспоминанія, удостовѣралъ намъ о выдающемся въ то время стремленіи молодежи къ пріобрѣтенію знаній и къ чтенію. Хотя онъ и Сергѣй Николаевичъ были въ разныхъ ротахъ училища, но общая для всѣхъ библіотека сближала ихъ. Книги въ библіотекѣ имѣлись преимущественно въ единственныхъ экземплярахъ, и юнкерамъ, желавшимъ читать наиболѣе ходкія въ то время изданія, приходилось записываться въ очередь, за которой сами же юнкера ревниво слѣдили. Благодаря этому, всѣ наиболѣе интересовавшіеся самыми современными въ то время вопросами, обсуждавшимися въ печати, близко знали другъ друга, слѣдили за тѣмъ, кто—что читаетъ, сколько времени держитъ книгу, какую успѣлъ уже прочесть и т. д. При такихъ условіяхъ и А. Н. Куропаткинъ зналъ, что и какъ читалъ Сергѣй Николаевичъ. Онъ утверждаетъ, что этотъ послѣдній „весь ушелъ въ книгу", весь отдался чтенію, былъ увлеченъ, поглощенъ имъ. Сергѣй Николаевичъ зачитывался Оуэномъ, Прудономъ, а изъ русскихъ писателей особенно цѣнилъ Чернышевскаго и другихъ сотрудниковъ „Современника". Въ товарищеской средѣ шли нескончаемые разговоры на политическія и соціальныя темы, а подчасъ и оживленные споры. Среди юнкеровъ I-го Павловскаго училища особенно выдѣлялись нѣкто Т. и Сергѣй Николаевичъ. Первый—властная, сильная натура—представлялъ собой явно выраженный типъ вождя; второй

импонировалъ своимъ глубоко вдумчивымъ отношеніемъ къ „проклятымъ вопросамъ“, своей проникновенной добротой, чистотой своей жизни, даже своихъ помысловъ, своимъ исключительнымъ безкорыстіемъ, постоянной готовностью поступиться своими интересами, простотой и нетребовательностью и глубокой вѣрой въ правду жизни. Красивый, прекрасно сложенный, онъ сознательно развивалъ въ себѣ физическую силу и, дѣйствительно, достигъ въ этомъ отношеніи большихъ успѣховъ. Онъ признавалъ уже въ это время обязательность личнаго физическаго труда и „опрощенія“. Трудъ и опрощеніе были для него и соціальной правдой и необходимостью и вмѣстѣ съ тѣмъ—путь къ моральному очищенію. Если полныхъ своихъ послѣдователей въ военномъ училищѣ Сергѣй Николаевичъ находилъ не слишкомъ много, то несомнѣнно, по словамъ мало сходившагося съ нимъ по убѣжденіямъ, но высоко цѣнившаго его А. Н. Куропаткина, онъ имѣлъ крупное и выдающееся вліяніе на расширеніе кругозора своихъ товарищей и на повышеніе ихъ нравственнаго уровня. Онъ вліялъ на отвлеченіе ихъ отъ пьянства, разгула, разврата и вообще отъ прожиганія жизни, увлекалъ ихъ къ чтенію и книгѣ и, что называется, заставлялъ ихъ вникать въ серьезные вопросы и думать надъ ними.

Онъ искренне ненавидѣлъ всѣ соціальныя перегородки и, не вдаваясь въ крайности, отрицалъ всѣ шаблонныя условности. Движеніе, извѣстное подъ названіемъ нигилизма, достигшее именно въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ кульминаціонной точки своего развитія, затронуло и его. Въ это время среднее и высшее образованіе сдѣлались доступными не только дворянству, но и другимъ сословіямъ. Отмѣна крѣпостного права, въ свою очередь, выдвинула на сцену, такъ называемыя, среднія и низшія сословія. Замкнутость дворянства была разрушена. Помѣщики и ихъ дѣти сталкивались теперь съ крестьянствомъ не только при выполненіи барщины, но и въ школѣ, и въ земствѣ, и въ торговлѣ, и иногда даже на службѣ. Появился разночинецъ, не связанный традиціями барскаго этикета, и вмѣстѣ съ „низшими сословіями“ понизилъ требованія къ тому, что называется внѣшней воспитанностью. Демократизація общества, подъ вліяніемъ новой жизни, сдѣлалась всеобщей. Стремленіе къ равенству коснулось всѣхъ сторонъ быта: и равенства въ правахъ сословій вообще, и въ правахъ на образованіе въ частности, и равенства половъ, и равенства дѣтей въ семьѣ, и лицъ, живущихъ личнымъ наймомъ и т. п. Въ такихъ рамкахъ демократизація связана съ пониженіемъ личныхъ требованій, съ самосовершенствованіемъ, съ пересмотромъ этическихъ началъ, различныхъ традицій и условностей, съ сильнымъ повышеніемъ критической мысли. Это движеніе, будучи вызвано дѣйствительными реальными условіями жизни, естественно было связано съ реализмомъ въ наукѣ вообще, съ естествознаніемъ въ

частности. Молодежь жадно читала Бюхнера, Молешота, Дарвина, Бокля, Огюста Конта, Спенсера и др. Изъ русскихъ писателей этой стороны направленія шестидесятыхъ годовъ особымъ успѣхомъ пользовались Писаревъ и Зайцевъ, писавшіе въ „Русскомъ Словѣ“. Шла усиленная работа и въ области воспитанія и перевоспитанія. Дѣвушки не отставали отъ юношей и настойчиво стремились къ образованію, нерѣдко разрывая съ семьями и уѣзжая на женскіе курсы. Въ порывѣ сильнаго молодого протеста противъ традицій прошлаго молодежь не избѣгла рѣзкостей и внѣшней утрировки, но твердо стояла на идейной почвѣ. Нигилизмъ ея носилъ нерѣдко бурный революціонный характеръ, но это была революція по преимуществу въ духовной—интеллектуальной и моральной областяхъ.

На почвѣ „нигилистической“ внѣшности у Сергѣя Николаевича произошелъ въ Павловскомъ училищѣ „инцидентъ“ съ грозой юнкеровъ—Ванновскимъ. Какъ-то вечеромъ къ Сергѣю Николаевичу неожиданно явился въ училище старый его товарищъ и другъ по воронежскому корпусу—Ладыгинъ, исключенный изъ корпуса за сильное увлеченіе физикой и полную неуспѣшность въ другихъ предметахъ.

Это былъ крупный, выдающійся человѣкъ, изобрѣвшій нѣсколько позже электрическое освѣщеніе и предвосхитившій идею лампочекъ Эдиссона. Онъ получилъ за свое изобрѣтеніе Ломоносовскую премію и имѣлъ на него привилегію. Для эксплоатаціи изобрѣтенія образовалась даже фирма „Ладыгинъ, Козловъ и К°“; фонари ея горѣли одно время на Большой Морской у Флорана, но дѣло въ Россіи не пошло, и уполномоченный фирмы, Козловъ, продалъ изобрѣтеніе Эдиссону, который и разработалъ окончательно идею Ладыгина. Но все это было позже. Въ то же время, о которомъ идетъ рѣчь, Ладыгинъ, послѣ работы простымъ поденщикомъ-молотобойцемъ въ Тулѣ, пробрался въ Петербургъ, частью пѣшкомъ, частью на тормазахъ товарныхъ вагоновъ. Въ обычномъ костюмѣ рабочаго, достаточно-таки грязный, нечесанный и немытый явился онъ въ Павловское училище и на бѣду попался на глаза Ванновскому. Генеральское сердце послѣдняго не выдержало такого „неприличія“, и онъ тутъ же началъ отчитывать дерзкаго нигилиста.

— „Въ какомъ вы видѣ?“—набросился онъ на Ладыгина—„безъ галстуха, въ простыхъ сапогахъ... Какой вы, примѣръ подасте моимъ юнкерамъ, я здѣсь хозяинъ и не потерплю“... и т. д. въ томъ же родѣ.

Ладыгину, послѣ такой хозяйской любезности, оставалось только уйти, что онъ не замедлилъ сдѣлать.

Сергѣй Николаевичъ, вынужденный, въ силу военной дисциплины, молча перенести эту безобразную сцену, бросилъ въ сторону Ванновскаго, по уходѣ Ладыгина, только одну короткую фразу:

— Это мой товарищъ,—сказалъ онъ, но сказалъ, повидимому, такимъ тономъ, что Ванновскій остановился.

— Кто такой этотъ вашъ товарищъ?—спросилъ онъ, глядя на блѣдное негодующее лицо своего подчиненнаго.

Сергѣй Николаевичъ объяснилъ, не приминувъ упомянуть, за что онъ былъ удаленъ изъ корпуса и указавъ, что Ладыгинъ спеціально занимается электро-техникой и прибылъ въ Петербургъ учиться.

Ванновскій пришелъ въ себя и въ немъ заговорила человѣческая струнка.

— Ступайте къ нему—сказалъ онъ—и передайте, что я могу быть ему полезнымъ.

— Послѣ случившагося Ладыгинъ не воспользуется вашей любезностью,—отвѣчалъ Сергѣй Николаевичъ.

— А вы все-таки ступайте и передайте ему то, что я сказалъ вамъ.

— Но это безполезно...

— Прошу васъ не разсуждать и дѣлать то, что вамъ говорятъ. Съ отвѣтомъ вы явитесь ко мнѣ на квартиру.

Не имѣя права ослушаться, Сергѣй Николаевичъ отправился къ Ладыгину, и такъ какъ это было вечеромъ, да онъ еще и позамѣшкался, то вернулся уже поздно — часовъ въ 12. Ванновскій еще не спалъ и при входѣ Сергѣя Николаевича нервно ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Ну что?—встрѣтилъ онъ вошедшаго.

— Какъ я уже говорилъ вашему превосходительству, Ладыгинъ не принялъ вашего предложенія.

Отрицательное отношеніе къ нигилизму со стороны нѣкоторыхъ слоевъ общества и начальствующихъ лицъ вполнѣ соотвѣтствовало начавшейся уже въ то время реакціи не только въ правительствѣ, но и въ обществѣ. Герцена, въ его вліяніи на широкіе круги болѣе или менѣе культурной части населенія, смѣнилъ уже Катковъ, гремѣвшій и о польской интригѣ, и о русской измѣнѣ. Всѣ видные дѣятели „Земли и Воли“ были арестованы, а общество взволновалось новымъ политическимъ дѣломъ Каракозова и Ишутина.

Кружокъ Ишутина возникъ въ 1865 году въ Москвѣ. Онъ ставилъ своей цѣлью соціалистическую пропаганду въ народѣ при посредствѣ школъ, артелей, потребительныхъ товариществъ и т. п. На деньги члена кружка Ермолова предполагалось купить фабрику Мальцева, чтобы широко вести на ней революціонное дѣло. Затѣмъ, въ намѣреніе кружка входило вызвать волненіе въ крестьянской средѣ. Думали, что лучшимъ средствомъ для этого

было бы, если кто-либо изъ крестьянъ, исходя изъ недовольства народа актомъ 19 февраля 1861 г., произвелъ бы покушеніе на жизнь Государя Императора. Однако, по злой ироніи судьбы, это злодѣяніе взялъ на себя неизлѣчимо больной дворянинъ Каракозовъ. Представитель же „низшихъ“ сословій, мѣщанинъ Комисаровъ, явился спасителемъ Государя. При такой постановкѣ этого покушенія народъ объяснилъ послѣднее местью со стороны дворянъ Царю за освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Къ негодованію крестьянъ присоединилось общее отвращеніе общества къ убійству вообще, а къ цареубійству въ особенности.

Такимъ образомъ, почва для общественной реакціи несомнѣнно существовала, а правительство, пользуясь этимъ, придало ей рѣшительный и рѣзкій характеръ. Послѣ покушенія Каракозова, по распоряженію графа Муравьева, отъ женщинъ и дѣвушекъ, имѣвшихъ внѣшній обликъ нигилистокъ, отбирались полицейскія подписки, обязывавшія ихъ не стричь волосъ, не носить синихъ очковъ и маленькихъ шляпъ, а носить шиньены, кринолины и т. п. Доходило дѣло до того, что нигилисткамъ полиціей выдавали даже на жительство желтые билеты проститутокъ. Аресты все росли и росли. Журналы „Современникъ“ и „Русское Слово“ были закрыты. Репрессіи, какъ это всегда практиковалось у насъ, были обращены не только на революціонное движеніе, но и на всѣ прогрессивные элементы. Все притихло, притаилось, но, разумѣется, не замерло.

При такомъ настроеніи правящихъ сферъ, вѣроятно, не одинъ Ванновскій спасалъ отечество отъ нигилистовъ. Но всѣ они вмѣстѣ, въ концѣ концовъ, способствовали, хотя и косвенно, только тому, чтобы движеніе приняло иное направленіе, чтобы изъ области интеллектуально-моральной оно перешло къ области соціальной и политической, чтобы изъ немногочисленныхъ и замкнутыхъ кружковъ оно распространилось на болѣе широкіе общественные круги. Главнымъ же образомъ къ такому повороту вели общія условія жизни, вызвавшія извѣстныя реформы шестидесятыхъ годовъ. Относительная, хотя и весьма скромная, свобода печати все-таки оживила литературу вообще, а газетное и журнальное дѣло въ частности и увлекла не мало новыхъ силъ. Судебныя и земскія учрежденія, въ свою очередь, требовали много просвѣщенныхъ идейныхъ людей. Предстояла огромная работа въ провинціи. Нужно было создать земскую школу, организовать народную медицину, нужны были культурныя начинанія въ области промышленности и особенно сельскаго хозяйства, нужно было ближе ознакомиться съ экономическими нуждами деревни, принять мѣры къ улучшенію положенія народа, организовать кустарные промыслы, озаботиться выгоднымъ сбытомъ продуктовъ народнаго труда, нужно было устроить дороги — эти нервы промышленной жизни, озаботиться санитарнымъ благоустройствомъ и т. д. и т. д., а главное

нужно было поднять уровень сознательности въ народѣ и создать, такимъ образомъ, могучее народное движеніе, направленное къ соціальному, культурному и политическому переустройству огромной страны.

Эти дѣйствительные, реальные запросы жизни вызывали вначалѣ среди молодежи и прогрессивной части населенія теченіе попреимуществу въ пользу мирной работы для народа. Но правительство не желало ея и, по своему обыкновенію, не различая эволюціоннаго отъ революціоннаго, давило и преслѣдовало и то и другое. Благодаря этому мысль о возможности мирной работы постепенно слабѣла; активныя силы общества склонялись къ революціоннымъ путямъ, явно отдавая при этомъ предпочтеніе соціальной сторонѣ дѣла передъ политической. На почвѣ этихъ путей произошелъ, какъ было уже отмѣчено, и разладъ между Герценомъ и Чернышевскимъ.

Политическое (либеральное) теченіе того времени было наиболѣе слабо. Дѣятели его не вели пропаганды, не разрабатывали, по крайней мѣрѣ, съ постоянной и неизмѣнной настойчивостью, вопроса о примѣненіи политической свободы въ условіяхъ русской жизни и не обнаруживали другихъ активныхъ дѣйствій, свойственныхъ политическимъ партіямъ. Большая часть практическихъ выступленій ихъ сводилась къ робкимъ газетнымъ и журнальнымъ статьямъ да, время отъ времени, къ подачѣ правительству петицій и адресовъ съ кое-какими намеками на необходимость конституціи.

Молодежь, разумѣется, не была на сторонѣ такой слабой силами и дѣйствіями группы лицъ, мечтавшихъ о политической свободѣ. Полная юношескаго воодушевленія, она стремилась къ болѣе широкимъ перспективамъ, къ болѣе всестороннимъ задачамъ. Соціальныя проблемы, ясно выступившія въ Россіи со времени освобожденія крестьянъ, захватывали ее глубже и серьезнѣе. Онѣ тѣсно были связаны съ моральными теченіями нигилизма и могли служить ареной для практическаго примѣненія самоусовершенствовавшейся и морально перевоспитанной личности.

Къ концу шестидесятыхъ годовъ общественное теченіе въ этой области получило обоснованіе и выраженіе въ извѣстныхъ „Историческихъ письмахъ“ Лаврова, оказавшихъ на современную интеллигенцію исключительно крупное и выдающееся вліяніе. Строго обусловливая моральную личность и ея дѣйствія въ области практической жизни научнымъ пониманіемъ этой личностью соціальныхъ вопросовъ, Лавровъ находилъ, что извѣстный запасъ у человѣка нравственныхъ силъ необходимо долженъ вести къ практической работѣ въ области соціальныхъ идеаловъ и, наоборотъ, изученіе и разработка послѣднихъ, въ свою очередь, должна приводить къ жаждѣ нравственной жизни и практической дѣятельности по перестройкѣ общества. Моральной основой такой дѣятельности отдѣльныхъ лицъ должно быть сознаніе общественнаго долга. „Требованіе уплаты за прогрессъ не могутъ быть игнорированы

развитой личностью“. Эти послѣдніе, какъ надѣялся Лавро́въ, поймутъ, что онѣ именно, какъ личности, „должны своею мыслію, жизнью, дѣятельностью заплатить свою долю громадной цѣны прогресса, до сихъ поръ накопившагося; что онѣ именно должны противопоставить свое убѣжденіе лжи и несправедливости, существующей въ обществѣ; что онѣ именно должны образовать растущую силу для усиленнаго хода прогресса“.

Эту горячо выраженную и послѣдовательно развитую моральную основу прогрессивной работы, работы во имя общественнаго долга, въ уплату за то, что предыдущія поколѣнія и современныя массы населенія сдѣлали для интеллигенціи, предоставивъ ей возможность за счетъ ихъ лишеній и страданій возвыситься надъ общимъ уровнемъ,—отзывчиво и искренне усвоила молодежь конца шестидесятыхъ годовъ и во имя этого долга самоотверженно понесла крестъ общественнаго служенія.

Нѣсколько позже пущенный въ обиходъ терминъ „кающееся дворянство“ лишь повторялъ идею общественнаго долга, формулированную Лавровымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ суживалъ высокую идейную чистоту ея до вульгарныхъ понятій объ уплатѣ по опредѣленному счету и въ опредѣленныхъ размѣрахъ. Только такое конкретизированіе этической формулы объ общественномъ долгѣ и могло привести впослѣдствіи къ пошлому торгу о томъ, уплаченъ ли долгъ народу или не уплаченъ.

Воспринимая нравственную обязательность служенія прогрессу массы населенія, молодежь конца шестидесятыхъ годовъ вѣрила также, что „внѣ истины и справедливости прогресса никогда не существовало“, что безъ личной критики—какъ говорилъ Лавровъ—„не добыта ни одна истина“, что „безъ личной энергіи не осуществилось ничто справедливое. Безъ вѣры въ свое знамя и безъ умѣнья бороться съ противниками не восторжествовала ни одна прогрессивная партія“. Въ виду этого, исполняя свой общественный долгъ, уплачивая его массѣ народа, молодежь шла къ этому послѣднему съ свѣточемъ „истины и справедливости“ и съ твердой рѣшимостью бороться за свои идеалы, не останавливаясь ни передъ лишеніями ни даже передъ жертвами.

Что касается самыхъ идеаловъ, то Лавровъ, по условіямъ тогдашней прессы, ставилъ ихъ въ концѣ своихъ „Историческихъ писемъ“ лишь въ формѣ вопросовъ [1]). Беря изъ послѣднихъ части, содержащія положительныя утвержденія, получимъ, между прочимъ, слѣдующее.

„Неудовлетвореніе экономическихъ потребностей лежитъ въ основаніи всякой общественной болѣзни“, въ виду чего „экономическое переустройство есть первый и необходимѣйшій шагъ во всякомъ общественномъ лѣ-

---

[1]) См. стр. 355—357 и др., изданія „Русскаго Богатства“ 1905 года.

ченіи". Характеръ этого переустройства долженъ опредѣляться необходимостью установленія „солидарности между личностями и группами". Нужно принять „опредѣленный планъ возстановленія и усиленія разрушенной теперь въ обществѣ солидарности, опредѣленный планъ роста общественнаго сознанія", а слѣдовательно, установить тѣ „политическія формы", которыя „будутъ наиболѣе соотвѣтствовать новымъ экономическимъ формамъ производства, обмѣна и распредѣленія, потребности всесторонняго развитія личности и всеобщей кооперацiи для коллективнаго общественнаго развитія".

Несмотря на неопредѣленность такой формулировки, уяснявшейся, впрочемъ, въ отдѣльныхъ письмахъ, явно соціалистическая тенденція ея остается внѣ всякаго сомнѣнія. Въ этомъ отношеніи направленіе, идеалогами котораго были Герценъ, Чернышевскій и др., остается неизмѣннымъ, но нѣкоторыя частности и тактическіе пріемы получаютъ болѣе разнообразную постановку.

Нѣкоторые кружки, оставаясь вѣрными долгу служенія массѣ народа, признаютъ желательнымъ дѣйствовать на народъ не непосредственно, а черезъ городскихъ рабочихъ. Другіе останавливаются по преимуществу на интеллигенціи, на подготовкѣ себя къ будущей дѣятельности, на научной работѣ и изслѣдованіяхъ въ области соціальныхъ вопросовъ. Всѣ, впрочемъ, или, по крайней мѣрѣ, значительное большинство, остаются вѣрными соціалистическимъ и по преимуществу народническимъ тенденціямъ.

Особенно ярко было движеніе въ пользу вліянія на студенчество и городскихъ рабочихъ, путемъ распространенія преимущественно разрѣшенныхъ, а частью и нелегальныхъ книгъ и изданій. Движеніе это, сорганизовавшееся въ 1869 году въ получившіе большую извѣстность кружки чайковцевъ, удерживалось первоначально на легальной почвѣ. Распространялись книги по естествознанію и особенно по соціологіи, главнымъ же образомъ, сочиненія Маркса, Лассаля, Пфейфера (о кооперацiяхъ), Флеровскаго и др. Затѣмъ, устраивались собесѣдованія, чтенія, лекцій, читальни, библіотеки, кассы взаимопомощи, артели и потребительныя товарищества. Молодежь жила небольшими квартирами, получившими названіе „коммунъ", въ которыхъ шли безконечные споры и толки какъ по принципіальнымъ, такъ и тактическимъ вопросамъ. Но такая жизнь была лишь подготовкой къ дѣлу: сидѣніе въ городахъ начинало тяготить молодежь и въ ея средѣ стала зрѣть мысль о движеніи въ народъ...

II. Начало практической дѣятельности и обоснованіе ученія о физическомъ трудѣ, какъ основѣ соціальнаго строя.

17 іюля 1867 г. Сергѣй Николаевичъ, благополучно окончившій экзамены въ военномъ училищѣ, былъ произведенъ въ офицеры. Военная служба, при его склонностяхъ и убѣжденіяхъ, разумѣется, не улыбалась ему. Несмотря на всю „муштру“ П. С. Ванновскаго, о которой упоминаетъ Сергѣй Николаевичъ въ обрывкахъ своихъ воспоминаній о послѣднемъ, несмотря на всѣ „доводы“ грознаго генерала, онъ твердо рѣшилъ отказаться отъ военной карьеры. Сдѣлать это было не легко. Ванновскій пустилъ въ ходъ всѣ возможныя средства, чтобы удержать въ военной средѣ Сергѣя Николаевича, недюжинныя способности котораго онъ успѣлъ замѣтить и оцѣнить. Онъ и грозилъ, и убѣждалъ, и соблазнялъ, обѣщая свою поддержку. Но все было напрасно. Сергѣй Николаевичъ былъ не изъ тѣхъ, которые приносятъ въ жертву карьерѣ свои убѣжденія. Онъ сдѣлалъ только одну неизбѣжную уступку—временно надѣлъ офицерскіе эполеты и поѣхалъ въ Усмань, гдѣ квартировалъ 72-й пѣхотный Тульскій полкъ, въ который онъ получилъ назначеніе. Къ мѣсту службы онъ прибылъ только черезъ два мѣсяца, а еще черезъ три мѣсяца—14 ноября того же года—былъ уже уволенъ отъ службы „по домашнимъ обстоятельствамъ“, 4-го же декабря, какъ значится въ его аттестатѣ о службѣ, „выключенъ изъ списковъ полка“.

О кратковременномъ пребываніи его въ Усмани имѣются лишь незначительныя и отрывочныя свѣдѣнія.

Отецъ Сергѣя Николаевича къ этому времени уже умеръ. Мать же, нѣсколько зимъ переѣзжавшая, въ цѣляхъ обученія младшихъ дѣтей въ Тамбовъ, съ назначеніемъ Сергѣя Николаевича въ Усмань, въ свою очередь, переѣхала туда, разсчитывая, что Сергѣй Николаевичъ будетъ заниматься обученіемъ своего младшаго брата—Ивана. Этотъ послѣдній не помнитъ, однако, чтобы предполагавшіяся занятія наладились и приняли сколько-нибудь систематическій характеръ. Въ памяти его тѣмъ не менѣе осталося, что братъ Сергѣй пріохотилъ его къ чтенію популярныхъ книгъ по естествознанію. Подъ его вліяніемъ Иванъ Николаевичъ еще ребенкомъ, въ Усмани, прочелъ Брема и съ тѣхъ поръ получилъ склонность къ естественнымъ наукамъ.

Сергѣй Николаевичъ и офицеромъ, какъ и юнкеромъ, продолжалъ много читать и работать надъ своимъ умственнымъ развитіемъ. Въ свободное время онъ отдавался своимъ дѣтскимъ склонностямъ—много возился съ животными, а для больныхъ собакъ завелъ чуть ли не цѣлый лазаретъ.

Ружейную охоту онъ очень любилъ, но, повидимому, сдерживалъ себя въ этой страсти и самъ никогда не устраивалъ охоты, принимая лишь участіе въ тѣхъ охотахъ, которыя устраивалъ для него братъ Александръ Николаевичъ.

Въ Усмани Сергѣй Николаевичъ жилъ съ Церпицкимъ, извѣстнымъ затѣмъ корпуснымъ командиромъ въ послѣдней русско-японской войнѣ, однимъ изъ немногихъ генераловъ, съ истиннымъ геройствомъ сопротивлявшимся японцамъ въ Мукденскихъ сраженіяхъ. Церпицкій былъ его товарищемъ по корпусу и по военному училищу и, какъ сирота, часто проводилъ праздники и каникулы въ семьѣ Кривенко. Они были разные люди, но Церпицкій горячо любилъ Сергѣя Николаевича и, повидимому, служилъ въ Усмани, главнымъ образомъ, для того, чтобы быть вмѣстѣ съ Сергѣемъ Николаевичемъ. Церпицкій, по разсказамъ, не вызывалъ симпатій товарищей-офицеровъ, къ которымъ онъ относился съ нескрываемымъ раздраженіемъ, свысока третируя ихъ за пустоту ихъ жизни, мелочные интересы, сплетни и т. п. Отношенія же съ солдатами были у него несравненно лучшее. Въ Усмани Сергѣй Николаевичъ и Церпицкій жили особнякомъ, съ сослуживцами по полку не сходились и не участвовали ни въ ихъ попойкахъ, ни въ кутежахъ.

Объ усманской жизни Сергѣя Николаевича въ памяти брата его Ивана Николаевича, тогда еще маленькаго мальчика, сохранился одинъ эпизодъ, вызывавшій, повидимому, много толковъ въ семьѣ. Въ одинъ морозный день къ Сергѣю Николаевичу пріѣхалъ какой-то офицеръ, вѣроятно, товарищъ его по Павловскому училищу. Онъ былъ бѣдно одѣтъ, въ полушубкѣ, очень спѣшилъ и имѣлъ печальный, удрученный видъ. Потомъ оказалось, что его куда-то ссылали въ дальній гарнизонъ. Кто былъ этотъ офицеръ, Иванъ Николаевичъ не могъ припомнить.

Мать Сергѣя Николаевича очень огорчалась его рѣшеніемъ выйти въ отставку и съ большимъ трудомъ примирилась съ совершившимся фактомъ. На этой почвѣ у нея было не мало непріятностей съ сыномъ. Боясь его вліянія на Ивана Николаевича, она поспѣшила помѣстить послѣдняго въ одну изъ московскихъ военныхъ гимназій.

Съ выходомъ въ отставку Сергѣй Николаевичъ жилъ зимній сезонъ, попреимуществу, въ С.-Петербургѣ, а лѣтній—въ имѣніи Никольскомъ-Кабаньемъ. Съ августа 1869 г. онъ, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Александромъ Николаевичемъ, поступилъ въ Технологическій институтъ, въ которомъ занимался, повидимому, мало, но числился (кажется, вольно-слушателемъ) года два. Въ это-то время и началась его литературная дѣятельность.

Къ сожалѣнію, о первыхъ литературныхъ трудахъ Сергѣя Николае-

вича свѣдѣній не имѣется. Вѣроятно, это были небольшія газетныя замѣтки и статьи, помѣщавшіяся въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ Корша и въ нѣкоторыхъ другихъ газетахъ. Но этой работой, служившей, между прочимъ, „подсобнымъ промысломъ“ для существованія, Сергѣй Николаевичъ не ограничивался. Въ это же время онъ началъ разработку двухъ интересовавшихъ его вопросовъ о физическомъ трудѣ и о различныхъ видахъ коопераціи на русской почвѣ.

Къ этимъ же годамъ относятся и первыя попытки его практической дѣятельности въ Тамбовской губерніи.

Началась эта дѣятельность не сразу. Она подготовлялась еще съ 1867 года, когда Сергѣй Николаевичъ молодымъ офицеромъ пріѣхалъ въ имѣніе своихъ родителей. Отца его въ это время уже не было въ живыхъ, а мать очень огорчалась, что Сергѣй Николаевичъ не сдѣлалъ по пріѣздѣ обычныхъ, считавшихся до нѣкоторой степени обязательными, визитовъ мѣстнымъ дворянамъ-воротиламъ въ уѣздѣ. Сдержано отнесся онъ, по воспоминаніямъ брата Александра Николаевича, и къ либеральнымъ земцамъ. Правда, отношенія съ ними не порвались, но и не закрѣпились, оставшись въ положеніи взаимно малознакомыхъ и болѣе или менѣе чуждыхъ другъ другу. Онъ искалъ совсѣмъ новыхъ знакомствъ и новыхъ связей.

Въ это время, по сосѣдству съ Никольскимъ, было большое имѣніе князей Волконскихъ—Павловка. Въ качествѣ управляющаго въ немъ проживалъ И. М. Мальневъ,—молодой человѣкъ—по общимъ отзывамъ знавшихъ его лично—не только замѣчательной общепризнанной красоты, но и выдающихся высокихъ душевныхъ качествъ: прямой и честный до наивности, добрый, отзывчивый, нигилистъ чистѣйшей пробы, но съ манерами, по воспитанію, а можетъ быть, и по рожденію, истиннаго аристократа. Происхожденіе его было покрыто тайной. Извѣстно было только, что родился онъ въ Сибири, а воспитаніе получилъ въ домѣ декабриста кн. Волконскаго, который горячо и искренно любилъ его. По образованію онъ былъ агрономъ, но глубоко интересовался соціальными вопросами и читалъ въ этой области, что называется, запоемъ. Онъ даже обѣдать садился не иначе, какъ съ книжкой. Какъ состоялось знакомство Сергѣя Николаевича съ Мальневымъ, мы не знаемъ. Но это былъ одинъ изъ самыхъ близкихъ и нѣжныхъ его друзей и, вѣроятно, первый знакомый его въ Тамбовской губерніи изъ числа лицъ съ соціалистическимъ міровоззрѣніемъ. Впослѣдствіи Мальневъ женился на сестрѣ Сергѣя Николаевича—Екатеринѣ Николаевнѣ. Къ сожалѣнію, лѣтъ черезъ пять послѣ этого онъ заболѣлъ психически и умеръ въ больницѣ на Удѣльной.

Сергѣй Николаевичъ, чтобы не стѣснять мать пріемами своихъ новыхъ знакомыхъ и быть самому самостоятельнѣе, перенесъ изъ общей усадьбы

на бугоръ за садомъ надъ самой рѣкой небольшой флигелекъ въ двѣ комнатки и поселился въ немъ. Къ великому соблазну сосѣднихъ помѣщиковъ-крѣпостниковъ, онъ отказался пользоваться „выѣздной“ тройкой и обычно запрягалъ себѣ небольшіе бѣговые дрожки. На упреки шокированныхъ этимъ родныхъ и знакомыхъ онъ отвѣчалъ, что „такъ мнѣ удобнѣе: я никого не отрываю отъ дѣла и свободнѣе располагаю самимъ собою“.

Уѣхавъ однажды на своихъ „бѣгункахъ“, Сергѣй Николаевичъ „пропадалъ“ нѣсколько дней, а затѣмъ неожиданно для домашнихъ возвратился съ цѣлой гурьбой своихъ новыхъ знакомыхъ. Представивъ ихъ матери, онъ прошелъ съ ними въ свой флигелекъ, который съ этого времени превратился въ штабъ-квартиру мѣстной молодежи съ опредѣленными взглядами и настроеніями.

Вмѣстѣ съ Мальневымъ пріѣзжалъ его помощникъ по управленію Павловкой, тоже агрономъ А. С. Волосовичъ, уже поплатившійся за „неблагонадежность“ и отбывшій, въ видѣ наказанія, суровую солдатчину. Это былъ человѣкъ крупнаго ума и обширныхъ знаній, но, повидимому, уже съ разбитой жизнью. Онъ готовился занять профессорскую каѳедру, но въ это именно время былъ арестованъ и отданъ въ солдаты. Каѳедра была потеряна навсегда, а изъ человѣка науки и мысли россійскіе порядки сдѣлали „пушечное мясо“.

Съ этими двумя новыми знакомыми Сергѣя Николаевича, или независимо отъ нихъ, стали появляться и другіе. Въ числѣ ихъ были агрономъ И. Г. Фрейбергъ, ведшій впослѣдствіи съ Сергѣемъ Николаевичемъ большое практическое дѣло на Кавказѣ, и кандидатъ правъ В. К. Оленинъ, тоже участвовавшій въ этомъ дѣлѣ. Позже онъ былъ сосланъ въ Сибирь, гдѣ и скончался. Пріѣзжало и нѣсколько другихъ лицъ, какъ изъ мѣстной интеллигенціи, такъ и изъ Петербурга. Въ числѣ послѣднихъ бывалъ и П. В. Засодимскій.

Сергѣй Николаевичъ тоже ѣздилъ къ своимъ новымъ мѣстнымъ знакомымъ и тогда флигелекъ за садомъ пустѣлъ, замолкалъ. Но это бывало сравнительно рѣдко. Гораздо чаще въ немъ царило оживленіе, слышались громкое чтеніе и продолжительные разговоры. По наблюденіямъ очевидцевъ, уже тогда въ Сергѣѣ Николаевичѣ ярко сказывалась одна изъ основныхъ чертъ его характера, опредѣленно оттѣнявшая его высокую моральную силу. Самый молодой во всемъ кружкѣ, только что скинувшій ученическій, а затѣмъ и офицерскій мундиръ, юноша двадцати одного года, онъ былъ центромъ кружка лицъ, не только получившихъ высшее образованіе, но и обладавшихъ большой начитанностью, далеко незауряднымъ умственнымъ развитіемъ и уже болѣе или менѣе значительнымъ житейскимъ опытомъ.

Эта особенность его соединять и сближать людей между собою и

группировать у одного дѣла проявлялась у него, по воспоминаніямъ братьевъ, съ ранняго дѣтства, сопутствовала ему во всей его жизни и сохранилась до послѣднихъ дней. И это при томъ условіи, что онъ никогда не былъ ораторомъ и говорилъ, въ смыслѣ ораторскаго искусства, далеко не блестяще. Въ спорахъ онъ всегда участвовалъ, но говорилъ мало, умѣя, однако, въ двухъ-трехъ фразахъ или пролить новый свѣтъ на вопросъ или поставить его на опредѣленный путь.

Поэтому принципіальные споры въ присутствіи Сергѣя Николаевича происходили рѣдко. Шли не столько споры, сколько разговоры, безконечные разговоры о проклятыхъ вопросахъ, о практическихъ выходахъ, о литературѣ. Здѣсь много читали, всѣмъ интересовались. Въ флигелькѣ получались „Отечественныя Записки“, „Дѣло“, „Недѣля“ и другія періодическія изданія. Проникала сюда и заграничная литература. По разсказамъ Александра Николаевича—брата Сергѣя Николаевича,—послѣдній, кромѣ вопроса объ артеляхъ, корпераціяхъ и физическомъ трудѣ, горячо интересовался тогда вопросами общиннаго землевладѣнія въ Россіи, а также штундизмомъ, сектанствомъ и религіозными отщепенствами вообще. По этимъ вопросамъ онъ много читалъ и собиралъ матеріалы.

Здѣсь же, въ флигелькѣ за садомъ, созрѣла и мысль о переходѣ отъ разговоровъ къ дѣлу. Съ общаго согласія былъ организованъ кружокъ. Возникъ онъ, какъ разсказывалъ впослѣдствіи въ „Отечественныхъ Запискахъ“ самъ Сергѣй Николаевичъ, въ началѣ 1869 года. Въ составъ его, кромѣ этого послѣдняго и богатой помѣщицы г-жи Б., входили: мѣстный мировой судья, судебный слѣдователь, докторъ, четыре агронома, два юриста, два мѣстныхъ помѣщика—кандидата на земскія должности и нѣсколько „неприсоединившихся еще вполнѣ прозелитовъ и прозелитокъ“. Кружокъ желалъ занять въ уѣздѣ положеніе, которое дало бы ему „возможность направить народную жизнь къ лучшему, къ охранѣ ея отъ бюрократическаго произвола и экономической эксплоатаціи“. Для этого онъ долженъ былъ „дѣйствовать и на экономической и на юридической почвѣ, и въ сельскомъ хозяйствѣ и въ земствѣ“, долженъ былъ „имѣть своихъ докторовъ, судей, агрономовъ, школьныхъ учителей и т. д.“ Для этого же имѣлось въ виду „устраивать больницы и школы, банки и промышленныя ассоціаціи, а впослѣдствіи и фабрики“; предполагалось показать примѣръ „раціональнаго хозяйства, пользу введенія машинъ, выгодность лучшаго сѣвооборота“; проектировалось снимать землю большими участками, чтобы раздавать ее по той же цѣнѣ по мелочамъ, освобождая, такимъ образомъ, крестьянъ отъ переплатъ съемщикамъ, выдавать авансы подъ работу, чтобы избавить ихъ отъ невыгодъ зимней наемки, устраивать болѣе выгодный сбытъ ихъ произведеній, чтобы избавить ихъ отъ скупщиковъ

и т. д.“ Самому Сергѣю Николаевичу, пріѣзжавшему для работы въ кружкѣ на теплое время года, предназначалась слѣдующая роль: онъ долженъ былъ окончить Технологическій институтъ и, пригласивъ какого-нибудь товарища, организовать промышленныя артели и одинъ большой общинный заводъ, который помѣщался бы въ центрѣ нѣсколькихъ деревень въ районѣ дѣятельности кружка и давалъ бы населенію зимній заработокъ.

Работа шла успѣшно. Не жалѣли ни средствъ, которыхъ было достаточно, ни силъ. Наряду съ обычной культурной работой въ области медицинской, народообразовательной и юридической, кружокъ велъ дѣло и съ землей. Онъ завѣдывалъ имѣніями, арендовалъ ихъ и въ общемъ располагалъ болѣе чѣмъ 10-тью тыс. десятинъ. Съ такимъ земельнымъ фондомъ онъ существенно вліялъ на пониженіе арендной платы на сдаваемыя крестьянамъ земли, особенно съ тѣхъ поръ, когда въ этой области началась сильная спекуляція. Пользуясь крестьянскимъ малоземельемъ, владѣльцы, арендаторы и крупные съемщики земли сильно поднимали наемную на нее цѣну. Кружокъ же немедленно понижалъ ее, благодаря чему, какъ разсказываетъ Сергѣй Николаевичъ,—

„вся его земля разбиралась и спросъ на землю ослабѣвалъ, а земля тѣхъ, кто игралъ на повышеніе, оставалась неразобранной или падала въ цѣнѣ... Весьма нерѣдко крестьянинъ предпочиталъ сдѣлать нѣсколько верстъ лишнихъ, какъ это ни тяжело и ни неудобно, лишь бы только снять землю у кружка и не переплачивать за сосѣднюю землю. Впрочемъ, тутъ играли важную роль и нѣкоторыя льготы, которыя допускались кружкомъ, а другими землевладѣльцами не допускались: дозволялось, напр., давать за землю меньшій задатокъ, дозволялось остальныя деньги разсрочивать на два срока, вмѣсто одного, или отсрочивать не до жатвы, не до перваго снопа, какъ обыкновенно дѣлалось, а до Покрова, напр., или вообще до продажи хлѣба“. [1])

Къ сожалѣнію, кружку не удалось добиться того, чтобы крестьяне сами снимали въ долгосрочную аренду землю большими участками и тѣмъ избавились бы отъ съемщиковъ-кулаковъ. Несмотря на очевидныя выгоды такой съемки, крестьяне постоянно уклонялись отъ нея. Разумѣется,—говоритъ Сергѣй Николаевичъ—у нихъ были на то „свои соображенія и затрудненія, для насъ малопонятныя, а для нихъ и весьма невыгодныя, но тѣмъ не менѣе, трудно устранимыя“.

Стремясь къ регулированію поземельныхъ отношеній, кружокъ стремился также

„къ регулированію заработной платы, стараясь гарантировать ее отъ неестественнаго пониженія. Когда осенью и зимою къ крестьянину

[1]) „Отечествен. Зап.“ 1881 г., № 12. „По поводу внутрен. вопросовъ“.

приходила нужда, и онъ вынужденъ былъ продавать свой будущій трудъ вдвое, втрое, и иногда и вчетверо дешевле, то желающихъ пользоваться этимъ, конечно, всегда было не мало. Мало-по-малу, зимняя наемка сдѣлалась правиломъ обязательнымъ для всѣхъ мѣстныхъ хозяевъ: если бы кто не запасся рабочими зимою, то лѣтомъ ему предстояло или платить много дороже обыкновеннаго, такъ какъ оставались ненанятыми только болѣе самостоятельные домохозяева, или же остаться совсѣмъ безъ рабочихъ. Если же первые рабочіе эшелоны, состоявшіе изъ болѣе нуждавшихся крестьянъ, находили нанимателя, который предъявлялъ достаточный спросъ на руки и не желалъ пользоваться ихъ положеніемъ, а выдавалъ имъ авансомъ болѣе или менѣе нормальную плату, даже хотя бы съ учетомъ ея изъ извѣстнаго %, то положеніе нѣсколько измѣнялось: менѣе нуждавшіеся, конечно, не торопились наниматься, и, во всякомъ случаѣ, уже придерживались этой цѣны, принимая ее за minimum. Цѣна труда не падала такъ быстро. Повторяю, что это возможно было, разумѣется, опять-таки только въ извѣстномъ районѣ и при условіи достаточнаго спроса на руки. Опредѣленіе размѣровъ платы и аванса было для нѣкоторыхъ любителей цѣлою процедурою: заручившись урочнымъ положеніемъ, курсами политической экономіи, цѣнами продуктовъ, цифрами наемки прежнихъ лѣтъ и т. п. данными, они высчитывали десятыя доли копеекъ съ удивительнымъ педантизмомъ; но какъ бы тамъ ни было, а кружокъ, во всякомъ случаѣ, платя гораздо дороже другихъ, никогда въ убыткѣ не былъ, потому что крестьянинъ, нанявшись прежде всѣхъ у него, къ нему первому шелъ и на работу и, получивъ настоящую плату, работалъ лучше, да и не имѣлъ такой сильной надобности нахватать работы сверхъ своихъ силъ, какъ это было въ тѣхъ случаяхъ, когда, не получивъ отъ нанимателя необходимой суммы, онъ сейчасъ же бѣжалъ къ другому, а отъ другого къ третьему нанимателю. Благодаря этому или же агрономическимъ знаніямъ, а вѣрнѣе — и тому, и другому вмѣстѣ, хозяйство кружка шло гораздо лучше, чѣмъ у другихъ, такъ что очень многіе обращались къ нему за совѣтами и справками".

Не были оставлены безъ вниманія и цѣны на хлѣбъ.

„Крестьянамъ говорилось, чтобы они не открывали цѣнъ, не продавали хлѣбъ первыми и придерживались той цѣны, которая будетъ назначена крупными продавцами. Исполненіе этого совѣта было едва ли не наиболѣе труднымъ, но мало-по-малу крестьяне стали поручать продажу своего хлѣба членамъ кружка, пристраивая свой хлѣбъ къ ихъ партіи и прося только хоть немного, хоть 1 р. на четверть „задаточку". Вообще, довѣріе крестьянъ замѣтно возрастало и отношенія становились гораздо лучше, чѣмъ были два года тому назадъ." [1])

Дѣятели кружка все болѣе и болѣе сплачивались, часто собирались вмѣстѣ и обсуждали и свои дѣла и общіе вопросы. „Говорили свободно, безъ всякихъ опасеній, что кто-нибудь сдѣлаетъ для васъ непріятность, а

[1]) Тамъ же, стр. 221 и 222.

для себя интересъ. Да и происходило тогда, при отсутствіи всякой цензуры, какъ-то гораздо меньше нецензурныхъ разговоровъ. На эти импровизированныя собранія приходили иногда и крестьянинъ и сельскій учитель. Каждый приходилъ съ полнымъ довѣріемъ и приносилъ и высказывалъ кто радость, кто горе, кто мучившую его мысль". Въ послѣдній разъ— разсказываетъ Сергѣй Николаевичъ—

„передъ самымъ моимъ отъѣздомъ въ Петербургъ, больше всего обсуждались и дебатировались два вопроса—объ организаціи выкупа земель, заложенныхъ въ банкахъ, для передачи ихъ крестьянамъ и объ устройствѣ постояннаго образцоваго хутора, гдѣ хозяйство было бы послѣднимъ словомъ агрономической науки, гдѣ были бы введены всевозможныя машины и могли бы работать нѣсколько новыхъ членовъ кружка, которые должны были пріѣхать и образовать *образцовую сельскохозяйную общину.* При хуторѣ предполагалась школа и практическія занятія".

Такую общину, по мнѣнію главныхъ дѣятелей кружка, удобнѣе было организовать гдѣ-нибудь въ глуши на Кавказѣ, пригласивъ въ нее побольше крестьянской молодежи изъ Тамбовской губерніи. Остановившись на этомъ, кружокъ принялъ уже мѣры къ осуществленію дѣла, но тутъ-то уѣздное и губернское воронье всполошилось, закаркало. Въ предположенной общинѣ усмотрѣли уже опасную организацію, „какую-то шайку", „какое-то развѣтвленіе" чего-то и т. д. [1]). Тамбовскій кружокъ долженъ былъ прекратить свою дѣятельность, не просуществовавъ даже полныхъ трехъ лѣтъ. Возродился онъ уже въ иномъ мѣстѣ, въ иной организаціи и отчасти въ иномъ составѣ.

Лица, знающія причины прекращенія дѣятельности кружка, отмѣчаютъ спеціальную роль въ его гибели одного мѣстнаго помѣщика-администратора М., имѣвшаго развязность втихомолку считать себя не только однокашникомъ, но и другомъ Герцена. Сначала онъ былъ, дѣйствительно, передовымъ человѣкомъ, всѣмъ интересовался, много читалъ и проч. Но затѣмъ, страхъ передъ начальствомъ и крѣпостническія склонности взяли перевѣсъ. Онъ даже либеральную мысль, взятую изъ подцензурнаго журнала, говорилъ не иначе, какъ шопотомъ, а слово „правительство" совсѣмъ не рѣшался произнести, а только какъ-то особо моргалъ глазами и указывалъ кивкомъ головы по направленію къ Петербургу, или таинственно произносилъ: „тамъ... такъ думаютъ, такъ хотятъ"...

Этотъ господинъ, когда дѣятельность кружка стала развиваться, вызвалъ къ себѣ Сергѣя Николаевича пригласительной запиской черезъ сотскаго и сразу показалъ свои настоящіе зубы. Онъ сталъ обвинять Сергѣя

¹) Тамъ же, стр. 223.

Николаевича въ томъ, что послѣдній бунтуетъ народъ, пропагандируя какое-то переселеніе на Кавказъ, чего какъ ему извѣстно, очень не одобряютъ въ Петербургѣ. Принимая далѣе личину доброжелателя, М. „во имя своихъ добрыхъ отношеній съ покойнымъ батюшкой“ Сергѣя Николаевича предупреждалъ его, что вліятельныя особы уѣзда, если Сергѣй Николаевичъ не прекратитъ своей „вредной“ дѣятельности, заручились уже согласіемъ на его „высылку изъ края“.

Этотъ разговоръ представлялъ большой интересъ для Сергѣя Николаевича и его друзей, между прочимъ, и съ той стороны, что мысль о переселеніи на Кавказъ и о приглашеніи туда крестьянскихъ юношей, держалась ими въ большой тайнѣ. Объ этомъ намѣреніи знало всего нѣсколько человѣкъ, да стѣны флигелька за садомъ. Какъ узнали объ этой мечтѣ г. М. и его друзья—крѣпостники—это осталось, къ сожалѣнію, не выясненнымъ.

Какъ бы то ни было, Сергѣю Николаевичу пришлось покинуть свое родное село Никольское, т. е., по крайней мѣрѣ, по долгу не засиживаться въ немъ. Интересы его съ этого времени сосредоточиваются, съ одной стороны, въ Петербургѣ, а съ другой—на Кавказѣ.

Время его жизни въ Петербургѣ еще кое-кто помнитъ. Въ его маленькой квартиркѣ постоянно толпились товарищи и пріятели: „Мы не рѣдко оставались у него ночевать“—вспоминаетъ одинъ изъ очевидцевъ—и безцеремонно ложились на его кровати, на диванѣ, на стульяхъ, а онъ почти всегда на полу, съ книгами и газетами подъ головою вмѣсто подушки. Уговорить его взять подушку или одѣяло не было никакой возможности. У него это не была игра въ Рахманова или безсознательная подражательность моднымъ образцамъ. Нѣтъ, Сергѣй Николаевичъ былъ глубоко убѣжденный человѣкъ и на всю жизнь остался такимъ, какимъ рисуютъ его современники въ концѣ шестидесятыхъ годовъ. Всю жизнь свою онъ считалъ для себя нравственно обязательнымъ сводить свои потребности до minimum'а и дѣлиться съ другими послѣднимъ. Онъ отрицалъ по отношенію къ себѣ всякій комфортъ и не допускалъ какихъ бы то ни было личныхъ услугъ себѣ. Никто во всю его сознательную жизнь не чистилъ ему платья и сапогъ, никто не подметалъ и не убиралъ его комнаты. Все это онъ дѣлалъ всегда самъ, и даже передъ смертью, едва держась на ногахъ, не допускалъ никакихъ услугъ себѣ. „Вотъ, когда совсѣмъ слягу“—говорилъ онъ—„ну, тогда ужъ дѣлайте сами“...

Для людей, не привыкшихъ согласовать слово и дѣло, убѣжденіе и жизнь,—всѣ эти черты характера Сергѣя Николаевича не больше какъ „чудачества“ неисправимаго идеалиста; но для тѣхъ, кто зналъ его и былъ вообще способенъ цѣнить все значеніе моральныхъ устоевъ жизни, эти

черты представляютъ ничто иное, какъ проявленіе чрезвычайно выдержаннаго могучаго характера человѣка, замѣчательно цѣльнаго, чистаго и сильнаго духомъ.

Живя въ Петербургѣ, Сергѣй Николаевичъ нерѣдко отдавалъ обращавшимся къ нему за деньгами буквально послѣдній рубль. „Бывало и такъ"—вспоминаетъ о немъ братъ его Александръ Николаевичъ—„отдастъ Сережа все до копейки, а самъ бѣжитъ на Петербургскую сторону доставать денегъ. Если достанетъ, то принесетъ что-нибудь поѣсть, а не достанетъ, то и такъ уляжемся спать".

Вообще вопросы личной и общей морали не были для Сергѣя Николаевича звукомъ пустымъ. Въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ къ нимъ относились серьезно и строго. Въ связи съ ними общество, и особенно молодежь, глубоко интересовались вопросами личнаго самоусовершенствованія и особенно той стороной ихъ, которая ближайшимъ образомъ касалась усовершенствованія соціальнаго строя. Этой послѣдней чертой движеніе шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ рѣзко отличалось отъ стремленій къ тому самоусовершенствованію, выразителемъ котораго въ восьмидесятыхъ годахъ явился Л. Н. Толстой, отодвигавшій своей проповѣдью непротивленія злу и смиренія всѣ прежнія стремленія къ скорѣйшему улучшенію соціальнаго строя на самый задній планъ, пріурочивая это улучшеніе ко времени, когда нравственное перерожденіе человѣчества сдѣлается совершившимся фактомъ. Не такъ смотрѣли на этотъ вопросъ дѣятели семидесятыхъ годовъ. Въ личномъ самоусовершенствованіи они видѣли ближайшій непосредственный способъ и необходимое условіе для реализаціи своихъ соціальныхъ идеаловъ, орудіе, при посредствѣ котораго они могли немедленно приступить къ воплощенію въ жизнь началъ будущаго строя. На этой точкѣ зрѣнія твердо стоялъ и Сергѣй Николаевичъ, съ самыхъ раннихъ лѣтъ выдѣлявшійся прежде всего именно своей удивительной нравственной чистотой, рѣдкимъ безкорыстіемъ и правдивостью.

Лица, знавшія Сергѣя Николаевича въ его юности, утверждаютъ, что вопросы морали, самоусовершенствованія и воплощенія нравственныхъ идеаловъ вообще интересовали его еще въ Павловскомъ училищѣ. Въ самомъ началѣ семидесятыхъ годовъ онъ работалъ уже надъ вопросами о физическомъ трудѣ, какъ основѣ жизни и соціальнаго строя, какъ о необходимомъ элементѣ воспитанія. Идея о такомъ именно физическомъ трудѣ и о культивированіи его въ такомъ именно смыслѣ уже бродила въ передовыхъ кругахъ тогдашней интеллигенціи. Она вытекала изъ экономическихъ ученій и, въ частности, изъ преобладавшихъ у насъ ученій о производительномъ трудѣ; она напрашивалась при развитіи ученій о долгѣ передъ народомъ, о самоотверженномъ служеніи ему. Но ясно и всесто-

ронне она не была развита, по крайней мѣрѣ, въ русской литературѣ. Сдѣлалъ это Сергѣй Николаевичъ въ двухъ полныхъ глубокаго интереса обширныхъ статьяхъ—„Физическій трудъ, какъ необходимый элементъ образованія“ и „Нѣсколько замѣчаній на сочиненія Спенсера о воспитаніи“, помѣщенныхъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1876 и 1878 гг. Статьи эти вышли въ 1879 г. отдѣльнымъ изданіемъ подъ заглавіемъ первой изъ нихъ, далеко, однако, не исчерпывавшимъ содержанія этой книги, глубоко затрагивавшей не только вопросы воспитанія, но и вопросы морали, права и всего соціальнаго строя.

Живи Сергѣй Николаевичъ не въ Россіи, гдѣ интересы къ литературѣ не высоки не только вообще, но даже и въ средѣ, такъ называемаго, (вѣроятно, по недоразумѣнію) образованнаго общества, а въ какой-либо культурной странѣ, одной этой книги его было бы достаточно, чтобы имя его получило широкую извѣстность. У насъ же было не то: книгу, правда, замѣтили, почитали, похвалили, но вслѣдъ за тѣмъ совершенно забыли о ней. Между тѣмъ, она не только имѣла глубокій интересъ въ то время, но сохраняетъ этотъ интересъ до сихъ поръ. Значеніе ея теперь, когда возродились надежды на соціальное переустройство страны, пожалуй, еще больше, чѣмъ прежде, а потому напомнить о ней далеко не безполезно. Для біографіи Сергѣя Николаевича и пониманія не только его личности, но и того направленія, которому онъ служилъ, она важна, въ свою очередь, и изложеніе нѣкоторыхъ важнѣйшихъ мыслей его, въ виду этого, совершенно необходимо.

Съ обычной ясностью въ изложеніи Сергѣй Николаевичъ устанавливаетъ, что потребность человѣческаго организма въ движеніи, хотя и не выражается такъ настоятельно, какъ потребность въ снѣ и пищѣ, но тѣмъ не менѣе есть настоятельная потребность, и отказъ въ ней всегда сопровождается вредомъ для организма. Лишить ребенка необходимой ему физической дѣятельности такъ же жестоко, какъ и лишить его пищи. Органы тѣла, оставляемые въ бездѣйствіи замедляются въ своемъ развитіи; такимъ путемъ ихъ можно довести до потери способности къ отправленіямъ. Потребность въ физической дѣятельности настолько сильна и необходима, что, отказывая въ ней, мы или вынуждаемъ ее прорываться неправильнымъ, безполезнымъ и не рѣдко даже вреднымъ образомъ, или же заставляемъ организмъ чахнуть, увядать и болѣть, что дѣйствуетъ, разумѣется, вредно и на мозговую дѣятельность, для которой необходимъ обмѣнъ матеріи, а слѣдовательно, и достаточная физическая дѣятельность. „Отношеніе между тою и другою непремѣнно должно быть правильнымъ, т. е. наивыгоднѣйшимъ для ихъ наилучшаго взаимодѣйствія въ борьбѣ человѣка за счастье“ (стр. 32 книги „Физич. трудъ, какъ необход. элементъ образов.“).

Противъ этихъ положеній въ сущности никто не споритъ, но и

чрезвычайно важнымъ значеніемъ ихъ, въ свою очередь, почти никто не проникается. Тѣмъ не менѣе для проведенія этихъ безспорныхъ требованій въ жизни кое-что уже предпринимается. Подражая древне-греческому воспитанію, въ нашихъ школахъ вводятъ гимнастику. Но въ Греціи гимнастика была дѣломъ жизни. Она раздѣлялась на діэтическую, военную, атлетическую и эстетическую. Множество проявленій жизни древнихъ грековъ, начиная отъ олимпійскихъ игръ, военныхъ походовъ и до разныхъ празднествъ, публичныхъ ученыхъ и философскихъ состязаній, сопровождались гимнастическими упражненіями. Безъ нихъ жизнь грековъ была бы не полна. У насъ же гимнастика ни въ какомъ отношеніи не связана съ жизнью. Она носитъ характеръ безсмысленныхъ и безцѣльныхъ, непригодныхъ для обыденной жизни упражненій. Въ Англіи она больше связана съ жизнью и принимаетъ характеръ игръ и состязаній. Но и здѣсь она служитъ и цѣлью и средствомъ и замкнута въ узкомъ заколдованномъ кругѣ, чуждомъ дѣйствительной производительной дѣятельности. При современныхъ условіяхъ нашей жизни главными задачами послѣдней являются знаніе и трудъ, которые поэтому должны быть и главными задачами школы (стр. 41).

Современное человѣчество дѣлится на два противные лагеря. Одинъ изъ нихъ „живетъ исключительно физическими трудами и приближается къ состоянію машины, къ состоянію рабочаго животнаго, средняя продолжительность жизни котораго очень не велика"; другой лагерь живетъ преимущественно духовной жизнью, и хотя въ общемъ живетъ много лучше и дольше, но и страдаетъ отъ болѣзней тѣла и отъ слабости въ области духа. Жизнь этой части человѣчества безъ всякаго физическаго труда совершенно неразумна и неестественна, прежде всего, съ физіологической стороны. Человѣкъ, занятый исключительно умственными трудами, теряетъ здоровье или тучнѣетъ уже къ 30—35 годамъ жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживаетъ признаки прекращенія умственнаго роста, бодрости и энергіи. Односторонняя дѣятельность такого человѣка приводитъ къ тому, что мозгъ его развитъ неправильно и находится въ болѣзненномъ состояніи. Бываютъ, разумѣется, и исключенія, но они не опровергаютъ правила. По убѣжденію Сергѣя Николаевича, подтверждаемому ссылками на многія ученыя изслѣдованія, современному интеллектуальному работнику „слѣдовало бы поскорѣе отказаться отъ односторонней умственной дѣятельности и обратить какъ можно больше вниманія на физическое развитіе, потому что тогда онъ несомнѣнно выигралъ бы и въ умственномъ отношеніи" (стр. 62). „Самымъ лучшимъ средствомъ для этого будетъ физическій друдъ" (67). „Между физическимъ и умственнымъ трудомъ есть, безъ всякаго сомнѣнія, такое наивыгодное соотношеніе, при которомъ они не только не будутъ взаимно исключать другъ друга, но, съ одной стороны, физическій трудъ

будетъ содѣйствовать умственному совершенствованію человѣка и большей продуктивности и доброкачественности умственнаго труда, а съ другой стороны,—умственный трудъ будетъ оказывать совершенно такое же вліяніе на физическій трудъ. Такое состояніе человѣка есть наиболѣе правильное"... (72).

Возможность такого сочетанія умственнаго и физическаго труда Сергѣй Николаевичъ доказываетъ также примѣрами и, между прочимъ, ссылается на итакскій или корнэлевскій университетъ въ Америкѣ, при которомъ устроены различныя мастерскія для студентовъ, не только съ цѣлью укрѣпить ихъ здоровье, но и предоставить имъ возможность зарабатывать себѣ средства къ жизни. Въ 1868 г. этими мастерскими воспользовалась 1/5 часть студентовъ, заработавшая въ нихъ 15 тыс. фр. Учебныя занятія ихъ отъ этого нисколько не пострадали. Подобныя же работы введены въ пенсильванской землевладѣльческой коллегіи, въ ленсингской коллегіи, въ штатѣ Мичиганъ и въ нѣкоторыхъ другихъ школахъ. Въ кентукскомъ же университетѣ физическій трудъ обязателенъ: всѣ студенты должны работать на фермѣ не менѣе двухъ часовъ въ сутки; желающіе же зарабатывать физическимъ трудомъ средства къ существованію должны работать 4 часа въ сутки, получая за каждый часъ отъ 20 до 50 сантимовъ (стр. 76).

Смыслъ исторіи физическаго труда совершенно ясенъ для Сергѣя Николаевича. „Патриціи и плебеи, феодалы и города, гвельфы и гибелины, фритредеры и протекціонисты, крѣпостники и либералы"—говоритъ онъ—„все это только разновидности одного и того же вида. Всѣ они враждуютъ изъ-за одного и того же вопроса о благосостояніи, изъ-за того, чтобы, съ одной стороны, не только захватить продукты чужого труда, но и поставить представителей его въ такую отъ себя зависимость, чтобы можно было ихъ эксплоатировать постоянно, а съ другой—не дать своего имущества и не стать въ зависимость. Правда, что противники часто маскируются, сообразно съ тѣми или иными историческими условіями, а основной вопросъ усложняется и затемняется другими вопросами, но сущность дѣла остается та же. Во время всѣхъ революцій и народныхъ движеній становятся обыкновенно лицомъ къ лицу только двѣ партіи, только два противника: люди, желающіе жить собственнымъ трудомъ, и люди, желающіе жить безъ труда" (104 и 105 стр.). Какъ бы различно ни рисовали и ни истолковывали намъ историки судьбы государства, въ основныхъ чертахъ онѣ вездѣ и всегда одинаковы, разница только въ подробностяхъ: „презрѣніе къ труду и неработающіе классы, стоящіе на верху общественной лѣстницы, составляютъ одну общую и главную причину ихъ несчастій".

„Были ли государства въ родѣ монархіи Александра Великаго, которую разодрали и погубили послѣ его смерти полководцы, или въ

родѣ номинально демократическихъ Аѳинъ послѣдняго времени, которыми вертѣли олигархи,—дѣло отъ этого не измѣнялось. Роскошь. рѣзкое неравенство состояній, военный деспотизмъ, паденіе религіозныхъ вѣрованій, развратъ, безнравственность и проч., что обыкновенно историки выставляютъ какъ причины разложенія государствъ, суть обыкновенно только сложныя слѣдствія одной общей причины, слѣдствія, которыя только ускоряли и выражали собою уже начавшееся разложеніе" (117 стр.).

То, что было въ Аѳинахъ, въ Римѣ, повторялось болѣе или менѣе вездѣ. „Вездѣ видишь, что происходитъ какая-то вѣчная, дикая и необузданная сатурналія тунеядства надъ трудомъ". „Даже наука и искусство становятся рабами силы и капитала" (120 стр.). Христіанство, въ свою очередь, несмотря на то, что оно высоко выдвинуло человѣческую личность и осуждало тунеядство, роскошь и богатство, не ставило, однако, категорично вопросовъ труда: у него всегда имѣлся въ виду больше бѣднякъ, чѣмъ работникъ, или же ставился вопросъ слишкомъ широко" (124 стр.). Реформація не помогла въ этомъ смыслѣ. Она лишь дала возможность протестанскимъ государямъ забирать монастырскія имущества и обращать ихъ въ свою пользу. Нѣкоторыя мелкія государства проявили въ это время „стремленія къ политической независимости, но это увеличило только число господъ, нисколько не измѣнивъ къ лучшему положеніе работника. На мѣсто идеаловъ общаго согласія, идеаловъ весьма высокихъ, но которые такъ неудачно преслѣдовалъ католицизмъ, были выдвинуты національно эгоистическіе интересы, которые причинили уже много зла человѣчеству, сузили человѣческую мысль и рано или поздно должны будутъ уступить передъ просвѣщеніемъ" (132 стр.). Въ Англіи реформація дала возможность дворянству

„захватить громадныя секуляризованныя земли (духовенству принадлежало въ Англіи $^{7}/_{10}$ всѣхъ земель) и отказаться отъ признанія обычнаго права крестьянина на обработанную имъ землю. Секуляризованныя земли, правда, попали частью и въ руки крестьянъ, но часть эта была просто ничтожна, такъ что вообще секуляризація породила крайнюю нищету. По крайней мѣрѣ, съ этого времени начинается непрерывный рядъ законодательныхъ и административныхъ мѣръ противъ бродяжничества, бѣдности и лѣности; по крайней мѣрѣ, въ Англіи съ 1549 года начался цѣлый рядъ новыхъ крестьянскихъ волненій, когда крестьяне ломали дворянскія изгороди, рядъ волненій, который все съ болѣе и болѣе слабѣющей энергіей доходилъ до конца XVIII стол., когда крестьянство было совсѣмъ побѣждено, и обезземеленіе народа сдѣлалось общимъ и непреложнымъ фактомъ" (133 стр.).

Обозрѣвая обширный историческій матеріалъ, Сергѣй Николаевичъ приходитъ въ концѣ концовъ къ извѣстному, цитируемому имъ, выводу

Ад. Смита, по которому, „опытъ всѣхъ временъ и всѣхъ странъ доказываетъ очевидно, что на повѣрку свободный трудъ обходится дешевле невольничьяго", и что „работникъ стоитъ хозяину меньше, чѣмъ рабъ".

„А послѣдующіе экономисты"—продолжаетъ Сергѣй Николаевичъ—„доказали, что невидимыя нити, привязывающія работника къ хозяину, такъ же крѣпки, какъ и цѣпи, сковывавшія римскаго раба, несмотря на юридическую фикцію свободнаго договора и на перемѣну индивидуальныхъ хозяевъ. Ни великая французская революція, ни революція 48 года, ни другія движенія, происходившія тамъ и сямъ въ Европѣ и давшія работнику нѣкоторыя политическія права, также не измѣнили его соціальнаго положенія: не избавили отъ зависимости отъ капитала и не дали возможности самостоятельно работать. Что въ особенности интересно въ эту послѣднюю эпоху, такъ это то, что работникъ заявляетъ, что его заработокъ не достаточенъ даже для самаго бѣднаго существованія, что онъ не имѣетъ возможности работать, и что ему зачастую даже негдѣ работать. Онъ требуетъ не хлѣба и зрѣлищъ, а *права на трудъ*! Онъ пишетъ (въ 1831 г. въ Ліонѣ) на знамени: „жить, работая, или умереть, сражаясь". Онъ проситъ (въ 1842 г. въ Англіи): „честной заработной платы за честный дневной трудъ" (134 стр.).

Совсѣмъ другая картина получается тамъ, гдѣ не существовало презрительнаго отношенія къ труду. Особенно поучительную картину даютъ раціональные сектанты, у которыхъ „трудъ—другъ, тѣлу—честь и душѣ—наслажденіе" (138 стр.). Чтобы ни говорили, напр., о мормонахъ—разсказываетъ Сергѣй Николаевичъ—

„какъ бы даже въ дѣйствительности ни были велики ихъ недостатки, но они показали міру изумительные примѣры труда. Они поняли весьма недурно слова библіи: „сей человѣкъ искусенъ въ трудѣ своемъ и станетъ онъ превыше царей", и еще лучше истолковали ихъ, сдѣлавъ физическій трудъ однимъ изъ главныхъ принциповъ своей общественной жизни. Они смотрятъ на физическій трудъ не только какъ на актъ повиновенія волѣ Божіей, не только какъ на жертву, которою человѣкъ очищается отъ грѣха, но и какъ на *„добро само по себѣ и само въ себѣ"*, какъ на заслугу и *какъ на отраду даже для ума и сердца*. У мормоновъ всѣ работаютъ, начиная съ высшихъ служителей церкви и занимающихся литературою и наукою, до послѣдняго рабочаго, и нѣтъ „ни одного лѣнтяя и тунеядца", несмотря на всю терпимость ихъ церкви. Вотъ благодаря чему, лопата и плугъ мормона, несмотря на всѣ неблагопріятныя условія, создавали громадныя богатства въ теченіе самаго непродолжительнаго времени. Вотъ благодаря чему, менѣе чѣмъ въ 30 лѣтъ они образовали цѣлый народъ въ 200 тысячъ, заняли территорію больше Испаніи, выстроили въ пустынѣ столицу, создали свой собственный законъ, свое богословіе, свою соціальную науку" (139 стр.).

Не останавливаясь за недостаткомъ мѣста на фактахъ экономическихъ, біологическихъ и моральныхъ послѣдствій односторонней умственной и физической дѣятельности, тщательно подобранныхъ и сгруппированныхъ

Сергѣемъ Николаевичемъ въ IV-ой главѣ его замѣчательнаго труда, необходимо отмѣтить, однако, что онъ предвидѣлъ многія возраженія на основныя его мысли.

„Говоря о физическомъ трудѣ"—пишетъ онъ—„и возводя его на степень необходимаго условія жизни и даже на степень гражданской обязанности каждаго человѣка, я предчувствую возраженіе: не сдѣлается ли тогда жизнь еще матеріальнѣе, чѣмъ теперь, и не подчинитъ ли себѣ этотъ матеріализмъ еще больше наши духовныя потребности? Разумѣется, для человѣчества было бы громаднымъ несчастіемъ, если бы человѣческій геній, грѣющій и освѣщающій міръ, вдругъ исчезъ, если бы наука остановилась въ своемъ развитіи, знаніе очутилось въ состояніи презрѣнія и человѣчество, потерявъ свои духовные идеалы, перешло бы къ поклоненію грубой физической силѣ и матеріальнымъ благамъ... Но я думаю, что здѣсь не только не можетъ быть рѣчи о поклоненіи физической силѣ и угнетеніи нравственныхъ идеаловъ, а можетъ быть рѣчь только какъ разъ объ обратномъ. Человѣческій умъ отказывается представить себѣ большее несчастіе для человѣчества, чѣмъ то, въ которомъ оно находится въ настоящее время, когда народный геній дѣйствительно приносится въ жертву малочисленному меньшинству, когда наука и знаніе недостаточны для народа и находятся въ исключительномъ, монопольномъ пользованіи этого меньшинства, сдѣлавшаго изъ нихъ наслѣдственную статью дохода, когда сама наука становится вслѣдствіе этого безжизненною и мертвою. Давно ли нѣмецкіе ученые—историки и правовѣды—доказывали, съ научной точки зрѣнія, законность и необходимость крѣпостного права?... Повѣрьте, что на землѣ былъ и есть не одинъ Ньютонъ, не одинъ Коперникъ и Галилей, которымъ не удалось и не удастся проявить своего генія только потому, что недостаетъ научнаго образованія" (181 и 182 стр.).

Отдѣленіе знанія отъ труда не имѣетъ никакихъ разумныхъ основаній и является лишь простымъ злоупотребленіемъ. Масса приводимыхъ Сергѣемъ Николаевичемъ фактовъ устанавливаетъ, что люди физическаго труда сплошь и рядомъ являлись крупными представителями науки, литературы и искусства. Въ заключеніе онъ цитируетъ Шерра, по которому, „все доброе, прекрасное, великое, все, что изъ человѣка-животнаго сдѣлало человѣка въ высшемъ смыслѣ, все, чѣмъ зиждется и держится, красится и гордится человѣческое общество—все это вышло отъ бѣдняка, и только отъ одного него вездѣ и испоконъ вѣковъ... Всѣ пророки, посланники небесъ, глашатаи новыхъ доктринъ всегда высылались только бѣднымъ людомъ" (184 стр.).

Если въ этихъ словахъ I. Шерра и есть нѣкоторое преувеличеніе, то во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что привилегированное меньшинство, живущее безъ физическаго труда и специализировавшееся въ умственной работѣ, не гарантируетъ правильный и достаточный интеллектуальный ростъ, что для послѣдняго крайне необходимы и силы, выходящія

изъ среды, привыкшей и, во всякомъ случаѣ, не чуждой физическаго труда, что безъ этихъ силъ человѣчеству предстоитъ крушеніе. Отсюда очевиденъ и выводъ, что обновленіе человѣчества возможно лишь при устраненіи дѣленія его на двѣ части: на людей, специализировавшихся въ умственномъ трудѣ, и на физическихъ работниковъ. Это необходимо и въ другомъ отношеніи: въ цѣляхъ исхода изъ той путаницы, которую создаетъ современный экономическій строй, сосредоточивающій колоссальныя богатства въ немногихъ рукахъ и обездоливающій огромныя массы работниковъ, на почвѣ раздѣленія интересовъ труда и капитала. Послѣдній, самозванно беря на себя привилегію умственной работы по управленію, усовершенствованію техники и даже по теоретической научной работѣ, строитъ систему ложныхъ доказательствъ въ пользу существующихъ основаній распредѣленія богатствъ и тѣмъ обрекаетъ представителей труда на нищету и вымираніе.

„Таковъ ужъ характеръ капиталистическаго порядка, таковы ужъ послѣдствія физіологическаго и экономическаго раздѣленія человѣка. Тѣмъ-то вотъ въ особенности и важно распространеніе идеи о необходимости физическаго труда для каждаго человѣка, что такимъ путемъ, и, по всей вѣроятности, только такимъ именно путемъ, и можно дать иное направленіе жизни и положить конецъ всей экономической путаницѣ, всѣмъ хитросплетеніямъ, обманамъ, лжи и лицемѣрію, которыми полна жизнь. *Взаимное дѣйствіе физическихъ и духовныхъ силъ, открывая человѣку болѣе широкій кругъ дѣятельности и цѣлый рядъ неизвѣстныхъ ему наслажденій, въ то же время связано съ цѣлыми группами совершенно особыхъ понятій, съ совершенно особымъ міросозерцаніемъ, которое, по всей вѣроятности, поведетъ къ тому, что духовная дѣятельность откажется отъ всякой прерогативы, отъ всѣхъ преимуществъ и будетъ направлена на общественную пользу съ той искренностью и безкорыстіемъ, какія рѣдко доводилось видѣть человѣчеству.* Кромѣ денегъ и конкуренціи, есть двигатели духа, двигатели болѣе высокіе. Вопросы объ услугахъ, о производительномъ и непроизводительномъ трудѣ, о полезной и безполезной дѣятельности, объ участіи въ производствѣ умственнаго элемента, о распредѣленіи прибылей и проч., надъ чѣмъ ломали и ломаютъ головы экономисты, могутъ сдѣлаться чрезвычайно простыми и несложными. Это упрощеніе сложныхъ понятій очень важно, потому что сложность ихъ далеко не соотвѣтствуетъ крайне простымъ отношеніямъ человѣчества, какими они были и остались до сихъ поръ, и только затемняетъ народное сознаніе" (213 и 214 стр.).

Придавая такое огромное значеніе вопросу о физическомъ трудѣ въ соціальномъ и моральномъ переустройствѣ человѣчества, Сергѣй Николаевичъ предусматривалъ, что имъ освѣщался путь борьбы съ міровымъ зломъ мѣщанства, заслоняющимъ истинный смыслъ и высшіе интересы жизни, что имъ намѣчалась возможность, если не полнаго перемѣщенія центра тяжести человѣческаго прозябанія съ погони за той или другой формой „мѣщанскаго счастья“ къ возвышеннымъ идеаламъ, то во всякомъ

случаѣ болѣе правильное соотношеніе между ними. Съ этой точки зрѣнія, принципъ физическаго труда былъ не только основой соціальной философіи, но и необходимымъ элементомъ, непремѣннымъ условіемъ, безъ котораго невозможно было создать даже самой почвы, благопріятствующей построенію новыхъ философскихъ системъ, имѣющихъ, быть можетъ, разрѣшить, наконецъ, смыслъ жизни, человѣческаго бытія. При такомъ значеніи вопроса, Сергѣй Николаевичъ полу-шутя, полу-серьезно говорилъ, что „если бы я былъ человѣкомъ могущественнымъ въ Европѣ или даже въ какой-нибудь отдѣльной странѣ, то я не задумался бы сдѣлать физическій трудъ обязательнымъ для каждаго гражданина и былъ бы вполнѣ увѣренъ, что страна моя скоро достигнетъ громаднаго матеріальнаго могущества, выиграетъ въ личной свободѣ и достигнетъ такой умственной высоты, какой еще не видалъ міръ“ (232 стр.).

Наиболѣе передовыя современныя ученія, въ свою очередь, признаютъ въ значительной мѣрѣ указанное Сергѣемъ Николаевичемъ значеніе физическаго труда, но та постановка, которую онъ придалъ этому вопросу, быть можетъ, и не будетъ понята всѣми такъ, какъ слѣдуетъ. Разумѣется, съ развиваемыми имъ положеніями о связи, существующей между физическимъ трудомъ и соціальнымъ строемъ, согласятся очень многіе, но многіе также скажутъ при этомъ, что дѣло нужно начинать не съ того конца, такъ какъ при господствующемъ строѣ прокормить себя физическимъ трудомъ можно только совсѣмъ отказавшись отъ умственныхъ занятій, на которыя у современнаго физическаго работника почти совсѣмъ не остается свободнаго времени. Чтобы сдѣлать возможнымъ существованіе на заработокъ отъ физическаго труда, нужно прежде измѣнить соціальный строй, въ основу производительной дѣятельности котораго и будетъ положенъ физическій трудъ всѣхъ работоспособныхъ лицъ.

Однако, такое возраженіе будетъ не по адресу. Сергѣй Николаевичъ не только никогда и нигдѣ не отрицалъ необходимости работы въ цѣляхъ измѣненія соціальнаго строя, но, напротивъ того, всегда, почти во всѣхъ своихъ печатныхъ работахъ ратовалъ за это. Въ этомъ отношеніи онъ былъ противникомъ ученій Л. Н. Толстого, согласно которымъ каждый человѣкъ въ отдѣльности долженъ заниматься исключительно самосовершенствованіемъ, и когда всѣ люди достигнутъ такимъ путемъ высшей нравственной чистоты и, между прочимъ, введутъ въ свой обиходъ физическій трудъ, тогда падетъ самъ собою современный строй и водворится новый. Сергѣй Николаевичъ не стоялъ и не могъ стоять на этой точкѣ зрѣнія. Особенность его убѣжденій въ этой области заключалась въ томъ, что, признавая необходимымъ энергичнѣйшую работу и даже борьбу въ цѣляхъ общаго переустройства соціальнаго строя, въ цѣляхъ ниспроверженія господствующаго капитализма и водворенія общиннаго и трудового начала, онъ считалъ

необходимымъ, чтобы коренной работѣ въ этомъ направленіи непремѣнно сопутствовала частная дополнительная и вспомогательная работа отдѣльныхъ лицъ и группъ ихъ—кружковъ, товариществъ, общинъ, артелей, направляемая къ общей цѣли и въ то же время подготовляющая, въ лицѣ этихъ отдѣльныхъ работниковъ, нравственно укрѣпившихся и воспитавшихся въ новыхъ началахъ дѣятелей новаго же строя. Своимъ глубокимъ практическимъ умомъ онъ понималъ, что новыя условія жизни въ новомъ строѣ вызовутъ среди лицъ, органически сжившихся съ старыми порядками и рядомъ поколѣній приспособившихся къ нимъ, не только неудовольствіе и протестъ, но и дѣйствительное, неподдѣльное неумѣнье приспособиться къ нимъ. Въ виду этого, онъ считалъ совершенно необходимымъ, въ прямыхъ цѣляхъ упроченія новаго строя, когда онъ поднимется надъ старымъ, заранѣе проводить въ жизнь элементы новаго строя, не исключая и такихъ, какъ физическій трудъ, которые способны создать особыя настроенія и особо благопріятныя условія для перехода къ новой жизни, и заранѣе готовить нравственно сильныхъ людей, сумѣвшихъ подчинить себя новымъ принципамъ. Съ этой же точки зрѣнія, признавалъ онъ необходимость „опрощенія“ интеллигенціи, необходимость напряженной ея работы въ народѣ и полнаго сліянія съ нимъ.

При такихъ взглядахъ на задачи интеллигенціи и при такихъ требованіяхъ къ самому себѣ Сергѣй Николаевичъ, разумѣется, не удовлетворялся дѣятельностью тамбовскаго кружка. Конечно, она была полезна для крестьянъ и въ очень многомъ поддерживала ихъ; она даже насаждала нѣкоторые элементы будущаго, давала наглядный примѣръ пользы и выгоды отъ совмѣстныхъ дѣйствій, отъ проявленій солидарности въ экономической жизни, въ земствѣ и т. п. Но для дѣятелей кружка было уже ясно, что осуществить артельную фабрику, образцовую сельско-хозяйственную общину, сорганизовать крестьянскую земскую партію и проч.— имъ не дадутъ возможности. Было ясно также, что примѣнить самимъ интеллигентнымъ дѣятелямъ кружка физическій трудъ въ условіяхъ работы въ Тамбовской губ. не только неудобно, но и въ значительной мѣрѣ безцѣльно, такъ какъ, за отсутствіемъ общины и артели, это была бы работа батрака-наемника, а не трудъ члена новой производительной организаціи.

При этихъ условіяхъ мысль Сергѣя Николаевича объ устройствѣ колоніи-общины на Кавказѣ была встрѣчена съ полнымъ и горячимъ сочувствіемъ. Она тѣмъ больше улыбалась дѣятелямъ кружка, что соотвѣтствовала во многихъ чертахъ своихъ начинавшемуся уже въ то время сильному движенію интеллигенціи „въ народъ“.

М. Слобожанинъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Ножи въ могилѣ Шевченко.

(Изъ музея П. И. Щукина въ Москвѣ).

М. В. Д.
КАНЕВСКАГО УѢЗДНАГО
ПРЕДВОДИТЕЛЯ ДВОРЯНСТВА
№ 790.
Іюля 26 дня, 1861 года.
г. Каневъ.

Господину Кіевскому Губернскому Предводителю Дворянства[1]).

Зная, что все касающееся безопасности и спокойствія дворянства, составляетъ предметъ особенной заботливости Вашего Превосходительства, считаю долгомъ сообщить здѣсь слѣдующія обстоятельства:

1-е, отъ нѣкотораго времени распространились между простымъ народомъ, то есть между мѣщанами г. Канева и крестьянами сосѣднихъ селеній слухи, которые привели весь край въ уныніе и тревогу. Слухи эти заключаются въ слѣдующемъ: что въ скоромъ времени настанетъ часъ, въ который по прежнему народъ будетъ рѣзать помѣщиковъ (пановъ), и при томъ не пощадитъ ни духовенство,—которое держитъ за одно съ панами,—ни чиновниковъ,—которыхъ Дворянство оплачиваетъ для того, чтобы они скрывали права народа; скоро будетъ время, что здѣсь останется только одинъ народъ;—Царь желаетъ того; это подтвердитъ Князь Константинъ;—говорятъ о проѣзжавшемъ здѣсь, какомъ-то лицѣ, которое народъ считаетъ Княземъ. Есть разсказы о спрятанныхъ въ могилѣ надъ прахомъ Шевченка священныхъ ножахъ, для совершенія всеобщаго истребленія пановъ, жидовъ, поповъ и всѣхъ людей въ тонкихъ жупанахъ съ большими воротниками; о неизчисленномъ множествѣ казаковъ разсыпанныхъ по всей украинѣ, отъ Хортицы до Тавани—по всему Запорожу—по-надъ Днѣпромъ и въ другихъ

---

[1]) Печатается съ сохраненіемъ ореографіи г. Каневскаго предводителя дворянства. *Ред.*

странахъ; они соберутся въ Каневъ, совершать то, что проповѣдывалъ отецъ Тарасъ (:Шевченко:). Каневъ не будетъ въ состояніи обнять ихъ всѣхъ; такъ ихъ будетъ много; время ихъ прибытія назначено въ этомъ году, между пречистыми, то есть отъ 15 августа по 1-е Сентября; чтобы начать рѣзь, ожидаютъ особеннаго сигнала.

Разсказы эти повторяли многіе изъ Гг. чиновниковъ, которые сами слышали ихъ отъ мѣщанъ Каневскихъ, а также отъ крестьянъ изъ окрестныхъ селеній, и другихъ простолюдиновъ; разсказы эти повторялись на рынкѣ и торговой площади, на улицѣ и при выходѣ изъ церкви. Почти всѣ чиновники, съ коими я объ этомъ предметѣ разговаривалъ, удостовѣряли меня, что они сами слышали эти разсказы.

Слухи подобные распространяются даже и въ дальнія деревни Каневскаго уѣзда, а особенно со времени начатія слѣдствія,—разсказываетъ, на ярмаркахъ,—что ищутъ священныхъ ножовъ, присланныхъ на то, чтобъ рѣзать пановъ, и что ножи эти закопаны въ могилѣ Шевченка. Слухи выше упомянутые, хотя оные не основаны на положительныхъ доказательствахъ—что кто либо побуждалъ народъ къ истребленію помѣщиковъ,—но сами собою составляютъ важное и страшое явленіе;—а посему тревожатъ всѣхъ дворянъ помѣщиковъ. Предположивъ, что многіе изъ нихъ, для собственнаго спокойствія и безопасности, выѣдутъ изъ селеній,—неминуемымъ послѣдствіемъ того будетъ разореніе имуществъ, и совершенное разстройство, удерживаемаго въ хозяйствѣ и сельскихъ обществахъ, самимъ ихъ присутствіемъ, порядка. Тревога, какую слухи эти распространили, имѣетъ то основаніе, что подобные признаки предшествовали прежней Гайдамацкой рѣзи въ здѣшнемъ краѣ, и вообще повторились вездѣ, передъ каждою этого рода катастрофою.

2) Могила Шевченка служитъ какъ бы знаменемъ соединенія людямъ, порождающимъ ненависть народа къ здѣшнему Дворянству. Это только предлогъ; а предметомъ ненависти народа становятся: всѣ помѣщики, которые требуютъ отъ него повинностей за земли; все Начальство, побуждающее его къ исполненію обязанностей; и самое даже Духовенство, которому онъ тоже не вѣритъ, ибо оно ему не толкуетъ положенія новаго въ томъ смыслѣ, какъ его желали понимать крестьяне.

Друзья Шевченка, любители его сочиненій и, наконецъ, люди однихъ съ нимъ идей пріѣзжаютъ въ наши страны, имѣютъ частыя, непосредственныя, тайныя сношенія съ народомъ; собираютъ людей отъ работъ на могилѣ, читаютъ простому народу, изъ сочиненія Шевченка разсказы о гайдаматчинѣ, рѣзи, представляющіе столь извѣстныя здѣшнему народу имена героевъ разбойничьихъ: Гонты и Желѣзняка, какъ священныхъ героевъ—и наконецъ представляющіе самую

рѣзь священными ножами, какъ справедливое, священное дѣло, составляющее славу здѣшняго народа.

При чтеніи этихъ сочиненій, эти господа, какъ видно изъ разсказовъ,—позволяли себѣ толковъ еще болѣе возбуждающихъ народъ противу всему высшему у насъ сословію. По разсказу мѣщанина Степана Кутоха, одинъ изъ друзей Шевченка, Г. Честаховскій,—на вопросъ его Кутаха: по чему со времени похоронъ Шевченка и пріѣзда его Честаховскаго и частыхъ его съ народомъ поговорокъ, люди пришли въ тревогу и уныніе, и говорятъ объ вещахъ, о которыхъ страшо подумать? Г. Честаховскій отвѣчалъ: что такъ какъ нѣкогда по причинѣ ихъ (:т. е. пановъ:), лилась кровь и потъ изъ народа; такъ въ скоромъ времени польется кровь и потъ изъ нихъ.

Этотъ разговоръ былъ вечеромъ, послѣ того какъ г. Честаховскій читалъ сочиненіе „*Тарасова ночь*“ собраннымъ на работу людямъ.—Слова приведенныя здѣсь указываютъ, въ какомъ духѣ производились толки о читанныхъ народу сочиненіяхъ.

3-е) Сочиненія Шевченка: ***Гайдамаки***, ***Тарасова ночь***, ***Грамотка*** другаго автора, хотя и позволены цензурою, но заключаютъ въ себѣ разсказы, дышащіе неумолимою ненавистью къ Дворянству нашему, и притомъ, рѣзко изображенныя картины Гайдамацкой рѣзи: что, именно въ нашихъ сторонахъ,—гдѣ народъ и самъ по сю пору сохраняетъ преданія этихъ кровавыхъ событій,—крайне опасно для Дворянства и всѣхъ другихъ сословій общества. Пока эти сочиненія составляли предметъ чисто литературный и оставались въ сферѣ людей образованныхъ, онѣ, конечно, не могли имѣть столь пагубнаго вліянія на читателей; но введенныя между простой народъ,—какъ народныя пѣсни, какъ преданія старины, изображающія славу предковъ, крайне опасны, ибо народъ, видя въ нихъ исключительно только изображеніе мести, рѣзи, кровопролитія,—побуждается къ тому, чтобы повторить эти дѣла, столь прославляемыя.

Одно изъ этихъ сочиненій распространяемо было нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ ту именно пору, когда представители нашего Дворянства въ Кіевскомъ Губернскомъ Комитетѣ, по вызову Государя Императора, приступали къ осуществленію благихъ намѣреній Монарха, въ дѣлѣ освобожденія и улучшенія быта крестьянъ, и тогда сочиненіе это, какъ возбуждающее ненависть одного класса народа къ другому, и возобновляющее преданія давно погасшей національной вражды,—почтено было главнымъ начальствомъ нашего края вреднымъ для онаго, и потому распродажа этого сочиненія у насъ воспрещена. Нынѣ, при введеніи въ дѣйствіе новаго положенія,—когда болѣе всего благомыслящіе люди должны стараться о томъ, чтобы настоящая реформа осуществилась

въ духѣ міра и доброжелательства,—появилось опять это сочиненіе, и распространяется между народомъ систематически, раздачею его даромъ, или распродажею онаго по самой низкой цѣнѣ. Лица, занимающіяся въ Каневѣ продажею *грамотки* и сочиненій Шевченка, продаютъ его преимущественно простолюдинамъ, дабы онѣ расходились по деревнямъ.

Такимъ образомъ, въ то время, когда болѣе всего нужно взаимное довѣріе помѣщиковъ и крестьянъ, во всѣхъ ихъ между собою отношеніяхъ, когда, при составленіи уставныхъ грамотъ, все Дворянство желало-бы положить прочное основаніе будущаго благополучія обоихъ землевладѣльческихъ классовъ, полагаясь на правдѣ, справедливости, взаимныхъ выгодахъ и добровольномъ обоюдномъ согласіи,—въ то именно время посторонніе лица, въ непонятныхъ для насъ цѣляхъ, возбуждаютъ ненависть къ Дворянству, и возобновляютъ преданія вражды и мести. Крестьяне, которые и безъ того ожидаютъ безвозмездной отдачи имъ мірскихъ земель, не смотря на все усиліе Гг. Мировыхъ Посредниковъ—объяснить имъ слова Высочайшаго Манифеста, что было бы крайне несправедливо пользоваться землею отъ помѣщиковъ, а не нести за то никакой обязанности, теперь тѣмъ болѣе упрочиваютъ себя въ этомъ мнѣніи, и потому не желаютъ приступать ни къ какимъ съ помѣщиками добровольнымъ соглашеніямъ, не желаютъ переходить ни на оброкъ съ издѣльной повинности, ни пріобрѣтать земли въ собственность,—ожидая чего-то другаго въ будущемъ. Расходящіеся слухи о совершенномъ истребленіи помѣщиковъ, можетъ быть, не одному изъ крестьянъ наводятъ ту мысль, что ему не нужно покупать землю, когда, по выбытіи настоящихъ ея собственниковъ, вся земля останется имъ даромъ.

4) Тѣло Шевченка погребено столь торжественно, восторгъ для него возбужденъ съ такимъ искуствомъ и такою ревностію, что народъ толпами собирался на его могилѣ; идущіе на богомолье въ Кіевъ люди, приходятъ сюда, по дорогѣ, какъ къ священному мѣсту, почитаютъ Шевченка какъ бы народнымъ пророкомъ своимъ, и каждое слово его завѣтомъ для народа. Видя въ его сочиненіяхъ, что рѣзь священными ножами изображена дѣломъ составляющимъ славу здѣшняго народа, легко себѣ можно представить, какими чувствами одушевляются въ этомъ мѣстѣ прихожіе. Всѣ разсказы, выше упомянутые, распространились въ Каневѣ со времени погребенія Шевченка и прибытія туда же г. Честаховскаго, для устройства его могилы. Къ сему послѣднему пріѣзжало,—по разсказамъ мѣщанъ,—много лицъ, воодушевленныхъ вѣроятно тѣми же что и онъ идеями; между простолюдинами онъ извѣстенъ подъ именемъ *Грицька*, его считаютъ быть внукомъ *Гонты*, или *Желѣзняка*; при встрѣчѣ съ крестьянами, онъ Честаховскій привѣтствуетъ каждаго словами „*здравствуй Гайда-*

макомъ не смотря на то, что слово это, до сихъ поръ, въ нашемъ народѣ значило не что иное, какъ простой разбойникъ.

Изъ лицъ, кои пріѣзжали на похороны Шевченка, были такія, кои явно провозглашали мысль, что въ здѣшнемъ краѣ не должны оставаться лица другихъ вѣроисповѣданій, кромѣ православнаго; это послѣднее обстоятельство было мнѣ подтверждено начальникомъ Каневской уѣздной полиціи.

Въ заключеніе скажу, что если нѣтъ положительныхъ фактовъ, обвиняющихъ кого-либо въ прямомъ возбужденіи народа къ истребленію помѣщиковъ, то это еще не доказываетъ, чтобы заговоръ этого рода не существовалъ дѣйствительно между простымъ народомъ. Народъ здѣшній умѣетъ упрямо сохранять всякую того рода тайну. Лучшимъ доказательствомъ того, служитъ дѣло, о совершенномъ пять лѣтъ тому назадъ, убійствѣ помѣщика Гудимы-Левковича, крестьянами с. Григоровки. Преступленіе это совершено многими лицами,—безъ сомнѣнія извѣстно многимъ,—не смотря на то, долговременныя усилія производившихъ неоднократно слѣдствія къ открытію виновныхъ, остались тщетными. Если въ слухахъ есть много несообразностей, то потому, что распространяютъ ихъ люди, отвергающіе мысль всякаго заговора, и предполагаютъ даже, какъ говорятъ, удалиться во время рѣзи, еслибы таковая совершилась. Они, по тому самому, и не знали бы всѣхъ тайнъ заговора, еслибы таковой существовалъ. Можно сказать, что во всякомъ случаѣ, большинство народа не дало бы себя увлечь никакой пропагандѣ, но есть среди онаго такія лица, кои обо всемъ этомъ отзываются полусловами,—видно въ глазахъ ихъ и цѣломъ лицѣ какую-то строгость и постоянное уныніе,—они-то возбуждаютъ страхъ жителей г. Канева и его окрестностей.

Собравъ всѣ свѣдѣнія объ этомъ важномъ дѣлѣ, и представляя его Вашему Превосходительсгву, такъ какъ понимаю его я самъ и все Дворянство моего уѣзда;—покорнѣйше прошу исходатайствовать у высшаго начальства все то, что почтете нужнымъ къ огражденію спокойствія и безопасности Дворянства. По моему мнѣнію, прежде всего, слѣдовало бы удалить лицъ уличенныхъ въ таковыхъ и непосредственныхъ сношеніяхъ съ крестьянами, коихъ вредное вліяніе на народъ доказывается уже тѣмъ, что они подали поводъ къ распространенію такихъ слуховъ; сверхъ того, воспретить распространеніе и продажу помянутыхъ здѣсь и другихъ имъ подобныхъ сочиненій;—поставить въ нашихъ сторонахъ достаточную военную силу, чтобы, въ случаѣ осуществленія заговора, недопустить разгорѣться пламени; предпринять всѣ мѣры къ убѣжденію народа въ томъ, что правительство строго будетъ взыскивать съ виновныхъ, угрожающихъ нарушить спокойствіе и общественный порядокъ; убѣдить народъ, что освященныхъ ножовъ не было и быть не можетъ, и что никакой

обрядъ не можетъ быть употребленъ на то, чтобы очистить убійство и орудіе, коимъ оно совершается. Народъ предполагаетъ, что никто не смѣетъ коснуться этихъ ножовъ, скрытыхъ въ могилѣ отца Тараса (Шевченка). Не было-ли-бы угодно начальству, разрыть эту могилу и показать народу, что этихъ ножовъ вовсе не было?

Примѣчаніе переписчика:

„Копія" не имѣетъ никакой подписи. Писана на $10^1/_2$ страницахъ въ $^1/_4$ листа сложенной бумаги. Орфографія и знаки препинанія сохранены подлинника.

Сообщилъ **П. Н. Миллеръ.**

Два приказа.

I.

Въ архивѣ Московскаго университета хранится слѣдующій документъ.

Циркулярно. Мин. Дух. дѣлъ и Нар. Просв. Департ. Нар. Просв. Отд. I, столъ 2. С.-Петербургъ, 30 марта 1822 г. № 1057.

Господину Попечителю Московскаго Учебнаго Округа.

Въ слѣдствіе Высочайшаго повелѣнія по случаю вышедшей вновь изъ печати книги безъ употребленія въ оной буквы Ѣ по всѣмъ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ тому слѣдовало быть по общимъ правиламъ Россійскаго языка, предоставляю Вашему Сіятельству предписать Московскому Цензурному Комитету о наблюденіи, чтобы въ издаваемыхъ книгахъ не было допускаемо подобное отступленіе отъ общихъ правилъ языка.

Министръ Дух. дѣлъ и Нар. Просв.

Кн. Александръ Голицынъ.

Директоръ *Василій Поповъ.*

II.

Среди бумагъ Н. П. Огарева сохранился слѣдующій документъ.

Министерство Внутреннихъ Дѣлъ. Начальника Пензенской губеніи. Канцелярія 7 ноября 1849 года. № 13192.

Г. Инсарскому Уѣздному Предводителю Дворянства.

Инсарскій помѣщикъ коллежскій регистраторъ Огаревъ, какъ дошло до моего свѣдѣнія, носитъ длинную бороду.

Такъ какъ въ отношеніи неприличія для дворянъ носить бороды послѣдовало Высочайшее Его Императорскаго Величества повелѣніе, изображенное въ предписаніи Г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ на имя Г. Пензенскаго Губернскаго Предводителя дворянства 15 апрѣля сего года и объявленное всѣмъ Гг. Уѣзднымъ Предводителямъ: то я покорно прошу Ваше Высокоблагородіе, поставивъ Г. Огареву на видъ все непри-

личіе ношенія бороды, внушить ему содержаніе упомянутаго Высочайшаго повелѣнія и о послѣдствіи меня увѣдомить.

Гражданскій Губернаторъ *Панчулидзевъ*.

Для поясненія этого Высочайшаго повелѣнія не лишнимъ будетъ привести аналогичный *мотивированный* циркуляръ статсъ-секретаря Танѣева губернаторамъ 1837 года, напечатанный лѣтъ пять назадъ въ „Кіевской Старинѣ".

„Милостивый Государь, графъ Александръ Дмитріевичъ. Государь Императоръ, сверхъ доходящихъ до Его Величества изъ разныхъ мѣстъ свѣдѣній, Самъ изволилъ замѣтить, что многіе гражданскіе чиновники, въ особенности внѣ столицы, дозволяютъ себѣ носить усы и не брить бороды по образу жидовъ, или подражая французскимъ людямъ.

„Его Императорское Величество изволитъ находить сіе совершенно неприличнымъ и, вслѣдствіе сего, Высочайше повелѣваетъ всѣмъ начальникамъ гражданскаго вѣдомства строго смотрѣть, чтобъ ихъ подчиненные ни бороды, ни усовъ не носили, ибо сіи послѣдніе принадлежатъ одному военному мундиру".

Итакъ, бороду запрещалось носить потому, что она напоминала презрѣнную еврейскую расу или французскихъ крамольниковъ, усы—потому, что они должны были оставаться монополіей военныхъ людей, вѣроятно, для приданія послѣднимъ воинственнаго вида. Запрещеніе касалось только дворянъ и чиновниковъ: „народъ" разумѣется не шелъ въ счетъ.

Для исторіи отношеній между русской властью и обществомъ не лишены значенія и такіе мелкіе факты, въ родѣ приведенныхъ здѣсь двухъ приказовъ, какъ показатель той мелочности, до которой доходила регламентація жизни сверху.

М. Гершензонъ.

Буржуазія въ произведеніяхъ Щедрина.

(Изъ готовящейся къ печати книги о Салтыковѣ-Щедринѣ).

I.

„Плохая эта коммерція, если мордой отвѣчать приходится“— такъ характеризуетъ безправное положеніе представителей торговаго капитала въ эпоху крѣпостного режима одинъ изъ немногихъ представителей его, съ которыми мы встрѣчаемся въ первыхъ сатирахъ Щедрина. И въ самомъ дѣлѣ, здѣсь въ нѣсколькихъ словахъ дана, можно сказать, почти исчерпывающая характеристика нашей дореформенной буржуазіи.

Правда, русское правительство, начиная съ Петра I, прилагаетъ какъ будто бы всѣ усилія къ тому, чтобы искусственно взростить и вскормить буржуазію на безплодной почвѣ натуральнаго хозяйства. Въ ея интересахъ создаются спеціальные правительственные органы—мануфактуръ и бергъ-коллегіи; частные предприниматели снабжаются безвозмездно орудіями производства и безпроцентными ссудами; для нихъ спеціально создается множество другихъ сообщеній и льготъ разнообразнаго характера. Но въ то же время эта заботливая попечительность правительства какъ бы снимала съ послѣдняго всякую обязанность какихъ бы то ни было „церемоній“ по отношенію къ опекаемымъ. Поучительна въ этомъ смыслѣ исторія купца Соловьева временъ Петра I-го. За жалобу на запрещеніе вывоза зерна изъ Россіи онъ былъ колесованъ, причемъ ему поломали руки и ноги и отняли милліонъ рублей. И хотя потомъ Петръ смягчился и даже просилъ у Соловьева прощеніе, но милліона ему все-таки не вернулъ.

Такъ повелось съ Петра и до самаго дня крестьянской реформы. Правительство, отъ высшихъ и до низшихъ его агентовъ, всячески поощряло торгово-промышленную дѣятельность, что не мѣшало ему вмѣстѣ съ тѣмъ съ жестокостью расправляться съ купцами и грабить ихъ, грабить безъ конца.

Чиновники грабили, купцы мошенничали, и на этомъ и держалась коммерція того времени. Въ одномъ отрывкѣ серіи „Губерн. Очерки“ (см. сценку „Что такое коммерція?“) купцы съ полной откровенностью говорятъ, что коммерческій расчетъ долженъ состоять въ мошенничествѣ. И съ этой точки зрѣнія понятно, что, жалуясь на медленность и дороговизну доставки товаровъ водянымъ путемъ, всѣ эти Ижбурдины, Палахвостовы и Сокуровы съ ужасомъ открещиваются отъ проектовъ проведенія желѣзныхъ дорогъ. „Для насъ,—говорятъ они—чугунки все равно, что разореніе“.—Почему? „Да потому, что при перевозкѣ товаровъ по желѣзной дорогѣ,—какъ комментировалъ эту фразу торговца еще Чернышевскій,—затрудняется возможность обсчета рабочихъ и нарушенія контрактовъ подъ разными болѣе или менѣе фантастическими предлогами, въ родѣ потопленія судовъ или задержки каравана какими-нибудь случайными обстоятельствами.

Грубость и жадность чиновниковъ вполнѣ соотвѣтствовала такимъ же качествамъ купечества, которое тѣмъ не менѣе не могло не тяготиться своею униженной ролью. Купецъ Ижбурдинъ, въ бесѣдѣ съ товарищами по профессіи, жалуется на грубость и растущую алчность чиновниковъ. По его словамъ, русскій купецъ „тѣмъ только и живетъ, что оборачивается не столько капиталомъ, сколько изворотцемъ-съ. Ну, а по лѣсной части одни угощенія сколько стоютъ! Было время, что горское пили, а нынче горскаго-то и въ подпитіи ему не подашь, давай, говоритъ, шампанскаго, да еще за бороду тебя ухватить наровитъ. Одной обиды, да надругательства сколько на твою голову упадетъ“... Затѣмъ онъ разсказываетъ, какъ перепившійся чиновникъ заставилъ его бросить въ рѣку ящикъ шампанскаго. Никакія мольбы не могли остановить расходившагося буяна, желавшаго демонстрировать купцу силу своей власти надъ нимъ. „Это—говоритъ—тебѣ, значитъ, трессировка, чтобы ты зналъ, что въ моей власти и по шерсти тебя погладить и за вихоръ драть“... [1]).

Это подчиненное политическое положеніе русскаго купечества, въ связи съ ничтожнымъ его значеніемъ въ соціальной жизни страны, только что начинавшей выбиваться изъ путъ натурально-хозяйственнаго режима, можетъ служить достаточнымъ объясненіемъ, почему сатирикъ въ первыхъ своихъ произведеніяхъ удѣлилъ такъ мало вниманія классу, къ которому впослѣдствіи онъ подошелъ вплотную.

Нельзя, однако, не отмѣтить, что и тогда еще, въ эпоху „Губерн. Очерковъ“, Щедринъ обнаружилъ свою пророческую прозорливость, указавъ на совершающійся и въ этой сферѣ нашей жизни переломъ. „Старые порядки къ концу доходятъ, а новыхъ мы еще не доспѣли“ — вотъ положеніе торгово-про-

---

[1]) Т. I, стр. 360.

мышленной дѣятельности, какъ она рисовалась сатирику до освобожденія крестьянъ.

Крестьянская реформа 1861 года, создавшая въ Россіи внутренній рынокъ, замѣнившая на фабрикахъ крѣпостническій трудъ вольнонаемнымъ, пустившая въ обращеніе огромную массу свободнаго денежнаго капитала, положила для русской буржуазіи начало новой эры. Ижбурдины и Палахвостовы, питавшіеся, главнымъ образомъ, отъ щедротъ казенныхъ поставокъ и находившіеся поэтому въ рабскомъ плѣненіи у чиновниковъ, ожили и начали приспособляться къ новымъ формамъ общественныхъ отношеній.

Первое время, по свидѣтельству сатирика, процессъ приспособленія у русскихъ людей, свыкшихся съ формами жизни дореформеннаго строя, шелъ сравнительно туго. Разсказъ „Въ дорогѣ“, открывшій въ „Отеч. Запискахъ“ въ 1872 г.[1]) серію очерковъ подъ общимъ названіемъ „Благонамѣренныя Рѣчи“, говоритъ о торжествѣ на русской почвѣ иноземцевъ и иноземнаго капитала.

„Долитъ нѣмецъ, да и шабашъ!“ — вопіютъ въ одинъ голосъ всѣ кабатчики, всѣ лабазники, всѣ содержатели постоялыхъ дворовъ. И вотъ—констатируетъ сатирикъ—ничего не остается дѣлать, какъ согласиться съ этимъ воплемъ, потому что вы видите собственными глазами и чуете сердцемъ, какъ всюду—и на землѣ, и подъ землею, и на водѣ, и подъ водою—всюду ползетъ нѣмецъ. Въ этихъ коренныхъ русскихъ мѣстахъ, гдѣ нѣкогда попирали ногами землю русскіе угодники и благочестивые русскіе цари и царицы,—въ настоящую минуту почти всевластно господствуетъ нѣмецъ. Онъ снимаетъ рощи, корчуетъ пни, разводитъ плантаціи, овладѣваетъ всѣми промыслами, отъ которыхъ, при менѣе черной сравнительно работѣ, можно ожидать болѣе прибылей... И чѣмъ ближе вы подъѣзжаете къ Троицкому посаду и къ Москвѣ, этому средоточью русской святыни, тѣмъ болѣе убѣждаетесь, что нѣмецъ совсѣмъ не перелетная птица въ этихъ мѣстахъ, что онъ не на шутку задумалъ здѣсь утвердиться, что онъ устраивается прочно и надолго и вѣрною рукою раскладываетъ мрежи, въ которыхъ суждено барахтаться всевозможнымъ Трифонычамъ, Сидорычамъ и прочей неуклюжей бѣлужинѣ и сомовинѣ, заспавшейся, опухшей, спившейся съ круга“ [2]).

Дальше въ разсказѣ даны многочисленныя иллюстраціи этого положенія, съ монотонными ссылками на евреевъ, французовъ, нѣмцевъ—на Адамовъ Абрамычей, Анатоліевъ Филиппычей и Крестьянъ Иванычей,—которые „изъ пятіалтыннаго наровятъ цѣлковыхъ надѣлать“ и ведутъ свое дѣло съ такою настойчи-

---

[1]) „От. Зап.“ 1872 г., кн. X. Здѣсь разсказъ напечатанъ подъ заглавіемъ: „Благонамѣренныя Рѣчи (Изъ путевыхъ замѣтокъ)“.

[2]) Т. IV, стр. 28.

востью и ловкостью, что „русскіе нынче только кабаками занимаются, а прочее все къ нѣмцамъ отошло“, какъ завѣряетъ автора везущій его ямщикъ.

Быть можетъ, въ этомъ черезчуръ ужъ подчеркнутомъ фактѣ „засилія“, которое нѣмцы, евреи и вообще иноплеменники „взяли“ въ области торгово-промышленной жизни нашей родины, есть нѣкоторое преувеличеніе. Но во всякомъ случаѣ основные этапы въ развитіи капиталистическихъ отношеній въ Россіи, какъ они послѣдовательно отражались въ сознаніи нашего сатирика, отмѣчены имъ вполнѣ правильно.

Не только въ Россіи, но и въ Западной Европѣ первые свои шаги капитализмъ проходитъ при помощи иноплеменниковъ. „Пріобрѣтательскія стремленія — пишетъ В. Зомбартъ въ своемъ извѣстномъ трудѣ по исторіи капитализма — развились *въ сношеніяхъ съ иноплеменниками*. Только здѣсь могла пустить корни та мысль, что хозяйственными операціями можно воспользоваться съ того цѣлью, чтобы, искусно организовавши ихъ, достигнуть обогащенія. Естественно поэтому искать объясненія для быстраго развитія западно-европейской промысловой жизни въ томъ обстоятельствѣ, что въ средѣ европейскихъ народовъ внѣдрились многочисленные иноплеменные элементы (евреи). И несомнѣнно, что евреи сыграли значительную роль въ генезисѣ капиталистическаго духа“ [1]).

Въ Россіи, въ первыхъ стадіяхъ развитія у насъ товарнаго хозяйства, нашими учителями и профессорами оказались, вмѣстѣ съ евреями, также и массами хлынувшіе въ Россію послѣ эмансипаціи иностранцы, главнымъ образомъ, нѣмцы, со своими капиталами и навыками. Любопытно, что ровно черезъ годъ послѣ появленія цитированнаго нами очерка Щедрина, въ тѣхъ же „Отеч. Зап.“ (кн. 9-я 1873 г.) въ статьѣ: „Что нѣмцу здорово, то русскому смерть“ одинъ изъ постоянныхъ сотрудниковъ журнала снова возвращается къ отмѣченному сатирикомъ явленію, но вооруженный на этотъ разъ цифрами и фактами.

„Проѣзжая прошлымъ лѣтомъ по нагорному Поволожью и вступивъ въ самыя „пшеничныя мѣста“, мы съ удивленіемъ замѣчали—читаемъ мы въ этой статьѣ,—что около даже самыхъ зажиточныхъ селеній стояли почти пустыя гумна“. На вопросъ, обращенный къ мѣстнымъ людямъ, авторъ получилъ отвѣтъ, что пшеницу „нѣмецъ жретъ—почитай на корню... Все на крупчатку валитъ. А не отдашь ему, жидомору, за безцѣнокъ послѣдняго крестца съ поля—денегъ не дастъ, подушныя заѣдятъ“...

Изслѣдованіе подтвердило эти жалобы на нѣмца, „жрущаго“ крестьянскую пшеницу на корню. Въ Саратовѣ авторъ добылъ списокъ нѣсколькихъ десятковъ поволожскихъ крупчатыхъ мельницъ, съ показаніемъ количества размола, и на цифрахъ

---

[1]) Вернеръ Зомбартъ. „Современный капитализмъ“. Изд. С. Скирмунта. М., Т. I, стр. 358.

увидѣлъ, „куда исчезаютъ крестьянскія одонья, и почему мужики многаго не досчитываются въ своихъ выручкахъ“. Оказалось, что въ самомъ Саратовѣ и вокругъ него *нѣмцамъ* Зейхертамъ, Рейнеке, Шмидту, Диссендорфу, Фаренбруху и др. принадлежатъ десятки мельницъ, черезъ которыя проходитъ около трехъ милліоновъ пудовъ пшеницы.

На тему объ „иностранномъ нашествіи“ трактуютъ и многія газетныя статьи и корреспонденціи того времени. Укажемъ, напримѣръ, на обширную корреспонденцію въ „Голосѣ“ 1872 г. (№ 203) о „преобладаніи нѣмецкаго духа въ Поволожьѣ“, гдѣ авторъ, полемизируя съ нѣмцами, ссылающимися въ своемъ „національномъ ослѣпленіи“ на „германскую расовую даровитость“, со своей стороны, объясняетъ нѣмецкія побѣды и одолѣнія въ Поволожьѣ только рублемъ.

Въ вопросѣ о „германской расовой даровитости“ и нашъ сатирикъ остается при особомъ мнѣніи.

„Мы противъ этихъ нѣмцевъ очень ужъ просты—оттого и задачи намъ нѣтъ“—объясняютъ автору русскіе люди „засилье“, взятое у насъ иностраннымъ капиталомъ.

„Нѣтъ, мы не просты“ — категорически возражаетъ сатирикъ и, поставивъ на переднемъ планѣ Крестьянъ Иванычей, которые, при помощи пятіалтынныхъ, ловко выуживаютъ изъ чужихъ кармановъ рубли, онъ, въ видѣ общаго фона картины, рисуетъ измѣнившуюся психологію чистокровнаго россійскаго обывателя. Запахъ рубля, эмансипированнаго реформой 19 февраля 1861 года въ гораздо большей степени, чѣмъ самъ герой реформы—русскій мужикъ, оказался слишкомъ острымъ, слишкомъ всепроникающимъ, чтобы чистокровный россійскій обыватель могъ сохранить свою прежнюю душевную невинность. Брошенныя въ обращеніе, съ одной стороны, сотни милліоновъ выкупныхъ платежей, съ другой — освобожденный для всесторонней эксплоатаціи мужикъ—породили, какъ заразу, во всѣхъ слояхъ русскаго населенія тотъ spiritus capitalisticus, который вскорѣ овладѣлъ всѣми сердцами и помыслами массы. Отъ пышныхъ княжескихъ дворцовъ и до жалкой лачуги кое-чѣмъ промышляющаго деревенскаго прасола пріобрѣтательскія стремленія овладѣли умами и сдѣлались настоящимъ фундаментомъ современнаго общества. Проворство рукъ стало своего рода добродѣтелью, которая одинаково высоко цѣнилась не только игроками, не только простыми зрителями игры, но даже и тѣми, кого судьба обрекла быть постоянными жертвами игроковъ.

«Нѣтъ, мы не просты. Не простъ тотъ народъ, который къ простотѣ относится съ такой язвительностью, который такъ рѣшительно бичуетъ ее. И сатирикъ приводитъ цѣлый рядъ примѣровъ, которые, по его словамъ, смущали и преслѣдовали его на каждомъ шагу.

«Вы имѣли, напримѣръ, случай обыграть въ карты—и не обыграли:—Очень ужъ вы просты! Ахъ, какъ вы просты!—Васъ

надули при покупкѣ, вы дались въ обманъ не потому, что были глупы, а потому что вамъ на умъ не приходило, чтобы въ странѣ, снабженной полиціей, мошенничество было одною изъ формъ общежитія:

— Очень ужъ вы просты! Ахъ, какъ вы просты!

«Вы управляли чужимъ имѣніемъ и ничѣмъ не воспользовались въ ущербъ своему довѣрителю, хотя имѣли, такъ называемые, «случаи», «дѣла» и т. п.

— Очень ужъ вы просты! Ахъ, какъ вы просты!» [1]).

Сдѣлавъ общую оцѣнку пріобрѣтательныхъ стремленій, овладѣвшихъ русскимъ обществомъ, Салтыковъ непосредственно вслѣдъ за этимъ перешелъ къ изображенію отдѣльныхъ типовъ, порожденныхъ новымъ теченіемъ.

II.

Надобно замѣтить, что 1872 годъ, въ который нашъ чуткій сатирикъ отмѣтилъ господствующій въ русскомъ обществѣ spiritus capitalisticus и вспомнилъ о давно покинутыхъ и забытыхъ имъ Ижбурдиныхъ и Палахвостовыхъ, находился вообще подъ знакомъ промышленности и торговли. Въ этомъ именно году русскіе журналисты разныхъ лагерей на турнирахъ журнальной и газетной полемики сломали въ честь нашего третьяго сословія не мало копій. Поводовъ для этого было болѣе, чѣмъ достаточно.

Въ 1872 г., по иниціативѣ московскихъ профессоровъ и денежныхъ тузовъ и при дѣятельномъ ихъ содѣйствіи, открыта была въ Москвѣ политехническая выставка, сопровождавшаяся интернаціональными торгово-промышленно-профессорскими торжествами. Собственно, по первоначальному плану предполагалось, что выставка будетъ преслѣдовать исключительно научныя и образовательныя задачи, что она явится чѣмъ-то въ родѣ временнаго политехническаго музея. Но передъ натискомъ частныхъ экспонентовъ-промышленниковъ пришлось уступить и вмѣсто систематизированныхъ коллекцій дать мѣсто случайнымъ экспонатамъ, никакого отношенія къ наукѣ не имѣющимъ. Въ результатѣ вмѣсто политехнической выставка вышла промышленной, и такъ какъ русская промышленность здѣсь впервые демонстрировала свои успѣхи за «десять лѣтъ реформъ», то, несмотря на всѣ дефекты, проистекавшіе отъ дѣйствительнаго характера выставки, она не могла не обратить на себя усиленнаго вниманія русской журналистики.

Затѣмъ въ томъ же 1872 г. были впервые опубликованы и сдѣланы общимъ достояніемъ «Протоколы и стенографическіе отчеты (состоявшагося въ 1870 г.) перваго всероссійскаго съѣзда фабрикантовъ, заводчиковъ и лицъ, интересующихся отечествен-

---

[1]) Т. IV, стр. 88.

ной промышленностью». Съѣздъ былъ поставленъ на европейскую ногу, и наша юная буржуазія старалась во всю подражать своимъ западнымъ образцамъ. Предсѣдатель съѣзда фонъ-Бушенъ не безъ пафоса прославилъ *свободу*, какъ «первое и главное условіе для развитія промышленности», за что наши доморощенные буржуа наградили его громомъ аплодисментовъ. Не меньше любви къ свободѣ обнаружилъ съѣздъ и тогда, когда одинъ изъ правительственныхъ агентовъ внесъ предложеніе обязать желѣзныя дороги, въ цѣляхъ сохраненія лѣсовъ въ Россіи, употреблять исключительно каменный уголь. Ему отвѣтили: «пусть наши богатства лежатъ въ землѣ, если ихъ нужно вынимать съ регламентаціей». Этотъ маскарадъ словъ, всѣ эти ссылки на свободу и на благо любимой родины возобновлялись нашими промышленниками каждый разъ, когда имъ нужно было провалить то или иное стѣсняющее ихъ предложеніе.

Подъ такими именно предлогами отвергнуты были ими предложенія объ устраненіи отъ работъ дѣтей школьнаго возраста, объ облегченіи работы женщинъ и т. д. Съ такихъ же высотъ интересовъ общаго блага оглядывали они враждебнымъ окомъ нашу кустарную промышленность. Что же касается общаго вопроса объ улучшеніи быта рабочихъ, то онъ даже заранѣе и, конечно, безъ всякихъ протестовъ, снятъ былъ предсѣдателемъ съ очереди на томъ основаніи, что съѣздъ призванъ рѣшать лишь вопросы «практики», а не блуждать въ темной области «абстрактныхъ и умозрительныхъ вопросовъ». Участвовавшіе на съѣздѣ представители «русской научной мысли», профессора высшихъ учебныхъ заведеній, и не подумали разоблачить это лицемѣрное прикрытіе либеральными терминами буржуазной гнусности. Напротивъ, всѣ реакціонные замыслы промышленниковъ они тутъ же закрѣпили своимъ ученымъ авторитетомъ, и, такимъ образомъ, надъ головами рабочаго люда былъ заключенъ здѣсь впервые прочный союзъ «двухъ фракцій» буржуазнаго міра.

Сопоставивъ первыя публичныя выступленія русской буржуазіи на съѣздѣ фабрикантовъ и промышленниковъ и на московской выставкѣ 1872 г. съ первыми же выступленіями Щедрина, какъ сатирика буржуазіи, я имѣю въ виду здѣсь исключительно торговую и промышленную буржуазію. Буржуазія землевладѣльческая, которая совпадала у насъ съ дворянскимъ сословіемъ, обратила на себя вниманіе сатирика гораздо раньше. Сатиры «Признаки времени» (1866—69 г.г.), «Гг. Ташкентцы» (1869—72 гг), «Дневникъ Провинціала въ Петербургѣ» (1872—73 г.г.)—посвящены были, въ значительной ихъ части, стяжательнымъ стремленіямъ дворянства послѣ эмансипаціи, и мнѣ приходилось уже въ другомъ мѣстѣ [1]) прослѣдить эволюцію этого сословія, какъ она отразилась въ Щедринской сатирѣ. Здѣсь до-

---

[1]) См. мою статью „Памятникъ россійскому дворянству въ сатирахъ Щедрина“. „Совр. Міръ“ 1906 г., октябрь—ноябрь.

статочно будетъ вспомнить, что «хищничество», какъ вѣянье пореформенной эпохи, было отмѣчено Щедринымъ еще въ 60-е гг., и честь инициативы этого новаго общественнаго «теченія» сатирикъ всецѣло приписываетъ нашему россійскому рыцарству. «Обогощайтесь!»—этотъ лозунгъ принадлежалъ дворянству, оно же и демократизировало его, пустивъ его въ самыя глубины русской жизни.

Разсказавъ въ 10-ой кн. «Отеч. Зап.» 1872 г. о расползаніи хищничества по всей странѣ подъ опытнымъ руководительствомъ «иностраннаго нашествія», сатирикъ ровно черезъ годъ (въ 10 кн. 73 г., въ статьѣ «Опять въ дорогѣ») имѣетъ возможность уже констатировать самостоятельное выступленіе истинно-русскаго хищника. Да и, въ самомъ дѣлѣ, долго ли научиться такому немудрому искусству, какъ выжиманіе соковъ изъ ближняго. На что, напримѣръ, талантливъ былъ по этой части еврей Ошмянскій, выступающій въ «Совр. Идилліи»? Поступивъ въ управляющіе къ князю Рукосую-Пошехонскому, онъ не могъ говорить о мужикѣ безъ того, чтобы въ углахъ его рта не набивалась слюна, которую онъ очень аппетитно присасывалъ. Онъ въ тонкости зналъ, какъ и когда слѣдуетъ ущемить мужика для извлеченія изъ него полезныхъ соковъ, но выжимать сокъ изъ крестьянъ ему удалось только въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ, потому что этого времени было съ избыткомъ достаточно для того, чтобы въ селѣ пришли въ совершенный разумъ «свои собственные евреи», въ лицѣ Астафьича, Финогеныча и Прохорыча, которые тѣмъ легче отбили у наглаго пришельца сосательную практику, что умѣли дѣйствовать и калякать съ мужикомъ по душѣ и по-божецки [1].

Сатира «Опять въ дорогѣ» совершенно умалчиваетъ о «засильѣ», взятомъ иноплеменниками, и вводитъ насъ въ царство истинно-русскаго хищничества. Въ центрѣ сатиры поставлена фигура типичнѣйшаго русскаго кулака Хрисашки, котораго мѣстный обыватель въ глаза называетъ теперь не иначе, какъ Хрисанфъ Петровичъ господинъ Полушкинъ-съ. Еще не такъ давно Хрисашка служилъ въ приказчикахъ. Былъ человѣкомъ услужливымъ и скромнымъ; если и поворовывалъ, то потихоньку. Смерть помѣщика положила начало его новой карьерѣ. Онъ примазался къ барынѣ, «сластить» ее сталъ, обобралъ и бросилъ. Теперь онъ хватаетъ такъ, словно у него не двѣ, а четыре руки. Лѣсами торгуетъ, 12 кабаковъ держитъ и при каждомъ кабакѣ у него лавочка. И вездѣ обманываетъ. Всю окружающую мѣстность «подъ свою державу подвелъ» и чувствуетъ себя господиномъ и столпомъ. Амвонъ себѣ въ церкви устроилъ, гдѣ прежде дворяне стаивали, алымъ сукномъ обилъ—стоитъ охорашивается.

Какъ ни кратковременно еще было здѣсь хищническое хозяйничанье Хрисашекъ, но оно успѣло дать—по свидѣтельству сатирика—весьма и весьма осязательные результаты. Получилось

---

[1]) Т. II, стр. 348.

впечатлѣніе, что «никому ничего не жалко; никто не заглядываетъ въ будущее; всякій спѣшитъ сорвать все, что въ данную минуту сорвать можно. И вотъ давно ли началась эта вакханалія, а окрестность уже имѣетъ обнаженный, почти безнадежный видъ. Пеньки, пеньки и пеньки»... [1]).

Хищники, выплывающіе изъ самыхъ нѣдръ крестьянской среды и быстро дѣлающіеся господами положенія, поражаютъ сатирика новизною своихъ пріемовъ. Они такъ неразборчивы въ своихъ средствахъ, такъ жестоки въ своихъ отношеніяхъ къ людямъ, что вся ихъ дѣятельность представляется сатирику отрицательною даже съ точки зрѣнія ея внутренней цѣлесообразности. Не подрубаютъ ли они сами тотъ сучекъ, на которомъ только-что усѣлись? Вѣдь та непомѣрная жадность, съ какою они принялись насыщать свои аппетиты, имъ же самимъ грозитъ въ будущемъ голоданіемъ. Вѣдь тамъ, гдѣ прошлись эти хищники, вмѣсто былого богатства, остались одни почернѣвшіе пеньки,—а не на пенькахъ же будутъ они создавать свое будущее благополучіе? Этотъ вопросъ долго оставался для Щедрина загадкой. Да и сами хищники не разрѣшали ее. Ихъ выручаетъ только тотъ безсознательный оптимизмъ, который вообще присущъ любимцамъ исторіи.

Когда Разуваевъ («Убѣжище Монрепо») захотѣлъ одобрительно отозваться о «нонѣшнихъ дѣлахъ», онъ облекъ свою похвалу въ такую странную формулу: «Народъ нынче очень ужъ оплошалъ, такъ, значитъ, только случая опускать не слѣдуетъ».

Конечно, сатирикъ не могъ удовлетвориться этой своеобразной формулой. По моему—удивился онъ,—ежели народъ оплошалъ, да еще вы случаевъ опускать не будете,—вѣдь этакъ онъ, чего добраго, и вовсе оплошаетъ. Откуда вы тогда барыши свои выбирать надѣетесь?

— Ахъ, вашескородье! йёнъ доста-а-нетъ!—далъ Разуваевъ классическій отвѣтъ.

Авторъ вслухъ назвалъ Разуваева «финансистомъ», чѣмъ тотъ остался польщенъ и доволенъ. Но про себя онъ никакъ не могъ примириться съ экономической политикой кулака и мысленно сравнивалъ ее съ дикой фантазіей сказачнаго владѣльца золотой курицы. Какъ извѣстно, владѣлецъ этой курицы, наскучивъ получать по одному яйцу въ день и желая заразъ воспользоваться всѣми будущими яйцами, зарѣзалъ курицу и, разумѣется, не только обманулся въ своихъ мечтаніяхъ, но утратилъ и прежній скромный доходъ. «Глупо!»—рѣшалъ Щедринъ, отожествляя въ своемъ сознаніи героя сказки съ современнымъ ему героемъ наживы.

А между тѣмъ Разуваевы, при всей ихъ поражающей безграмотности, творили свое разбойничье дѣло, такъ сказать, по строго-научной системѣ. Экономическая наука запада, въ лицѣ

[1]) Т. IV, стр. 299.

К. Маркса, выяснила историческую роль хищниковъ въ дѣлѣ организаціи капиталистическаго хозяйства, и наши доморощенные хищники безсознательно брали на себя задачу практически демонстрировать систему великаго ученаго, показать правильность не только въ смыслѣ объясненія фактовъ прошлаго, но и въ смыслѣ прогноза для будущаго.

Дѣло въ томъ, что Россія вступила на путь первоначальнаго накопленія, которое, по Марксу, есть накопленіе на одномъ полюсѣ общества богатства, на другомъ—нищеты. Эта поляризація является въ результатѣ мучительнаго процесса отдѣленія производителя отъ средствъ производства,—процесса, который, съ одной стороны, превращаетъ общественныя средства существованія и производства въ капиталъ, съ другой—непосредственнаго производителя—въ наемнаго рабочаго. Экспропріація сельскаго производителя, крестьянина—или—какъ у насъ сами крестьяне называли—«раскрестьянствованіе» составляетъ основаніе всего процесса.

Процессъ мучительный и жестокій; процессъ, повивальной бабкой котораго, по образному выраженію Маркса, служитъ насиліе. И если западная Европа пережила его съ мучительствомъ, быть можетъ, значительно меньшимъ, чѣмъ то, какого можно было ожидать при мощномъ развитіи въ ней капитализма, то не надо забывать, что необходимой и серьезной предпосылкой экономическаго развитія здѣсь было, какъ говоритъ Зомбартъ, «разграбленіе трехъ частей свѣта». Колоніальное хозяйство, игравшее такую огромную роль въ развитіи западно-европейскаго капитализма, развязывало хищникамъ руки и отодвигало всѣ границы въ присвоеніи произведенныхъ продуктовъ, потому что внутреннюю сущность колоніальнаго хозяйства составляютъ ничѣмъ неприкрытыя эксплоатація и разграбленіе чужихъ странъ и народовъ, свободныя отъ всякихъ соображеній объ обычаяхъ и законѣ [1]).

Россія не имѣетъ колоній и, за отсутствіемъ ихъ, весь этотъ беззастѣнчивый грабежъ до-капиталистическаго строя направленъ былъ исключительно внутрь страны. Не было внѣшняго рынка,—надо было создавать рынокъ внутренній, и этотъ послѣдній возможенъ былъ лишь при экспропріаціи крестьянскаго населенія страны. Надо было обездолить населеніе, чтобы сдѣлать его потребителемъ товарнаго рынка. На первый взглядъ такая постановка вопроса кажется странной. Щедрину она казалась даже глупой. Но среди противорѣчій, создаваемыхъ капиталистическимъ хозяйствомъ, это, быть можетъ, одно изъ самыхъ ничтожныхъ. Если нищающая крестьянская масса вынуждена была сокращать свое потребленіе, то вѣдь даже свои сократившіяся, сведенныя къ страшному minimum'у, потребности она, лишившись собственнаго хозяйства, могла удовлетворять все же

---

[1]) В. Зомбартъ. „Современный капитализмъ", стр. 304.

только при помощи рынка. Умаляется *потребитель*, но зато выростаетъ *покупатель*,—«йёнъ доста-а-анетъ», потому что, въ противномъ случаѣ, онъ долженъ будетъ окончательно сойти съ лица земли, на чемъ, собственно, ни Разуваевъ ни законъ экономическаго развитія не настаиваютъ.

Напротивъ, Разуваевы даже заинтересованы въ томъ, чтобы экспропріируемый ими крестьянинъ плодился и множился. Гдѣ можно, они готовы, не безъ барыша для себя, конечно, предоставить своимъ кліентамъ самыя разнообразныя уступки. Осипъ Ивановичъ Деруновъ на этомъ, главнымъ образомъ, и строитъ свою теорію, по которой въ сношеніяхъ съ мужиками отдается преимущество кулаку передъ бариномъ. Баринъ—разсуждаетъ Деруновъ—не можетъ непосредственно продать свою землю мужику, потому что барину нужны наличныя деньги, которыхъ у мужика нѣтъ. Но если между бариномъ и мужичкомъ будетъ введено посредствующее звено, въ лицѣ его, Дерунова, то въ выигрышѣ будутъ всѣ трое. Баринъ получитъ деньги, мужикъ землю, а онъ, Деруновъ, хоть и сдеретъ съ мужика втридорога, но зато онъ «насчетъ взысканій»—человѣкъ покладистый и снисходительный. «Не разоряю я—разсуждаетъ Деруновъ,—а исподволь взыскиваю. Вижу, коли у котораго силы нѣтъ—въ работу возьму. Ему пріятно, потому что онъ гроша изъ кармана не вынулъ, а ровно бы на гулянкахъ отработался, а мнѣ и того пріятнѣе, потому что я работой-то съ него вмѣсто рубля два получу»... [1]).

Ну, а если мужикъ, даже при этихъ «льготнихъ» условіяхъ, не осилитъ покупки, и земля опять очутится въ рукахъ того же кулака, такъ это, по глубокому убѣжденію Дерунова, можетъ послужить только къ мужицкой же выгодѣ. «Крестьянину дани платить надо, а не о пріобрѣтеніи думать... Такъ ему свыше написано. И по моему слабому разуму, ежели человѣкъ бѣдный, такъ чѣмъ меньше у него, тѣмъ даже лучше. Лишней обузы нѣтъ»...

III.

Разрисованный сатирикомъ во всей его кулацкой красѣ Деруновъ съ перваго же момента своего выступленія въ литературѣ (№ 1 «Отеч. Записокъ» за 1874 г.) сталъ нарицательнымъ названіемъ представляемаго имъ типа. Впослѣдствіи къ нему присоединились и даже раздѣлили съ нимъ славу Разуваевъ съ Колупаевымъ. Но они входятъ уже, собственно, въ почетную свиту Дерунова, являются варіаціями этого типа, такъ какъ мощная, словно изъ чугуна отлитая, фигура Дерунова одна могла бы служить достойнымъ памятникомъ породившей его эпохи.

Біографію Дерунова сатирикъ начинаетъ издалека со временъ крѣпостного права, когда этотъ типичный рыцарь нако-

[1]) Т. IV, стр. 143.

пленія и положилъ начало своей карьеры. Деруновъ по происхожденію—мѣщанинъ. Человѣкъ пріятной наружности, онъ еще въ молодости сдѣлался любимцемъ помѣщиковъ, среди которыхъ получилъ кличку министра. Въ купцы выписался до крестьянской эмансипаціи, обобравъ проѣзжаго, умершаго у него на постояломъ дворѣ. Значитъ, крѣпостное право его непосредственно не тяготило. Тѣмъ не менѣе въ тѣ времена ему было негдѣ развернуться. Можетъ быть, и скопился у него капиталецъ, да пристроить, по тогдашнему времени, было некуда. Рисковать въ то время было не въ обычаѣ; жили осторожно, прижимисто, какъ будто боялись, что увидятъ—отнимутъ. Только послѣ эмансипаціи Деруновъ перестал сколачивать по копеечкѣ, а принялся «орудовать». Онъ арендовалъ у помѣщиковъ винокуренные заводы, имѣлъ нѣсколько винныхъ складовъ, множество кабаковъ, торговалъ скотомъ и хлѣбомъ и всю мѣстную торговлю прибралъ къ своимъ рукамъ. Всякую чужую копейку онъ считалъ гулящей и не успокаивался до тѣхъ поръ, пока не залучитъ ее въ свой карманъ. Такова въ основныхъ чертахъ біографія не только одного Дерунова, но и всѣхъ другихъ рыцарей первоначальнаго накопленія, выведенныхъ на страницахъ Щедринской сатиры. Выплывшіе изъ самыхъ низовъ соціальной жизни, всѣ они отъ природы надѣлены сильными челюстями, зоркимъ взглядомъ и юркостью настоящихъ хищниковъ. Происхожденіе ихъ богатства непремѣнно окружено какой-то темной легендой, въ которой глаголы—одурманить, украсть, ограбить, убить—повторяются въ самыхъ разнообразныхъ сочетаніяхъ. Наконецъ, къ какому бы моменту ни было пріурочено обогащеніе этихъ хищниковъ, молодецкую удаль свою они развертываютъ во всю лишь послѣ эмансипаціи.

Экономическая исторія Россіи показываетъ, что художественная цѣльность созданныхъ сатирикомъ типовъ совпадаетъ съ ихъ жизненной правдивостью.

Были, конечно, случаи, когда отдѣльныя лица всплывали на поверхность изъ самыхъ нѣдръ крѣпостническихъ отношеній и являлись организаторами крупныхъ торгово-промышленныхъ предпріятій задолго до 1861 г. Таковъ, напр., Савва Морозовъ, выкупившійся изъ крѣпостного состоянія еще въ 1820 г. Сначала пастухъ, потомъ извозчикъ, ткачъ, скупщикъ, Савва Морозовъ, скончавшись въ 1862 г., успѣлъ даже и въ тѣ глухія времена оставить въ наслѣдство своимъ сыновьямъ двѣ крупныхъ фабрики. Но такихъ счастливцевъ было немного. При ничтожномъ развитіи у насъ товарнаго производства въ крѣпостную эпоху, при слишкомъ слабой имущественной дифференціаціи въ крѣпостной деревнѣ, мелкій производитель вполнѣ удовлетворялся мелкимъ же, раздробленнымъ сбытомъ. Денежныя средства, если они и оказывались въ результатѣ какой-нибудь темной исторіи или счастливаго случая въ карманахъ сѣраго мужицкаго армяка, не находили достаточнаго примѣненія. И только послѣ эмансипаціи, когда съ появленіемъ крупнаго рынка явилась потребность

и въ крупномъ, массовомъ сбытѣ, въ организаціи этого послѣдняго открытъ былъ широкій просторъ для дѣятельности деревенскихъ Ротшильдовъ. Тогда только они могли смѣло извлечь изъ потаенныхъ мѣстъ свои кубышки и, расправивъ крылья, хищными коршунами налетѣть на мирно дремавшія веси.

На первыхъ порахъ имъ предстояло разрѣшить серьезную и сложную экономическую проблему. Разрозненный, мелкій, случайный сбытъ, вызывавшійся изолированностью и неорганизованностью мелкаго производителя, имъ надо было превратить въ сбытъ концетрированный, крупный и регулярный, какой требовался условіями вновь созданнаго крупнаго рынка. Эту задачу навязывала хищникамъ исторія, и, конечно, почтенная старушка ни мало не позаботилась о томъ, чтобы выполнители ея предначертаній взялись за это дѣло чистыми руками. Вотъ когда началась у насъ вакханалія хищничества.

Въ періодъ острой марксисто-народнической полемики «ученики» не разъ ставили на видъ народникамъ, что эти послѣдніе въ оцѣнкѣ исторической роли у насъ торговаго капитала не сумѣли занять объективной позиціи ученыхъ изслѣдователей; что моральная сторона процесса концентраціи торговаго капитала заслонила отъ нихъ его экономическую природу. Въ глазахъ нѣкоторыхъ, наиболѣе ретивыхъ, «учениковъ» народники казались какими-то черезчуръ сентиментальными барышнями, готовыми источать слезы при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ.

Хорошо было «ученикамъ» посмѣиваться заднимъ числомъ надъ излишней будто бы слезливостью народниковъ, но положеніе народниковъ въ 70-е, да, пожалуй, и въ 80-е г.г. было далеко не изъ пріятныхъ.

Можно быть глубоко-убѣжденнымъ въ необходимости для вашего организма извѣстной операціи, но въ тотъ моментъ, когда ножъ хирурга впивается въ ваше тѣло, рѣжетъ и раздираетъ его, мысль о цѣлесообразности процесса поневолѣ отступитъ на задній планъ. Болевыя ощущенія завладѣваютъ вашимъ сознаніемъ, и вы будете стонать отъ боли, быть можетъ, громче, мучительнѣе какъ разъ именно въ ту минуту, когда въ глазахъ хирурга уже блеснетъ свѣтъ радости, торжествующей успѣхъ его кроваваго искусства.

А вѣдь народники и находились въ положеніи оперируемаго, потому что совершавшійся въ то время «процессъ концентраціи торговаго капитала» заполнялъ сознаніе, поражая его своей стихійной жестокостью. Не даромъ же наиболѣе чуткіе изъ свидѣтелей этого мучительнаго соціальнаго процесса съ негодованіемъ отворачивались отъ вопросовъ политики и въ мечтахъ о соціальной революціи искали отдыха отъ кошмарныхъ картинъ окружающей ихъ дѣйствительности.

Сильными челюстями своими Деруновы глубоко вонзились въ тѣло народа, и не было спасенія отъ ихъ ядовитыхъ укусовъ.

Не было бѣдствія, котораго они не сумѣли бы использовать въ интересахъ своего жестокаго дѣла. Голодъ, моръ, разоренье—все это шло лишь на пользу Деруновымъ, и они не стѣснялись подчеркивать это.

— Хлѣбомъ торгуете?—спрашиваютъ Дерунова.

— „Хлѣбомъ нынче за первый сортъ торговать. Насчетъ податей строго стало, выкупные требуютъ—ну, и везутъ. Иному и самому нужно, а онъ отъ нужды везетъ. Очень эта операція нынче выгодная“.

— Скотъ скупаете тоже?

— „И скотъ скупать хорошо, коли ко времю. Вотъ въ мартѣ кормы-то повыберутся, да и недоимки понуждать начнутъ—тутъ только не плошай! За безцѣнокъ цѣлые табуны покупаемъ.....“

— Лѣса, вино?

— „И лѣсами подобрались—дрова въ цѣнѣ стали. И вино—статья полезная, потому—воля. Я нынче фабрику миткалевую завелъ: очень ужъ народъ дешевъ...“

Жестокое дѣло требовало для своего выполненія жестокихъ людей. И этотъ истинный рыцарь наживы, Осипъ Ивановичъ Деруновъ, не останавливается ни передъ чѣмъ, когда дѣло касается его интересовъ, его страстей. Ему ничего не стоитъ продать свою жену сосѣднему помѣщику, какъ ничего не стоитъ погубить родного сына Якова только потому, что ему приглянулась жена послѣдняго, интимную связь съ которой онъ даже афишируетъ съ откровеннымъ цинизмомъ. Таковы и всѣ остальныя фигуры хищниковъ, вынырнувшихъ изъ низовъ народной жизни.

Таковъ Николай, старшій сынъ Дерунова, помогающій старику въ дѣловыхъ операціяхъ. Тоненькій, маленькій, съ ласково улыбающимися голубыми глазами, съ вьющимися каштановыми волосами, онъ очень напоминаетъ родителя, когда тотъ былъ молодъ, напоминаетъ его всѣми ухватками, за внѣшней мягкостью которыхъ ясно чувствуются острые когти жестокаго хищника.

Таковъ Антошка Стрѣловъ, «Антошка-кабатчикъ, Антошка-прасолъ, Антошка-закладчикъ, — словомъ, Антошка homo novus, выброшенный волнами современной русской цивилизаціи на поверхность житейскаго моря». Антошку въ началѣ его карьеры звали по разному. Звали его «стрѣлой», по причинѣ его необычайной стремительности. Звали его «стальной душой», такъ какъ говорили, что онъ отца родного промѣнять готовъ. Теперь зовутъ его не иначе, какъ Антономъ Валерьяновичемъ, потому что онъ—дѣлецъ, потому что при помощи завѣдомо подложнаго векселя онъ сумѣлъ устроить и упрочить свою карьеру.

Таковъ Пантелѣй Егоровичъ, создавшій свое благополучіе на капиталахъ купца Мосягина, котораго онъ опоилъ дурманомъ, предварительно завладѣвъ его женой. Теперь онъ кабатчикъ, доноситель и даже провокаторъ. Вотъ какъ, по его

собственному наивному разсказу, онъ собиралъ факты, уличающіе будто бы мѣстнаго помѣщика Парначева въ неблагонадежности. Мѣстные кулаки сильно не взлюбили Парначева за то, главнымъ образомъ, что онъ въ разговорахъ съ крестьянами совѣтовалъ имъ противопоставить кулачеству организацію артелей и кассъ. По тому времени и это было достаточно неблагонадежно. Но для того, чтобы окончательно уличить «смутьяна», Егоровъ приспособилъ къ приходу Парначева въ трактиръ такую хитрую «штучку»: «Какъ только они на крыльцо, а я сейчасъ, значитъ, къ машинѣ: *Коль Славенъ*..... это, значитъ, въ Сіонѣ-съ!.. И что-жъ вы бы думали—докладываетъ онъ исправнику—хоть бы онъ бровью пошевельнулъ! Посѣтители сидятъ, чай пьютъ, всѣ можно сказать, въ умиленіи, а онъ какъ вошелъ въ фуражкѣ, такъ и шмыгнулъ наверхъ-съ!..» Этотъ эпизодъ сильно будто бы оскорбилъ патріотическое чувство трактирщика: «Такъ оскорбилъ, такъ оскорбилъ-съ,—даже душа во мнѣ вся перевернулась!.. Помилуйте!... Тутъ публика... Чай кушаютъ... въ умиленіи-съ..., а они въ фуражкѣ!..» [1]).

Таковъ и знакомый уже намъ Фрисанфъ Петровичъ Полушкинъ,—«усластившій», а затѣмъ и обобравшій довѣрившуюся ему помѣщицу, а теперь хватающій, «словно у него не двѣ, а четыре руки».

Эта коллекція портретовъ извлечена мною только изъ «Благонамѣренныхъ рѣчей». Но не въ одной этой серіи сатиръ Щедринъ касается дѣятелей накопленія. И чтобы пополнить нашу галлерею, обратимся къ другимъ сатирамъ и прежде всего заглянемъ въ «Убѣжище Монрепо», вокругъ котораго вьется, подобно коршунамъ надъ стадомъ, нѣсколько новыхъ хищниковъ.

Егорка Груздевъ, выработавшій себѣ еще «въ подломъ видѣ» способность «кровопійствовать», дѣлаетъ при помощи одной этой способности блестящую карьеру. Никакихъ другихъ талантовъ у него нѣтъ. Онъ негораздъ и даже невѣжественъ, ретивъ только галдѣть, да зубы заговаривать, но, пуская въ ходъ одни лишь кровопивственные пріемы, изъ «прохвоста», какимъ считался въ молодости, превращается въ Егора Ивановича. О будущемъ онъ безпокоился мало: можетъ быть—разсуждалъ онъ—изъ него выйдетъ господинъ Груздевъ, а можетъ быть, онъ угодитъ на каторгу. Но онъ знаетъ, что и въ Сибири люди живутъ. Каторги ему, однако, какимъ-то чудомъ удалось миновать, и теперь *господинъ* Груздевъ щеголяетъ въ шитомъ мундирѣ, повсюду встрѣчаемый лестью и заискиваніями.

Антонъ Ивановичъ Разуваевъ,—авторъ классическаго изреченія: «йенъ доста-а-анетъ!»—выдѣляется изъ среды другихъ хищниковъ своей до неуязвимости доведенной наглостью. Плюнь ему въ лицо—онъ утрется. Свороти ему скулу,—онъ ее на старое мѣсто вправитъ. Потрясая своимъ бумажникомъ, онъ глубоко

---

[1]) Т. IV, стр. 94,

убѣжденъ, что въ деньгахъ скрывается сила всепобѣждающей аргументаціи. Когда-то «пользовался довѣріемъ» корнетши Отлетаевой, но съ объявленіемъ воли немедленно же бросилъ ее. Опериться, какъ слѣдуетъ, онъ еще не успѣлъ, но надежды не теряетъ и «дѣло» свое похваливаетъ. Желая во что бы то ни стало пріобрѣсти за грошъ старинную усадьбу Монрепо, Разуваевъ старается выжить ея владѣльца. Для этого онъ окружаетъ усадьбу сѣтью своихъ наблюденій и интригъ, пытаясь уличить помѣщика въ политической и даже нравственной неблагонадежности: «Правда ли—выспрашиваетъ онъ,—что баринъ живетъ въ грѣхѣ со скотницей Матреной?» «Въ обывательскихъ реестрахъ—удостовѣряетъ сатирикъ о Разуваевѣ—отмѣчено: «бывшій халуй. Занимается кабаками, а нынче сверхъ того и *интеллигенціей*».

Въ 80-е гг. сатирикъ показываетъ намъ Разуваева уже въ роли настоящаго «столпа» («За Рубежемъ»), мечтающаго даже о собственной газетѣ для пропаганды водокъ своего издѣлія («Современная идиллія»).

Сортомъ ниже будетъ кабатчикъ Колупаевъ, тоже одинъ изъ сосѣдей автора по «Монрепо». Этотъ далеко еще не постигъ тонкостей деликатнаго обхожденія,—при ѣдѣ обходится безъ помощи ножа и вилки, сморкается безъ помощи носового платка и т. д. Однако, при всемъ томъ гостепріимный домъ его является центромъ, объединяющимъ сельскую аристократію за игрой въ стуколку. Сатирикъ слѣдитъ за его судьбой съ неменьшимъ вниманіемъ, чѣмъ за судьбой Разуваева, и впослѣдствіи мы узнаемъ, что Колупаевъ точно также представляетъ «столпъ» («За Рубежемъ») и упрочилъ свое положеніе настолько, что «ѣздитъ нынѣ на мужикѣ». («Письма къ тетенькѣ»).

Мало замѣтный самъ по себѣ, Колупаевъ сталъ тѣмъ не менѣе всероссійской знаменитостью, такъ какъ, съ легкой руки сатирика, имя этого мелкаго хищника неизбѣжно ассоціируется съ именами болѣе крупныхъ представителей этого типа. И, когда рѣчь заходитъ о Деруновѣ и Разуваевѣ, названіе почтенной «фирмы» кажется неполнымъ, если вмѣстѣ съ этимъ не будетъ упомянутъ и Колупаевъ. Такова литературная традиція, установленная со временъ сатирика, и притомъ имъ же самимъ. Поэтому не будетъ здѣсь неумѣстнымъ вспомнить, что Колупаевъ—не созданіе фантазіи Салтыкова, а живой человѣкъ, быть можетъ, и понынѣ благополучно доживающій среди насъ свои старческіе годы.

По словамъ г. Е. Буринскаго, прожившаго вмѣстѣ съ М. Е. Салтыковымъ въ деревнѣ лѣто 1868 г., при нихъ въ качествѣ фактора состоялъ... самъ Колупаевъ. «Этотъ Колупаевъ—разсказываетъ г. Буринскій,—бывшій деньщикъ моего дяди, такъ умѣлъ вести свои дѣла, что тотчасъ же послѣ смерти своего барина-генерала оказался обладателемъ не одного десятка тысячъ рублей. Онъ открылъ большой табачный магазинъ, ссужалъ деньгами (и крупными суммами) подъ векселя за огромные проценты моло-

дыхъ гвардейцевъ, исполнялъ всевозможныя порученія по покупкѣ чего угодно, комиссіонерствовалъ на всѣ лады и т. п.

Салтыковъ никогда не могъ спокойно произнести фамилію нашего фактора. Скажите, Иванъ, вашъ отецъ тоже назывался Колупаевымъ, или вы сами себѣ придумали такую фамилію? Во всякомъ случаѣ, удачнѣе ничего быть не можетъ! Ко-лу-паевъ! Чертъ знаетъ, что такое!

Этотъ Колупаевъ зналъ, что фамилію его Салтыковъ обезсмертилъ, но былъ очень доволенъ и до самой смерти Салтыкова выказывалъ ему полное уваженіе и преданность. Подъ конецъ лѣта 1868 г. Салтыковъ просто не могъ обойтись безъ Колупаева: мебель ли купить, квартиру нанять, денегъ достать (было и это)— все поручалось Колупаеву, и Колупаевъ всегда оказывался на высотѣ оказаннаго ему довѣрія... конечно, не безъ выгоды для себя [1]).

Вся эта компанія Деруновыхъ, Разуваевыхъ и Колупаевыхъ, къ которымъ должны быть причислены кромѣ того купецъ Дрыгаловъ («Въ средѣ умѣренность и аккуратность»), Вздошниковъ («Современная идиллія»), Иванъ Ѳомичъ («Мелочи жизни»), Игнатьевъ («Сказки») и проч., и проч., очень характерна въ томъ отношеніи, что каждый изъ ея членовъ непремѣнно состоитъ въ роли «столпа» или, по крайней мѣрѣ, числится кандидатомъ на это почетное амплуа. Всѣ они находятся въ самыхъ милыхъ отношеніяхъ съ представителями власти,—съ ними вмѣстѣ пьютъ и въ карты играютъ, съ ними роднятся, имъ «содѣйствуютъ» при помощи добровольнаго выслѣживанія и доносовъ. Не даромъ же становой Граціановъ («Убѣжище Монрепо»), великодушно извиняя автору всѣ его либеральныя прегрѣшенія, не можетъ простить ему хулы... не противъ Духа Святого, нѣтъ—противъ кабатчиковъ. «Не раздражайте!— говорилъ онъ—не раздражайте гг. кабатчиковъ, ибо въ настоящее время на нихъ покоятся всѣ наши упованія». И то же самое, но только въ болѣе пространной и болѣе разработанной формѣ, внушалъ Граціановъ урядникамъ, доказывая имъ, что «дѣйствительнаго и истинно-плодотворнаго содѣйствія» власть можетъ ждать по преимуществу отъ гг. кабатчиковъ. Кабатчикъ, «онъ трезвъ, потому что такова задача его занятія. Онъ одинъ имѣетъ возможность трезвенно проникать въ глубины человѣческихъ сердецъ»...

IV.

Итакъ, кабатчики—«столпы». Они призваны поддерживать и охранять «священные устои нашего дорогого отечества»— семью, собственность, государство. И они, дѣйствительно, поддерживали и охраняли эти устои не за страхъ только, а за совѣсть.

Послушайте, напримѣръ, какъ распинается за «семейное

---

[1]) „Два слова о Салтыковѣ“ г. Евгенія Буринскаго. „Новое Время“ 1900 г, № 8907.

начало» Деруновъ, этотъ старый снохачъ, собственная супруга котораго, Анна Ивановна, съ его же вѣдома, находится въ интимныхъ отношеніяхъ съ помѣщикомъ Глафиринымъ:

— «Теперича мнѣ хоть какую угодно принцессу представь—развѣ я ее на мою Анну Ивановну промѣняю! Спаси Господи! Въ семью-то придешь—ровно въ раю очутишься! Право! Благодать, тишина, всякій при своемъ мѣстѣ! истинный рай земной!»

Осипъ Ивановичъ зѣвнулъ и перекрестилъ ротъ. Этотъ жестъ, конечно, здѣсь не совсѣмъ умѣстенъ, потому что обнаруживаетъ нѣкоторое равнодушіе фактора къ избранной имъ темѣ. Но зато вотъ Хрисанфъ Полушкинъ, тотъ самый, что въ четыре руки потрошитъ ближнихъ своихъ, тотъ не станетъ зѣвать, когда приведется ему защищать принципы собственности. Сосѣди, по крайней мѣрѣ, говорятъ о немъ: «если не только-что украсть у него, но даже если при немъ насчетъ собственности что-нибудь неладно сказать,—поди, чай, какъ завопитъ!..»

Разуваевъ, по наблюденіямъ сатирика, объ отечествѣ думаетъ, что это «падаль». На государство онъ прямо такъ и смотритъ, какъ на «расхожій пирогъ». Но когда ему надо вытѣснить конкурента, онъ и въ душу къ нему заглянетъ и горячо станетъ доказывать, что для государства, именно для государства, выгоднѣе, если чужою пустошью будетъ владѣть онъ, Разуваевъ, ибо онъ, а не признанный владѣлецъ ея, откроетъ здѣсь для правительства новые источники дохода. И доказывать это положеніе онъ станетъ съ такой убѣдительной настойчивостью, что заставитъ и мѣстнаго батюшку и становаго выступить адвокатами такой «государственной» точки зрѣнія [1]).

Щедрина могло глубоко возмущать такое дерзкое отожествленіе Разуваевымъ его личныхъ своекорыстныхъ расчетовъ съ интересами государства. Но теоретически Разуваевъ былъ правъ. «Государство—говоритъ Энгельсъ—возникло изъ потребности сдерживать классовыя противорѣчія. И такъ такъ въ то же время государство возникло внутри этихъ классовыхъ противорѣчій, то обычно оно становится государствомъ сильнѣйшаго, экономически господствующаго класса, который при его помощи дѣлается и политически господствующимъ классомъ и, такимъ образомъ, пріобрѣтаетъ новыя средства для подчиненія и эксплоатаціи угнетеннаго класса. Являясь, слѣдовательно, въ рукахъ господствующаго класса орудіемъ эксплоатаціи, государство и должно было предоставить себя въ распоряженіе новой создавшейся внутри его силы, отожествить себя съ нею».

Разуваевъ былъ правъ. Вопросъ только въ томъ, какія же, собственно, требованія могли предъявить къ государству рыцари наживы въ жестокій періодъ первоначальнаго накопленія «Способы первоначальнаго накопленія, по замѣчанію Маркса, представляютъ все, что угодно, но только не идиллію». И рыцарямъ

---

[1]) См. т. VII, стр. 373.

наживы нуженъ былъ во всякомъ случаѣ не правовой порядокъ. Если, какъ утверждаетъ сатирикъ, они и мечтали одно время насчетъ «конституцiевъ», то ихъ конституцiонныя желанiя были довольно-таки своеобразны.

«Намъ—мечтали Разуваевы и Колупаевы—чтобъ «конституцiевъ» дали, а толоконниковъ чтобъ къ намъ подъ началъ опредѣлили, да чтобъ за печатью: и нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ» [1]). И если бы Колупаеву даже во снѣ приснилась такая конституцiя, которая намекала бы на экономическое освобожденiе «толоконниковъ», то «я убѣжденъ—писалъ сатирикъ,—что Колупаевъ скорѣе самъ на себя донесъ бы исправнику, нежели допустилъ бы такую пропаганду на практикѣ» [2]).

Да, способы, которыми Разуваевы выполняли свое провиденцiальное назначенiе, ничего идиллическаго въ себѣ не заключали. Насилiе—вотъ факторъ первоначальнаго накопленiя. «Право насилiя»—вотъ вытекающiй отсюда лозунгъ, который должны были бы провозгласить рыцари накопленiя. Нѣчто подобное провозглашаетъ «чумазый» и у. Щедрина, когда на вопросъ: «что есть истина?» твердо и неукоснительно отвѣчаетъ: «распивочно и на выносъ!»

Само собой разумѣется, однако, что ни самъ «чумазый», ни тѣмъ менѣе покровительствующая ему власть не могли выступать публично съ такими цинично-откровенными лозунгами. Насилiе, въ какихъ бы грубыхъ формахъ оно не проявлялось, разъ оно становится орудiемъ государства или класса, нуждается въ прикрытiи,—оно должно быть замаскировано какой - нибудь, хотя бы даже и нехитрой, идеологiей.

Сатирикъ вскрылъ эту идеологiю съ удивительнымъ мастерствомъ.

Въ письмѣ къ Е. И. Утину (въ 1881 г.) Салтыковъ, объясняя основную идею «Благонамѣренныхъ Рѣчей», говоритъ, что онъ «обратился къ семьѣ, собственности и государству и далъ понять, что въ наличности ничего этого уже нѣтъ. Что, стало быть, принципы, во имя которыхъ стѣсняется свобода, уже не суть принципы даже для тѣхъ, которые ими пользуются». Сказано категорически: «ничего этого уже нѣтъ». Принципы стараго государственнаго режима отброшены, и притомъ отброшены самими же «столпами» новой слагающейся государственности. Ничего новаго на смѣну старымъ устоямъ «столпы» не выдвинули. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, голое насилiе возвести въ степень новой основы государственной жизни! Приходилось, волей-неволей, пользоваться старыми формулами и, всячески пережевывая ихъ, маскировать ими новыя отношенiя. И посмотрите, какъ ловко справляются съ этой задачей у Щедрина всѣ эти зубастые хищники и ихъ высоко и низко-поставленные покровители! Какъ искусно пустословятъ они,

---

[1]) Т. VIII, стр. 418.
[2]) Ibid.. стр. 409.

прикрывая отвратительную наготу свою пестрою тканью вывороченныхъ на изнанку пословицъ и другихъ изреченій обветшавшей мудрости. Словно самъ сатана давалъ имъ практическіе уроки діалектики по извѣстной системѣ Мефистофеля:

Für was drein geht und nicht dreiñ geht
Ein prächtig Wort zu Diensten steht.

Деруновъ началъ практическія занятія по пустословію еще будучи содержателемъ постоялаго двора. У него всегда на готовѣ для гостей было привѣтливое слово и пустословное разсужденіе въ родѣ того, что «прежде счетъ на ассигнаціи былъ, а нынче на серебро пошелъ». Встрѣчая помѣщичьяго сынка, возвращающагося домой на каникулы, Деруновъ прямо донималъ мальчишку поучительными разговорами:

— Это хорошо, что учителямъ потрафляешь,—поощрялъ, напримѣръ, онъ юнаго собесѣдника.—Въ науку пошелъ—надо потрафлять. Иной разъ и занапрасно учитель побьетъ, а ты ему: «покорно, молъ, благодарю, Августъ Карлычъ!»

Или вотъ образецъ на тему о почитаніи родителей:

— Чти родителей, потому что безъ нихъ вашему брату дѣваться некуда, даромъ, что ты востеръ. Вотъ изъ ученья выйдешь—кто тебѣ на прожитокъ дастъ? Жениться захочешь,—кто невѣсту припасетъ?—все родители! Такъ ты и утромъ, и вечеромъ за нихъ Бога моли: спаси, молъ, Господи, папыньку, мамыньку, сродственниковъ! Всѣхъ, сударь, чти!.. Я тоже родителей чтилъ, за это меня и Богъ благословилъ. Бывало, родитель-то гнѣвается, а я ему въ ножки! Зато теперь я съ домикомъ; своимъ хозяйствомъ живу»... и т. д. и т. д. все въ этомъ же родѣ.

Таковы образчики болѣе или менѣе невиннаго пустословія. Но изъ этихъ невинныхъ, на первый взглядъ, цвѣточковъ вызрѣваютъ по осени весьма ядовитаго свойства ягодки. Надобно только, чтобы задѣты были за-живое интересы самого пустослова; чтобы по пути къ чужому горлу, которое онъ вотъ-вотъ собрался перервать, встрѣтилось какое-нибудь препятствіе.

Запротестовали, напримѣръ, крестьяне противъ слишкомъ дешевыхъ цѣнъ, по которымъ Деруновъ скупалъ у нихъ хлѣбъ. Запротестовали и переѣхали на другой базаръ, въ другое село. Правда, ничего отъ этого крестьяне не выиграли. Напротивъ, задаромъ проѣздивъ тридцать верстъ, они должны были сбавить еще по 10 коп. съ пуда противъ назначенной Деруновымъ цѣны, потому что ихъ и тамъ настигли деруновскіе приказчики и накавали ихъ. И тѣмъ не менѣе Деруновъ, узнавъ объ этомъ происшествіи, вскипѣлъ негодованіемъ:

— Однако, это, братъ, въ нашихъ мѣстахъ новость! Скажи, пожалуй, стачку затѣяли! Да за стачки-то нынче, знаешь ли какъ!.. Испугать вздумали! Нѣтъ, братъ, ростомъ не вышли! Бунтовать не позволено!..

— Да какой же это бунтъ, Осипъ Ивановичъ, вступился авторъ, отъ имени котораго и ведется разсказъ.

— А по твоему, баринъ, не бунтъ? Мнѣ для чего хлѣбъ-то нуженъ? Самъ, что ли, экую махину съѣмъ!.. Въ казну, сударь, въ казну я его ставлю! Армію хлѣбомъ продовольствую! А ну, какъ у меня изъ-за нихъ, курицыныхъ сыновъ, хлѣба не будетъ! Помирать, что ли, арміи-то? По твоему, это не бунтъ?..

«На сей разъ—разсказываетъ сатирикъ—Осипъ Ивановичъ совершенно ясно и довольно нагло говорилъ мнѣ «ты». Онъ возмущался такъ искренно, что даже измѣнилъ своему обычному благодушію. Признаюсь откровенно, я и не подумалъ возразить ему. Соображеніе, что по милости мужиковъ, не соглашающихся взять *настоящую* цѣну, армія можетъ встрѣтить препятствіе въ продовольствіи, было такъ рѣшительно и при томъ такъ полно современности, что я даже самъ испугался, какимъ образомъ оно прежде не пришло мнѣ въ голову. Конечно, я понималъ, что и противъ такого капитальнаго соображенія не невозможны возраженія, но, съ другой стороны, что можетъ произойти, если вдругъ Осипу Ивановичу въ моемъ скромно выраженномъ мнѣніи вздумается заподозрить или «превратное толкованіе», или наклонность къ «распространенію вредныхъ идей»? Скажу я, напримѣръ, что при неисправности подрядчика военное вѣдомство можетъ распорядиться насчетъ его залоговъ, а онъ вдругъ растолкуетъ, что я арміи и флоты отрицаю, основы потрясаю, авторитетовъ не признаю! Развѣ этихъ примѣровъ не бывало?» [1]).

Какъ не бывать! Бывало, и даже слишкомъ много бывало. И тотъ же Деруновъ, считая себя призваннымъ читать въ сердцахъ, былъ далеко не безопасенъ не для однихъ крестьянъ. Вѣдь вотъ хотя бы исторія съ «кандауровскимъ бариномъ». Хорошо еще, что „вышнее" начальство вступилось за него,—„поступковъ ожидать" велѣло. Деруновъ не такъ терпѣливъ, чтобы ждать. Въ его глазахъ обвинительный матеріалъ противъ „кандауровскаго барина" былъ достаточно богатъ уже тѣмъ, что уличалъ барина въ чтеніе книгъ и въ нежеланіи вести компанію съ нимъ, Деруновымъ. „Не по-людски живетъ, ни съ кѣмъ хлѣба-соли не водитъ"—разсуждаетъ этотъ доброволецъ-охранитель и отсюда уже неожиданно умозаключаетъ: „А кто его знаетъ! Можетъ, онъ промежду себя революцію пущаетъ". И какъ ни счастливъ былъ „кандауровскій баринъ" заступничествомъ высшихъ властей, однако, совсѣмъ отбояриться отъ Дерунова и К° ему все же не удалось,—пришлось, таки, и „безъ поступковъ" въ Петербургъ удирать!

Хотя рѣчи Дерунова сплошь и рядомъ заключали въ себѣ угрозу, часто на дѣлѣ осуществляющуюся, но отъ этого онѣ не становились менѣе пустословными. Развѣ только-что угроза, про-

---

[1]) Т. IV, стр. 149.

рывавшаяся сквозь потоки пустословія, пріобрѣтала болѣе жестокія, а потому и болѣе страшныя формы. А между тѣмъ Деруновъ увлекался своимъ пустословіемъ, и собесѣднику его нерѣдко приходилось употреблять большія усилія, чтобы остановить оратора. „Не такой онъ былъ человѣкъ — вспоминаетъ сатирикъ,—чтобы скоро отстать".

Само собою разумѣется, что Деруновъ былъ достаточно уменъ для того, чтобы не придавать никакой вѣры своимъ разглагольствованіямъ, находившимся къ тому же въ полномъ противорѣчіи къ его личному поведенію. „Вслушайтесь въ тонъ, которымъ онъ произноситъ свои предики,—кажется, что онъ говоритъ серьезно и даже съ нѣкоторой нажимкой. И вдругъ прорвется нотка... ну, смѣется эта нотка, да и все тутъ! Смѣется, словно вотъ такъ и говоритъ: видишь, какія чудеса въ рѣшетѣ передъ тобой выкладываю! а ты все-таки слушай, да на усъ себѣ мотай! потому что я—столпъ"...

Я сосредоточилъ здѣсь вниманіе читателя на Деруновѣ, какъ на фигурѣ наиболѣе полно выписанной сатирикомъ.

Но приглядитесь внимательно ко всѣмъ этимъ Колупаевымъ, Разуваевымъ и иже съ ними и вы увидите въ нихъ такихъ же пустословов, какимъ только-что стоялъ передъ нами Деруновъ. Даже представители новой, пореформенной администраціи, эти подчищенные и подкрашенные Держиморды „добраго стараго времени"—Колотовы, Граціановы и др. — и тѣ неизбѣжно впадаютъ въ пустословіе каждый разъ, какъ только отъ безпрекословнаго выполненія „предначертаній" переходятъ къ самостоятельнымъ разсужденіямъ на злободневныя темы. И когда присмотришься ко всѣмъ этимъ фигурамъ, силою вещей вынужденнымъ облекать свои затаенные помыслы въ совершенно несоотвѣтствующую имъ шелуху праздныхъ словъ, начинаешь понимать, изъ какихъ элементовъ сложилась и выросла классическая фигура словоточиваго „кровопивушки"—Іудушки Головлева. Человѣкъ, лишенный всякаго нравственнаго мѣрила и не знающій истины, кромѣ той, которая значится въ азбучныхъ прописяхъ, невѣжда, сутяга, лицемѣръ, лгунъ и пустословъ, Порфирій Владимировичъ Головлевъ сконцентрировалъ въ себѣ всѣ отрицательныя черты своего безпринципнаго, хищническаго времени. Не даромъ же хроника семьи Головлевыхъ была задумана и писалась какъ разъ въ то время, когда писались сатирическіе очерки, посвященные „чумазому". Случалось даже, что эта хроника переплеталась съ портретами „чумазыхъ" и сливалась съ ними какъ бы въ одну общую картину. Нѣкоторыя главы изъ хроники семьи Головлевыхъ впервые даже и появились въ печати подъ заглавіемъ „Благонамѣренныхъ Рѣчей" и только впослѣдствіи, въ отдѣльномъ изданіи, были поставлены на соотвѣтствующее имъ мѣсто.

Сведя Дерунова къ Іудушкѣ, я никоимъ образомъ, однако, не намѣревался сливать эти двѣ характерныя фигуры. Отъ Де-

рунова Іудушку отличаетъ его дворянскій мундиръ и званіе отставного дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Эти отличительные признаки Іудушки очень существенные, и, надѣливъ ими своего трагическаго героя, художникъ поступилъ въ высокой степени благоразумно. Іудушка *могъ* пережить драму, разрѣшившуюся трагическимъ конфликтомъ. Деруновы способны были вносить трагическіе конфликты только въ чужую жизнь. Для переживанія собственныхъ трагическихъ конфликтовъ у нихъ просто не было времени. Едва ли они располагали досугомъ даже для того, чтобы подобно Молчалину, приступая къ обѣденному пирогу, вымыть руки, испачканныя ихъ кровавой работой.

V.

Во всѣхъ пореформенныхъ „вѣяніяхъ", отраженныхъ сатирою Щедрина, во всѣхъ „просвѣтительныхъ задачахъ" того времени, кѣмъ бы эти задачи не разрѣшались,—помпадурами или ташкентцами,—вездѣ и всюду чувствуется присутствіе „человѣка, питающагося лебедой". На спинѣ и бокахъ этого человѣка чертили свои скрижали всѣ историческіе дѣятели эпохи. Этотъ же человѣкъ былъ главнымъ объектомъ и деруновскихъ операцій. Деруновъ впрочемъ, даже и не чертилъ, а просто „сосалъ" человѣка и только иногда чуть-чуть скрашивалъ этотъ каннибальскій процессъ ласковыми улыбками и разговорами. Высасываемаго человѣка онъ называлъ крестникомъ и отвлекалъ его вниманіе прибаутками въ родѣ: „по-милу, да по-божески, ты за меня, я за тебя, а Богъ за всѣхъ"...

Однако, экспропріирующія функціи Деруновыхъ не замыкались никакими предѣлами. У нихъ были крѣпкія челюсти и хорошій аппетитъ, такъ что ограничивать свои вожделѣнія непремѣнно „человѣкомъ лебеды" не было ни основаній ни надобности. Мужикъ, такъ мужикъ, баринъ, такъ баринъ—не все ли равно? Охота на барина, правда, сопряжена съ большими трудностями, но зато и результаты ея виднѣе и осязательнѣе. И, конечно, Деруновы бариномъ отнюдь не брезговали [1]), какъ не брезговали они и пріемами выживанія баръ изъ ихъ наслѣдственныхъ усадебъ. Сатирикъ уже намекнулъ намъ мимоходомъ на печальную судьбу „кандауровскаго барина", выжитаго Деруновымъ изъ родовой усадьбы. Сатира „Убѣжище Монрепо" разрабатываетъ эту тему болѣе подробно и обстоятельно.

„Убѣжище Монрепо"—это одинъ изъ шедевровъ художественнаго мастерства сатирика. Въ этой удивительно яркой эпопеѣ дворянскаго разоренія больше всего поражаетъ искусство,

---

[1]) Профессоръ Фортунатовъ, основываясь на данныхъ земской статистики, утверждаетъ, что за періодъ со времени крестьянской реформы и до половины 80-хъ гг. ежегодная убыль дворянскихъ земель выражалась въ среднемъ цифрою трехъ процентовъ.

съ какимъ художникъ подмѣтилъ и подчеркнулъ *стихійность* процесса. Неизбѣжность рокового конца этого процесса чувствуется съ первыхъ же строкъ разсказа. „Finis Монрепо" надвигается какъ-то самъ собою, въ силу логическаго развитія, внѣ чьей бы то ни было воли лежащихъ причинъ. Самъ владѣлецъ усадьбы отнюдь не желаетъ разстаться съ ней. Напротивъ, онъ употребляетъ какъ будто бы всѣ усилія, чтобы сохранить родовое гнѣздо и провести въ немъ остатокъ дней своихъ. Съ этимъ уголкомъ связано у него столько дорогихъ воспоминаній, и за это онъ любитъ его. Любитъ, но въ словарѣ новаго времени такія сентиментальныя слова не числятся. Разуваевъ, тотъ не любитъ,—онъ просто *облюбовалъ* „Монрепо" и, въ интересахъ развитія своихъ хищническихъ операцій, желаетъ пріобрѣсти усадьбу. И вотъ, несмотря на явное нежеланіе разстаться съ усадьбой, несмотря даже на сопротивленіе торгашескимъ усиліямъ Разуваева, владѣлецъ чувствуетъ, что собственность ускользаетъ изъ его рукъ. Упорству его никто никакой цѣны не придаетъ, и всѣ окружающіе, начиная съ мѣстнаго „батюшки" и станового и кончая даже вѣрными слугами бывшихъ владѣльцевъ „Монрепо", — стараго крѣпостного Лукьяныча, садовника, Матрены-скотницы,—всѣ они видятъ въ Разуваевѣ будущаго владѣльца усадьбы. Для нихъ это дѣло рѣшенное, и вопросъ только во времени, когда, наконецъ, баринъ одумается и передастъ свои права „толстомясому".

«Неужели же я, въ самомъ дѣлѣ, продаю?—спрашивалъ себя владѣлецъ усадьбы:—Ежели продаю, то какимъ же образомъ я какъ будто не сознаю этого?»

Дѣло дошло до того, что всякій посторонній считалъ себя въ правѣ нѣкоторымъ образомъ наблюдать, не укрываетъ ли или не расхищаетъ ли баринъ какихъ-нибудь имуществъ, принадлежащихъ усадьбѣ. Колупаевъ даже провелъ рукой по обоямъ залы и сказалъ:

— Обои-то, кажется, новенькіе поставить сбирались?

— Сбирался.

— И купили, сударь?

— Купилъ.

— Такъ-съ. Въ сохранности, стало быть, лежатъ?

— Лежатъ.

Подъ напоромъ этого всеобщаго убѣжденія въ сознаніи неизбѣжнаго рока баринъ, наконецъ, и самъ понялъ, что «артачиться» и «хорохориться» долго нельзя, что «Монрепо», дѣйствительно, не можетъ принадлежать ему, барину, что оно все равно, рано или поздно, будетъ принадлежать Разуваеву, и покорно протянулъ руку за его бумажникомъ, которымъ тотъ давно уже дѣлалъ недвусмысленные пассы передъ носомъ барина.

Послѣднею каплею, переполнившей чашу упорства барина, было письмо, полученное имъ изъ Соломеннаго Городища отъ школьнаго товарища Ивана Косушкина («есть такая фамилія и

очень древняя»). Косушкинъ, точно также переселившійся изъ столицы въ свое собственное Монрепо, приглашалъ пріятеля къ себѣ въ гости и, между прочимъ, разсказалъ ему одинъ эпизодъ изъ посѣщенія его «любознательнымъ, но смирнымъ» начальникомъ.

„Пріѣхалъ ко мнѣ на новоселье, посидѣлъ, побесѣдовалъ и вдругъ задумался. «Такъ вы,—говоритъ—къ намъ?.. А знаете, я́, воля ваша, этого не понимаю: къ намъ... совсѣмъ... что же такое у насъ?... никто къ намъ... никто, никогда... и вдругъ»...—Да вѣдь надо же гдѣ нибудь жить?—«Такъ-то такъ... а все таки... ну, какую вы здѣсь прелесть нашли! Городишка самый пустой, бѣлаго хлѣба не сыщешь... никто къ намъ никогда... и вдругъ вздумалось!»... Это было такъ мило, что я не выдержалъ и расцѣловалъ его. И вотъ съ тѣхъ поръ мы друзья. Чтобъ окончательно его успокоить, я отвелъ въ домѣ квартиру для полицейскаго чина, истребилъ всѣ книги, вмѣсто газетъ выписалъ «Московскія Вѣдомости» и купилъ гитару. Все прошлое лѣто, днемъ и ночью, я держалъ окна настежь: приди и виждь!»

Письмо это—повторяю—переполнило чашу упорства владѣльца Монрепо, потому что и онъ испыталъ на себѣ тяжесть давленія со стороны добровольныхъ и призванныхъ разслѣдователей по части «сердцевѣдѣнія». И онъ убѣждался, что для осуществленія даже такой скромной претензіи, какъ неутѣснительное проживаніе въ собственной усадьбѣ, нужна *протекція*. «Я—разсказываетъ онъ—долженъ припомнить старинныя связи, долженъ утруждать напоминаніямъ о своемъ забытомъ существованіи, долженъ обращаться къ просвѣщенному содѣйствію. Конечно, въ этомъ содѣйствіи мнѣ не будетъ отказано и въ концѣ концовъ я получу, таки, право безнаказанно «артачиться» и «показывать кукишъ въ карманѣ»,—но, ради Бога, развѣ нельзя отъ одной мысли объ этой предварительной процедурѣ сойти съ ума?» И вотъ онъ бѣжитъ изъ Монрепо. И не только самъ бѣжитъ, но и другимъ «культурнымъ людямъ» совѣтуетъ—«сокращать и суживать границы своихъ земельныхъ владѣній», приближая ихъ къ типу дачъ. Дача, которая можетъ служить вмѣстѣ съ тѣмъ и «усыпальницей»—вотъ что остается въ утѣху отъ старыхъ временъ «культурному человѣку». Ибо ему пришла пора умирать. «Не умереть, а именно умирать, освобождаться отъ жизни постепенно, непостыдно, сладко», такъ какъ ему на смѣну идетъ въ лицѣ Деруновыхъ, Разуваевыхъ и Колупаевыхъ новый «дирижирующій классъ», за которымъ теперь уже тщательно ухаживаетъ, къ голосу котораго внимательно прислушивается правительственная власть.

Появленіе этой сатиры создала Щедрину поклонниковъ въ тѣхъ общественныхъ слояхъ, въ которыхъ до сихъ поръ имя его не произносилось безъ чувства раздраженія и злобы. Даже «Нов. Время» привѣтствовало это новое произведеніе, отмѣтивъ, что «сатира такъ же художественно закончена, какъ художественно начата». Но для того, чтобы угодить эстетическимъ вкусамъ ор-

гановъ, подобныхъ «Новому Времени», мало быть художникомъ,—для этого надобно еще попасть въ полосу господствующаго въ данный моментъ теченія. И, очевидно, названной сатирой Щедринъ въ такую именно полосу и попалъ. О томъ, какая это была полоса, можно съ достаточной опредѣленностью судить по тѣмъ же хвалебнымъ статьямъ нововременскаго критика. Но я предпочту, оставивъ его въ покоѣ, обратиться за разъясненіями въ «Русскую Рѣчь» (№ 12 за 1879 г.), гдѣ на ту же тему дана была статья («Критическія бесѣды») болѣе яркая и болѣе откровенная.

Авторъ этой статьи, Е. Л. Марковъ, сладкозвучный пѣвецъ дворянскихъ добродѣтелей, считаетъ «Убѣжище Монрепо» однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній талантливаго сатирика. Въ Монрепо критикъ улавливаетъ обобщенное олицетвореніе «хозяйственнаго и соціальнаго міровоззрѣнія когда-то ликовавшей дворянской жизни». Самъ же владѣтель Монрепо—«только наглядная аллегорія цѣлаго сословія, интеллигенціи цѣлаго вѣка; всѣ его особенности и свойства родовыя, а не личныя». И вотъ съ этой-то точки зрѣнія, сатира Щедрина представляется критику картиной рокового вымиранія «нашего культурнаго слоя»—дворянства,—не приспособленнаго къ непривычнымъ для него условіямъ новаго общественнаго климата. И какъ ни остры брошенныя сюда сатирикомъ стрѣлы, онѣ кажутся Маркову «ласковыми толчками пробуждающаго друга, рядомъ съ другими стрѣлами сатирика, неумолимо направляемыми въ иного, болѣе сильнаго, болѣе опаснаго и болѣе новаго врага. «Сравнительно съ нимъ, отжитой міръ наивнаго эгоизма, безсилія и бездѣльничанья кажется заманчивымъ пріютомъ гуманности и свободы». Словомъ, отожествляя Монрепо съ помѣстнымъ дворянствомъ, критикъ превращаетъ сатирика въ воинствующаго защитника «всей нашей культурной Руси».

«Съ негодованіемъ оскорбленнаго собрата, съ безжалостнымъ мужествомъ Брута» сатирикъ вступилъ въ смертный бой съ нѣкіимъ чуть ли не апокалипсическаго вида звѣремъ, имѣющимъ лапы Разуваева и голову Граціанова.

Критикъ увлекся. Воинствующимъ рыцаремъ Прекрасной Дамы, именуемой Дворянствомъ, Щедринъ никогда не былъ, и въ данномъ случаѣ критикъ приписалъ художнику свои собственныя настроенія. Однако, легенда, созданная Марковымъ, оказалась живучей. И когда много лѣтъ спустя другой, но гораздо болѣе трезвый, идеологъ дворянскаго сословія, К. Ѳ. Головинъ, снова заговорилъ о той же сатирѣ Салтыкова, онъ, принимая легенду, счелъ необходимымъ вступиться за сословную честь, будто бы приниженную сатирикомъ. Г. Головинъ указываетъ именно, что Щедринъ «пересолилъ» въ своей картинѣ дворянской зависимости отъ Разуваевыхъ и Граціановыхъ. «Помѣщикамъ—укоризненно замѣчаетъ современный критикъ—приходится дрожать передъ урядникомъ только на страницахъ его разсказовъ, и если ухаживаніе за Разуваемымъ входило не разъ въ программу дворян-

ской политики, то оно было во всякомъ случаѣ добровольно и основывалось на корыстныхъ расчетахъ. Какъ бы тамъ ни было, въ этомъ противупоставленiи разореннаго помѣщика Разуваеву съ компанiей нельзя не замѣтить, что тайныя симпатiи влекли Щедрина скорѣе къ людямъ его класса, чѣмъ въ сторону вновь народившихся представителей буржуазiи и преобразованнаго чиновничества» [1]).

Возможно, что «Убѣжище Монрепо», взятое внѣ всякой связи со всѣми остальными произведенiями сатирика, и создаетъ иллюзiю аппологiи помѣстнаго дворянства за счетъ буржуазiи. Возможность такой иллюзiи я допускаю потому, что экономика художественнаго строенiя этой сатиры требовала отъ автора исключительнаго вниманiя къ широкимъ обобщающимъ положенiямъ, которыя могли въ сознанiи извѣстнымъ образомъ настроеннаго читателя конкретизироваться въ желательномъ для него смыслѣ. Но вѣдь Маркову, когда онъ писалъ свою статью, извѣстенъ былъ цѣлый рядъ сатиръ, предшествовавшихъ «Убѣжищу Монрепо»; г. Головину знакомы были и всѣ послѣдующiя произведенiя Щедрина. А при такихъ условiяхъ трактовать Щедрина, какъ аппологета дворянскаго сословiя, или даже говорить о «тайныхъ симпатiяхъ» его къ сословiю нѣтъ ни малѣйшаго основанiя.

Въ другомъ мѣстѣ [2]) я имѣлъ уже случай подробно выяснить точку зрѣнiя Щедрина на ту роль, какую дворянство играло въ судьбахъ Россiи въ теченiе четырехъ десятилѣтiй (съ 50-хъ по 80-е г.г. прошлаго вѣка). Я попытался выяснить именно совершенно отрицательное отношенiе Щедрина къ дворянству. Насколько далекъ былъ сатирикъ отъ «тайныхъ симпатiй» къ дворянству можно судить потому, что даже лучшiе представители этого сословiя не нашли въ немъ ни поклонника ни заступника. Онъ былъ чуждъ дворянской «романтикѣ» и въ этомъ отношенiи онъ, дворянинъ по происхожденiю, былъ роднымъ по духу тѣмъ писателямъ-разночинцамъ, которые, подобно Чернышевскому, даже не могли безъ раздраженiя говорить объ «этихъ лѣнтяяхъ, дармоѣдахъ, трутняхъ, бѣлоручкахъ и тунеядцахъ à la Онѣгинъ». А вѣдь однимъ изъ такихъ «бѣлоручекъ»-романтиковъ и является, собственно, владѣлецъ Монрепо.

Если Шульце-Геверницъ, въ своемъ извѣстномъ трудѣ по изслѣдованiю общественнаго хозяйства Россiи, склоненъ былъ думать, что русскiй дворянинъ вообще не столько capital*ist*, сколько capital*esser*, то такими «капиталъ-ѣдоками» были именно дворяне-романтики типа владѣльца Монрепо. Совѣстливые «бѣлоручки», они съ грѣхомъ пополамъ могли вести свое крѣпостное хозяйство, потому что тамъ была «система», снимавшая съ нихъ обязанности личной инициативы и личной отвѣтственности. Но

---

[1]) К. Ѳ. Головинъ (Орловскiй). „Русскiй романъ и русское общество". Изд. 2-ое, СПБ., 1904 г.

[2]) Въ статьѣ: „Памятникъ россiйскому дворянству въ сатирахъ Щедрина".

теперь, съ крушеніемъ «системы», они очутились въ самомъ нелѣпомъ положеніи. Хищническое хозяйство пореформеннаго времени требовало такого напряженія индивидуальной предпріимчивости, къ какому они не были приспособлены. И такъ какъ предпріимчивость, въ условіяхъ наступившаго момента, выражалась, главнымъ образомъ, въ умѣніи выжимать соки изъ своего ближняго, то наши романтики оказались совершенно выкинутыми за бортъ плывущаго корабля. Своимъ брезгливымъ отношеніемъ къ грязному дѣлу «сосанія дурака» они только раздражали хищниковъ. И, конечно, Деруновъ имѣлъ свои основанія отождествлять враждебную отчужденность кондауровскаго барина «съ пущаньемъ промежду себя революціи». Эта ассоціація представленій кажется неожиданной только потому, что она нелѣпо выражена суконнымъ языкомъ невѣжественнаго кабатчика. Но въ ней есть смыслъ, и смыслъ этотъ хорошо былъ усвоенъ не только Деруновыми, но и самимъ дворянствомъ, въ которомъ совѣстливые романтики считались единицами, а къ хищничеству примкнула вся его плотная масса. О кондауровскомъ баринѣ мы знаемъ только, что отъ назойливаго вниманія уѣздныхъ сердцевѣдовъ онъ благополучно ускользнулъ въ столицу. Дальнѣйшее его благополучіе намъ неизвѣстно. Но зачѣмъ намъ интересоваться личною судьбою непремѣнно этого анонима, когда десятки другихъ ему подобныхъ прошли въ сатирахъ Щедрина передъ нашими глазами подъ сильнымъ перекрестнымъ огнемъ яростно преслѣдовавшихъ ихъ дворянъ помпадурскаго, ташкентскаго и всякаго иного типа?

«Тайныя симпатіи» къ дворянству, въ которыхъ г. Головинъ заподозрѣваетъ сатирика, могли выразиться у Щедрина развѣ въ томъ только, что съ нашествіемъ «чумазаго» какъ-то черезчуръ ужъ откровенно обнажились въ обществѣ низменные инстинкты. «Безсовѣстность, заручившись союзомъ съ невѣжествомъ и неразвитостью, выбросила на поверхность цѣлую массу людей, которые до того упростили отношенія къ вещамъ и лицамъ, что, не стѣсняясь, возводятъ насиліе на степень единственнаго жизненнаго регулятора... Такого нагло-откровеннаго заявленія «принциповъ» давно не бывало. Прежде, даже въ средѣ самыхъ отпѣтыхъ людей, можно было изрѣдка разслышать слова въ родѣ: великодушіе, совѣсть, долгъ; нынче эти слова окончательно вычеркнуты изъ лексикона торжествующихъ людей» [1]).

VI.

Указать на кабакъ и базаръ, какъ на источникъ тѣхъ ароматовъ, которые наполнили теперь Россію своимъ благоуханіемъ, не значитъ еще идеализировать дворянство или симпатизировать ему. Формулировавъ это свое наблюденіе, Щедринъ и здѣсь прозорливыми глазами своими отмѣтилъ то, что пережила и вся

¹) Т. X, стр. 343.

Европа. Въ цитированной уже нами работѣ Зомбарта подтверждается, какъ общее явленіе, что капиталистическій духъ вочеловѣчился среди болѣе выдѣляющихся лавочниковъ, въ сферѣ захолустныхъ ростовщиковъ. Пріобрѣтательскія стремленія въ выясненномъ смыслѣ—специфически плебейское душевное состояніе. Но потомъ сами они оказываютъ демократизирующее вліяніе и становятся настоящимъ фундаментомъ современнаго общества. Они дѣйствуютъ разрушительно, главнымъ образомъ, потому, что они быстро распространяются, какъ заразительная болѣзнь, и скоро охватываютъ всѣ круги населенія, даже людей болѣе или менѣе знатныхъ [1]).

Въ своихъ сатирахъ Щедринъ далъ цѣлый рядъ положеній, рисующихъ эпидемическую быстроту и неотвратимость, съ какими этотъ торгашескій духъ проникалъ въ эстетически развитыя души дворянъ. Сатирикъ заглянулъ даже въ интимную глубину самого процесса и въ образѣ «Кузины Машеньки» сумѣлъ посвятить насъ въ тайну превращенія сентиментальной барышни,—изящнаго, почти призрачнаго украшенія дворянскаго салона,—въ закоренѣлую хищницу, поглощенную исключительно однѣми стяжательными заботами. Впрочемъ, сатирикъ не любилъ останавливаться на грубо-кулацкихъ формахъ хозяйничанья мелко-помѣстнаго дворянства. Оно и понятно. На каждую кузину Машеньку въ любомъ уголкѣ Россіи приходилось по десятку Колупаевыхъ, только-что вылупившихся изъ хрупкихъ скорлупокъ, въ которыхъ замыкалась жизнь и дѣятельность «хозяйственныхъ мужичковъ». Машенька тонула въ массѣ хищниковъ, выставленныхъ самой пореформенной деревней, и особенно выдѣлять ее изъ этой массы не было никакихъ основаній.

Но съ тѣмъ большимъ вниманіемъ зато сатирикъ отнесся къ инымъ, болѣе сложнымъ формамъ хищничества, которыя, не требуя непосредственнаго общенія съ эксплуатируемымъ объектомъ, имѣли видъ «порядочности и даже щеголеватости». Въ противовѣсъ простому кулачеству, въ которомъ всегда можно указать на лицъ дѣйствующихъ и претерпѣвшихъ, въ сложномъ хищничествѣ—по характеристикѣ Щедрина (въ «Пестр. Письмахъ»)— «дѣйствующихъ лицъ совсѣмъ нѣтъ, и приходится удивляться, какимъ образомъ человѣкъ, котораго незадолго передъ тѣмъ знали безъ штановъ, въ настоящую минуту ворочаетъ милліонами». Здѣсь воровство имѣетъ видъ полезнаго занятія, хищники называютъ себя дѣльцами, а хищничество представляетъ собою «порядокъ вещей—ничего больше».

Дворяне - отцы, снабженные выкупными свидѣтельствами, облюбовали этотъ видъ хищничества немедленно же вслѣдъ за крестьянской реформой. Въ «Дневникѣ Провинціала» сатирикъ показываетъ, какъ они цѣлыми губерніями двинулись въ столицу и здѣсь въ ресторанахъ ведутъ таинственныя бесѣды на темы о

---

[1]) Зомбартъ, стр. 357.

«полезнѣйшихъ предпріятіяхъ», концессіяхъ, акціяхъ и т. п. пріятныхъ вещахъ. «Какія-то оливковыя личности, не то греки, не то евреи, не то армяне,—словомъ, какіе-то иконописные люди», успѣвшіе, впрочемъ, отгуляться у Бореля и Дюссо, были первыми учителями благороднаго сословія. Наука, повидимому, оказалась не изъ трудныхъ.

По крайней мѣрѣ, въ «Благонамѣренныхъ Рѣчахъ» недавніе ученики выступаютъ уже въ роли соблазнителей, даже руководителей господъ кабатчиковъ.

Деруновъ, къ которому въ качествѣ демона-искусителя явился изъ Питера нѣкій генералъ, нѣкоторое время упирался. Генералъ получилъ какую-то желѣзнодорожную концессію и звалъ Дерунова въ учредители, обѣщая ему баснословныя выгоды. Но Деруновъ подумалъ о Сибири и усумнился. Онъ и самъ понимаетъ, что «забыть бы объ ней надо», о Сибири-то,—«еще бы вольнѣй орудовать можно было!» Но пока еще слишкомъ широкія перспективы смущаютъ его.

Повидимому, только послѣ долгаго раздумья, послѣ спросовъ и разспросовъ у бывалыхъ и знающихъ людей, Деруновъ пошелъ на соблазнительное предложеніе генерала. И ужъ разъ взявшись за пугавшее его вначалѣ дѣло, онъ вошелъ въ него цѣликомъ, съ головой окунувшись въ омутъ «сложнаго хищничества». Онъ весь преобразился. Въ отлично сшитомъ сюртукѣ, въ рубашкѣ, сверкавшей ослѣпительной бѣлизной и брилліантовыми запонками, въ собольей шубѣ и съ новенькимъ цилиндромъ на головѣ, Деруновъ и велъ и чувствовалъ себя совсѣмъ не такъ, какъ въ только-что минувшіе дни своего кулачества. Съ исчезновеніемъ старозавѣтной обстановки, исчезла и прежняя загадочность: выжиманіе гроша втихомолку смѣнилось наглымъ вожделѣніемъ грабежа, и хотя старинный юморъ по временамъ еще сказывается, но имѣетъ уже характеръ случайный, искусственный. Очевидно, что Деруновъ оставилъ уже всякую оглядку, что онъ не будетъ впередъ ни колоколовъ лить, ни пудовыхъ свѣчей къ образамъ ставить, что онъ совсѣмъ бросилъ мысль о гривенникахъ и пятакахъ и задумалъ грабить наголо̀ и въ болѣе приличной формѣ. Всѣ мелкіе виды грабежа, производимые надъ живымъ матеріаломъ и потому сопровождаемые протестомъ въ формѣ оханья и криковъ, онъ представилъ сыну Николаю, самъ же занимается исключительно грабежемъ «отвлеченнымъ», не сопряженнымъ съ криками и стонами, но дающимъ въ нѣсколько часовъ рубль на рубль. Представленіе о Сибири онъ утратилъ или, вѣрнѣе, онъ и теперь еще помнитъ о ней, но знаетъ навѣрное, что Сибирь существуетъ не для него, а для «другихъ-прочихъ».

Какъ ни отрицательно относился Щедринъ къ Дерунову-кабатчику, но Деруновъ-денди, Деруновъ, окруженный бывшими полководцами и блестящей свитой великосвѣтской, военной и штатской молодежи, «калегвардами», прямо пугаетъ его своей

развернувшейся наглостью. Вѣдь Деруновъ-денди, ворочающій милліонами и располагающій огромнымъ вліяніемъ и связями, не перестаетъ оставаться все тѣмъ же «чумазымъ». Раньше, когда онъ своими пальцами колупалъ на базарѣ сало, когда онъ съ утра и до вечера предавался безконечной хозяйственно-пріобрѣтательской сутолокѣ, это трудовое мыканье могло оправдывать его въ его собственномъ мнѣніи. Теперь онъ оголенъ; онъ ходитъ праздно и, конечно, самъ сознаетъ, что въ его новой жизни нѣтъ и тѣни «труда», а есть только „ничѣмъ не прикрытое ерничество». «Русскій чумазый — говоритъ сатирикъ въ «Мелочахъ жизни»—перенялъ отъ своего западнаго собрата его алчность и жалкую страсть къ внѣшнимъ отличіямъ, но не усвоилъ себѣ ни его подготовки ни его трудолюбія». Въ разговорѣ на эту тему съ Бѣлоголовымъ Щедринъ замѣтилъ, что, будучи самъ «рабочимъ человѣкомъ», онъ не можетъ «не чувствовать уваженія къ той части западно-европейской буржуазіи, которая работаетъ съ утра до вечера самымъ добросовѣстнымъ образомъ и честнымъ трудомъ достигаетъ благосостоянія и обезпеченности; она обладаетъ весьма солидными познаніями и ея труды нерѣдко производительны для всего человѣчества. Не могу же я эту буржуазію ставить на одну доску съ нашей, съ какимъ-нибудь московскимъ фабрикантомъ, ворочающимъ милліонами, и который самъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о трудѣ; онъ даже въ техникѣ своего производства не имѣетъ ясныхъ понятій и не слѣдитъ за его усовершенствованіемъ, а ограничивается тѣмъ, что нанимаетъ для фабрики англичанина управляющаго, платитъ по 25.000 р. въ годъ, тотъ ведетъ дѣло, и нашъ фабрикантъ только или собираетъ деньги въ кубышку или спускаетъ ихъ въ Кунавино» [1]).

На основаніи этой бесѣды докторъ Бѣлоголовый дѣлаетъ наивную попытку доказать, что Салтыкову чуждо было соціалистическое міровоззрѣніе.

А между тѣмъ Салтыковъ отлично понималъ, что европейскій буржуа дошелъ до своего предѣла, дальше котораго ему двинуться некуда. Ни героизмъ ни идеалы ему не подъ силу. Онъ слишкомъ отяжелѣлъ, чтобы не пугаться при одной мысли о личномъ самоотверженіи, и слишкомъ удовлетворенъ, чтобы нуждаться въ расширеніи горизонтовъ. Блестяще написанная въ этомъ смыслѣ характеристика французскаго буржуа (въ очеркахъ «За рубежомъ») является лучшимъ аргументомъ противъ положенія Бѣлоголоваго [2]). Что же касается особливо подчеркнутаго Бѣлоголовымъ уваженія сатирика къ работоспособности западноевропейской буржуазіи, то оно показываетъ только желаніе собесѣдника оттѣнить причины своего отрицательнаго отношенія къ невѣжественной и праздной буржуазіи россійскаго типа. Изъ

---

[1]) Н. А. Бѣлоголовый. „Воспоминанія и др. статьи“. М. 1897 г., стр. 257

[2]) Т. VIII, стр. 590—593.

этого противопоставленія для насъ ясно только одно, что Салтыковъ просто упустилъ въ разговорѣ изъ виду, что не изъ чрева же матери появился на свѣтъ европейскій буржуа, вооруженный знаніемъ и энергіей [1]. Накопленію этихъ качествъ предшествовало на Западѣ длинная исторія, въ теченіе которой европейскія государства, по выраженію Маркса, «фабриковали фабрикантовъ искусственными средствами», при помощи протекціонной системы. Покровительственныя пошлины, вывозныя преміи, монополіи,— все это, и въ большихъ дозахъ, пускалось въ ходъ прежде, чѣмъ европейскій чумазый пріобрѣлъ болѣе или менѣе приличный видъ. Для достиженія этой цѣли европейскія правительства не разъ, по примѣру Кольбера, снабжали промышленниковъ первоначальнымъ капиталомъ непосредственно изъ государственныхъ фондовъ, а то при случаѣ—не отступали и передъ такими кровавыми операціями, какъ насильственное уничтоженіе всей промышленности въ зависимыхъ сосѣднихъ странахъ, какъ поступило англійское правительство съ шерстяной мануфактурой Ирландіи.

Нашъ чумазый, чуть ли ни съ перваго же момента своего публичнаго выступленія, началъ взывать къ государственному правительству. На первыхъ ступеняхъ своего соціальнаго развитія онъ способенъ лишь безтолково горланить объ этомъ.—Очеркъ «Опять въ дорогѣ» (напечатанъ въ 1873 г. въ 10 кн. „От. Зап.») даетъ, между прочимъ, живописную сценку у перевоза, возлѣ большого села, извѣстнаго производствомъ сапоговъ. Воздухъ насыщенъ сквернословіемъ. «Мать—мать—мать—ма-а-ать!»—словно горохъ перекатывается съ одного берега до другого. Это переругиваются съ перевозчиками мелкіе скупщики и мастера. Они жалуются на сердитыя времена: «сапогъ въ заминкѣ, совсѣмъ сапогъ остановился!» И хотя изъ разговоровъ явствуетъ, что заминка случилась, главнымъ образомъ, отъ неудовлетворительнаго качества сапога («прежде хоть кардону не жалѣли, а нынче и кардону стало жаль»), тѣмъ не менѣе все свое негодованіе чумазый обрушиваетъ на мѣшающихъ ему конкурентовъ. «Аршавскій сапогъ въ ходъ пошелъ—вотъ что!», и отсюда выводъ «надо запретить его. Извѣстно, отъ начальства поддержки не видимъ— вотъ и бѣдствуемъ!»..

Безсвязное галдѣніе внизу превращается на верхнихъ ступеняхъ чумазовской лѣстницы во властное велѣніе людей, сознавшихъ свою политическую силу. И не только изъ сатиръ Щедрина мы знаемъ, какимъ послушнымъ орудіемъ въ рукахъ чумазаго оказалась государственная власть. Заранѣе предсказанное сатирикомъ завоевательное движеніе чумазаго превращается въ тріумфальное шествіе, запечатлѣнное цѣлымъ рядомъ блестя-

---

[1] Въ „Убѣжищѣ Монрепо" сатирикъ, точно также изумляясь „неслыханному трудолюбію" европейскаго буржуа, говоритъ, что этотъ послѣдній завоевалъ себѣ общественное положеніе „не безъ участія кровопивства". Вл. Кр.

щихъ побѣдъ и одолѣній. Первую такую побѣду подарилъ русской буржуазіи 1877-й годъ, когда переведенныя на золото таможенныя ставки на всѣ товары сразу и огуломъ повышены были, по крайней мѣрѣ, на 50 %. И съ этого времени и до нашихъ дней вся наша таможенная политика, неуклонно прогрессируя въ одномъ только смыслѣ прогрессивнаго увеличенія тарифныхъ ставокъ, какъ будто поставила передъ собой единственную цѣль извлечь изъ потребителя всѣ соки на пользу и процвѣтаніе доморощенныхъ хищниковъ.

Вл. Кранихфельдъ.

Изъ воспоминаній участника земскихъ съѣздовъ.

Очередныя земскія собранія 1904 года встрѣтили значительныя препятствія формальнаго характера по проведенію извѣстныхъ ноябрьскихъ резолюцій съѣзда земскихъ дѣятелей. Въ то время внутренняя политика для земскихъ собраній являлась еще запретнымъ плодомъ. Губернаторы и большинство губернскихъ предводителей дворянства были поражены радикализмомъ ноябрьскихъ постановленій, и даже мнѣніе меньшинства вызывало въ нихъ страхъ и ироническія замѣчанія на тему о томъ, что мы не прочь бы получить и луну въ руки. Съ другой стороны, банкеты, устроенные по всей Россіи, принятыя на нихъ резолюціи и вообще сочувствіе всей интеллигентной Россіи положеніямъ, высказаннымъ на ноябрьскомъ съѣздѣ, заставляли многихъ изъ губернскихъ предводителей дворянства, боясь упрековъ въ обскурантизмѣ, найти такую форму постановленій земскихъ собраній, чтобы, съ одной стороны, не поплатиться лично за допущенное обсужденіе подобныхъ вопросовъ, а съ другой стороны—допустить если не обсужденіе ихъ по существу, то, по крайней мѣрѣ, принятіе такихъ резолюцій, за которыя не было бы стыдно предъ мыслящей Россіей. Исходъ былъ найденъ въ поднесеніи вѣрноподданныхъ адресовъ по случаю рожденія Наслѣдника. Первымъ этотъ путь примѣнило калужское собраніе. Среди массы любезныхъ фразъ и пожеланій были сдѣланы опредѣленныя указанія на необходимость реформъ внутреннихъ и на призывъ представителей страны къ дѣлу государственнаго строительства. Все это было сказано робко, но и это было ново и по тѣмъ временамъ смѣло. Мы съ нетерпѣніемъ ждали отвѣта Государя, такъ какъ отъ этого зависѣла возможность дальнѣйшаго проведенія черезъ собранія резолюцій по вопросамъ внутренней политики. Адресы слѣдующихъ губерній становились все опредѣленнѣе и опредѣленнѣе, хотя по формѣ оставались тѣми же робкими. Воронежское собраніе по случаю мобилизаціи было перенесено министромъ внутреннихъ дѣлъ на январь; это въ значительной степени облегчало нашу задачу проведеніе адреса приличнаго и по существу и по формѣ, а задача

эта была нелегкая. Когда 2 ноября 1904 года въ Москвѣ на засѣданіи земцевъ-конституціоналистовъ производили опросъ, сколько въ губернскихъ собраніяхъ каждой губерніи найдется гласныхъ, готовыхъ высказаться за опредѣленную конституціонную програму, то мы воронежцы (насъ было 5) долго считали и, наконецъ, заявили, что изъ всего собранія 8 человѣкъ выскажутся опредѣленно и 4 подъ сомнѣніемъ, остальные же, навѣрное, ее отвергнутъ. Воронежское собраніе было 12 января 1905 года, т. е. тотчасъ за кровавыми событіями въ Петербургѣ 9 января; эти событія сильно взволновали земское собраніе и въ значительной степени помогли провести адресъ. Комиссія изъ 12 человѣкъ, видя, что наиболѣе вліятельные члены правой еще не пріѣхали, рѣшила выработать редакцію адреса въ первый же день, не дожидаясь прибытія главарей правой. Предсѣдатель собранія заявилъ намъ, что онъ пуститъ всякую редакцію, какъ бы рѣзка она ни была, лишь бы за нее высказалось не менѣе $^2/_3$ членовъ собранія. Предсѣдатель собранія, ознакомившись съ проектомъ редакціи, не нашелъ возможнымъ обсуждать ее въ публичномъ засѣданіи, почему и пришлось устроить предварительно закрытое засѣданіе, продолжавшееся около 4-хъ часовъ и кончившееся тѣмъ, что намъ пришлось поступиться ясностью, сохранивъ, впрочемъ, смыслъ полностью. 13 января, въ день, назначенный для обсужденія адреса, домъ дворянскаго собранія, гдѣ происходили засѣданія земскаго собранія, былъ переполненъ публикой,—не только хоры, но и мѣста за коллонами представляли изъ себя сплошное море головъ; такого стеченія публики не собиралось, кажется, даже на концертъ Шаляпина. И публика, и гласные были настроены нервно, возбужденно; четырехчасовой перерывъ для закрытаго засѣданія еще болѣе приподнялъ настроеніе. Въ закрытомъ совѣщаніи рѣшено было выработанную въ немъ редакцію адреса принять въ открытомъ собраніи уже безъ преній, и только одинъ Н. А. Безруковъ заявилъ, что онъ будетъ возражать.

При гробовомъ молчаніи тысячной толпы былъ прочтенъ слѣдующій проектъ адреса: Государь! Воронежское губернское земское собраніе, приступая впервые послѣ рожденія Наслѣдника Цесаревича къ своимъ очереднымъ занятіямъ, проситъ Васъ, Государь и Государыня, принять его поздравленіе съ этимъ радостнымъ событіемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ собраніе, по долгу принятой присяги, не можетъ не высказать совершенно открыто то, что оно считаетъ правдой по отношенію къ переживаемымъ внѣшнимъ и внутреннимъ горестнымъ событіямъ, завершившимся на этихъ дняхъ зловѣщимъ кровопролитіемъ на улицахъ Вашей столицы. Глубоко потрясенное этимъ послѣднимъ, являющимся въ существѣ своемъ лишь однимъ изъ проявленій того неустройства нашего, которымъ порождены всѣ означенныя событія, неустройства офиціально признаннаго съ высоты Престола въ Вы-

сочайшемъ указѣ Правительствующему Сенату отъ 12 декабря 1904 года, собраніе твердо вѣритъ, что лишь немедленный призывъ свободно избранныхъ представителей всего народа для разработки реформъ, направленныхъ къ устраненію существующаго произвола и безотвѣтственности администраціи и къ водворенію господства права въ нашемъ отечествѣ, можетъ внести надлежащее успокоеніе и устранить распространеніе по всей Россіи подобныхъ же кровавыхъ событій, а также установить на незыблемыхъ основаніяхъ тѣ правовые устои, при которыхъ только возможны преуспѣяніе и дальнѣйшее развитіе дорогого нашего отечества. Сдѣлать это необходимо тѣмъ болѣе, что историческія условія, при которыхъ сложился современный нашъ строй, существенно измѣнились, внутренняя жизнь Россіи и ея задачи осложнились, общественное правосознаніе выросло. Только переустройство ея на началахъ истиннаго правового государства съ постояннымъ участіемъ народнаго представительства въ осуществленіи законодательной власти позволитъ нашей странѣ итти не позади, а рядомъ съ другими культурными европейскими государствами подъ скипетромъ Вашего Императорскаго Величества". Возраженіе Безрукова и отказъ 3-хъ членовъ собранія отъ подписи адреса были встрѣчены тоже молчаніемъ, но зато какъ только адресъ былъ принятъ большинствомъ 49 противъ 3-хъ, и предсѣдатель собранія объявилъ собраніе закрытымъ, раздался громъ аплодисментовъ и криковъ: „браво земцы!", „молодцы, честно выполнили свой долгъ!"; однако, скоро среди аплодисментовъ послышались свистки, шиканье, возгласы: „учредительное собраніе!", „не того просите!" „земцы мерзавцы!", „продаютъ!" и такъ далѣе. Гвалтъ поднялся страшный: обѣ группы демонстрантовъ стремились перекричать другъ друга. Вдругъ молодой сильный баритонъ, перекричавъ всѣхъ, провозгласилъ впервые подъ сводами дворянскаго собранія „извѣстную русскую поговорку". Крики, шумъ, свистъ, аплодисменты еще усилились. Въ это время часть публики, начавшая уже выходить на улицы, хлынула обратно въ залъ съ крикомъ: „на улицѣ полиція, арестовываетъ и бьетъ"; смятеніе увеличилось, послышались истерическія рыданія. По просьбѣ гласныхъ, губернскій предводитель дворянства попросилъ губернатора убрать полицію, что и было исполнено. Тогда присутствующіе потребовали освобожденія арестованныхъ (ихъ было три), на что тоже было получено согласіе губернатора, но тогда публика нашла необходимымъ, ранѣе освобожденія арестованныхъ, подвергнуть ихъ врачебному осмотру, чтобы выяснить вопросъ объ избіеніи ихъ при арестѣ; сейчасъ же были командированы два врача по выбору публики; произведеннымъ осмотромъ было установлено, что арестованные избиты не были. Собраніе было закрыто около пяти часовъ, а разошлась публика около 12 часовъ ночи. Демонстрація, произведенная

публикой послѣ принятія адреса, вызвала со стороны губернатора распоряженіе о закрытіи дверей, а гласные, находя это распоряженіе незаконнымъ, не подчинились ему и, отказавшись заниматься при закрытыхъ дверяхъ, разъѣхались. Адресъ въ концѣ концовъ попалъ въ руки Государя и безъ всякихъ на немъ отмѣтокъ былъ переданъ въ Комитетъ министровъ. Въ мартовскомъ экстренномъ собраніи были произведены выборы членовъ: 1) для участія въ общеземскихъ совѣщаніяхъ и въ комиссію; 2) для выработки проекта мѣропріятій по поводу рескрипта 18 февраля 1905 года. Въ составъ первой комиссіи вошли: К. К. Шуриновъ, П. Я. Ростовцевъ, А. Г. Хрущовъ и кандидатами: С. И. Шидловскій и В. Н. Томановскій. Такихъ результатовъ удалось добиться только потому, что представители правой не ожидали никакихъ милостей и благъ отъ этихъ съѣздовъ, они ясно видѣли въ тѣ времена, что здѣсь дѣло пахнетъ чѣмъ-то въ родѣ кутузки.

II.

Первый съѣздъ выборныхъ отъ губернскихъ земскихъ собраній происходилъ въ Москвѣ съ 22 по 26 апрѣля. Ему предшествовалъ цѣлый рядъ переговоровъ бюро съ представителями московской администраціи о допущеніи съѣзда; кончились эти переговоры, конечно, категорическимъ запрещеніемъ, о чемъ мы, всѣ участники съѣзда, были предупреждены черезъ мѣстныхъ губернаторовъ съ указаніемъ на тѣ статьи закона, по которымъ мы будемъ отвѣчать въ случаѣ ослушанія, но это запрещеніе насъ не безпокоило,—ни для бюро, ни для насъ не было никакого сомнѣнія, что съѣздъ состоится. Гораздо болѣе опасеній вызывали будущія постановленія съѣзда, составъ котораго былъ въ значительной степени обновленъ и дополненъ, при чемъ участіе новыхъ членовъ было для насъ обязательно, т. к. въ совѣщаніи могли участвовать лишь тѣ, кто были избраны своими губернскими собраніями. Могли, значитъ, попасть люди совершенно иныхъ съ нами взглядовъ. А между тѣмъ во взглядахъ общества за время съ ноября до апрѣля произошла огромная эволюція. Въ ноябрѣ земцы первые громко провозгласили декларацію правъ человѣка и гражданина и, какъ на гарантію ихъ, указали на необходимость конституціоннаго образа правленія, не вдаваясь правда въ детали, не предрѣшая вопроса объ избирательномъ законѣ и другихъ основахъ будущаго строя. Ко времени же созыва апрѣльскаго съѣзда русская интеллигенція пошла значительно дальше ноябрьскихъ постановленій: она выставила необходимость всеобщей, прямой, тайной и равной подачи голосовъ, уравненіе въ правахъ всѣхъ безъ различія вѣроисповѣданій и національностей, однимъ словомъ, выработала основу самой широкой демократической конституціи. Для насъ, сторонниковъ тѣхъ же взглядовъ,

участниковъ съѣзда, хотя и спѣвшихся уже между собой, но не рѣшившихся еще въ ноябрѣ или на земскихъ собраніяхъ провозгласить открыто свои взгляды, являлось сильное опасеніе, что взгляды эти, провозглашенные впервые въ земской средѣ, да еще столь разнородной, могутъ провалиться, а этимъ, конечно, была бы закончена историческая роль земства. Разъ же всѣ эти положенія будутъ приняты, то мы могли соглашаться и принимать резолюціи, призывающія общество къ послѣднимъ попыткамъ мирныхъ переговоровъ съ правительствомъ, ибо хотя большинство изъ насъ глубоко было убѣждено въ безцѣльности всякихъ обращеній къ правительству въ формѣ петицій и представленій, но и въ публикѣ, а главное, въ средѣ вновь избранныхъ земцевъ, многіе еще вѣрили въ возможность получить что-либо путное сверху, да и форма петицій къ правительству значительно облегчала проведеніе самыхъ резолюцій. Съѣздъ открылся и пошелъ безъ инциндентовъ со стороны полиціи. Докладъ по главному вопросу объ основаніяхъ желательной организаціи народнаго представительства въ Россійской Имперіи и о порядкѣ введенія въ жизнь представительныхъ учрежденій былъ сдѣланъ Ф. Ф. Кокошкинымъ. Это цѣлый научный трактатъ, чтеніе котораго заняло болѣе 4-хъ часовъ. Я не нахожу возможнымъ излагать его, а ограничиваюсь только тезисами къ нему, съ отмѣткой болѣе серьезныхъ возраженій за и противъ каждаго положенія. Вступительная формула была слѣдующаго содержанія: совѣщаніе земскихъ дѣятелей 22—26 апрѣля 1905 года, продолжая работу совѣщанія 6—9 ноября 1904 г. на основаніи установленныхъ имъ началъ и въ твердомъ убѣжденіи, что лишь правильное участіе народнаго представительства въ осуществленіи законодательной власти, установленіи государственнаго бюджета и въ контролѣ надъ дѣятельностью администраціи можетъ не только создать прочный правовой порядокъ, но и обезпечить успѣшное проведеніе мѣропріятій, настоятельно необходимыхъ для поднятія народнаго благосостоянія, пришло къ слѣдующимъ заключеніямъ [1]).

1) Въ организаціи народнаго представительства Россійской Имперіи не можетъ быть допущено ни сословное начало, ни, такъ называемое, представительство интересовъ (т. е. отдѣльные выборы отъ различныхъ классовъ, или группъ населенія).

Первая часть (о сословномъ началѣ) принята единогласно. Вторая часть (о представительствѣ интересовъ)—большинствомъ противъ 17.

2) Въ основу будущей постоянной организаціи народнаго представительства въ Россійской Имперіи должны быть положены слѣдующія начала:

---

[1]) Была принята единогласно безъ преній.

а) Необходимы выборы отъ населенія путемъ всеобщей, равной и тайной подачи голосовъ.

б) Вышеозначенные выборы отъ населенія должны быть прямые, т. е. представители должны быть избираемы непосредственно гражданами, имѣющими активное избирательное право.

в) Наряду съ представительнымъ собраніемъ, избираемымъ путемъ всеобщаго и прямого голосованія (палатой народныхъ представителей), должно быть образовано особое представительство отъ реорганизованныхъ на демократическихъ началахъ и распространенныхъ на всю Россійскую Имперію органовъ мѣстнаго самоуправленія.

г) Обѣ палаты должны быть равноправны.

Первые два тезиса его приняты большинствомъ 127 противъ 8 голосовъ группы Д. Н. Шипова. Самъ Д. Н. Шиповъ, хотя не выборный московскимъ земствомъ, былъ приглашенъ, какъ членъ бюро ноябрьскаго съѣзда. Въ рѣчи, сказанной имъ противъ всеобщаго избирательнаго права, онъ доказывалъ, что нельзя пренебрегать земствомъ, такъ много сдѣлавшимъ въ теченіе своего 40-лѣтняго существованія, что земство является единственной частью русскаго общества, привыкшаго къ общественной дѣятельности и умѣющаго не только стойко отстаивать свои права, но и добросовѣстно исполняетъ предъ народомъ свои обязанности и, что, являясь учрежденіемъ всесословнымъ, оно въ достаточной мѣрѣ удовлетворяетъ принципу всеобщности; дальнѣйшее же развитіе этого принципа можетъ лишить страну участія въ выработкѣ столь важныхъ законовъ наиболѣе организованную и подготовленную, въ смыслѣ общественной дѣятельности, группу общества. Пренія были довольно жаркія. Въ одной изъ рѣчей была даже сказана фраза: „пора вамъ, Д. Н., сбросить маску и сказать, зачѣмъ вы къ намъ пришли“, вызвавшая протестъ со стороны всѣхъ участниковъ съѣзда, потребовавшихъ объясненія; оказалось, что вызвана она была тѣмъ обстоятельствомъ, что въ газетѣ „Русь“ была напечатана записка Шипова съ указаніемъ на необходимость законосовѣщательнаго учрежденія; въ запискѣ же, розданной при входѣ на съѣздъ, вопросъ о дѣятельности будущихъ народныхъ представителей былъ обойденъ молчаніемъ. Вообще положеніе Д. Н. Шипова было не изъ легкихъ: первый инипіаторъ земскихъ организацій, колоссальный организаторскій талантъ, сумѣвшій объединить всю земскую Россію, дѣйствовавшій все время только въ силу своихъ убѣжденій, Д. Н. очутился въ положеніи курицы, высидѣвшей утятъ. Изъ всей его группы теперь остались вѣрны славянофильскому теченію онъ, М. А. Стаховичъ, да, кажется, еще Хомяковъ, хотя послѣдній пошелъ, повидимому, дальше направо. Голосованіе дало въ пользу

проекта Шипова только 8 голосовъ, и больше на засѣданіяхъ онъ уже не появлялся.

Большіе споры вызвалъ вопросъ о двухъ палатахъ, равныхъ въ своихъ правахъ. Въ концѣ концовъ было поставлено на баллотировку три предложенія; одно большинства и два меньшинства.

3) Мнѣніе большинства (71 голосъ). Первое представительное собраніе. главной задачей котораго будетъ установленіе государственнаго правопорядка Россійской Имперіи, должно состоять изъ одной палаты народныхъ представителей, избранныхъ путемъ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія.

Мнѣніе меньшинства (37 голосовъ). Первое представительное собраніе, главной задачей котораго будетъ установленіе государственнаго правопорядка Россійской Имперіи, должно состоять изъ народныхъ представителей, избранныхъ путемъ всеобщаго, равнаго, тайнаго, но двухстепеннаго голосованія.

Мнѣніе меньшинства (17 голосовъ). Первые выборы въ представительное собраніе должны быть произведены:

а) въ земскихъ губерніяхъ—губернскими земскими собраніями, пополненными представителями крестьянскаго населенія и рабочихъ. тамъ, гдѣ развита фабричная промышленность, а также городскими думами значительнѣйшихъ городовъ, пополненными представителями городского рабобочаго класса и высшихъ учебныхъ и ученыхъ учрежденій;

б) въ внѣземскихъ губерніяхъ (9 губерній Западнаго края, Область Войска Донского, Прибалтійскія, Привислинскія губерніи) должны быть введены коллегіи на началахъ, на коихъ организованы земскія учрежденія;

в) примѣненіе къ остальнымъ окраинамъ общаго избирательнаго закона должно составить предметъ занятій перваго собранія народныхъ представителей съ привлеченіемъ делегатовъ отъ окраинъ.

Далѣе на съѣздѣ были приняты еще слѣдующія резолюціи:

4) Никакое правильное представительное собраніе, однако, невозможно до тѣхъ поръ, пока не будутъ предоставлены населенію неприкосновенность личности, свобода слова, печати и собраній, и пока не будутъ повсемѣстно отмѣнены положенія объ усиленной охранѣ, а также административная карательная власть земскихъ начальниковъ и сельскаго и волостного начальства.

5) Только немедленный созывъ народнаго представительства съ правомъ участія въ осуществленіи законодательной власти можетъ привести къ мирному и правильному разрѣшенію насущныхъ политическихъ, общественныхъ и экономическихъ вопросовъ современной жизни Россіи.

6) Если окажется, что представители земства и городовъ могутъ участвовать въ особомъ совѣщаніи подъ предсѣдательствомъ гофмейстера Булыгина по выбору общественныхъ учрежденій, а не по приглашенію правительства, и при томъ на равныхъ правахъ съ правительственными членами совѣщанія, и если участіе въ выборахъ такихъ представителей будетъ предоставлено всѣмъ губернскимъ земскимъ собраніямъ, то желательно, чтобы они участвовали въ совѣщаніи во всѣхъ стадіяхъ его дѣятельности. Въ противномъ случаѣ общественнымъ дѣятелямъ лучше было бы уклониться отъ участія въ этихъ совѣщаніяхъ. Но и при участіи общественнаго элемента дѣятельность совѣщанія можетъ быть лишь тогда плодотворна, если она будетъ доступна самой широкой гласности.

7) Задача особаго совѣщанія, подъ предсѣдательствомъ гофмейстера Булыгина, должна заключаться въ выработкѣ: а) порядка избранія представителей въ первое представительное собраніе, которое должно имѣть право участія въ осуществленіи законодательной власти; б) общихъ условій, необходимыхъ для производства свободныхъ выборовъ, а именно: отмѣны положенія о мѣрахъ къ охранѣ государственнаго порядка и спокойствія отъ 14 августа 1881 г., широкой политической амнистіи, отмѣны дискреціонной власти надъ крестьянами земскихъ начальниковъ и волостного и сельскаго начальства, установленія права собраній и союзовъ и права свободнаго выраженія мысли путемъ слова и печати.

8) Главной задачей перваго представительнаго собранія должно быть не столько законодательство по частнымъ вопросамъ, сколько установленіе государственнаго правопорядка.

Б. По вопросу объ участіи земскихъ дѣятелей въ правительственныхъ комиссіяхъ.

9) Совѣщаніе, признавая, что въ настоящее время бюрократическая законодательная работа совершенно безплодна и нежелательна, полагаетъ, что земскимъ дѣятелямъ надлежитъ относиться отрицательно къ участію въ правительственныхъ комиссіяхъ и въ частности въ комиссіи по пересмотру земскаго положенія.

10) Совѣщаніе, относясь отрицательно къ возможности организовать борьбу съ холерой, на основаніи правилъ 11 августа 1903 г., находитъ необходимымъ настаивать на немедленной пріостановкѣ, а затѣмъ и отмѣнѣ этихъ правилъ. Всѣ мѣропріятія и работы по борьбѣ съ холерой должны быть сосредоточены въ рукахъ органовъ общественнаго самоуправленія, коимъ по закону вмѣнена обязанность заботиться о народномъ здравіи вообще и борьба съ заразными болѣзнями въ частности.

11) Совѣщаніе признаетъ невозможнымъ для общественныхъ дѣятелей принимать участіе во временныхъ уѣздныхъ комиссіяхъ, учреждаемыхъ

на основаніи Высочайшаго указа отъ 10 апрѣля 1905 г., о порядкѣ возмѣщенія убытковъ, нанесенныхъ владѣльцамъ усадебъ, торговопромышленныхъ заведеній и проч. крестьянскими безпорядками въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, т. к. сама организація въ этихъ комиссіяхъ разбирательства дѣла о вознагражденіи потерпѣвшихъ находится въ противорѣчіи съ принципомъ права, требующимъ безпристрастнаго рѣшенія законнаго суда, не соотвѣтствуетъ нравственнымъ понятіямъ многихъ лицъ и вызоветъ не успокоеніе населенія, а новое обостреніе классовыхъ интересовъ. Для правильнаго и мирнаго разрѣшенія вопроса объ отвѣтственности участниковъ вышеозначенныхъ безпорядковъ необходимо немедленное упраздненіе названныхъ комиссій и передача подвѣдомственныхъ имъ дѣлъ общимъ судебнымъ установленіямъ.

В. По вопросу о проведеніи въ жизнь вышеприведенныхъ положеній совѣщаніе постановило выразить слѣдующія положенія:

1) чтобы заключенія совѣщанія черезъ посредство бюро и членовъ совѣщанія были преданы возможно широкой гласности,

2) чтобы члены совѣщанія довели его заключенія до свѣдѣнія подлежащихъ земскихъ собраній,

3) чтобы губернскими и уѣздными земскими управами были приняты мѣры для ознакомленія мѣстнаго населенія съ содержаніемъ Высочайшаго указа 12 декабря 1904 года и Высочайшаго рескрипта на имя министра внутреннихъ дѣлъ 18 февраля 1905 года,

4) чтобы въ ближайшемъ будущемъ были созваны губернскія земскія собранія для обсужденія положенія дѣлъ, созданнаго Высочайшимъ рескриптомъ 18 февраля 1905 года, и для представленій о необходимости отмѣны указа 10 апрѣля 1905 года о порядкѣ возмѣщенія убытковъ, нанесенныхъ владѣльцамъ усадебъ и торговопромышленныхъ заведеній крестьянскими безпорядками въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ.

На этомъ съѣздѣ впервые былъ возбужденъ и аграрный вопросъ, разработкой котораго занималось уже и ранѣе бюро группы конституціоналистовъ, результатомъ чего былъ аграрный съѣздъ 27—29 апрѣля сего года. Такимъ образомъ, ноябрьскій съѣздъ провозгласилъ декларацію правъ человѣка и гражданина, апрѣльскій же выработалъ и установилъ тѣ начала, на которыхъ долженъ быть созданъ основной законъ Россійской Имперіи.

Такъ обстояло дѣло, когда послѣ Цусимскаго пораженія мы были вызваны тревожными телеграммами Ф. А. Головина въ Москву на 24 мая. Оказалось, что къ этому времени собрались въ Москвѣ городскіе головы почти изъ всей Россіи, Шиповская группа и земцы конституціоналисты; въ виду этого, бюро рѣшило собрать земскій съѣздъ для того, чтобы совмѣстно

съ всѣми этими группами сдѣлать послѣднюю попытку добиться чего-либо отъ правительства. Коалиціонный съѣздъ имѣлъ еще болѣе пеструю физіономію, чѣмъ съѣзды земскіе,—здѣсь была самая разнообразная публика. Въ соединенное бюро было представлено два проекта петиціи на имя Государя, но оба они были забракованы,—одинъ, какъ слишкомъ рѣзкій, а другой, по причинѣ обратной. Тогда за составленіе петиціи взялся С. Н. Трубецкой. Весь первый день ушелъ на пренія по поводу составленнаго имъ адреса.

Взгляды членовъ собранія были до такой степени различны, что въ первый день мы начали терять надежду сговориться на чемъ-нибудь; адресъ Трубецкого былъ забракованъ, и была избрана особая комиссія, въ составъ которой вошелъ тотъ же Трубецкой, а вечеромъ пошли сговоры; большинство доказывало, что заявленіе объединенныхъ группъ, хотя и не вполнѣ опредѣленное, должно обязательно произвести давленіе на правительство, что нѣтъ основаній спорить изъ-за редакцій, нѣтъ основаній требовать опредѣленности выраженій, такъ какъ уже самый фактъ пріема депутаціи будетъ очень важенъ, а еще важнѣе будетъ то, что скажетъ она на словахъ. Многіе открыто заявляли, что они уже извѣрились въ путь петиціи и соглашаются на нее, дабы убѣдить тѣхъ, которые надѣются еще получить что-либо этимъ путемъ. Благодаря такимъ соображеніямъ въ концѣ концовъ былъ принятъ текстъ петиціи, собственно, неудовлетворящій ни одну изъ группъ, но зато была избрана депутація исключительно изъ представителей конституціонныхъ требованій.

Пріемъ депутаціи, вся обстановка пріема и призенесеніе рѣчи, какъ все это было изложено въ газетахъ, произвели на вѣрившихъ еще въ возможность полученія чего-либо сверху, довольно пріятное впечатлѣніе и внесли нѣкоторое успокоеніе. Правда, и намъ, не вѣрующимъ, стало нѣсколько легче; уже не только гг. земскіе начальники и дворяне изъ охранителей, но и губернаторы должны были пообождать съ кличками „крамольники", враги отечества и т. д., а уже одно это давало возможность болѣе свободно и опредѣленно вести дѣло во всякихъ собраніяхъ и прекрасно вліяло на нейтральныхъ и колеблющихся; но недолго такъ обстояло дѣло. Вслѣдъ за депутаціей городскихъ и земскихъ дѣятелей пошли депутаціи членовъ союза разныхъ „Русскихъ людей", посыпались адресы и приговоры разныхъ обывателей просившихъ совсѣмъ иного, чѣмъ земцы. Вмѣстѣ съ тѣмъ огромныя области объявлялись не только на положеніи усиленной охраны, но и на военномъ положеніи, начались репрессіи, положеніе печати ухудшилось, различныя правительственныя комиссіи продолжали работать по самымъ важнымъ государственнымъ вопросамъ, какъ будто никакого измѣненія курса во внутренней политикѣ не произошло

и не предстояло; усилились преданія военному суду политическихъ преступниковъ, и начались казни; все это ясно указывало на усиленіе реакціи. 1 іюля состоялось воронежское губернское собраніе, которому комиссія о государственныхъ улучшеніяхъ должна была представить свой докладъ. Уже при занятіяхъ комиссіи видно было, какъ рѣзко измѣнились обстоятельства, видно было, что вѣтеръ подулъ уже съ другой стороны; наши „генералы", благоразумно уклонившіеся отъ подписанія адреса въ январѣ, опоздавъ на день въ собраніе, говоря, что они не считаютъ себя въ правѣ подписать то, въ обсужденіи чего они не участвовали, теперь принимали самое дѣятельное участіе не только въ составленіи доклада, но и въ проведеніи его въ земскомъ собраніи. Избраніе комиссіи было по формальнымъ основаніямъ опротестовано губернаторомъ, но въ первый же день эта формальность была устранена, и докладъ былъ представленъ въ собраніе. Принятію его, правда, предшествовали частныя совѣщанія и бесѣды по гостиницамъ, но тѣмъ не менѣе онъ былъ принятъ единогласно при 66 членахъ, при чемъ его приняли даже тайные совѣтники въ родѣ И. А. Звегинцева, члена совѣта министерства внутреннихъ дѣлъ, только-что возвратившагося изъ Курска, гдѣ онъ „усмирялъ аграрные безпорядки". Противъ него не возражалъ даже теперешній воронежскій губернаторъ М. М. Бибиковъ.

Докладъ комиссіи по усовершенствованію государственнаго благоустройства.

Приступивъ къ исполненію возложенной на нее задачи, комиссія имѣетъ честь представить на благоусмотрѣніе губернскаго собранія нижеслѣдующія соображенія и основанныя на нихъ выводы.

Господствующій въ Россіи приказный строй породилъ нынѣ нами переживаемый глубокій разладъ между страною и правительствомъ. Когда правительство ставитъ себя въ странѣ какъ независимая высшая сила, признающая интересы общаго блага исключительно своимъ удѣломъ и низводящая народъ до степени агломерата пассивныхъ подвластныхъ, тогда не можетъ не проявиться подобнаго разлада. Онъ разростается все болѣе и болѣе, выразившись въ самомъ возникновеніи и ходѣ настоящей войны и въ переживаемомъ ураганѣ внутреннихъ событій: январскихъ петербургскихъ дней, лодзинскихъ, варшавскихъ, кавказскихъ, либавскихъ, иваново-вознесенскихъ, одесскихъ и иныхъ безпорядкахъ, въ рабочихъ и крестьянскихъ волненіяхъ и даже въ бунтѣ на броненосцѣ „Князь Потемкинъ-Таврическій". Никто болѣе нашего правительства не испыталъ на себѣ справедливости мудраго изрѣченія: „кто сѣетъ вѣтеръ—пожинаетъ бурю". Разладъ этотъ угрожаетъ нашему отечеству громадными опасностями, ставя на карту будущность Россіи и ея династіи, и чѣмъ долѣе онъ продол-

жится, тѣмъ большими становятся эти опасности. Необходимо не медлить ни одного дня; спѣшить, во что бы то ни стало, дабы не потерять дорогой для всѣхъ друзей порядка и прогресса надежды на мирное разрѣшеніе переживаемыхъ тяжелыхъ условій, дабы избавить Россію отъ омута западной анархіи или нашей пугачевщины.

Разрѣшеніе этихъ тяжелыхъ условій не можетъ заключаться въ какихъ-либо палліативахъ, ни тѣмъ паче въ частичныхъ реформахъ. Зло заключается въ самой основѣ господствующаго строя, какъ приказнаго, и потому должно быть устраненно ни чѣмъ другимъ, какъ замѣною этой основы другой, кореннымъ преобразованіемъ этого строя. Нынѣшній режимъ совершенно вытѣсняетъ господство въ обществѣ закона, т. е. того, что составляетъ краеугольный камень всякой гражданственности и культуры. У общества нѣтъ никакого выхода для осуществленія своихъ легальныхъ стремленій, чѣмъ и объясняются тѣ уродливыя формы, въ которыя выливаются столкновенія между правительствомъ и обществомъ, постоянно возникающія среди окутывающаго ихъ общественно-политическаго сна. Активная борьба съ господствующимъ режимомъ сосредоточилась въ рукахъ самой крайней фракціи; партіи же среднія, всего больше дорожащія порядкомъ и прогрессивнымъ культурнымъ развитіемъ страны, очутились подъ дѣйствіемъ, съ одной стороны, террористическихъ и потому въ существѣ своемъ нигилистическихъ актовъ правительства сверху, и съ другой, такихъ же террористическихъ актовъ крайней революціонной партіи снизу. И дѣйствительно, подобный режимъ безотвѣтственной, ничѣмъ не связанной въ проявленіи своей власти бюрократіи, не можетъ не быть признанъ нигилистическимъ. А между тѣмъ, продолжается онъ въ этомъ видѣ безпрерывно уже нѣсколько десятилѣтій. Такъ далѣе жить нельзя—таковъ кличъ, единодушно раздающійся во всей измученной и растерзанной всѣми внѣшними и внутренними несчастіями странѣ, отъ верхнихъ слоевъ населенія до нижнихъ. Ничто болѣе ясно и рельефно, на ряду съ переживаемыми событіями, не учитъ, въ чемъ собственно должно заключаться предстоящее преобразованіе, какъ ужасная нынѣшняя японская война. И это неудивительно, ибо она, какъ всякая вообще война, является лучшимъ для народа экзаменомъ, вѣрнѣйшею провѣркою его культурныхъ силъ въ данный моментъ.

Отъ обстоятельствъ и событій, непосредственно вызвавшихъ эту войну, какъ и отъ всего вообще касающагося управленія государствомъ, общество держалось правительствомъ совершенно вдали. Уже по этой одной причинѣ война не могла стать въ обществѣ популярной. На этой непопулярности войны правительство само испытало дѣйствіе той инертности, которую оно постоянно и послѣдовательно воспитывало въ обществѣ дѣйствіемъ своего приказнаго строя. Общественное мнѣніе, впрочемъ, относи-

лось къ настоящей войнѣ отрицательно еще и потому, что было всецѣло поглощено вопросами внутренняго неустройства и гнета, требовавшими выхода во что бы то ни стало, и что считало дальне-восточный вопросъ затѣяннымъ бюрократіей совершенно не во время и некстати.

Японская война уже стоила Россіи многихъ тысячъ человѣческихъ жизней и многихъ милліоновъ рублей. Пока она окончится, жертвы эти будутъ все болѣе и болѣе увеличиваться. Кромѣ того, потребуются громадныя средства для залѣченія ранъ, причиненныхъ ею государственному и народному хозяйству. А между тѣмъ народъ обѣднѣлъ; взять съ него болѣе нечего. Только организація силъ народа на началахъ свободы и правового порядка можетъ вывести насъ изъ переживаемаго тяжелаго положенія, только она одна можетъ поднять нетронутыя еще богатства страны и дать имъ производительное развитіе.

Сумѣетъ ли Россія сорганизоваться во время, пока еще не поздно. и при томъ такъ, чтобы страна въ организаціи этой нашла дѣйствительное успокоеніе—таковъ жгучій вопросъ переживаемой минуты, отъ правильнаго разрѣшенія коего зависитъ все будущее нашего отечества.

Губернскому земскому собранію невозможно заняться подробной разработкой всѣхъ вопросовъ, обнимаемыхъ предстоящей реформой. Эта задача слишкомъ сложная, требующая массы труда и времени. Но оно можетъ указать тѣ главныя начала и принципы, на которыхъ, по его крайнему убѣжденію, должна быть построена эта реформа. Дѣло идетъ о полномъ обновленіи внутренняго строя Россіи, о замѣнѣ бюрократической опеки самодѣятельностью общества и его членовъ и бюрократическаго произвола господствомъ въ странѣ закона, а также въ созданіи тѣхъ необходимыхъ гарантій, при которыхъ все это осуществлялось бы ненарушимо. Существованіе же такихъ гарантій возможно лишь тамъ, гдѣ дѣло управленія признано задачей не одного только правительства, а всей страны, и является общимъ дѣломъ всѣхъ и каждаго.

Поэтому необходимо:

Во-1-хъ, чтобы къ работѣ на государственной, общественной и экономической нивѣ были привлечены рѣшительно всѣ, чтобы каждому предоставлена была возможность развить и приложить свои способности и трудъ. Съ этой цѣлью должна быть установлена полная равноправность всѣхъ и каждаго передъ общимъ для всѣхъ закономъ съ уничтоженіемъ всякихъ существующихъ нынѣ вѣроисповѣдныхъ и сословныхъ перегородокъ; всѣ, включая, конечно, крестьянъ, должны быть подчинены общимъ административнымъ и судебнымъ учрежденіямъ, построеннымъ на принципѣ раздѣленія властей. Всѣ жители страны, помимо всякаго ценза, должны быть снабжены одинаковыми политическими правами и возведены въ этомъ

смыслѣ до положенія полноправныхъ гражданъ. Ни одна группа населенія не должна быть позабыта предстоящей реформой, не должна остаться позади ея, ибо только при этомъ условіи страна избѣгнетъ новыхъ волненій и достигнетъ дѣйствительнаго успокоенія. Только такая демократическая основа новаго строя вполнѣ отвѣчаетъ и духу русскаго народа.

При этомъ необходимо предоставить крестьянамъ возможность свободнаго выхода изъ общины, такъ какъ только вполнѣ свободная личность можетъ проявить всѣ свои творческія силы и способности.

Необходимо также освободить совершенно церковь и школу отъ нынѣшняго бюрократическаго гнета, признать ихъ самоцѣльными учрежденіями, сблизить съ обществомъ и устроить на автономныхъ началахъ, такъ какъ только при этихъ условіяхъ та и другая въ состояніи развить свою внутреннюю мощь и силу и осуществлять на дѣлѣ все присущее имъ культурное вліяніе на общество. Первоначальное образованіе должно быть обязательнымъ и безплатнымъ, среднее и высшее доступнымъ не только для богатыхъ, но и для бѣднѣйшихъ слоевъ населенія. Вся система школъ, не исключая народныхъ, должна быть такова, чтобы переходъ отъ первоначальнаго образованія къ среднему и высшему не встрѣчалъ никакихъ препятствій. Россія для своего обновленія нуждается въ столькихъ образованныхъ работникахъ, что всякія опасенія на счетъ перепроизводства интеллегенціи должны быть оставлены совершенно въ сторонѣ.

Во-2-хъ, ввести самое широкое и независимое отъ вліянія администраціи самоуправленіе, съ образованіемъ какъ мелкой земской, такъ и болѣе крупныхъ, самоуправляющихся единицъ, ибо только при этихъ условіяхъ возможна вполнѣ интенсивная и плодотворная работа общества на пути надлежащаго поднятія и развитія культурныхъ силъ страны. Относительно мелкой земской единицы необходимо замѣтить, что у насъ нѣтъ самой первоначальной ячейки, составляющей фундаментъ всякой общественной организаціи, — той всесословной общины, которая, связывая всѣхъ, безъ сословнаго различія гражданъ, на общественно-хозяйственной почвѣ, имѣетъ своимъ назначеніемъ заботу о самыхъ ближайшихъ мѣстныхъ культурныхъ задачахъ, и которыя существуютъ не только во всѣхъ западныхъ европейскихъ государствахъ, но даже въ нашей Польшѣ, Финляндіи и Прибалтійскомъ краѣ; что же касается болѣе крупныхъ, чѣмъ губернія, объединеній, то необходимость въ нихъ вызывается особыми климатическими и бытовыми условіями, въ которыхъ находятся въ нашей обширной странѣ царство Польское, Прибалтійскій, Кавказскій и Закавказскій края; края сѣверо-и юго-западные и другіе и тѣмъ, что Россіи не посчастливилось до сихъ поръ развить жизнь въ провинціи и ея центрахъ, хотя бы даже приблизительно, до той степени, которая встрѣчается въ этомъ отношеніи, напри-

мѣръ, въ Германіи. Вѣчевой нашъ періодъ былъ слишкомъ непродолжителенъ и слишкомъ скоро подавленъ всемогущей московской, а затѣмъ петербургской централизаціей для того, чтобы оказать въ данномъ отношеніи надлежащее вліяніе. При объединеніи культурныхъ интересовъ и средствъ, находящихся въ одинаковыхъ условіяхъ смежныхъ губерній, могла бы проявляться въ полной мѣрѣ мѣстная иниціатива и дѣятельность.

Къ участію въ мѣстныхъ органахъ самоуправленія надлежитъ допустить и женщинъ. Русская женщина въ имущественномъ, правовомъ отношеніи поставлена въ лучшее положеніе сравнительно съ западно-европейской, и уже по этой причинѣ намъ не слѣдовало бы бояться итти въ данномъ случаѣ по своему самостоятельному пути. Кромѣ того, она много содѣйствовала современному освободительному движенію, одинаково съ мужчинами привлекалась за оное къ отвѣтственности и несла таковую. Никто болѣе женщинъ не дорожитъ тѣмъ, что принадлежитъ къ культурнымъ основамъ жизни; такія области, какъ медицина, школа, призрѣніе бѣдныхъ, отъ участія женщинъ въ самоуправленіи только выиграютъ. Участіемъ этимъ умножится число интеллигентныхъ работниковъ, въ которыхъ Россія столь нуждается для своего возрожденія.

Въ-3-хъ, чтобы на стражѣ закономѣрнаго функціонированія, какъ мѣстныхъ органовъ самоуправленія, такъ и администраціи стояла независимая административная юстиція, съ мѣстными и центральными инстанціями, члены коихъ должны пользоваться такою же, какъ члены общихъ судебныхъ учрежденій, несмѣняемостью.

Въ-4-хъ, чтобы, наконецъ, всей странѣ былъ представленъ, въ лицѣ свободно избранныхъ представителей ея, властный голосъ въ дѣлѣ государственнаго управленія.

Такъ какъ участіе народа въ этомъ дѣлѣ, совершенно чуждое нынѣшнему государственному строю, вполнѣ имъ исключается, то очевидно, что оно можетъ быть осуществлено не иначе, какъ на выработанныхъ западно-европейской наукой и практикою началахъ конституціоннаго права. И дѣйствительно, предстоящее преобразованіе Россіи вызывается неотложною, признанною и съ высоты престола, необходимостью водворенія въ странѣ господства закона, т. е., того именно, чему власть должна подчиняться, что ограничиваетъ власть эту и что поэтому съ автократическимъ принципомъ власти совершенно несовмѣстимо. Опасаться, что Россія вступаетъ въ разсматриваемомъ отношеніи на путь позаимствованія — нечего, лишь бы позаимствованія эти были раціональны и необходимы. Есть институты и принципы права, которые составляютъ достояніе отнюдь не того или другого народа, а всего культурнаго человѣчества. Таковы, напримѣръ, позаимствованные Россіей судъ присяжныхъ и основныя начала, на кото-

рыхъ построены были судебные уставы 64 года, таковыми являются основные принципы современнаго устройства правового государства.

Для того, чтобы голосъ народа въ дѣлѣ государственнаго управленія представлялся дѣйствительнымъ, необходимо, чтобы: а) законодательная власть осуществлялась совмѣстно съ Государемъ народнымъ представительствомъ, б) чтобы министры были отвѣтственны передъ этимъ правительствомъ и в) чтобы народному же представительству принадлежало право установленія государственнаго бюджета и контроля за его исполненіемъ.

Для того же, чтобы народное представительство выражало собою дѣйствительную волю народа, въ организаціи его не должно быть допущено ни сословное начало, которое бы превратило его въ представительство сословныхъ интересовъ, ни представительство классовыхъ или групповыхъ интересовъ.

Представительство это, далѣе, состоитъ изъ двухъ палатъ: изъ одной, выбираемой самимъ населеніемъ на указанныхъ ниже основаніяхъ, и другой—отъ реорганизованныхъ на демократическихъ началахъ и распространенныхъ на всю Россію органовъ мѣстнаго самоуправленія.

Правильное производство выборовъ немыслимо безъ предвыборной агитаціи, а потому необходимо немедленно, нынѣ же, провозгласить все то, что составляетъ основу всякой свободной гражданственности, а именно: неприкосновенность личности и жилища, свобода слова и печати, право собраній и союзовъ; отмѣнить военное положеніе, а также возстановить въ правахъ всѣхъ лицъ, пострадавшихъ за свои политическія и религіозныя убѣжденія. Послѣднее необходимо тѣмъ болѣе, что оно сразу водворитъ въ первое народное представительство духъ того примиренія и прощенія, который болѣе чѣмъ необходимъ при переживаемыхъ тяжелыхъ бѣдствіяхъ и невзгодахъ.

Избирателями и избираемыми въ первую палату должны быть признаны, съ обычными на этотъ предметъ исключеніями, всѣ жители страны безъ различія національности и вѣроисповѣданія, достигшіе не менѣе 25 лѣтъ, имѣющіе постоянное мѣсто жительства. Что же касается самой системы выборовъ, то они должны производиться по избирательнымъ округамъ, съ выдѣленіемъ городовъ въ особые избирательные округи. Подача голосовъ должна быть тайная. Затѣмъ, въ печати и въ разныхъ собраніяхъ особенно часто раздаются голоса также въ пользу того, чтобы подача голосовъ была прямая. Система прямыхъ выборовъ имѣетъ безспорно за себя много теоретическихъ основаній, но практически она требуетъ болѣе времени для правильнаго ихъ подготовленія и, кромѣ того, можетъ надлежаще функціонировать лишь тамъ, гдѣ вышеупомянутыя основы всякой гражданственности (неприкосновенность личности и жилища, свобода

слова и печати, свобода собраній и союзовъ) уже вполнѣ усвоены и пустили глубокіе корни въ народной жизни. У насъ же даже немедленное ихъ провозглашеніе нисколько не гарантируетъ осуществленія ихъ на дѣлѣ; гарантировать водвореніе этихъ основъ можетъ только новый строй, результатомъ коего они явятся, но отнюдь не простое установленіе ихъ закономъ. По этимъ соображеніямъ слѣдовало бы для перваго народнаго собранія установить систему двухстепенныхъ выборовъ въ первую палату представителей.

Разработка всего этого великаго дѣла устроительства отечественной жизни во всѣхъ его подробностяхъ, въ отношеніи коего намѣчены выше только главныя черты, желательныя съ точки зрѣнія воронежскаго земства, должна быть поручена, конечно, самому же народному представительству. Она должна быть произведена прямо и честно безъ всякой задней мысли, не бюрократически-канцелярскимъ порядкомъ, а людьми жизни, знакомыми съ ея условіями и требованіями. Такой учредительный характеръ перваго національнаго собранія долженъ быть ясно выраженъ въ законѣ о его созывѣ, иначе правительство несомнѣнно натолкнетъ это собраніе на революціонный по существу своему актъ—самопровозглашенія себя учредительнымъ собраніемъ.

Въ-5-хъ, вмѣстѣ съ тѣмъ комиссія полагаетъ, что первому же представительному собранію надлежитъ приступить къ разрѣшенію аграрнаго вопроса, представляющаго нынѣ коренной и самый острый вопросъ деревенской жизни. Малоземелье, чрезмѣрный ростъ цѣнъ на землю, арендныя цѣны, несоотвѣтствующія производительности земли,—создали крайне тяжелое положеніе для значительной части крестьянъ, и принятіе рѣшительныхъ мѣръ къ упорядоченію земельнаго обезпеченія крестьянъ стоитъ на первой очереди. Независимо отъ причинъ, связанныхъ съ особыми формами крестьянскаго земельнаго строя, во многихъ случаяхъ землевладѣніе крестьянъ настолько незначительно, что не можетъ служить источникомъ для удовлетворенія самыхъ первобытныхъ потребностей, и поэтому увеличеніе крестьянскаго землевладѣнія, тѣмъ или другимъ способомъ, является насущно необходимымъ. Откладывать земельный вопросъ нельзя; это грозитъ столь сильными потрясеніями всего нашего гражданскаго строя, что на разрѣшеніи аграрнаго вопроса должны сосредоточиться всѣ усилія народа въ первомъ же представительномъ собраніи.

Созыва народныхъ представителей ждетъ съ нетерпѣніемъ вся страна, всѣ партіи, за исключеніемъ развѣ крайне реакціонной, желающей задушить всякое освободительное движеніе. Только собраніе этихъ представителей, сплотившись вокругъ Государя, можетъ правильно рѣшить вопросъ о войнѣ или мирѣ, принявъ предложенныя условія мира, или сдѣлать

войну народной; только они могутъ въ согласіи съ Государемъ установить обновленный строй Россіи. О созывѣ этомъ страна возвѣщена съ высоты престола рескриптомъ 18 февраля сего года, онъ подтвержденъ вторично Государемъ, при пріемѣ въ послѣднее время общей земской и дворянской депутаціи. Но страна встревожена замедленіемъ, коимъ сопровождается осуществленіе этой необходимой мѣры. Она тревожится и тѣмъ, что во всѣхъ правительственныхъ сообщеніяхъ, по поводу предстоящаго созыва въ собраніе народныхъ представителей, примѣняется терминъ законосовѣщательное учрежденіе, и что, по газетнымъ свѣдѣніямъ, выработанные правительствомъ проекты созыва Государственной Думы предполагаютъ къ законодательнымъ функціямъ привлечь, кромѣ нея и въ качествѣ высшаго надъ ней учрежденія, нынѣшній Государственный Совѣтъ, въ нѣсколько реформированномъ видѣ, что равносильно оставленію прежняго средостѣнія между верховною властью и народомъ неприкосновеннымъ и сведетъ ожидаемую реформу на степень полумѣры (которая никого не успокоитъ и ничего существеннаго не сдѣлаетъ въ дѣлѣ дѣйствительнаго возрожденія нашей страны). Наконецъ, страна встревожена и недоумѣваетъ еще вслѣдствіе того, что съ признаніемъ необходимости созыва народныхъ представителей и осужденіемъ тѣмъ самымъ существущаго бюрократическо-канцелярскаго строя, какъ уже отжившаго, не соотвѣтствующаго болѣе условіямъ современной жизни, не была пріостановлена впредь до упомянутаго созыва, законодательная жизнь страны, за исключеніемъ развѣ текущихъ, не терпящихъ отлагательства вопросовъ; что бюрократія и послѣ упомянутаго осужденія ея дѣятельности продолжаетъ учреждать особыя совѣщанія по крестьянскому и другимъ вопросамъ; что она, вмѣсто отмѣны усиленной охраны и исключительныхъ законовъ, ставитъ многія мѣстности на военное положеніе, прекращающее правильное теченіе въ нихъ экономической жизни, учреждаетъ нѣчто въ родѣ министерства полиціи, съ чрезвычайными, чисто диктаторскими полномочіями, преслѣдуетъ по прежнему періодическую прессу и т. п.; однимъ словомъ, ведетъ себя такъ, какъ будто никакой перемѣны курса въ ходѣ нашей внутренней политики не произошло. Все это только усиливаетъ необходимость ускоренія созыва народныхъ представителей, съ цѣлью положенія конца все усиливающемуся разладу. Только этотъ созывъ, будучи произведенъ правильно, т. е. на вышеуказанныхъ основаніяхъ, можетъ положить конецъ существующему разладу и открыть новую эру для нашей внутренней политики. Собравшись всѣми своими духовными силами, Россія проявитъ въ дѣлѣ своего обновленія всю необходимую мощь и силу“.

Когда докладъ былъ принятъ, я невольно вспомнилъ нашъ подсчетъ въ Москвѣ 2-го ноября 1904 года количества конституціоналистовъ и

нахожу, что мы тогда были правы, принятіе же доклада теперь я объясняю силою обстоятельствъ.

Всѣ остальныя постановленія земскаго собранія по чисто хозяйственнымъ дѣламъ тоже носили уже иной характеръ.

Слово „ходатайство“ уже не встрѣчается въ постановленіяхъ; всѣ они имѣютъ форму резолюцій, доводящихъ до свѣдѣнія правительства, протесты, признанные собраніемъ неправильными, постановлено обжаловать въ Сенатъ, но самыя постановленія исполнять не дожидаясь рѣшенія его. Общее настроеніе было таково, что одинъ изъ правыхъ не выдержалъ и спросилъ: „окончательно ли мы порвали съ правительствомъ, и остались ли еще вопросы, по которымъ мы должны къ нему обращаться“. Вопросъ этотъ остался безъ отвѣта, но общій духъ постановленій производилъ такое впечатлѣніе, что правительство рѣшили игнорировать.

Съѣзду 6 іюля предшествовалъ цѣлый рядъ препирательствъ организаціоннаго бюро съ московской администраціей. Послѣ нѣсколькихъ объясненій Головина съ московскимъ градоначальникомъ и генералъ-губернаторомъ, съѣздъ былъ категорически запрещенъ, и мы на мѣстахъ опять получили отъ губернаторовъ письма съ извѣстіемъ объ этомъ и съ предупрежденіемъ, чтобы мы „не трудились ѣздить въ Москву, т. к. съѣзда не будетъ“. Результатомъ всѣхъ этихъ запрещеній было то, что на съѣздъ пріѣхало около 280 человѣкъ, и только нѣкоторые представители въ очень ограниченномъ числѣ отсутствовали, зато явилось много такихъ, которымъ не пришлось даже принять участія въ засѣданіи, т. к. ихъ губернія или городъ были представлены сполна. Послѣ провѣрки полномочій и краткаго доклада Головина о тѣхъ переговорахъ, которые ему пришлось вести, и препятствіяхъ, которыя испытало бюро при созывѣ съѣзда, до протокола въ квартирѣ Головина включительно, члены депутаціи сдѣлали краткій докладъ о пріемѣ депутаціи. Сообщеніе депутаціи было закончено словами гр. Гейдена: „единственный цѣнный результатъ поѣздки депутаціи состоитъ въ томъ, что отнынѣ наши съѣзды узаконены“. Едва только эта рѣчь была кончена, какъ встаетъ товарищъ предсѣдателя съѣзда, Н. Н. Щепкинъ, и заявляетъ, что полиція, только-что распустившая засѣданіе городскихъ головъ въ московской думѣ, явилась сюда съ тою же цѣлью, и вслѣдъ за этимъ въ дверяхъ появился помощникъ полицмейстера Носковъ съ соотвѣтствующей компаніей; лѣстницы были заняты городовыми, а залъ окруженъ полицейскими и жандармскими офицерами, вошедшими во всѣ другія двери. Одинъ изъ корреспондентовъ, которыхъ вообще было много, вѣроятно, провѣдавъ, что пришла полиція, установилъ свой аппаратъ на столѣ, какъ разъ противъ двери, въ которую должна была войти полиція: первое, что бросилось въ глаза полицмейстера, былъ фотографическій аппа-

ратъ, и онъ нѣсколько взволнованнымъ голосомъ спросилъ: „Это что?". На это фотографъ довольно громко отвѣтилъ: „Не бойтесь я стрѣлять не буду". Приставъ потребовалъ убрать аппаратъ, но когда ему возразили, что въ частной квартирѣ фотографическій аппаратъ вещь не запрещенная, тогда онъ запретилъ фотографу производить снимки, а самъ прочелъ предписаніе, въ которомъ указывалъ ст. ст. закона, на основаніи которыхъ градоначальникъ объявляетъ съѣздъ закрытымъ, и предложилъ намъ разойтись; на это мы отвѣтили, что добровольно не разойдемся, и что ему остается примѣнить только силу. Полицмейстеръ заявилъ, что такого полномочія онъ не имѣетъ и ушелъ писать протоколъ.

Все засѣданіе происходило въ присутствіи полицейскихъ офицеровъ и городовыхъ. Первый вопросъ, разбиравшійся съѣздомъ, былъ проектъ гоф. Булыгина, добытый бюро въ подлинникѣ и потомъ напечатанный въ „Новостяхъ". Докладъ дѣлалъ Ф. Ф. Кокошкинъ. Въ проектѣ были отмѣчены четыре положенія, дѣлающія проектъ непріемлемымъ: 1) сословность, 2) многостепенность выборовъ, до пяти степенности включительно, 3) цензовое начало, 4) совѣщательный голосъ, а не рѣшающій. Этихъ основныхъ положеній было достаточно, чтобы, не разбирая проекта по статьямъ, признать его непріемлемымъ. Во время преній представитель Курской губерніи кн. Касаткинъ-Ростовскій въ рѣчи позволилъ себѣ употребить выраженіе: „Современное движеніе въ Россіи ведется на подкупъ жидовско-польскаго бунда": эта фраза вызвала бурю въ средѣ собранія: когда предсѣдательскій звонокъ, наконецъ, водворилъ порядокъ, то предсѣдатель обратился къ князю Касаткину со слѣдующими словами: князь, здѣсь не принято такъ говорить, здѣсь говорятъ, соблюдая общепринятыя формы вѣжливости, а потому потрудитесь взять ваши слова назадъ. Касаткинъ, нѣсколько поломавшись, это исполнилъ, но все-таки въ слѣдующихъ рѣчахъ Кокошкинъ и особенно черниговскій Шрагъ, соблюдая формы вѣжливости, дали ему жестокую отповѣдь.

Къ концу засѣданія протоколъ былъ готовъ и взамѣнъ подписи рѣшено было вручить приставу наши визитныя карточки. Настроеніе этого дня благодаря появленію полиціи было веселое, бодрое, нѣсколько юмористическое. Обсуждался вопросъ о постройкѣ на нашъ счетъ миноноски, т. к. на основаніи положенія объ усиленной охранѣ насъ могутъ оштрафовать каждаго по 500 руб., что въ суммѣ дастъ около 140 тысячъ руб.

Вечеромъ проектъ Булыгина былъ отвергнутъ, хотя по разнымъ соображеніямъ, но единогласно.

На слѣдующій день настроеніе уже съ утра было довольно угнетенное: для огромнаго большинства съѣзда стало ясно, что съ верху ждать ничего хорошаго нельзя. Въ началѣ утренняго засѣданія первый высказалъ

это совершенно опредѣленно И. Ил. Петрункевичъ. Возражалъ на рѣчь Петрункевича только одинъ кн. Касаткинъ, который заявилъ, что онъ не ошибся вчера, говоря, что онъ попалъ въ среду революціонеровъ, и что если ему суждено выбирать между двумя, то онъ предпочтетъ умереть у ногъ нынѣшняго Государя, а не у ногъ Петрункевича, почему онъ и не считаетъ возможнымъ остаться въ этомъ революціонномъ собраніи и уходитъ. Вмѣстѣ съ нимъ ушелъ и другой курскій представитель Говоруха-Отрокъ. Калужскій, Кошкаревъ, ушелъ по другимъ мотивамъ, но на другой день возвратился. Въ этомъ же засѣданіи былъ принятъ въ первомъ чтеніи, т. е. въ общихъ положеніяхъ, проектъ конституціи, выработанный на основаніи апрѣльскихъ постановленій (напечат. въ „Рус. Вѣд."). Обсужденіе по статьямъ было отложено до слѣдующаго съѣзда, т. к. представители окраинъ заявили, что, не будучи уполномочены выбравшими ихъ, они затрудняются обсуждать проектъ по статьямъ.

На слѣдующій день были приняты слѣдующія резолюціи:

1) Проектъ резолюціи о мѣрахъ по отношенію къ законопроекту гофмейстера Булыгина.

Считая въ высшей степени важнымъ вызвать теперь же проявленія общественнаго отношенія къ законопроекту гофмейстера Булыгина, съѣздъ считаетъ необходимымъ организовать по всей странѣ въ теченіе іюля многолюдныя собранія,—какъ это по мѣстнымъ условіямъ окажется возможнымъ,—и внести на эти собранія принятое настоящимъ совѣщаніемъ заключеніе по означенному законопроекту.

Желательно, чтобы резолюціи собраній съ подписями принявшихъ эти резолюціи присылались въ бюро общаго съѣзда земскихъ и городскихъ дѣятелей.

2) По вопросу о пріобщеніи широкихъ массъ населенія къ работѣ по политическимъ вопросамъ.

1) Съѣздъ признаетъ неотложной задачей данной минуты для общественныхъ дѣятелей войти въ ближайшее общеніе съ широкими массами населенія для совмѣстнаго съ народомъ обсужденія предстоящей политической реформы завоеванія необходимыхъ для ея проведенія свободъ и для подготовленія къ выборамъ.

2) Т. к. при теперешней организаціи органовъ мѣстнаго самоуправленія народъ не можетъ видѣть въ нихъ правильнаго представительства своихъ интересовъ, то общественные дѣятели должны къ предстоящей работѣ привлечь возможно большіе круги населенія черезъ дѣйствующіе при управахъ совѣты, комиссіи, участковыя попечительства и т. п.,—а также чрезъ временные съѣзды, совѣщанія комиссіи и комитеты изъ губернскихъ и уѣздныхъ гласныхъ и общественныхъ дѣятелей. Кромѣ того, къ полити-

ческой дѣятельности слѣдуетъ привлечь волостные и сельскіе сходы, товарищества мелкаго кредита и ссудо-сберегательныя товарищества, сельскохозяйственныя общества и другія самостоятельныя организаціи.

3) Для наиболѣе широкаго привлеченія народныхъ массъ къ сознательной работѣ государственнаго строительства, общественнымъ дѣятелямъ слѣдуетъ входить въ сношенія и совмѣстно работать со всѣми видами профессіональныхъ союзовъ, соприкасающимися съ населеніемъ, и раньше всего содѣйствовать объединенію на политической почвѣ самого населенія.

4) Съѣздъ придаетъ особое значеніе немедленному привлеченію сельскаго и городского населенія къ участію въ обсужденіи избирательной системы. Въ этихъ цѣляхъ признается желательнымъ, чтобы всѣ переименованныя въ пунктахъ 2 и 3 организаціи, а также спеціально для того устраиваемые на мѣстахъ комитеты брали на себя ознакомленіе населенія не только съ техникой выборовъ, но и содѣйствовали бы выясненію и выработкѣ тѣхъ пожеланій, которыя народъ передастъ своимъ будущимъ представителямъ въ моментъ ихъ выбора.

5) Съѣздъ признаетъ желательнымъ содѣйствовать распространенію среди народа популярно изложенныхъ постановленій и резолюцій политическаго характера, на которыхъ сошлись за послѣднее время общественныя организаціи. Затѣмъ нужно содѣйствовать широкому распространенію въ ближайшемъ будущемъ популярной литературы по конституціоннымъ и соціально-экономическимъ вопросамъ и по избирательному праву въ особенности, какъ въ видѣ брошюръ и листковъ, такъ и въ видѣ дешевыхъ періодическихъ изданій.

6) Съѣздъ признаетъ также желательнымъ широко воспользоваться, напечатавъ особыми листками, Высочайшимъ указомъ Сенату и рескриптомъ министру внутреннихъ дѣлъ отъ 18 февраля с. г., для ознакомленія населенія съ возможностью обсуждать коренные вопросы государственнаго устройства, сходиться для этого и постановлять соотвѣтственные приговоры и резолюціи. Для этой же цѣли полезно, какъ это уже и сдѣлано нѣкоторыми городскими и земскими управами, отпечатать адресъ и рѣчи депутатовъ къ Государю отъ общественныхъ дѣятелей 6 іюня с. г. и отвѣтную рѣчь Государя. Для популяризаціи этихъ актовъ желательно сопровождать ихъ напечатанными или изустными комментаріями.

III) По вопросу о нарушеніяхъ чинами администраціи личныхъ и общественныхъ правъ гражданъ.

Въ виду часто повторяющихся въ настоящее время случаевъ нарушенія чинами администраціи личныхъ и общественныхъ правъ русскихъ гражданъ, нарушеній, которыя стоятъ въ противорѣчіи не только съ нравственными требованіями и общественнымъ правосознаніемъ, но въ противо-

рѣчіи съ заявленіями высшей власти и даже прямо съ дѣйствующими законами, общій съѣздъ земскихъ и городскихъ дѣятелей постановляетъ: выразить глубокое негодованіе по поводу многочисленныхъ случаевъ безнаказаннаго проявленія произвола различныхъ представителей власти и твердую увѣренность въ томъ, что такія дѣянія своевременно получатъ должную оцѣнку и соотвѣтственное возмездіе, и просить всѣхъ мѣстныхъ общественныхъ дѣятелей оказывать всякое содѣйствіе лицамъ, пострадавшимъ отъ указанныхъ случаевъ въ защитѣ ихъ попранныхъ правъ и въ сохраненіи слѣдовъ и доказательствъ совершенныхъ въ отношеніи ихъ незаконныхъ и самоуправныхъ дѣйствій властей, причемъ эти нарушенія остаются при нынѣшнихъ порядкахъ безнаказанными. Такого рода дѣйствія со стороны административныхъ лицъ не должны покрываться никакой амнистіей и должны подлежать судебному преслѣдованію, какъ только произойдетъ перемѣна общаго строя и установится народное представительство, о чемъ съѣздъ и считаетъ нужнымъ теперь же предупредить всѣхъ административныхъ лицъ своимъ настоящимъ постановленіемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ съѣздъ обращается съ просьбой какъ ко всѣмъ представителямъ земскаго и городского самоуправленія, такъ и ко всему населенію, чтобы по всѣмъ наиболѣе выдающимся случаямъ правонарушеній со стороны администраціи были собираемы необходимыя свѣдѣнія, и сохранялся относящійся къ нимъ матеріалъ.

IV. По вопросу о равноправности женщинъ. Вполнѣ признавая съ точки зрѣнія справедливости и находя съ практической стороны желательнымъ политическое равноправіе женщинъ при будущемъ правовомъ строѣ Россіи, съѣздъ тѣмъ не менѣе, стремясь къ наискорѣйшему осуществленію этого строя, находитъ при данныхъ условіяхъ непрактичнымъ затруднять моментъ учредительства слишкомъ сложными требованіями полнаго достиженія улучшенія всѣхъ сторонъ жизни. Для примѣра можно указать хотя бы на общепризнанную необходимость усовершенствовать мѣстное самоуправленіе и распространить его на всю Россію, на необходимость предоставленія большей самостоятельности областному устройству окраинъ, но тѣмъ не менѣе разработку и проведеніе этихъ и многихъ другихъ насущнѣйшихъ реформъ практичнѣе отложить до того времени, когда принимать участіе въ законодательной работѣ могутъ свободно выбранные народные представители и при прочно установленныхъ необходимыхъ свободахъ.

Поэтому съѣздъ полагаетъ цѣлесообразнымъ вопросъ о предоставленіи политической равноправности женщинъ не ставить при данныхъ условіяхъ русской дѣйствительности одновременно съ вопросомъ о скорѣйшемъ созывѣ народныхъ представителей, а оставить открытымъ или до измѣненій

условій учредительства или до того времени, когда народные представители будутъ уже собраны.

Кромѣ того было постановлено:

Оказывать активное, но невооруженное сопротивленіе всѣмъ распоряженіямъ административныхъ органовъ, нарушающихъ права человѣка и гражданина.

Передъ закрытіемъ съѣзда возбуждался вопросъ, нужны ли дальнѣйшіе съѣзды, такъ какъ теоретическая сторона предстоящихъ реформъ уже выяснена окончательно, для активной же борьбы съѣздъ, какъ собраніе лицъ, выбранныхъ только земскими собраніями, является организаціей не подходящей; поэтому является вопросъ, не настало ли время прекратить его дальнѣйшее существованіе?

На это возражалъ С. А. Муромцевъ, который не возражалъ по существу, но находилъ, что закрывать съѣзды нельзя, во-первыхъ, потому, что предстоитъ еще обсужденіе двухъ важныхъ вопросовъ: 1) Отношеніе земскихъ и городскихъ дѣятелей въ будущей Государственной Думѣ и 2) Проектъ конституціи, выработанный бюро, принятъ только въ первомъ чтеніи. Главное же, съѣздъ является единственной организаціей, хотя до нѣкоторой степени выбранной населеніемъ, а въ переживаемые нами времена очень вѣроятно, что понадобятся хотя бы и такіе представители для рѣшенія важнѣйшихъ вопросовъ государственной жизни.

Въ силу этихъ соображеній рѣшили съѣздовъ не упразднять. По предложенію представителей Харьковскаго земства, рѣшили обратить бюро въ постоянно дѣйствующее учрежденіе, усиливъ составъ его и давъ ему полномочія входить въ соглашеніе съ другими лицами и организаціями. Послѣ опубликованія положенія о Государственной Думѣ долженъ быть собранъ съѣздъ для рѣшенія вопроса, какъ отнестись къ этому учрежденію.

Р. Будбергъ.

Саратовскій семидесятникъ [1]).

Когда мы говоримъ о „двадцатыхъ“ или „сороковыхъ“ годахъ, мы всегда подразумѣваемъ ихъ общій духъ, носителями котораго являлись очень немногочисленныя группы интеллигенціи, почти исключительно столичной. Духъ шестидесятыхъ годовъ успѣлъ распространиться и въ провинціи, но движеніе этого періода колебало идеи и установившіяся бытовыя формы, сравнительно слабо проявляясь въ области чисто политической борьбы; поэтому типическими „шестидесятниками“ остались въ нашей памяти исключительно литераторы: Чернышевскій, Добролюбовъ, Зайцевъ,—большіе и малые, люди крупнаго таланта или просто журналисты съ бойкимъ перомъ, но всегда писатели, такъ какъ иначе какъ перомъ, какъ же они могли бы дѣйствовать въ тогдашней Россіи? Въ противоположность этому семидесятые годы составляли въ нашей общественной жизни такую пору, когда массы интеллигентной молодежи впервые попытались перейти на чисто практическую почву. Теоретическая истина, какъ казалось людямъ этого поколѣнія, уже открыта; теперь надо облечь идею въ плоть, внести ее въ сознаніе всей массы русскаго народа и перестроить жизнь по новому плану. При такомъ настроеніи передовой молодежи наступившее десятилѣтіе оказалось эпохой дѣйствія, и наиболѣе типическими „семидесятниками“ слѣдуетъ признать не столько идейныхъ вождей этого поколѣнія, сколько тѣхъ, которые съ наибольшей энергіей пытались выполнить историческую миссію русской интеллигенціи, какъ она понималась въ тотъ моментъ, и вела за собою другихъ не перомъ, а живымъ словомъ и личнымъ примѣромъ. Имена нѣкоторыхъ дѣятелей этого рода извѣстны теперь всѣмъ и каждому, но наряду съ нѣсколькими историческими личностями боевое десятилѣтіе семидесятыхъ годовъ выдвинуло много другихъ, менѣе крупныхъ

---

[1]) Этотъ очеркъ составленъ мною частью по личнымъ воспоминаніямъ и частью по матеріаламъ, которые составились изъ писемъ П. С. Поливанова къ его сестрѣ, Е. С. Волковой, и воспоминаній дяди Петра Сергѣевича, Н. С. Поливанова. *Авторъ.*

по результатамъ ихъ дѣятельности, но, быть можетъ, не менѣе яркихъ и интересныхъ со стороны чисто психологической. Охватившп такую массу молодежи не только въ столицахъ, но и въ провинціи, идеи и настроенія семидесятыхъ годовъ нерѣдко и тамъ вырабатывали въ людяхъ тотъ особый душевный строй, который такъ рѣзко отличаетъ беззавѣтнаго агитатора семидесятыхъ годовъ отъ мертваго душой чеховскаго „Иванова" восьмидесятыхъ.

Въ семидесятые годы провинція не только воспринимала идейные импульсы, которые шли изъ редакцій „Современника" и „Русскаго Слова", какъ это было десятью годами раньше, но и дѣлала первые опыты выступленія на путь активной борьбы, первыя, слабыя попытки организаціи мѣстныхъ общественныхъ силъ для планомѣрной освободительной дѣятельности. Попытки эти были слабы, такъ какъ исходили изъ малочисленныхъ группъ молодежи, не имѣвшей въ тогдашнемъ обществѣ достаточнаго вліянія. Но „общество" того времени было въ своей массѣ такъ вяло и погрязало въ такой безыдейной обыденщинѣ, что духъ момента находилъ свое воплощеніе не въ зрѣлыхъ людяхъ съ перезрѣлымъ благоразуміемъ, а именно въ этихъ мечтательныхъ юношахъ, собиравшихся взгромоздить Оссу на Пеліонъ и завоевать небо.

Въ Саратовѣ идеи семидесятыхъ годовъ охватили своимъ вліяніемъ довольно широкій кругъ мѣстной молодежи. Изъ среды ея многіе примыкали къ движенію, работали въ немъ, иные въ немъ и гибли, но никто другой не рисуется мнѣ теперь такимъ типическимъ „семидесятникомъ", и по сильнымъ и по слабымъ сторонамъ своей личности, какъ Петръ Сергѣевичъ Поливановъ, впослѣдствіи—шлиссельбуржецъ, еще позже—бѣглецъ изъ Сибири, и въ заключеніе—эмигрантъ, покончившій съ собой выстрѣломъ изъ револьвера въ глухомъ провинціальномъ городкѣ далекой Франціи.

Его имя въ настоящее время извѣстно не тѣмъ, что онъ сдѣлалъ, а тѣмъ, что онъ выстрадалъ, а между тѣмъ это была натура прежде всего активная, не изъ типа кроткихъ мечтателей, способныхъ только страдать и гибнуть за свои идеалы, а изъ типа борцовъ и воиновъ, обладающихъ даромъ увлекать за собою толпу неугасающимъ пыломъ своего боевого одушевленія. Вмѣстѣ съ тѣмъ это была натура удивительно цѣльная, ярко и рельефно воплощавшая въ себѣ одинъ изъ революціонныхъ типовъ, наиболѣе характерныхъ для движенія семидесятыхъ годовъ. Искренній демократъ и соціалистъ по убѣжденіямъ, Поливановъ не былъ человѣкомъ, сформировавшимся подъ исключительнымъ вліяніемъ книги. У насъ есть люди, которые и сами являются какъ бы живымъ оттискомъ той или иной книги: всѣ ихъ идеи заимствованы цѣликомъ изъ одного источника. Поливановъ же былъ

не таковъ. Слишкомъ глубоко отлагались въ его душѣ впечатлѣнія подлинной жизни, собственный умъ и собственная индивидуальность заявляли въ немъ свои требованія слишкомъ громко, чтобы можно было сполна охарактеризовать его однимъ родовымъ опредѣленіемъ, въ родѣ: „народникъ", „народоволецъ" и т. п.

Прежде всего въ личности Петра Сергѣевича бросалось въ глаза его физическое, а частью и духовное, сходство съ его отцомъ Сергѣемъ Петровичемъ. Нѣсколько восточный характеръ ихъ фамильнаго типа, быть можетъ, сохранился отъ тѣхъ временъ, когда предки этого рода - татарскіе ханы еще бились изъ-за своихъ княжествъ въ Золотой Ордѣ, откуда одинъ изъ нихъ выѣхалъ на Русь при князѣ Иванѣ Даниловичѣ Калитѣ. Не знаю, не изъ этого ли источника вытекала и та исключительная страстность темперамента и избытокъ физической отваги, которые чистокровнаго сѣверянина своими бурными проявленіями иногда могли привести прямо въ недоумѣніе. При первомъ знакомствѣ именно эти качества прежде всего били въ глаза, и имъ Поливановъ былъ обязанъ своей юношеской кличкой „Петролей", сохранявшейся за нимъ вплоть до его послѣдняго ареста. Въ связи съ этими основными свойствами темперамента находился и особый характеръ его рѣчи: стремительной, яркой, подчасъ парадоксальной. По всему своему строю это было краснорѣчіе скорѣе французское, чѣмъ русское, и кто еще не зналъ Поливанова или слушалъ бы его изъ другой комнаты, тотъ, пожалуй, могъ подумать, что вотъ человѣкъ, который съ намѣреніемъ говоритъ красиво; но стоило взглянуть на лицо этого „Петролея", когда онъ увлекался развитіемъ захватившей его темы, чтобы убѣдиться, что онъ и на самомъ дѣлѣ „петролей", и что говорить языкомъ какого-нибудь стараго профессора для него такъ же невозможно, какъ и посвятить свои кипучія силы методическому и прилежному развитію какой-нибудь археологіи или палеонтологіи. Литературныя произведенія Поливанова, написанныя, впрочемъ, въ гораздо болѣе позднемъ возрастѣ, послѣ многихъ лѣтъ заключенія, сохраняя характерную для его рѣчи живость и легкость, свободны, однако, отъ слишкомъ яркихъ красокъ и патетическихъ взрывовъ чувства. Въ его живой рѣчи (я говорю о юношескихъ годахъ) было гораздо меньше выдержанности тона, но зато вся она сверкала, клубилась и пѣнилась какъ горный ручей, рвущійся впередъ черезъ преграды и уступы. Его фантазія вѣчно рисовала передъ нимъ ослѣпительныя картины боевыхъ дѣйствій, отчаянно смѣлыхъ заговоровъ или грозныхъ народныхъ волненій, и революціонная жизнь провинціальныхъ и студенческихъ кружковъ представлялась ему только сѣренькой приготовительной школой къ будущей борьбѣ, захватывающей и опьяняющей по своему величію.

Стремленіе къ полнотѣ революціоннаго упоенія, къ широкому размаху всѣхъ душевныхъ силъ, жажда борьбы à outrance и чуткая воспріимчивость къ красотѣ и поэзіи такой борьбы придавала его революціоннымъ рѣчамъ блескъ и силу, которыхъ онѣ не имѣютъ у правовѣрныхъ послѣдователей какой-нибудь незыблемой догмы. Красота героизма восхищала его повсюду, гдѣ бы она ни проявлялась, и протопопъ Аввакумъ, эстетически, какъ личность, какъ яркій образъ, былъ ему такъ же близокъ и понятенъ, какъ Муравьевъ-Апостолъ. По необходимости, въ цѣляхъ болѣе разносторонняго развитія, онъ добросовѣстно прочитывалъ трактаты по политической экономіи, статистическіе сборники и громоздкіе томы по всевозможнымъ предметамъ, но его любимымъ чтеніемъ, которому онъ отдавался съ увлеченіемъ, были труды по исторіи и болѣе всего—произведенія историковъ-художниковъ: Луи Блана, Мишле, Іоганна Шерра и т. п., а наряду съ этимъ политическіе памфлетисты: Поль-Луи-Курье, Берне, Свифтъ, Герценъ, Щедринъ. Въ его превосходной памяти удерживались цѣликомъ наиболѣе яркія мѣста и мѣткія фразы изъ такихъ авторовъ, и онъ пользовался ими такъ естественно, что выдержки и ссылки совсѣмъ не производили въ его рѣчи впечатлѣнія книжныхъ „цитатъ“, а казались красивыми цвѣтами, органически связанными со всѣмъ строемъ его собственной мысли.

Незаурядная начитанность, блескъ слова и бьющія черезъ край отвага и энергія уже сами по себѣ обезпечивали Поливанову видное мѣсто въ кружкахъ молодежи, но къ этимъ агитаторскимъ достоинствамъ у него присоединялись такія свойства, которыя привязывали къ нему людей, вызывая въ нихъ чувство личной симпатіи, нерѣдко переходившей въ прочную дружбу. Полная искренность и прямодушіе при чрезвычайной подвижности и общительности натуры доставляли ему быструю извѣстность и широкую популярность въ самыхъ разнообразныхъ кружкахъ въ Петербургѣ, въ Бѣлградѣ, въ Саратовѣ, всюду, гдѣ бы ни появлялась его сухощавая, стройная фигура съ смуглымъ лицомъ, живыми глазами и всегда горячей рѣчью.

Никто изъ знавшихъ Поливанова въ молодости не могъ сомнѣваться, что при такой пылкой жаждѣ подвига, которая составляла самую основу его души, рано или поздно онъ сложитъ свою голову въ освободительномъ движеніи, но никто не могъ бы подумать, что это произойдетъ такъ скоро и по такому случайному поводу, не въ возстаніи или широкомъ политическомъ заговорѣ, а при попыткѣ оказать дружескую услугу арестованному товарищу. Однако, случилось именно такъ. Начало восьмидесятыхъ годовъ, эпоха разгрома Народной Воли была совсѣмъ не такой порой, когда могли бы жить и дѣйствовать люди этого типа. Судьба подстерегала

ихъ на каждомъ шагу. Наступала осень, и вихрь реакціи безпощадно уносилъ ихъ одного за другимъ, какъ послѣдніе листья съ умирающаго лѣса... Для такихъ натуръ, какъ Поливановъ, осталось тогда только одно мѣсто: „тамъ, гдѣ буря на просторѣ надъ пучиною шумитъ", на каменистомъ островкѣ Ладожскаго озера, въ наглухо закрытыхъ для бѣлаго свѣта тайникахъ Шлиссельбургской крѣпости... И тамъ именно онъ и оказался...

Оттуда онъ вышелъ надорваннымъ физически, съ сѣдиной въ волосахъ, но съ прежней жаждой борьбы, неукротимый по прежнему и готовый тотчасъ же къ новымъ жертвамъ.

Однако жизнь показала, что одной готовности мало. Нужны и силы чисто физическія, которыхъ не осталось, а Поливановъ менѣе кого бы то ни было другого былъ бы способенъ propter vitam vivendi perdere causam.

Смыслъ жизни для него состоялъ въ борьбѣ, силу терпѣнія, чтобы вынести двадцать лѣтъ неволи, онъ находилъ въ надеждѣ вернуться опять подъ дорогія знамена, и если эта надежда оказалась иллюзіей, то онъ предпочелъ изъ міра иллюзій уйти въ міръ небытія и покончилъ съ собой.

Такова была судьба этого человѣка, который далъ освободительному движенію гораздо меньше того, что могъ бы дать по своимъ дарованіямъ, но вынесъ ради нея гораздо больше того, что, казалось, могъ бы вынести по своимъ силамъ.

Семья, въ которой родился Петръ Сергѣевичъ Поливановъ, была помѣщичья семья средняго достатка (въ имѣніи его отца было первоначально около 1 тысячи десятинъ земли), но духъ этой семьи и та атмосфера, которая окружала мальчика съ дѣтства, имѣли въ себѣ нѣкоторыя особенности, несомнѣнно отразившіяся на характерѣ будущаго революціонера. Прежде всего выдѣлялась изъ ряда обыкновенныхъ степныхъ помѣщиковъ личность Поливанова-отца.

Сергѣй Петровичъ въ молодости былъ гвардейскимъ офицеромъ, но впослѣдствіи онъ перевелся въ кавказскую армію, принималъ участіе въ войнѣ 53—55 гг. и при штурмѣ Карса былъ весь израненъ. По выходѣ въ отставку короткое время онъ состоялъ на гражданской службѣ, но большую часть жизни провелъ у себя въ имѣніи, въ селѣ Ключи, Балашовскаго уѣзда Саратовской губерніи. Мать Сергѣя Петровича, урожденная Норова, была племянницей декабриста Норова; это родство было извѣстно Петѣ съ дѣтства и, сколько мнѣ помнится изъ интимныхъ бесѣдъ, онъ съ самаго ранняго возраста привыкъ благоговѣйно чтить память героическаго поколѣнія двадцатыхъ годовъ. Такъ какъ жена Сергѣя Петровича послѣ нѣсколькихъ лѣтъ брака впала въ тяжелое

психическое разстройство и жила послѣ того внѣ семьи, подъ наблюденіемъ врачей, то преобладающее вліяніе на мальчика принадлежало Сергѣю Петровичу, человѣку въ высшей степени мягкому, деликатному, непрактичному, склонному не столько къ службѣ и къ сельскому хозяйству, сколько къ тихому кабинетному труду, къ изящной литературѣ и поэзіи. Любимымъ его поэтомъ былъ Викторъ Гюго, изъ котораго Сергѣй Петровичъ многое перевелъ, хотя его переводы остались только въ рукописи. Иногда онъ и самъ писалъ стихи и нѣкоторые даже печаталъ. Наряду съ французскими поэтами С. П. горячо любилъ русскую журналистику, слѣдилъ и за нелегальной литературой, и въ позднѣйшіе годы, по воспоминаніямъ его дочери, полученіе книжки „Отечественныхъ Записокъ", листка „Народной Воли" или „Чернаго Передѣла" являлось цѣлымъ радостнымъ событіемъ въ однообразной тишинѣ ихъ деревенской жизни. Понятно, что общественные взгляды такого человѣка, вначалѣ вовсе не революціонные, были, однако, широки и прогрессивны. Въ кругу семьи С. П. не скрывалъ, что себя и другихъ помѣщиковъ онъ считалъ эксплуататорами крестьянъ, но, не имѣя силъ порвать со слишкомъ привычной обстановкой, онъ старался всячески смягчить свои отношенія къ зависимымъ отъ него людямъ, постоянно оказывалъ помощь сосѣднимъ крестьянамъ, поддерживалъ сельскую школу, защищалъ учителей и учительницъ отъ доносовъ и преслѣдованій поповъ и міроѣдовъ. Особенно характерно было его отношеніе къ очень многочисленнымъ случаямъ мелкихъ порубокъ, потравъ и т. п. проявленій со стороны крестьянъ ихъ глубокаго антагонизма къ помѣщикамъ. „Однажды,—разсказываетъ его дочь,— я, будучи еще дѣвочкой лѣтъ четырнадцати, очень возмутилась кражей съ гумна соломы и хвороста изъ лѣса, и отецъ доказывалъ мнѣ, что это вполнѣ естественное явленіе, и что „мы" не пойдемъ красть, такъ какъ у насъ все есть, и мы знаемъ къ тому же, что красть нехорошо, и что сердиться на мужиковъ мы „не имѣемъ права": мы обезпечены, а кругомъ нищета и невѣжество".

Повидимому, Поливановъ-сынъ сознавалъ, какъ многимъ онъ духовно обязанъ отцу, и навсегда сохранилъ къ нему глубокое уваженіе. Послѣ шестнадцати лѣтъ одиночнаго заключенія безъ всякой вѣсти о судьбѣ близкихъ, получивъ, наконецъ, возможность переписываться съ сестрой и узнавъ отъ нея сразу обо всемъ, что случилось за эти годы, онъ писалъ ей 15-го марта 98-го года: „Сегодня я получилъ извѣстіе, что отецъ умеръ еще въ 87 году, что ты неоднократно наводила обо мнѣ справки и тебѣ послано извѣщеніе относительно переписки. Ты помнишь, какъ сильно я любилъ отца, ты знаешь, какой это былъ прекрасный человѣкъ, какая чистая, благородная душа, и нѣтъ надобности говорить,

какъ страстно мнѣ хотѣлось бы хоть разъ еще увидать его, и съ какой болью я думаю, что этого уже никогда, никогда не будетъ. Напиши мнѣ подробнѣе о его послѣднихъ годахъ...“ А черезъ четыре мѣсяца послѣ этого онъ вновь пишетъ ей: „Ахъ, не могу не только писать, но и думать о смерти отца. Знаешь ли, я послѣ твоего письма ходилъ нѣсколько дней какъ въ угарѣ. Такъ было все ужасно, такъ чудовищно невѣроятно. Вмѣстѣ съ этимъ лопнула еще одна изъ тѣхъ немногихъ ниточекъ, которыя привязывали меня къ жизни и къ волѣ. Теперь, когда нѣтъ отца, будущее мнѣ представляется еще болѣе непригляднымъ и, право, лучше бы мнѣ навсегда остаться за этими стѣнами, чѣмъ выйти неизвѣстно зачѣмъ и для чего, да еще къ тому же—развалиной...“

На ряду съ интеллигентной и гуманной атмосферой родительскаго дома на душу мальчика съ самаго ранняго возраста оказала глубокое вліяніе наша русская природа, красоту которой онъ научился чувствовать еще ребенкомъ. Родившись 1859 году на Кавказѣ, когда отецъ его еще былъ офицеромъ, Петя въ слѣдующемъ же году, съ выходомъ отца въ отставку, былъ перевезенъ въ имѣніе дѣдушки Петра Николаевича, въ село Высокое, на берегу Ветлуги, въ 80 верстахъ отъ Нижняго-Новгорода. Тамъ прошли его первые годы, а впослѣдствіи онъ каждое лѣто проводилъ или у отца, въ Ключахъ, или у дяди Николая Петровича, въ Дмитровскомъ уѣздѣ Московской губерніи. Уже четырехлѣтнимъ мальчикомъ, по воспоминаніямъ его дяди, Петя любилъ природу и просторъ полей. Не ограничиваясь постоянной бѣготней по саду, онъ часто забирался дальше, бродилъ по лугамъ, карабкался по оврагамъ, прятался во ржи и торжествовалъ, когда его долго не находили. Мальчикомъ лѣтъ одиннадцати онъ предпринималъ одинъ цѣлыя маленькія путешествія, пѣшкомъ или верхомъ, иногда съ ружьемъ, а иногда и просто ради прогулки. Впослѣдствіи онъ страстно полюбилъ охоту и, уже будучи революціонеромъ, урывалъ иногда день, чтобы, выбравшись изъ Саратова, побродить съ ружьемъ въ приволжскихъ улешахъ или въ густыхъ заросляхъ Зеленаго Острова. Изъ письма къ дядѣ, отправленнаго изъ Шлиссельбурга въ 900 г., видно, какъ глубоко запали въ дѣтскую душу впечатлѣнія той поры. „Я, какъ и ты,—пишетъ узникъ въ ожиданіи скорой отправки въ Сибирь,—горячо желаю нашей встрѣчи; хотѣлось бы еще хотя разъ обнять тебя передъ отъѣздомъ въ Сибирь и вспомнить все то, что насъ связываетъ: и моего отца, и дальніе дѣтскіе годы, нашу жизнь въ Высокомъ еще при жизни дѣда и бабушки, которые вмѣстѣ съ тобой такъ баловали меня и такъ любили. Когда я вспоминаю эти времена, то вижу все такъ отчетливо, такъ ясно, какъ будто

бы только 2—3 года назадъ стоялъ я въ саду надъ обрывомъ, любуясь Ветлугой, копая въ глинѣ пещеры или пуская въ цѣль стрѣлы изъ лука, который мнѣ сдѣлалъ Миша. Какъ сильно врѣзываются въ память впечатлѣнія дѣтства! Просто не вѣрится иногда, что съ тѣхъ поръ прошло 35 лѣтъ! Я живо представляю себѣ все: и милыя лица, меня окружавшія, и обстановку со всѣми ея мелочами. Помню и солнечные часы на дворѣ, и ломберный столъ бабушки, кабинетъ дѣда, и висѣвшую на стѣнѣ цѣпь мирового посредника, твою спальню, гдѣ на стѣнѣ было развѣшано привезенное тобою съ Кавказа оружіе: черкесскія винтовки, шашки, кинжалы, и гдѣ всегда было страшно холодно. Я проникся большимъ уваженіемъ къ тебѣ, когда разъ услышалъ, какъ ты доказывалъ отцу, что въ спальнѣ долженъ быть всегда свѣжій, даже холодный воздухъ: 8° или 10°. Спать при такой температурѣ мнѣ показалось чѣмъ-то героическимъ!—Пишу я это, а волна воспоминаній поднимается все выше и выше, и выноситъ изъ глубины души тысячи мелочей, казалось—давно уже погребенныхъ на вѣки. Вотъ сейчасъ припомнилась лиственница, посаженная мной у балкона. Ты выбралъ деревцо вышиной какъ разъ въ мой ростъ, и я часто подбѣгалъ къ ней впослѣдствіи, чтобы, по твоему совѣту, посмотрѣть, кто изъ насъ растетъ быстрѣе? Вотъ, припомнился старикъ Мартынъ и его охотничьи разсказы, которые я слушалъ съ такимъ вниманіемъ и волненіемъ, со слезами на глазахъ умоляя его взять меня на охоту, потому что „я уже большой, совсѣмъ большой: скоро минетъ 7 лѣтъ!“ Долженъ признаться, былъ я порядочнымъ сорванцемъ, много было со мной всякихъ хлопотъ и заботъ, и только теперь, когда у меня самого пробивается сѣдина въ волосахъ, я могу должнымъ образомъ оцѣнить всю доброту, все терпѣніе окружавшихъ меня лицъ, изъ которыхъ только одинъ ты остался, только тебя одного могу я поблагодарить...“

Въ другомъ письмѣ изъ крѣпости, обращенномъ къ сестрѣ, Поливановъ говоритъ ей о себѣ: „Было время, тяжелое время, когда я испытывалъ такую жгучую душевную боль, такія муки, что просто удивляюсь, какъ я не сошелъ съ ума. Мнѣ, которому городъ казался тюрьмой, которому безъ простора лѣса и степи жизнь казалась неволей,—было по временамъ особенно тяжело въ тюрьмѣ. Помню, иногда ранней весной (это съ дѣтства было мое любимое время), когда начинается ледоходъ, пробивается первая зелень, открывается перелетъ дичи,—я чувствовалъ себя одной изъ этихъ птицъ, запертой въ клѣткѣ. Свистъ кроншнеповъ, кряканье утокъ, гоготанье гусей, мелодичный трубный кликъ лебедей дѣйствовали на меня словно призывъ близкихъ, родныхъ мнѣ существъ. Ты этому не удивишься, такъ какъ помнишь, какимъ дикаремъ я былъ въ дѣтствѣ, какъ я лю-

билъ природу, какимъ былъ страстнымъ охотникомъ. А въ это же время налегали на душу мысли объ отцѣ, о сестрахъ, о всѣхъ близкихъ людяхъ, воспоминанія о прошломъ, мысли о томъ, какъ все могло бы быть, и какъ оно вышло на самомъ дѣлѣ..."

Тѣ же, запечатлѣвшіяся на всю жизнь воспоминанія дѣтства и среди нихъ не потускнѣвшія отъ времени картины родной природы, прорываются мѣстами въ литературныхъ произведеніяхъ Поливанова, а однажды они почему-то нашли свое выраженіе во французскихъ стихахъ, написанныхъ имъ въ 98 году для сестры. Въ письмѣ къ ней, отправленномъ изъ крѣпости 26-го августа, онъ говоритъ, между прочимъ:

„Стихи писать я давно бросилъ, но недавно пришла какъ-то вдругъ фантазія попробовать, не могу ли я написать стихи по-французски. Вышло не блестяще, но на стихи похоже. Посылаю ихъ тебѣ, надѣюсь, что ты будешь снисходительна, во 1) потому, что это первый и, вѣроятно, послѣдній опытъ, а во 2) потому, что я и не поэтъ, и не французъ, хотя очень люблю и хорошіе стихи, и французовъ,—хорошихъ, само собой разумѣется, и не декадентовъ, панамистовъ и антисемитовъ. Ну, вотъ тебѣ эти стихи:

Accablé des souffrauces,
Toujours pensif et seul,
Je vois mes éspérances
Le voiler d'un linceul,
Et, en couvoi funèbre,
Passant devant mes yeux,
M'envoyer des ténèbres
Leurs éternels adieux.
Mon âme triste et morne
Le tourne vers ces lieux,
Où d'un bonheur sans bornes
M'ont ébloui les cieux.
Verrai-je ces boi sombres
Des pins et des bouleaux,
Qui projettent leurs ombres
Sur la plaine de l'eau?
Et ces prairies vertes
Et ce fleuve désert,
Et les courlis alertes
Tournoyant dans les airs?
Et le vol lourd des cygnes
Dans le bleu du lointain,
Qui se voguent en lignes
Avec leur cri hautain?
Te voyerrai-je encore
Ma vie, mon amour,
Ma chère, que j'adore,
Viendra-t-il ce beau jour?
Dans ma douleur je pense
Toujours à toi, mon coeur,
Et je sens ta présence,
Quoique tu es ailleur,
Et, une chose étrange,
Ce tableau d'autrefois,—
T'en souviens-tu, mon ange?—
Me hante mainte fois:
Je vois ce lac limpide,
Où j'ai chassé souvent,
Qui s'agite et se ride
Sous le souffle du vent;
Je vois les nues blanche,
D'un essor audacieux,
Comme des avalanches,
Courrir le long des cieux;
Je vois la tête blonde,
Qui penche en me raillant,
Et se refflet sur l'onde
De ton sourir charmant..
Hélas! ce cher sourire,
Li mignon et si fin,
Qui me parlait sans dire,
Le reverrai-je enfin?..

Изо всего этого видно, что дѣтство въ жизни Поливанова составляло счастливую пору, когда душевныя силы ребенка могли развиваться свободно, при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ.

Школьные годы начались для Пети съ девятилѣтняго возраста. Его помѣстили въ приготовительный классъ извѣстной въ то время въ Москвѣ частной гимназіи его родственника Л. И. Поливанова. Педагоги съ большой похвалой отзывались о способностяхъ и блестящей памяти Пети и были довольны его быстрыми успѣхами, но указывали роднымъ на пылкость характера и неровности въ настроеніяхъ, уже тогда обращавшія на себя вниманіе. Мальчикъ иногда, безъ всякихъ видимыхъ основаній, отказывался отвѣчать урокъ; по временамъ онъ искалъ одиночества, удалялся съ книгой куда-нибудь на чердакъ и тамъ проводилъ цѣлые часы; не разъ имъ овладѣвали внезапные порывы самопожертвованія, и онъ совершенно неожиданно бралъ на себя вину товарища. Отъ одной пожилой дамы, хорошо знакомой съ нашимъ семействомъ и съ семействомъ Поливановыхъ, я слышалъ еще юношей такой разсказъ: маленькіе школьники поливановской гимназіи раздѣлялись въ то время на два индѣйскихъ племени, находившихся, какъ водится, въ непримиримой враждѣ; вождемъ одного изъ этихъ племенъ былъ Петя Поливановъ. Однажды въ жизни племени Пети произошло невѣроятное событіе: одинъ „индѣецъ“ измѣнилъ вождю и перебѣжалъ къ врагамъ. Послѣ этого „вождь“ исчезъ. Искали его долго и нашли, наконецъ, на чердакѣ съ признаками отравленія. Оказалось, что онъ не хотѣлъ „пережить позора“ и рѣшилъ уйти изъ этого презрѣннаго міра въ равнины Великаго Духа,—отъ чего, впрочемъ, его спасли надлежащими медикаментами... Нѣсколько позже у него на экзаменѣ произошло рѣзкое столкновеніе съ учителемъ греческаго языка, закончившееся тѣмъ, что мальчикъ, прервавъ отвѣты, повернулся спиной къ экзаменатору, вышелъ въ чемъ былъ изъ училища и отправился прямо на ярославскій вокзалъ. Съ 15 копейками въ карманѣ онъ сѣлъ въ вагонъ, добрался благодаря снисходительности кондуктора безъ билета до Хотькова, а отсюда нанялъ крестьянскую одноколку въ имѣніе дяди, который, какъ оказалось, какъ разъ въ это время выѣхалъ по своимъ дѣламъ въ Сергіевскій посадъ и съ немалымъ удивленіемъ встрѣтилъ племянника по дорогѣ.

Роднымъ стоило нѣкоторыхъ хлопотъ уладить этотъ случай, и Петя продолжалъ образованіе въ томъ же заведеніи, пока не перешелъ въ 6 классъ, когда онъ былъ переведенъ по какимъ-то семейнымъ соображеніямъ въ Нижній-Новгородъ и помѣщенъ въ домѣ своего дяди А. П. Поливанова. Это былъ человѣкъ совсѣмъ иного рода, чѣмъ Сергѣй и Николай Петровичи. Повидимому, его домъ и по строю жизни, и по царившему въ немъ духу, ничѣмъ не отличался отъ другихъ домовъ тогдашняго провинціальнаго дворянства, и вольнолюбивому по природѣ, не по лѣтамъ

развитому юношѣ, съ ясно опредѣлившимися къ этому возрасту идеалистическими стремленіями, было совершенно не по себѣ въ новой средѣ. Для характеристики этой среды и отношенія къ ней юноши-Поливанова достаточно будетъ привести коротенькій діалогъ „вступившаго на опасный путь“ племянника съ его безукоризненно благовоспитанной, благопристойной и благомыслящей тетушкой. Въ письмѣ къ сестрѣ (7 декабря 98 г.) Поливановъ, вспоминая нѣкоторыхъ родственниковъ, говоритъ, между прочимъ: „Я помню, какъ тетушка старалась мнѣ внушить „des idées plus justes et plus raisonables sur la vie“ (я былъ тогда еще 15-лѣтнимъ гимназистомъ). Мнѣ вспомнился финалъ одного нашего разговора: „Петя, mon ami, vous n'arriveez jamais!“ изрекла она пророческимъ, торжественнымъ тономъ.—„Que voulez-vous, ma tante? Je ne suis pas un arriviste, moi“ отвѣчалъ я со свойственнымъ моему возрасту легкомысліемъ. „Ce que je disais toujours“— произнесла она печальнымъ, совершенно упавшимъ голосомъ, словно объявляя мнѣ смертный приговоръ...“

„Les idées justes et raisonables sur la vie“ m-me Поливановой имѣли тѣмъ менѣе шансовъ подѣйствовать на юношу, что въ нижегородской гимназіи къ тому времени „нигилизмъ“ получилъ широкое распространеніе. Изъ позднѣйшихъ бесѣдъ съ Поливановымъ я заключаю, что среди его товарищей не было человѣка, который успѣлъ бы оказать на него вліяніе и увлечь своимъ словомъ или примѣромъ, но зато общій духъ гимназіи, какъ видно, отличался вполнѣ опредѣленной революціонностью. Изъ разсказовъ Поливанова объ этомъ періодѣ мнѣ запомнился, между прочимъ, такой эпизодъ: шелъ классъ греческаго языка; учитель замѣтилъ, что многіе гимназисты что-то уже очень усердно смотрятъ подъ парты: очевидно, тайкомъ читаютъ какія-то книжки,—едва ли учебники. Съ кошачьей осторожностью подкрался учитель къ одному; хвать изъ-подъ парты книгу; смотритъ: „Исторія французской революціи“ Минье. Немного погодя улавливаетъ другого:—„Исторія жирондистовъ“ Ламартина. Еще черезъ нѣсколько минутъ захватываетъ врасплохъ третьяго:—первый томъ „Исторіи французской революціи“ Луи Блана... Тогда педагогъ пришелъ въ неистовство и закричалъ пронзительнымъ голосомъ: „господа! вы, кажется, совсѣмъ позабыли, что у насъ не классъ французской революціи, а классъ греческой грамматики!“—и вслѣдъ за тѣмъ разразился классически-ругательной рѣчью о пагубности революцій и о спасительности грамматики...

Проникнувшись оппозиціоннымъ духомъ,—по воспоминаніямъ Н. П. Поливанова,—„Петя чуждался семьи дяди и даже уроки уходилъ готовить къ товарищамъ. Когда семья дяди ѣздила въ театръ, то приглашала въ свою ложу, конечно, и Петю, но Петя отказывался и на этотъ вечеръ при-

глашалъ къ себѣ товарищей". О чемъ они бесѣдовали и какія книги читали въ опустѣвшихъ гостиныхъ аристократической тетушки,—объ этомъ легко догадаться изъ предыдущаго... Однажды тетушка убѣдилась въ томъ, что ея худшія опасенія уже оправдались: въ комнатѣ Пети нашлись... прокламаціи. Въ результатѣ такого открытія послѣдовало бурное объясненіе; отъ Пети требовали обѣщанія никогда болѣе не прикасаться къ такимъ ужаснымъ произведеніямъ, а Петя категорически отказался дать такое обѣщаніе и,—какъ можно догадываться,—наговорилъ такихъ вещей, отъ которыхъ тетушкѣ едва не сдѣлалось дурно... Кончилось все это тѣмъ, что пріѣхалъ отецъ, увезъ Петю въ Саратовъ, и перевелъ его въ тамошнюю гимназію.

Саратовская гимназія того времени (1875 г.) была по господствовавшему въ ней настроенію еще революціоннѣе нижегородской. Въ томъ классѣ, въ который поступилъ Поливановъ, сколько мнѣ теперь помнится, было 35 воспитанниковъ и изъ нихъ 22 принадлежали къ кружку, имѣвшему свою тайную библіотеку и являвшемуся какъ бы центромъ для всей молодежи среднеучебныхъ заведеній „столицы Поволжья". Въ сношеніяхъ съ этимъ кружкомъ, и до нѣкоторой степени подъ его вліяніемъ, находились и гимназисты другихъ классовъ, и семинаристы, и гимназистки, и великое множество „бывшихъ" студентовъ, семинаристовъ, гимназистовъ, по разнымъ причинамъ покинувшихъ школу и теперь, по тѣмъ или инымъ своимъ заработкамъ, связывавшихъ кружокъ со средой учителей, телеграфистовъ, мелкихъ чиновниковъ и другихъ представителей интеллигентнаго и полуинтеллигентнаго пролетаріата. Жилось въ кружкѣ бойко. Студенты - саратовцы, пріѣзжавшіе въ городъ не только лѣтомъ, но и зимой, на Рождество, постоянно поддерживали связь между далекимъ, „понизовымъ" городомъ и центрами интеллектуальной жизни: Петербургомъ, Кіевомъ, Москвой, Харьковомъ и Казанью. Хотя и съ нѣкоторымъ опозданіемъ, но тѣ идеи, которыя вырабатывались въ этихъ центрахъ, доходили до Саратова и тамъ вызывали такое же броженіе, споры, а иногда и поголовное увлеченіе, какъ и всюду въ Россіи. Кромѣ того, въ 75 году молодежь находилась еще подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ налетѣвшей, какъ шумный и веселый весенній дождь, пропаганды 74-го года, имѣвшей въ Саратовѣ такихъ представителей, какъ Рогачевъ, Войнаральскій и мн. др. Недолгое пребываніе этихъ агитаторовъ въ городѣ оставило въ тѣхъ, кто ихъ зналъ, яркія воспоминанія,—а знали ихъ многіе, и въ товарищескихъ бесѣдахъ не было конца разсказамъ объ этомъ періодѣ. Въ сѣрой и обыденной жизни провинціальнаго города съ его обывательской средой, въ то время совершенно безыдейной и сонной, эти люди промелькнули какими-то метеорами, залетѣвшими

изъ совершенно иного міра и открывшими проблескъ въ этотъ иной міръ. Казалось тѣмъ, кто ихъ встрѣчалъ, что раньше всѣ шли какимъ-то унылымъ и вязкимъ путемъ, не зная: куда? и зачѣмъ?, только потому, что такъ велятъ, и вдругъ эти люди точно пелену какую-то сорвали съ глазъ и ввели за собой на высокую гору, откуда открылся безграничный просторъ дѣйствительной жизни, борьбы и упований человѣчества. Кто раньше слышалъ о человѣчествѣ? Всѣ слышали о статскихъ и о дѣйствительныхъ статскихъ совѣтникахъ, о мужикахъ и о мѣщанахъ, но человѣчество?.. его идеалы?.. его святыни?.. Это было такъ неожиданно и по своему значенію такъ огромно и радостно, что охваченный, или вѣрнѣе—озаренный пропагандою юноша чувствовалъ то же, что могъ бы почувствовать нищій, внезапно узнавшій, что онъ вовсе не нищій, а принцъ, и что назавтра его ожидаетъ не ночлегъ въ чижовкѣ, а царскій тронъ, подвиги и слава...

Недолго продолжалось общеніе молодежи съ „новыми людьми“. Уже вскорѣ почти всѣ эти „новые люди“ сидѣли въ старыхъ россійскихъ тюрьмахъ, и отрицаемая ими дѣйствительность собиралась отрицаніемъ и уничтоженіемъ ихъ самихъ утвердить себя навѣки. Имъ грозила Сибирь и каторга. Ихъ, молодыхъ и полныхъ жизни, представляли себѣ теперь блѣдными, изнуренными, а въ близкомъ будущемъ—закованными въ цѣпи, повторяющими крестный путь декабристовъ. Итти за ними, продолжать ихъ дѣло являлось необходимой нравственной потребностью, составлявшей отнынѣ основное стремленіе для многихъ только-что пробужденныхъ сердецъ. Охваченной такимъ настроеніемъ молодежи школьное задалбливаніе завѣдомыхъ ненужностей претило и вызывало въ ней озлобленіе противъ правительства, создавшаго умышленно нелѣпыя программы, и противъ школьнаго начальства, покорно проводившаго всѣ эти нелѣпицы въ жизнь. Но наряду съ отвращеніемъ къ казенной схоластикѣ,—какъ косвенный результатъ революціонной пропаганды,—въ молодежи возникъ напряженный интересъ къ естественнымъ наукамъ,—подъ вліяніемъ Писарева, Щапова и Бокля,—къ исторіи и политической экономіи,—подъ вліяніемъ П. Л. Лаврова и Чернышевскаго. Въ этомъ періодѣ установилось такъ, что именно юноши, наиболѣе глубоко проникнувшіеся новыми политическими идеями, оказались наиболѣе отзывчивыми и воспріимчивыми ко всякимъ идеямъ вообще; молодые революціонеры (пока еще платоническіе) по своей начитанности и развитію стояли гораздо выше товарищей, незатронутыхъ пропагандой, и это давало имъ въ своей средѣ извѣстный авторитетъ.

Поливановъ нашелъ въ кругу своихъ саратовскихъ сверстниковъ не только общее настроеніе, вполнѣ отвѣчавшее

его собственному, но и товарищей, равныхъ ему по развитію и рѣзко выдѣляющихся надъ общимъ уровнемъ по искренности и глубинѣ своего революціоннаго одушевленія. Всѣ они впослѣдствіи погибли. Понятно, что Поливановъ, при его склонности къ глубокимъ личнымъ привязанностямъ, не только сблизился съ ними на идейной почвѣ, но и проникся къ нимъ чувствомъ горячей любви и той, нѣсколько романтической дружбы, которая такъ легко завязывалась въ исключительныхъ условіяхъ того времени между молодыми революціонерами и часто сохранялась вплоть до эшафота. Съ друзьями Поливанова случилось такъ, что всѣ они были вырваны изъ жизни раньше его, и вотъ какъ болѣзненно онъ чувствовалъ ихъ отсутствіе въ послѣдній періодъ своего пребыванія на волѣ,—осенью 82-го года,—и въ какихъ горячихъ словахъ выразилъ онъ эти чувства еще позже въ своемъ очеркѣ „Алексѣевскій равелинъ":

„Передо мной встаетъ памятная ночь послѣдняго времени моей жизни на волѣ. Я сижу за письменнымъ столомъ, сжимая руками горячую голову; сижу, не знаю уже который часъ, съ измученной, разбитой душой, съ туманящимся взоромъ... Я просто задыхаюсь отъ недостатка воздуха, а въ душѣ у меня жгучая, сверлящая боль, подавившая во мнѣ все, и волю, и сознаніе. Я смотрю на письменный столъ. Вотъ передо мной письмо, каждое слово котораго ложится на сердцѣ, какъ пылающій уголь. Мнѣ больно, мучительно больно читать его. Я уже знаю его наизусть отъ слова до слова, но не въ силахъ оторвать отъ него глазъ. Наконецъ, я напрягаю волю, откидываюсь назадъ, и мой взглядъ падаетъ на лежащій на столѣ альбомъ, и съ моихъ губъ готово сорваться Некрасовское четверостишіе:

„Пѣсни вѣщія ихъ не допѣты:
„Пали вы жертвою злобы, измѣнъ
„Въ цвѣтѣ лѣтъ. На меня ихъ портреты
„Укоризненно смотрятъ со стѣнъ!"

„Да, мнѣ кажется, что эти милыя, безконечно дорогія лица смотрятъ на меня съ укоромъ. Мнѣ кажется, что они зовутъ меня къ себѣ, что они упрекаютъ меня за то, что они погибли, а я живъ...

„Вотъ изящное лицо красиваго блондина [1]), съ выпуклымъ, высокимъ лбомъ, съ чудными сѣрыми глазами, которые смотрятъ такъ холодно и надменно на этой фотографіи, но которые смотрѣли на меня такъ нѣжно, съ такой лаской, и кажется мнѣ, что онъ говоритъ: мои кости давно уже истлѣли въ невѣдомомъ мѣстѣ, безъ памятника, безъ креста, и въ то время, когда мое тѣло засыпали негашенною

[1]) Степанъ Ширяевъ, осужденный въ 80 году по дѣлу 16-ти террористовъ.

известью, ты весело встрѣчалъ новый годъ, ты жилъ и не отомстилъ за меня"!..

„Вотъ другое лицо,—и мнѣ становится страшно: теперь эта кудрявая голова обрита [1]), на плечахъ сѣрая куртка, на ногахъ кандалы, а впереди—долгіе годы страданій, лишеній, униженій... Рядомъ третье лицо, умное, съ выраженіемъ затаеннаго страданія. Онъ сошелъ съ ума въ тюрьмѣ [2]). Я вспоминаю то время, чистое, хорошее, когда мы, четверо, почувствовали себя связанными на жизнь и на смерть и эту горячую любовь другъ къ другу унесли съ собой каждый, уходя изъ жизни. Я вспомнилъ весну 75 года, когда мы были редакторами революціоннаго журнала, который издавалъ нашъ гимназическій кружокъ. Теперь уцѣлѣлъ только одинъ я. Вотъ и еще дорогія лица, съ которыми разлучила меня волна жизни и съ которыми никогда, никогда больше не увидишься..."

Въ числѣ этихъ дорогихъ для Поливанова лицъ нельзя не упомянуть Евгенія Дубровина, одного изъ наиболѣе близкихъ друзей Петра Сергѣевича, впослѣдствіи сосланнаго въ каторгу по дѣлу о сношеніяхъ Исполнительнаго Комитета „Народной Воли" съ заключенными Алексѣевскаго равелина; къ ихъ же кругу принадлежалъ и Валеріанъ Балмашевъ, который нѣсколько лѣтъ спустя, когда у него родился сынъ, назвалъ его Степаномъ [3]), какъ у насъ говорили, именно въ честь своего ближайшаго друга—Степана Ширяева. Принадлежало къ этому кружку и много другихъ лицъ, работавшихъ впослѣдствіи для революціи, но тѣ трое, которыхъ вспоминаетъ Поливановъ въ приведенныхъ строкахъ, были несомнѣнно наиболѣе выдающимися въ своей средѣ юношами, и ихъ дальнѣйшая судьба сложилась не менѣе трагично, чѣмъ его собственная: Степанъ Ширяевъ, приговоренный къ вѣчному заключенію, погибъ въ Алексѣевскомъ равелинѣ; Бобоховъ, послѣ десяти лѣтъ каторги, окончилъ жизнь, вмѣстѣ съ Калюжнымъ, Калюжной, Ковалевской и Смирницкой, протестуя коллективнымъ самоубійствомъ противъ надругательства властей надъ осужденной женщиной (Н. К. Сигидой, лично ему совершенно неизвѣстной); Шиловцевъ—погасъ еще въ тюрьмѣ и умеръ въ казанскомъ домѣ умалишенныхъ...

Такая участь ожидала ихъ уже въ близкомъ будущемъ, но зато, какъ бы въ возмѣщеніе всего предстоявшаго, раннее утро ихъ недолгой жизни было озарено необыкновенно яркимъ свѣтомъ. Нѣсколько лѣтъ спустя, въ письмѣ къ

---

[1]) Сергѣй Бобоховъ, осужденный въ 80 году военнымъ судомъ въ Архангельскѣ.

[2]) Дмитрій Шиловцевъ,—уже сумасшедшій былъ сосланъ въ Вологодскую губернію.

[3]) Степанъ Валеріановичъ Балмашевъ—убійца Сипягина.

П. Л. Лаврову [1]), Степанъ Ширяевъ такъ вспоминаетъ этотъ періодъ:

„Начавшееся въ 73 году антигосударственное, антиправительственное „броженіе“ застало меня совсѣмъ мальчикомъ, ученикомъ 6-го класса гимназіи. Сначала, какъ водится, начали ходить неопредѣленные слухи „о чемъ-то“, а потомъ дѣло выяснилось и болѣе. Съ жадностью накинулись мы—я и мои товарищи—на запрещенный плодъ, сразу поглотили все, что было, ходили какъ отуманенные, какъ помѣшавшіеся,—такъ все было ново, неожиданно, и, въ то же время, просто, невыразимо увлекательно...

„... Конецъ 1874 и начало 1875 годовъ,—послѣднее время моего пребыванія въ гимназіи—было лучшимъ для меня временемъ во всю гимназическую жизнь. Гимназію я почти забросилъ,—ходилъ въ классъ раза два-три въ мѣсяцъ, отзываясь болѣзнью,—имѣлъ уроки на сумму около 30 рублей,—жить, значитъ, можно было хорошо; завелъ сношенія съ семинаристами, съ нѣкоторыми сошелся хорошо; всѣ лучшіе гимназисты были моими товарищами; собирались у меня по вечерамъ, читали, толковали...“

Поливановъ, какъ и Бобоховъ, какъ и всѣ ихъ друзья, вели такой же образъ жизни: гимназію они посѣщали только затѣмъ, чтобы встрѣчаться съ товарищами, раздавать имъ нелегальныя новинки и обмѣниваться идеями и впечатлѣніями, но зато внѣ казенныхъ стѣнъ, въ собственныхъ комнаткахъ и въ тѣсной залѣ тогдашней публичной библіотѣки эти упорные школьные абсентеисты просиживали не разгибаясь за книгами долгіе часы и затѣмъ въ своемъ товарищескомъ кружкѣ со страстнымъ увлеченіемъ отдавались обсужденію прочитаннаго и выработкѣ основъ, какъ показало дальнѣйшее, столь прочно ими усвоеннаго, демократическаго и революціоннаго міросозерцанія.

О характерѣ этого внѣшкольнаго труда можно составить себѣ вѣрное представленіе по автобіографической выдержкѣ изъ того же письма Ширяева къ П. Л. Лаврову, которое уже приводилось нѣсколькими строками выше; весной 76 года Ширяевъ,—въ то время уже студентъ Харьковскаго ветеринарнаго института,—по его словамъ: „успѣлъ кое-что сдѣлать: занялся политической экономіей, что,—при отсутствіи всякой подготовки, при отсутствіи лицъ, могущихъ быть, нѣкоторымъ образомъ, руководителями, представляло не мало трудностей; прочелъ я нѣсколько разъ, проконспектировалъ Милля, дополненія и объясненія Чернышевскаго, прочелъ Смита, кое-какія монографіи и трактаты буржуазныхъ экономистовъ, потомъ,—въ теченіе почти полугода—„зудилъ“ „Капиталъ“ Маркса и прозудилъ основательно. Занимался

[1]) Заграничное „Былое“. Выпускъ № 2.

также исторіей, преимущественно русской и исторіей революцій во Франціи; познакомился здѣсь впервые основательно съ соціально-революціонной прессой, и кромѣ того, что было важно для меня, довольно основательно познакомился съ харьковской радикальной молодежью, узналъ, какъ ведутся тамъ дѣла".

Въ описываемый періодъ, когда всѣмъ членамъ кружка было лѣтъ по 16—19, заботы о саморазвитіи стояли для нихъ на первомъ планѣ, но цѣлью этого саморазвитія въ глазахъ каждаго являлось не просто совершенствованіе собственной личности, но непремѣнно подготовка себя къ борьбѣ за народъ, выработка своихъ силъ именно для использованія ихъ цѣликомъ въ этой великой борьбѣ.

Пребываніе въ гимназіи при такомъ настроеніи являлось невыносимымъ и безцѣльнымъ, и въ 76 году всѣ четверо друзей вышли изъ 7-го класса, и трое изъ нихъ потянулись къ центрамъ тогдашняго движенія: Ширяевъ, какъ мы видѣли, уѣхалъ въ Харьковъ, а Шиловцевъ и Бобоховъ—въ Петербургъ, гдѣ они зачислились студентами на ветеринарное отдѣленіе медико-хирургической академіи. Поливановъ не послѣдовалъ за ними, такъ какъ его увлекла возможность воочію увидѣть „возстаніе" и пріобрѣсти „боевую подготовку" для будущей русской революціи.

Всколыхнувшая къ тому времени русскую интеллигенцію кровавая борьба на Балканахъ была прежде всего борьбой за свободу, и уже по тому одному она вызывала всеобщее сочувствіе; но у многихъ къ этому мотиву присоединялся и другой: на вопросъ, что должно возникнуть на мѣстѣ разрушенныхъ деспотій,—почти всякій изъ товарищей Поливанова отвѣтилъ бы не задумываясь: вольные союзы свободныхъ народовъ, т. е. федераціи—славянская, германская, романская. Анархизмъ Прудона и Бакунина усваивался молодыми прозелитами этого ученія, главнымъ образомъ, въ его критической части; послѣ статьи П. Л. Лаврова „Кому принадлежитъ будущее", производившей въ то время чрезвычайно глубокое впечатлѣніе, послѣ „Системы противорѣчій" Прудона и „Государственности и Анархіи" Бакунина, ни одна изъ существующихъ государственныхъ формъ уже не казалась удовлетворительной, но и полная дезорганизація человѣческаго общества, индивидуализмъ, какъ ничѣмъ не ограниченный произволъ отдѣльной личности, тоже никого не плѣняли, и ан-архія представлялась всѣмъ вовсе не анархіей (безъ тирэ), а союзомъ, гораздо болѣе совершеннымъ и прочнымъ, чѣмъ всѣ существующіе, т. к. въ основу его будетъ положено не грубое насиліе своекорыстныхъ властей, а общая польза и всеобщій подъемъ подавляемыхъ полицейскимъ и классовымъ государствомъ благороднѣйшихъ духовныхъ силъ человѣческой личности. Идеалъ этотъ былъ очень

туманенъ и въ сущности имѣлъ не политическій, а чисто моральный характеръ; но если кто-нибудь стремился облечь мечту въ болѣе конкретныя формы, то онъ почти неизбѣжно приходилъ къ мысли о федераціи народностей, наиболѣе близкихъ по языку и культурѣ, какъ о формѣ общежитія, составляющей ближайшую и неизбѣжную ступень на пути человѣчества къ тому состоянію, когда „сгинетъ зло, сгинетъ ложь навсегда, и сольются въ едино народы въ вольномъ царствѣ Святого Труда“...

Такимъ образомъ, теоретическій, офиціально признаваемый анархизмъ во многихъ головахъ не только уживался, но самъ пораждалъ наклонность къ демократическому панславизму въ духѣ Шевченко и Костомарова. Благодаря этому страстные призывы Аксакова итти на помощь „братьямъ-славянамъ“ нашли откликъ не только въ массѣ, отдававшейся исключительно стихійному племенному чувству, но и въ нѣкоторой части тогдашняго радикальнаго міра. Клеменцъ, Кравчинскій, Ярошенко, Далматовъ и много другихъ представителей передовой молодежи пошли тогда въ Сербію и и въ Болгарію, и нѣкоторые изъ нихъ сложили свои головы подъ турецкими пулями.

У Поливанова, какъ я хорошо помню, въ товарищескихъ спорахъ о томъ: итти или не итти въ Сербію?—очень видное мѣсто занималъ, между прочимъ, и практическій аргументъ: въ близкомъ будущемъ намъ и самимъ, у себя дома, предстоитъ перейти отъ словъ къ дѣлу и начинать возстаніе, но какіе же мы будемъ повстанцы, не имѣя ни военныхъ знаній, ни боевого навыка?—Необходимо, чтобы въ нашей средѣ были опытные воины, и Сербія должна послужить намъ военной школой.

Среди молодежи было не мало лицъ, не соглашавшихся съ тѣми доводами, какіе приводились въ пользу участія въ возстаніи, но ихъ аргументація не повліяла на Поливанова: его активный темпераментъ неудержимо увлекалъ его туда, гдѣ велась борьба не на словахъ, а на дѣлѣ, и онъ, вопреки убѣжденіямъ многихъ друзей, все-таки рѣшилъ ѣхать въ Сербію. По воспоминаніямъ Н. П. Поливанова, когда Сергѣй Петровичъ пытался отговорить сына отъ опаснаго шага, то 18-лѣтній доброволецъ прервалъ его увѣщанія словами: „отецъ, въ мои годы ты уже былъ на штурмѣ Карса съ простреленной головой,—почему же мнѣ не постоять за освобожденіе славянъ?“ Убѣдившись въ твердой рѣшимости Пети итти противъ турокъ, С. П. воспользовался своими связями и добылъ сыну рекомендаціи отъ родственника Поливановыхъ, тогдашняго предсѣдателя Славянскаго Комитета К. Н. Бестужева-Рюмина, къ Черняеву и Дандевилю, но юноша взялъ эти рекомендаціи только для того, чтобы не огорчать отца, но на дѣлѣ ими не воспользовался, говоря:

„зачѣмъ мнѣ эти письма? я иду туда такимъ же добровольцемъ, какъ и тысячи другихъ".

Проводили его изъ Саратова честь-честью, какъ и вообще провожали тогда добровольцевъ, и на долгое время онъ исчезъ съ мѣстнаго горизонта, давая о себѣ знать товарищамъ почти исключительно черезъ письма къ одной молодой дѣвушкѣ, А. М. Ф—вой, вращавшейся въ томъ же кружкѣ и раздѣлявшей идеи и интересы кружка. Письма эти сохранялись у нея еще много лѣтъ спустя, но въ концѣ концовъ погибли при одномъ внезапномъ обыскѣ, и это очень жаль, т. к. въ нихъ молодой доброволецъ чрезвычайно живо, со свойственной ему непосредственностью и правдивостью, описывалъ и добровольческую среду, и общую атмосферу возстанія, и особенно—внутреннюю жизнь только-что зарождавшихся тогда въ Сербіи соціалистическихъ кружковъ, съ которыми онъ быстро сблизился. По возвращеніи изъ Сербіи онъ разсказывалъ всего болѣе именно о Бѣлградѣ и о бѣлградскихъ радикалахъ; о своихъ „боевыхъ подвигахъ" онъ вовсе не упоминалъ; но въ воспоминаніяхъ Н. П. Поливанова, со словъ одного доктора, бывшаго на войнѣ, говорится, что Петръ Сергѣевичъ участвовалъ въ сраженіи при Дюнишѣ и однажды, вмѣстѣ съ двумя товарищами, которые при этомъ погибли, пробрался по лѣсистымъ горамъ черезъ мѣстность, занятую турками, изъ Сербіи въ Черногорію, доставилъ черногорскому отряду коробку съ динамитомъ и принесъ обратно какое-то письменное сообщеніе сербамъ. Какъ бы то ни было, но того „боевого опыта", о которомъ мечталъ Поливановъ, отправляясь въ Сербію, онъ тамъ не успѣлъ пріобрѣсти, главнымъ образомъ, благодаря тому, что вскорѣ же послѣ его прибытія было заключено довольно продолжительное перемиріе, и ему, по просьбѣ кого-то изъ вождей, чуть ли не знаменитаго въ то время Любибратича, пришлось отдать свой трудъ необходимой для дѣла, но вполнѣ прозаической канцелярской и почтовой работѣ. Съ большимъ юморомъ подсмѣиваясь надъ самимъ собой, онъ разсказывалъ впослѣдствіи, какъ, вмѣсто того, чтобы упиваться „грохотомъ орудій и звономъ мечей", онъ много дней корпѣлъ надъ разборкой писемъ и бумагъ, сопоставляя про себя всю прозу своего занятія съ тѣми байроническими впечатлѣніями, которыхъ онъ ожидалъ отъ участія „въ борьбѣ народа, возставшаго за свою свободу"...

Однако, если „поле битвы" не оставило въ немъ особенно яркихъ воспоминаній, то внутренняя борьба молодой сербской интеллигенціи со своимъ пропоицей и картежникомъ Миланомъ, успѣвшимъ въ моментъ всеобщаго одушевленія и тяжелыхъ всенародныхъ жертвъ довольно ловко обдѣлать свои королевскія дѣлишки, увлекла нашего саратовскаго радикала и втянула его въ кругъ домашнихъ серб-

скихъ интересовъ. Вмѣстѣ со своими пріятелями изъ сербовъ онъ что-то затѣвалъ противъ Милана, но, благодаря случайности, его конспирація преждевременно раскрылась. Н. П. Поливановъ разсказываетъ объ этомъ такъ: „Король Миланъ прислалъ добровольцамъ медальки за храбрость. При раздачѣ ихъ Петя отказался принять: не надо мнѣ благодарности вашего Милана! Не для него я пришелъ сюда; не надо мнѣ его медали! Эта выходка обратила на него вниманіе; былъ произведенъ обыскъ; нашли письменные документы... Онъ былъ арестованъ; держали его въ строгомъ заключеніи пока велось слѣдствіе объ организаціи заговора. Я видѣлъ Петю уже въ Ключахъ,—изможденный, худой,—онъ только-что пріѣхалъ въ сопровожденіи двухъ жандармовъ. Говорю ему: „что тебѣ за дѣло до Милана? Пошелъ ты воевать противъ турокъ,—ну, хорошо, и воюй. Что тебѣ до того, кто у нихъ король—Миланъ или Емелька?“ „Какъ что за дѣло, дядя? Если бы ты зналъ только, какой онъ негодяй!“... Много горячился, говоря про Милана и разсказывая всѣ его гадости...“

Въ кругу саратовскихъ товарищей Поливановъ появился вновь весной 77 года и нашелъ во всемъ большія перемѣны. Пока онъ былъ на Дунаѣ и увлекался борьбой противъ турокъ и короля Милана, его друзья на Волгѣ сдѣлали дальнѣйшій шагъ въ своемъ революціонномъ развитіи: отъ самообразованія и распространенія соціалистическихъ идей въ интеллигентной молодежи они перешли къ пропагандѣ среди рабочихъ. Въ другомъ очеркѣ [1]) я разсказывалъ вкратцѣ о дѣятельности Гераклитова [2]) и организованнаго имъ „кружка пропагандистовъ“; поэтому здѣсь я не буду повторять внѣшней исторіи этого и другихъ, позже возникшихъ, саратовскихъ кружковъ, и ограничусь лишь тѣмъ, что необходимо для связности разсказа. Въ февралѣ 77 года основанная Гераклитовымъ организація была разгромлена жандармами; самъ Гераклитовъ и Степанъ Ширяевъ успѣли на время скрыться заграницу; Бобоховъ и четверо другихъ пропагандистовъ сидѣли въ тюрьмѣ; тамъ же пребывало и нѣсколько человѣкъ изъ числа самыхъ твердыхъ и сознательныхъ рабочихъ, захваченныхъ пропагандой: рѣзчикъ Рябовъ, слесаря Нагель и Бобылевъ. Шиловцевъ, Е. Дубровинъ и много другихъ лицъ были подвергнуты кратковременному аресту и находились подъ надзоромъ полиціи. Такимъ образомъ, въ отсутствіе Поливанова его друзья получили свое „первое крещеніе“ или, какъ тогда выражались,—„побывали въ огнѣ“, и кругъ ихъ сильно порѣдѣлъ, но зато чрезвычайно поднялось и окрѣпло

---

[1]) Заграничное „Былое“, т. II. „Изъ жизни саратовскихъ кружковъ“.

[2]) Вернувшись изъ-за границы, Гераклитовъ былъ арестованъ въ Москвѣ; бѣжалъ изъ тюрьмы, и вскорѣ же умеръ отъ чахотки, нелегальнымъ.

ихъ революціонное настроеніе. Воспріимчивость, которую обнаружили городскіе рабочіе къ соціалистическимъ идеямъ, послужила въ глазахъ пропагандистовъ неопровержимымъ доказательствомъ жизненности этихъ идей. Таинственный и далекій, извѣстный ранѣе только по книгамъ, міръ „труждающихся и обремененныхъ“ раскрылъ передъ взорами интеллигентныхъ друзей теоретическаго „народа“ одинъ свой уголокъ, и каждый могъ воочію увидѣть частицу этого народа и соприкоснуться хоть отчасти съ его трудовой жизнью. Эта жизнь оказалась, дѣйствительно, ужасна. Книги насъ не обманули. И эти люди изъ народа, работавшіе по 12 и 15 часовъ въ сутки въ душныхъ заводахъ и пыльныхъ мастерскихъ, такіе непохожіе на насъ съ виду, лохматые и покрытые копотью,—они оказались, дѣйствительно, живыми людьми съ чуткой душой, съ неугасшимъ стремленіемъ къ свѣту, къ свободѣ, къ мечтѣ о всемірномъ братствѣ...

Наши книги и въ этомъ насъ не обманули. Впечатлѣніе было глубоко... И ужъ, конечно, не административными репрессіями можно было ослабить и потушить въ молодыхъ сердцахъ тотъ огонь, которымъ они пылали. Товарищи, сидѣвшіе въ тюрьмѣ, еще вчера были для насъ только хорошими товарищами; но теперь, когда они являлись жертвами борьбы и на дѣлѣ доказывали свою преданность народу, спокойно вынося лишеніе свободы и ожиданіе ссылки, они сразу превратились для своихъ друзей на волѣ въ героевъ и мучениковъ, ихъ образъ въ общей памяти какъ-то просвѣтлѣлъ, а въ то же время сознаніе ихъ близости къ намъ являлось могучимъ стимуломъ къ тому, чтобы не допустить ихъ жертвѣ пройти безслѣдно, не покинуть ихъ дѣла и во что бы то ни стало вести его впередъ.

Эта психологія сполна охватила только-что прибывшаго Поливанова и, вернувшись изъ поѣздки къ отцу, лѣтомъ 77-го года онъ примкнулъ къ новообразовавшемуся кружку, въ который вошли нѣкоторые изъ уцѣлѣвшихъ членовъ кружка Гераклитова и только-что выпущенный изъ тюрьмы бывшій семинаристъ Поморцевъ. Вся эта молодежь въ своемъ революціонномъ энтузіазмѣ рѣшилась, пренебрегая всякой осторожностью, какъ можно скорѣй восполнить понесенный весной уронъ путемъ самой экстенсивной пропаганды. Поливановъ въ этихъ цѣляхъ поселился на одной квартирѣ съ двумя гимназистами-революціонерами, и вскорѣ ихъ квартира превратилась въ сборный пунктъ для всѣхъ, интересовавшихся нелегальной литературой и революціонными идеями. Матеріальная сторона жизни новыхъ друзей совсѣмъ не интересовала. Поливановъ получалъ отъ отца по 25 р. въ мѣсяцъ, одинъ изъ гимназистовъ имѣлъ стипендію въ 15 р. въ мѣсяцъ, а третій сожитель къ этому времени ушелъ отъ родныхъ съ намѣреніемъ „жить своимъ трудомъ“ и зарабаты-

валъ уроками рублей 15—20, и этихъ средствъ было совершенно достаточно для существованія—разумѣется, коммунальнаго—всѣхъ троихъ. Квартира ихъ помѣщалась въ сыромъ, холодномъ и полутемномъ подвальномъ этажѣ одного дома на Армянской; питались они богъ знаетъ чѣмъ; мебели у нихъ не было почти никакой; но зато они чувствовали себя въ своихъ трехъ пустыхъ комнатахъ полными хозяевами, и каждый вечеръ, когда затворялись ставни, эти комнаты наполнялись всевозможной молодежью: знакомыми, знакомыми знакомыхъ и совершенно незнакомыми; городскими и пріѣзжими изъ уѣздовъ; учащимися, служащими, рабочими; доступъ былъ открытъ для всѣхъ; нелегальныя изданія предлагались каждому, и рѣчи велись съ такой свободой, какъ будто никакихъ жандармовъ, шпіоновъ и прокуроровъ въ Россіи, или, по крайней мѣрѣ, въ городѣ Саратовѣ,—уже не существовало. Поливановъ при своей начитанности и краснорѣчіи принималъ въ этихъ вечернихъ дебатахъ самое живое и подчасъ руководящее участіе. Главной темой всѣхъ рѣчей являлось доказательство того, что весь существующій строй основанъ на безпощадной эксплоатаціи народа привилегированнымъ меньшинствомъ, и что только самъ народъ можетъ стряхнуть съ себя иго и основать царсто правды. Каково оно будетъ?—объ этомъ много спорили. Какими силами подготовится и совершится предстоящая, грандіознѣйшая изъ революцій?—такой вопросъ сначала казался болѣе простымъ. Весь народъ во всемъ его цѣломъ, кромѣ ничтожной по численности кучки правителей и эксплоататоровъ, подчиняется гнету лишь потому, что не имѣетъ организаціи и не знаетъ исхода. Внести въ массу организаціонное начало и дать ей знаніе,—вотъ задача соціалистической интеллигенціи. Это лавристическое пониманіе раздѣлялось всѣми членами кружка, и споры велись только о частностяхъ. Я помню всеобщее недоумѣніе и чувство какой-то растерянности, когда при публичномъ чтеніи Лассаля въ кружкѣ дошли до того мѣста, въ которомъ Лассаль отзывается о крестьянскихъ войнахъ 16 вѣка какъ о явленіи реакціонномъ. Лассаль пользовался тогда громаднымъ авторитетомъ, гораздо большимъ, чѣмъ теперь, когда его заслонилъ Марксъ. Но его взглядъ такъ рѣзко противорѣчилъ общему характеру нашихъ мнѣній, сложившихся подъ преимущественнымъ вліяніемъ П. Л. Лаврова и Прудона, что, послѣ горячихъ и долгихъ преній, всѣми было рѣшено, что Лассаль въ этомъ случаѣ увлекся и хватилъ черезъ край. Тѣсная связь такой оцѣнки великаго крестьянскаго движенія со всѣмъ строемъ мысли автора „Программы Рабочихъ“ осталась для насъ въ то время совершенно неуясненной.

Такъ какъ соціализмъ воспринимался интеллигентной молодежью, главнымъ образомъ, какъ нравственное ученіе,

озаряющее человѣчество свѣтомъ новыхъ идеаловъ и требующаго отъ каждаго послѣдователя совсѣмъ не того поведенія, какое рекомендовалось ему ходячей, буржуазной моралью, то вопросы чисто нравственные и тѣсно съ ними связанные —общефилософскіе также возбуждали напряженный интересъ и давали темы для оживленныхъ дебатовъ. „Логика", „Утилитаризмъ" и другія сочиненія Милля, „Основныя Начала" Герберта Спенсера, Огюстъ Контъ въ изложеніи Льюиса,— вотъ книги, служившія фундаментомъ тогдашняго философскаго образованія. Полнаго и нераздѣльнаго вліянія англійскіе позитивисты, однако, не имѣли благодаря блестящимъ статьямъ Михайловскаго противъ Спенсера, постоянно поддерживавшимъ самодѣятельность мысли и развивавшимъ критическое отношеніе къ самымъ вѣскимъ авторитетамъ.

Въ явленіяхъ текущей народной и государственной жизни съ запасомъ нѣсколькихъ общихъ идей, но безъ широкихъ свѣдѣній въ политической экономіи, статистикѣ и вопросахъ права разбираться было бы трудно, и тутъ надежнымъ руководителемъ являлся для всѣхъ Г. З. Елисѣевъ съ его „внутренними обозрѣніями" въ „Отечественныхъ Запискахъ." Эти внутреннія обозрѣнія прочитывались обыкновенно публично вслѣдъ за статьями Щедрина и Глѣба Успенскаго и формировали отношеніе всего кружка къ конкретнымъ актамъ правительственной дѣятельности.

Распространеніе нелегальной литературы и пропаганда въ своемъ кругу въ глазахъ Поливанова и его друзей являлись, однако, только междудѣльемъ; настоящимъ „дѣломъ" они считали лишь пропаганду въ народѣ и ближайшей своей цѣлью поставили возрожденіе въ Саратовѣ рабочей организаціи, разсыпавшейся послѣ весеннихъ арестовъ. Передъ ними прежде всего стоялъ вопросъ: какъ найти тѣхъ рабочихъ, которые посѣщали прежнія сходки? Развѣдки показали, что нѣкоторые изъ такихъ рабочихъ послѣ допросовъ и жандармской волокиты успѣли разъѣхаться изъ Саратова, многіе другіе струхнули и потеряли охоту къ участію въ нелегальныхъ кружкахъ, и, наконецъ, большинство было связано съ прежнимъ кружкомъ только личностью того или иного пропагандиста, и съ его исчезновеніемъ для всего круга его знакомыхъ обрывалась всякая связь съ революціоннымъ міромъ. Кое-кого, однако, разыскать удалось. Между прочимъ, возстановилась связь съ портнымъ Василіемъ Карповичемъ Карповымъ и съ плотникомъ Антономъ Федорычемъ. Оба они были люди общительнаго характера, не обладавшіе выдающимся развитіемъ или агитаторскими дарованіями, но настроенные очень революціонно. Они сослужили пропагандистамъ большую службу, заводя въ рабочей средѣ широкія знакомства, подготовляя своими рѣчами почву и намѣчая лицъ, наиболѣе интеллигентныхъ и воспріимчивыхъ къ револю-

ціоннымъ идеямъ. Среди наборщиковъ, распропагандированныхъ въ предыдущемъ году Петромъ Ширяевымъ, братомъ Степана, выдѣлились своимъ развитіемъ и убѣжденностью двое: Егоровъ и Масленниковъ, ставшіе дѣятельными членами новаго кружка; нашлось послѣ долгихъ поисковъ и еще нѣсколько человѣкъ, и къ осени пропаганда по мастерскимъ и мелкимъ заводамъ уже велась приблизительно двумя десятками лицъ изъ интеллигентной молодежи и сознательныхъ рабочихъ.

По условіямъ того времени это была, конечно, работа кустарная, производившаяся тайкомъ, съ соблюденіемъ всякихъ предосторожностей противъ подозрительности хозяевъ мастерскихъ или членовъ ихъ семействъ. Кто-нибудь изъ усвоившихъ соціализмъ рабочихъ заводилъ связь въ новой мастерской, разъ-другой бесѣдовалъ тамъ, возбуждалъ въ слушателяхъ интересъ къ соціальнымъ вопросамъ, и на слѣдующій разъ уже звалъ съ собой пропагандиста въ трактиръ или въ помѣщеніе мастерской, если зналъ, что хозяина не будетъ дома. Пропагандистъ, одѣвшись по-проще, приходилъ какъ бы случайно, и рабочій, который его привелъ, рекомендовалъ его какъ своего пріятеля, какого-нибудь слесаря, фельдшера или мелкаго конторщика. Поливанову, при его прямомъ и открытомъ характерѣ, было всегда очень не по себѣ въ чужой шкурѣ. Выдерживая свою роль, на первыхъ порахъ послѣ появленія приходилось болтать о томъ, о семъ, какъ бы невзначай сводя бесѣду къ политикѣ, и эта необходимая фальшь была для него настолько противна, что для перваго посѣщенія какого-нибудь новаго мѣста мы чаще всего отправлялись вдвоемъ, и начиналъ бесѣду обыкновенно я, но разъ дѣло налаживалось, и мастеровые втягивались въ разговоръ на животрепещущія темы, чувство неловкости оставляло нашего лже-слесаря, и онъ, мало заботясь о поддержаніи своей личины, начиналъ говорить самъ, увлекался и нерѣдко, отдаваясь своему темпераменту, произносилъ цѣлую рѣчь, по обыкновенію страстную, яркую и по формѣ вполнѣ литературную. Отдѣльныя выраженія такой рѣчи для совершенно не подготовленныхъ слушателей были не всегда понятны, но искренность чувства и глубокая вѣра въ свои слова дѣйствовали на нихъ сильно, и Поливановъ, какъ пропагандистъ, имѣлъ среди рабочихъ успѣхъ. Мнѣ часто казалось, что при этихъ качествахъ недоступность иныхъ фразъ и общая, чисто интеллигентская структура рѣчи даже нравились простымъ слушателямъ, по крайней мѣрѣ—охотно ими прощались оратору ради тѣхъ, новыхъ для нихъ, сильныхъ и возвышающихъ чувствъ, которыя возбуждала эта страстная проповѣдь. На самого Поливанова, какъ и на прочихъ пропагандистовъ, дѣятельность въ новой обстановкѣ производила сильное и въ высшей степени бодрящее впѣ-

чатлѣніе. Въ силу нѣкоторой художественности темперамента, обстановка вообще имѣла для него большое значеніе. Тутъ, въ какомъ-нибудь подвалѣ съ подслѣповатыми окнами, среди верстаковъ, пилъ, полуобструганныхъ досокъ, въ воздухѣ, пропитанномъ запахомъ свѣжихъ стружекъ и сырого дерева, передъ слушателями иногда босоногими, безпоясыми, съ перехваченными ремешкомъ кудрями онъ чувствовалъ себя именно тамъ, куда зоветъ соціалиста его долгъ,—съ людьми труда, въ ихъ собственномъ мрачномъ и подневольномъ мірѣ, откуда онъ укажетъ имъ путь къ свѣту и свободѣ.

По понятіямъ того времени, пропаганда среди городскихъ рабочихъ должна была служить интеллигентному соціалисту подготовительной школой для пропаганды среди крестьянъ, и Поливановъ мечталъ, поработавъ въ городѣ, непремѣнно уйти въ деревню—сельскимъ учителемъ, волостнымъ писаремъ или чѣмъ-нибудь въ этомъ родѣ. Одно новое знакомство дало его мечтамъ въ этомъ направленіи болѣе конкретную форму: сблизился съ кружкомъ почтовый чиновникъ, Николай Ивановичъ П., учившійся въ Астрахани и, послѣ окончанія гимназіи тамъ же, ходившій въ народъ: онъ провелъ нѣсколько мѣсяцевъ чернорабочимъ на рыбныхъ ватагахъ. Эту пору онъ охотно вспоминалъ и въ его разсказахъ хорошо обрисовывалась своеобразная жизнь каспійскаго побережья, куда собираются тысячи крестьянъ на рыбный промыселъ, и гдѣ они, попадая въ капиталистическія сѣти, сами становятся добычей для рыбниковъ-милліонеровъ, въ родѣ пресловутыхъ Беззубиковыхъ, и тому подобныхъ матерыхъ щукъ надводнаго міра. Николай Ивановичъ,—волжскій малороссъ по происхожденію,—не безъ юмора, но съ большой теплотой вспоминалъ о сѣрой и темной массѣ ватажниковъ и передавалъ поразительные факты хищничества, эксплоатаціи и гнета со стороны хозяевъ,—этихъ пузатыхъ „степенствъ,“ невѣжественныхъ, безсовѣстныхъ, дикихъ и, тѣмъ не менѣе, имѣющихъ власть надъ тысячами человѣческихъ существъ и являющихся въ нашемъ обществѣ „организаторами“ обширныхъ отраслей народнаго хозяйства. Горячее сердце Поливанова кипѣло при этихъ разсказахъ. „Да какъ они все это выносятъ?! Объясните вы мнѣ, какъ можетъ человѣкъ все это вынести?!“,—негодовалъ онъ, и какъ прежде, слушая о звѣрствахъ турокъ, онъ не могъ усидѣть на мѣстѣ и его подмывало тотчасъ же вступить съ турками въ рукопашную, такъ и теперь онъ воспламенился мыслью ближайшей же весной отправиться въ Астрахань, поступить чернорабочимъ въ какую-нибудь ватагу и подвинуть промысловыхъ рабочихъ къ борьбѣ, если не за всероссійскую свободу, то, по крайней мѣрѣ, за ихъ собственное человѣческое достоинство.

Мысль эта его сильно занимала, но ей не суждено было осуществиться: домохозяйка, вдовица Смиренномудренская,

была особа набожная, помышлявшая больше о небесномъ, чѣмъ о земномъ (за исключенiемъ квартирной платы, которую взимала неукоснительно); поэтому, съ наступленiемъ зимы, въ своихъ благочестивыхъ размышленiяхъ, добродѣтельная старушка все никакъ не удосуживалась хоть разъ протопить свой подвальчикъ и въ немъ стало сыро и холодно, какъ въ лѣсной ямѣ. На всѣ требованiя начать топку вдовица, принявъ скорбный видъ, отвѣчала назиданiями: „люди вы молодые,—могли бы и потерпѣть, а вы все объ удобствахъ да о прiятностяхъ своихъ стараетесь! О томъ и не думаете, что вся-то наша жизнь есть лишь переходъ въ жизнь вѣчную. Роптать—значитъ: оскорблять Господа!..“, и выходило, такимъ образомъ, что, добиваясь тепла, жильцы—ни много, ни мало—оскорбляютъ Господа, и волей-неволей приходилось терпѣть, а наименѣе выносливому изъ нихъ, Поливанову, чуть не пришлось и „перейти на жизнь вѣчную“. Заполучилъ онъ тифъ въ самой тяжелой формѣ, и товарищи перемѣстили его на квартиру одного семейнаго обывателя, гдѣ можно было доставить больному хоть какiя-нибудь удобства. Тѣмъ не менѣе хворалъ онъ долго, выздоравливалъ медленно и вполнѣ оправился только черезъ нѣсколько мѣсяцевъ.

За время его болѣзни произошло одно событiе, оставившее неизгладимый слѣдъ во всѣхъ, кто его пережилъ: „въ горахъ раздался первый выстрѣлъ“. По всей Россiи прогремѣлъ выстрѣлъ Засуличъ. Онъ явился въ то время именно тѣмъ выстрѣломъ, который заставляетъ долго накоплявшiяся, но доселѣ неподвижныя снѣжныя массы сразу низвергаться широкой лавиной. Поливановъ встрѣтилъ извѣстiе объ этомъ выстрѣлѣ съ энтузiазмомъ. Лавризмъ его взглядовъ ни на минуту не могъ пересилить въ немъ революцiонности темперамента, и точка зрѣнiя его на этотъ фактъ и на всѣ подобные факты, какiе могли произойти въ будущемъ, установилась сразу. Помню я, какъ теперь, маленькую, опрятную комнатку въ квартирѣ Т., гдѣ жилъ тогда выздоравливающiй Поливановъ, его восторгъ, его страстность и то негодованiе, съ которымъ онъ обрушился на меня за мои сомнѣнiя. Какъ весьма юный лавристъ, напитанный лавризмомъ до конца ногтей и смотрѣвшiй тогда на „Историческiя Письма“, какъ на завершенiе всей политической мудрости человѣчества, я, наперекоръ своему сердцу, старался удержаться на высотѣ „научнаго соцiализма“, какимъ представлялся тогда именно лавризмъ, а Поливановъ, при всемъ своемъ лавристическомъ правовѣрiи, тѣмъ не менѣе отказывался понимать, какимъ образомъ „человѣкъ, считающiй себя революцiонеромъ, не видитъ, что только съ этого выстрѣла и начинается въ Россiи революцiя. Раньше были только мечты, разговоры, подготовленiя къ революцiи. А вѣдь

сама революція именно въ томъ и состоитъ, чтобы драться и низвергать враговъ народа. Не вѣкъ же все только разъяснять другимъ, что когда-нибудь надо же будетъ и подраться!..“

Горячность и опредѣленность его отношенія къ первому акту революціоннаго отвѣта на насилія сильно вліяли на товарищей Поливанова, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ такое же отношеніе къ подобнымъ актамъ стало среди нихъ всеобщимъ.

Другимъ факторомъ революціоннаго возбужденія для молодежи этого періода являлись отголоски процессовъ: 50-ти и 193-хъ. По процессу 50-ти былъ осужденъ саратовецъ Бѣляевскій; это былъ первый саратовецъ, которому предстояла Сибирь, и его участь возбуждала всеобщій интересъ и сочувствіе. Рѣчи подсудимыхъ, и въ особенности рѣчь Петра Алексѣева,—чуть не наизусть заучивались и создали главнымъ участникамъ этого процесса громкое имя. По дѣлу 193-хъ привлекалась цѣлая группа саратовцевъ, и одинъ изъ сожителей Поливанова, гимназистъ Лавровъ, фигурировалъ въ этомъ дѣлѣ въ качествѣ свидѣтеля. По возвращеніи изъ Петербурга подсудимые: Виддиновъ, П. Ломоносовъ, Палимпсестовъ и остававшійся все время на свободѣ Лавровъ своими разсказами обо всѣхъ перипетіяхъ дѣла и привезенными ими листками нелегально изданныхъ отчетовъ о судѣ возбуждали повсюду живой интересъ и являлись героями сезона. Оба эти процесса служили для всѣхъ доказательствомъ того, ранѣе все еще остававшагося подъ сомнѣніемъ факта, что революціонныя идеи не остаются болѣе достояніемъ разрозненныхъ и рѣдкихъ кружковъ, что онѣ широко разлились по всей Россіи и нашли доступъ въ рабочую среду; а значитъ,—какъ тогда казалось,—революціи ждать уже недолго. Еще нѣсколько усилій и жертвъ со стороны соціалистической интеллигенціи,—и „мускулистая рука рабочаго“, какъ предвѣщалъ сенаторамъ Петръ Алексѣевъ, поднимется и разорветъ всѣ цѣпи, сокрушитъ всѣ тюрьмы на обновленной землѣ...“

Взвинченный всѣмъ этимъ до полной невозможности сидѣть на мѣстѣ, Поливановъ, едва оправившись отъ болѣзни, принялъ на себя порученіе кружка: отправиться въ центры, т. е. въ Петербургъ и въ Москву, и привезти оттуда побольше нелегальной литературы, запасъ которой въ Саратовѣ былъ близокъ къ истощенію. По пословицѣ: „на ловца и звѣрь бѣжитъ“,—поѣздка эта совпала по времени съ двумя событіями, въ которыхъ Поливановъ принялъ самое дѣятельное участіе.

Въ Петербургъ онъ попалъ какъ разъ къ процессу Вѣры Засуличъ и уже, конечно, не упустилъ такого случая проявить свой энтузіазмъ. Онъ былъ однимъ изъ самыхъ

горячихъ въ толпѣ той молодежи, которая передъ зданіемъ суда устроила овацію оправданной и помѣшала жандармамъ схватить ее и вновь арестовать, какъ они коварно затѣвали, предвидя возможность оправданія, но не предвидя возможности сопротивленія.

Возбужденный петербургскими впечатлѣніями еще больше, чѣмъ прежде, Поливановъ выѣхалъ въ Москву, добылъ тамъ литературу, и уже совсѣмъ, было, собрался ѣхать въ Саратовъ, когда въ Москвѣ получилось извѣстіе, что вотъ-вотъ прибудутъ на курскій вокзалъ кіевскіе студенты, высылаемые административно въ Вологодскую губернію. Въ этой партіи находился и пріятель Поливанова, саратовецъ Иванъ Петровичъ Ювенальевъ, уже годомъ раньше проводившій въ Саратовѣ идею о необходимости для дальнѣйшихъ успѣховъ революціи публичныхъ выступленій: всякихъ овацій, демонстрацій и манифестацій. Тутъ манифестація налаживалась сама собой. Борьба кіевскихъ студентовъ за свои корпоративные интересы, какъ и всякая борьба съ высшей администраціей, въ то время и въ глазахъ правительства и въ глазахъ публики, имѣла политическій оттѣнокъ. Москвичи видѣли въ кіевлянахъ товарищей-революціонеровъ, и въ московскомъ студенчествѣ естественно явилось стремленіе встрѣтить ихъ и выразить ссыльнымъ свою солидарность. Поливановъ сдалъ увѣсистый тюкъ, пріобрѣтенный имъ для саратовцевъ нелегальщины на храненіе какому-то совершенно неизвѣстному ему студенту, а самъ вмѣстѣ съ пріятелями, отъ которыхъ онъ добылъ эту нелегальщину, тотчасъ же принялся агитировать за торжественную встрѣчу кіевлянъ. Забѣгали по Москвѣ: изъ Петровки къ техникамъ, отъ техниковъ въ университетъ, наскоро собрали человѣкъ триста, и толпой нахлынули на курскій вокзалъ. Сопротивленіе жандармовъ оказалось безсильно, встрѣча состоялась, и съ вокзала длинный рядъ конвоируемыхъ жандармами каретъ, окруженный восторженной толпой молодежи, двинулся по улицамъ Москвы,—тогдашней Москвы, далекой отъ всякой политики, сонной и отсталой. Встрѣчная публика изъ интеллигенціи смотрѣла на шествіе со смѣшаннымъ чувствомъ испуга и симпатіи, масса обывателей просто съ недоумѣніемъ глазѣла, а полиція... до поры до времени отсутствовала. Радостно возбужденный „успѣхомъ“ манифестаціи, Поливановъ шелъ рядомъ съ каретой, въ которой везли Ювенальева, дѣлясь съ пріятелемъ отрывочными фразами и весело осматривая шумную толпу сопутствующей молодежи и все болѣе увеличивающуюся массу зрителей, которой манифестанты наскоро объясняли, кого это везутъ и за что и почему этихъ ссыльныхъ слѣдуетъ чествовать.

Дошли до Охотнаго Ряда, и вдругъ что-то произошло. Процессія пріостановилась; впереди послышался какой-то

гамъ. Поливановъ бросился впередъ, чтобы узнать, въ чемъ дѣло, и неожиданно увидѣлъ побоище: множество дюжихъ охотнорядцевъ, а съ ними и всякаго сѣраго люда, остервенѣло накинулись на молодежь, сбивая съ ногъ мужчинъ и женщинъ, волоча по землѣ опрокинутыхъ и нещадно избивая всѣхъ, кто попадался подъ руку.

Годомъ позже, скитаясь „въ народѣ", я самъ слышалъ отъ двоихъ фабричныхъ, участвовавшихъ въ избіеніи студентовъ, такой разсказъ:—Пошли мы съ Митькой къ земляку; дошли до Охотнаго Ряда, а тамъ видимъ народъ собирается, шумятъ чего-то. Ну, мы подошли: что такое?..— намъ и говорятъ: студенты бунтуютъ, идутъ по улицѣ, человѣкъ тыща ихъ, кричатъ, царя ругаютъ, товарищей своихъ, которыхъ въ Сибирь шлютъ, отбить хотятъ. Въ Охотный Рядъ, — говорятъ, — сейчасъ приставъ забѣгалъ, мясниковъ упрашивалъ: „вы ихъ попотчуйте, ребята, за милу душу; они противъ государя-императора обижаются, что онъ отъ ихъ родителевъ мужиковъ отобралъ, такъ вы имъ и покажите по-своему, по-мужицки, какъ противъ императора въ Москвѣ бунтовать!.. А насъ, говоритъ, полиціи то-есть, и не будетъ вовсе, равно бы мы и не знаемъ ничего..." Ну, мы съ Митькой и остались. Какъ подошли они,—ужъ мы тутъ не разбирали: студентъ не студентъ, а кто въ господское платье одѣтъ, тѣхъ и лупимъ... Вотъ вамъ и мужики! Попомните, какіе есть мужики! какія у васъ теперь на мужиковъ права!

Увидавъ побоище, Поливановъ, конечно, ринулся впередъ, и разсказъ его о дальнѣйшемъ я до сихъ поръ помню превосходно:—только-что я выскочилъ изъ ряда и не успѣлъ еще ни одного мерзавца ударить, какъ наперъ на меня какой-то огромнѣйшій верзила въ передникѣ, да какъ ухнетъ меня по головѣ словно обухомъ, и все у меня въ глазахъ завертѣлось... чувствовалъ я только, что куда-то лечу, и больше ничего не помню (надо замѣтить, что Поливановъ былъ человѣкъ физически очень малосильный)... Очнулся,—голову ломитъ, слабость страшная, въ глазахъ мутно все какъ-то. Всталъ съ мостовой, смотрю кругомъ: на площади только кое-гдѣ остаются наши; ихъ лупятъ; они бѣгутъ; имъ вслѣдъ лабазники улюлюкаютъ и гогочутъ... Мерзко мнѣ стало невыносимо. Что же, думаю, дѣлать? Броситься опять въ драку? Я и такъ еле на ногахъ стою, а ихъ масса... Такъ,—встать, получивъ взбучку, да и пойти?.. Невозможно прямо. Тутъ еще бьютъ нашихъ, какъ же я пойду?.. Вижу: стоитъ неподалеку кучка лабазниковъ и созерцаетъ все, точно публика партера: довольны, канальи, издѣваются... Взорвало меня. Подошелъ я къ нимъ; думаю: вѣдь не скоты же они въ самомъ дѣлѣ? поймутъ же они человѣческое слово!.. и сталъ имъ что-то такое говорить... И вотъ, хоть бы они меня вздули

опять! А то подошелъ ко мнѣ какой-то пожилой, взялъ за плечи, повернулъ легонько и говоритъ: „тебѣ уже досталось; мало что ли?.. иди, иди себѣ пока цѣлъ“... Подлѣй этого положенія ничего въ жизни не могу себѣ представить!.. Пришлось вѣдь пойти!.. Сѣлъ на перваго извозчика и уѣхалъ...

Несмотря на такой жалкій исходъ этой, первой въ Москвѣ, публичной манифестаціи, настроеніе молодежи нисколько не понизилось. Однимъ утѣшеніемъ являлась мысль, что лабазники не настоящій „народъ“, а вторымъ—несомнѣнный фактъ глубокаго невѣжества нападавшей сѣрой массы и ея увѣренность въ томъ, что „студенты“ это—„господа“, стремящіеся возстановить крѣпостное право. Такое чудовищное заблужденіе не можетъ служить прочной опорой для администраціи. Ложь рано или поздно откроется,—это неизбѣжно, и если администраціи вынуждена поддерживать и распространять въ массахъ такія басни, то значитъ—дѣло ея плохо, и она становится похожа на тѣхъ рыбъ, которыя, чтобы скрыться отъ сильнаго врага, за отсутствіемъ другихъ средствъ самообороны, мутятъ воду, только въ этой мути и находя спасеніе. Наконецъ, возмущеніе поведеніемъ администраціи со стороны широкихъ круговъ интеллигентнаго общества всей Россіи и всеобщій подъемъ симпатій къ студентамъ являлся положительнымъ результатомъ этого побоища и наличность такого результата позволяла участникамъ манифестаціи безъ унынія и безъ потери самоуваженія пережить позоръ публичнаго избіенія яко бы тѣмъ самымъ „народомъ“, во имя котораго они возставали.

У Поливанова, по возвращеніи въ Саратовъ, это настроеніе выразилось въ характерной для него формѣ шутки надъ самимъ собой. Когда, въ первое время послѣ его поѣздки, случалось надъ нимъ по-пріятельски подшутить, онъ, бывало, отвѣчалъ, принявъ комически гордый видъ:—Ваничка! питай ко мнѣ уваженіе! Я вѣдь теперь могу сказать о себѣ, какъ капитанъ Копейкинъ, что „кровь свою въ нѣкоторомъ родѣ за отечество проливалъ“... А ты? хоть разъ въ жизни, скажи: былъ ли ты за отечество свое... заушаемъ?

Такимъ образомъ, всѣ впечатлѣнія тогдашней жизни, и радостныя и тяжелыя, постоянно углубляли и усиливали въ Поливановѣ революціонное настроеніе, но нельзя сказать того же о теоретическихъ основахъ его міросозерцанія. Прежде всего тутъ имѣло значеніе естественное развитіе молодого ума и расширеніе знаній. При всей подвижности и общительности своей натуры, Поливановъ читалъ очень много. Теоретически, какъ лавристъ, онъ признавалъ для революціонера необходимымъ широкое, энциклопедическое образованіе, и выходъ изъ гимназіи, избавивъ его отъ долбежной повинности, тяготѣвшей не только надъ гимназистами, но и надъ сверстниками Поливанова, студентами первыхъ кур-

совъ, освободилъ его время для занятій тѣми предметами, къ которымъ его болѣе всего тянуло. Такимъ предметомъ была прежде всего исторія, а затѣмъ—соціологія, которая въ своихъ корняхъ тѣсно переплеталась съ антропологіей и этнографіей; эти въ свою очередь переплетались съ тѣмъ-то и съ тѣмъ-то, всякій вопросъ возбуждалъ рядъ другихъ вопросовъ, всякая теорія опиралась, какъ на фундаментъ, или пользовалась, какъ строительнымъ матеріаломъ, другими теоріями, и міръ знанія развертывался передъ молодымъ умомъ тѣмъ безпредѣльнѣе, чѣмъ выше поднимался этотъ умъ въ своихъ исканіяхъ. Поливановъ относился къ книгѣ такъ же страстно, какъ и къ самой дѣйствительности. У него были авторы-любимцы, къ которымъ онъ питалъ такія же горячія чувства какъ и къ личнымъ друзьямъ, и авторы-враги, которыхъ онъ презиралъ, ненавидѣлъ и осыпалъ самыми язвительными насмѣшками, какъ только заходила о нихъ рѣчь. Такими жертвами его полемическаго темперамента служили, главнымъ образомъ, представители золотой середины: Борисъ Чичеринъ изъ русскихъ, Маколей изъ англичанъ и т. п., но главнымъ bête noire для него всегда оставались нѣмцы. Они были въ его глазахъ только „семинаристами Европы“, какъ называлъ ихъ когда-то Герценъ. Поливановъ не находилъ въ ихъ исторіи никакой красоты, въ ихъ мысли никакой смѣлости, а самое ихъ пресловутое „глубокомысліе“ представлялось ему только неспособностью выражаться изящно и ясно. Къ англичанамъ онъ питалъ довольно холодное уваженіе, но восторженную симпатію вызывали въ немъ итальянцы и французы. Эта черта осталась у него навсегда, и въ одномъ изъ его шлиссельбургскихъ писемъ къ сестрѣ (16 февраля 900 года) есть такое мѣсто:

„... Знаешь ли? твое письмо явилось въ нѣкоторомъ отношеніи вызовомъ моимъ симпатіямъ, которыя рѣзко ограничены романскими народами; болѣе же всего я не люблю нѣмцевъ, т. е. собственно пруссаковъ; южныхъ нѣмцевъ я не знаю, но я бывалъ въ Вѣнѣ, и какъ самый городъ, такъ и веселые, живые, вѣжливые, жизнерадостные вѣнцы оставили у меня по себѣ самыя хорошія воспоминанія. Чтобы ты поняла, насколько я къ нимъ благосклоненъ, скажу, что ихъ можно до нѣкоторой степени сравнить съ французами. Твоя апологія,—иначе я не могу назвать твое письмо,—смягчила мое сердце: я рѣшилъ оказать пощаду Гейдельбергу и его обитателямъ, за исключеніемъ,—тутъ просьбы твои будутъ безполезны, — „буршей“ - корпорантовъ, что поютъ передъ памятникомъ Бисмарка: „Deutschland über alles!“ Я заставилъ бы ихъ проѣхать въ Страсбургъ и спѣть марсельезу передъ памятникомъ Клебера,—вѣдь это изъ Гейдельберга рукой подать!“ и т. д...

Вопросы чисто отвлеченные, интересъ къ которымъ въ

этомъ періодѣ началъ возникать у нѣкоторыхъ товарищей Поливанова,—матеріализмъ или пантеизмъ въ философіи?, субъективизмъ (по Михайловскому) или объективизмъ (по Спенсеру) въ соціологіи? Милль или Кантъ въ этикѣ?,—не остались чуждыми Поливанову, но они не захватывали его такъ глубоко, какъ, напримѣръ, Шиловцева и кое-кого еще изъ его пріятелей. Зато по вопросамъ, имѣвшимъ ближайшее отношеніе къ насущнымъ задачамъ революціонной тактики момента, Поливановъ являлся однимъ изъ самыхъ горячихъ и неутомимыхъ дебатеровъ. Умъ или чувства толпы должны служить основой для воздѣйствія на нее со стороны провозвѣстниковъ новыхъ идеаловъ?,—на эту тему не уставали спорить въ то время, т. к. къ такой отвлеченной формулѣ сводилась сущность разногласій между пропагандистами (лавровцами), бунтарями (бакунинцами) и только-что народившимися „народниками", въ томъ партійномъ смыслѣ этого слова, который далеко не совпадалъ съ его общелитературнымъ значеніемъ.

„Народники" въ этомъ партійномъ смыслѣ слова появились въ Саратовѣ въ 77 году, наѣздомъ изъ Петербурга и все время, пока существовало это направленіе, составляли и въ городѣ и въ губерніи особыя колоніи, члены которыхъ вели знакомство съ мѣстной молодежью, но не проявили стремленія сколько-нибудь настойчиво привлекать ее въ свои ряды. Знакомство съ десятками петербургскихъ революціонеровъ, проѣзжавшихъ черезъ Саратовъ или осѣдавшихъ въ немъ на болѣе или менѣе продолжительное время, разумѣется, не могло пройти безслѣдно для впечатлительной натуры Поливанова. Пріѣзжіе питерцы всѣ были по возрасту значительно старше него,—лѣтъ на пять, на шесть и болѣе; нѣкоторые изъ нихъ производили впечатлѣніе людей талантливыхъ и широко интеллигентныхъ; наконецъ, всѣ они были членами самыхъ передовыхъ кружковъ самаго передового и центральнаго города во всей Россіи. Это все, конечно, не могло не импонировать провинціальной молодежи, но въ характерѣ Поливанова было достаточно самостоятельности, и убѣжденія его уже въ то время были достаточно продуманны для того, чтобы онъ не сдался передъ „знатными иностранцами" и не отказался отъ своихъ взглядовъ въ трудныхъ для юноши преніяхъ съ опытными діалектиками петербургскихъ сходокъ и заграничныхъ (женевскихъ и цюрихскихъ) собраній. Онъ горячо отстаивалъ въ спорахъ свой лавризмъ, но постоянное соприкосновеніе съ людьми другихъ взглядовъ тѣмъ не менѣе вліяло на его умъ и побуждало къ пересмотру своихъ идей съ болѣе широкихъ и разнообразныхъ точекъ зрѣнія.

Узкая, кружковая замкнутость и „партійность" сектантскаго оттѣнка были совершенно чужды его натурѣ,—можетъ-быть, потому, что въ немъ была слишкомъ сильна его соб-

ственная индивидуальность и что эта индивидуальность была достаточно широка для того, чтобы найти въ себѣ отзвукъ на всякое искреннее чувство... Благодаря этому никто въ тогдашнемъ Саратовѣ не имѣлъ такихъ разнообразныхъ связей въ самыхъ различныхъ кружкахъ и не былъ въ той же мѣрѣ „своимъ" у чужихъ (въ предѣлахъ революціоннаго міра), какъ именно Поливановъ, вѣчно споривщій съ „чужими" ожесточеннѣйшимъ образомъ. Ссоры у него при этомъ возникали что ни день, но онѣ обыкновенно и продолжались день-другой и заканчивались при первой же встрѣчѣ веселымъ смѣхомъ обоихъ „враговъ". Характеръ этихъ ссоръ всегда былъ одинъ и тотъ же: кто-нибудь въ пылу спора выразитъ мысль, по мнѣнію Поливанова, вульгарную, „достойную какого-нибудь картофельно-пивного національ-либерала, а не русскаго революціонера", или—еще хуже—недостаточно уважительно отзовется о комъ-нибудь изъ героевъ европейской революціи: не дай богъ—о Гарибальди, о Мацини, о Бланки...—и ссора, самая бурная, готова. Поливановъ вскакиваетъ, громитъ, негодуетъ, язвитъ и въ концѣ концовъ просто ругается... Но проходитъ часъ-другой, и онъ сконфуженно сообщаетъ какому-нибудь пріятелю: „Чертъ его знаетъ, какъ это вышло! Выругалъ я Ваську постепеновцемъ, филистеромъ, мѣщанской душонкой... въ концѣ концовъ посовѣтовалъ ему даже открыть мелочную лавочку, а не революціей заниматься... Онъ, кажется, обидѣлся?.. вѣдь вотъ оказія!"

Отказать какому бы то ни было соціалисту въ помощи только потому, что тотъ иного прихода, казалось Поливанову чѣмъ-то до нельзя дикимъ и неприличнымъ, а всякія проявленія кружковой нетерпимости и дипломатической неискренности въ сношеніяхъ кружка съ другими группами вызывали съ его стороны рѣзкое осужденіе. Вся ненависть этого человѣка, бывшаго революціонеромъ до мозга костей, была направлена противъ враговъ народа, а въ тѣхъ, кто искренно стремился къ народному благу, какими бы путями люди ни шли, онъ видѣлъ прежде всего товарищей, бытьможетъ,—завтрашнія жертвы правительства, людей обрекшихъ себя на гибель для освобожденія Россіи. Немудрено, что при такомъ отношеніи ко всѣмъ участникамъ движенія споры шли у него спорами, а „дѣло" покрывало собой все разногласіе, и этотъ лавристъ сплошь и рядомъ оказывалъ всевозможныя услуги революціонерамъ другихъ направленій, часто тѣмъ самымъ, съ которыми упорнѣе всего на словахъ препирался.

Саратовецъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Декабристы.

Мелкія замѣтки и матеріалы.

1.

Письмо Е. Ѳ. Муравьевой къ М. Н. Муравьеву.

Настоящее письмо обращено къ Михаилу Николаевичу Муравьеву, извѣстному впослѣдствіи графу Муравьеву-Виленскому (р. 1796 † 1866) и относится къ тому времени, когда онъ, по выходѣ въ отставку подполковникомъ изъ Свиты Его Величества по квартирмейстерской части (1820), проживалъ въ имѣніи своей жены Пелагеи Васильевны, рожд. Шереметевой,—селѣ Лазицахъ, Рославльскаго уѣзда Смоленской губерніи, занимаясь сельскимъ хозяйствомъ. Членъ и дѣятельный участникъ Союза Благоденствія, одинъ изъ составителей его устава (такъ называемой, „Зеленой Книги"), онъ вышелъ изъ него, когда Союзъ распался и прервалъ сношенія съ товарищами, но интересовался ихъ судьбою, что видно изъ сообщеній Екатерины Ѳедоровны Муравьевой (р. 1771† 1848). Послѣдняя, его дальняя родственница, была матерью двухъ декабристовъ—Никиты и Александра Михайловичей, о которыхъ и упоминается въ письмѣ; они оба скончались въ Сибири: первый въ 1843, второй—въ 1853 г.—М. Н. Муравьевъ, арестованный послѣ 14-го декабря въ Москвѣ (12-го января 1826 г.), былъ продержанъ сперва въ Петропавловской крѣпости, а потомъ въ Военно-Сухопутномъ Госпиталѣ—до 3-го іюля 1826 г., когда былъ выпущенъ на свободу безъ всякихъ послѣдствій. Письмо Е. Ѳ. Муравьевой писано подъ ея диктовку, и только подпись и приписка въ концѣ сдѣланы ею собственноручно.

1825 года, Марта 6 (Петербургъ).

Я начну мое письмо тѣмъ, мой любезный Michel, чтобъ объявить тебѣ, что у Никиты Михайловича родился сынъ, котораго назвали Михайломъ [1]), то ты можешь представить, мой другъ, что все это время мнѣ нельзя было писать; Никита тебѣ очень кланяется и самъ непре-

[1]) Умеръ въ младенчествѣ.

мѣнно будетъ скоро писать; онъ чрезвычайно занятъ по должности своей: онъ долженъ писать и притомъ читать въ Штабѣ военную Исторію [1]).

Письма твои я по нумерамъ получила, но виновата, что до сехъ поръ на оныя не отвѣчала; ты не можешь себѣ представить, сколько у меня было хлопотъ, суетъ всякаго рода. Тебѣ извѣстно, что у насъ было наводненіе, о которомъ ты у меня и разспрашиваешь. Оно было ужастное, у меня на дворѣ была вода два аршина съ половиной, весь нижній этажъ былъ совершенно потопленъ, всѣ полы и печки размыты, и Саша, который жилъ внизу, до самаго Новаго года не могъ перейти въ свои комнаты, а жилъ у меня въ кабинетѣ; люди и всѣ ихъ робята также очень долго жили въ столовой, и я должна была всѣ печки и полы зимой передѣлывать, также сараи и конюшни, и ты можешь представить, какъ это было скучно и убыточно; работникамъ платили чрезвычайно дорого и съ трудомъ ихъ находили. Дача моя, о которой я теперь начинаю помышлять, чрезвычайно много пострадала; въ саду дорожки, которыя только прошлаго году были окончены и за которыя я заплатила 6.000 рублей, совершенно уничтожены; всѣ заборы унесены, всѣ оранжереи переломаны, также и печки, и теперь самыя необходимыя переправки будутъ стоить мнѣ болѣе 10.000 руб; но объ ономъ теперь совѣстно и говорить, ибо это бѣдствіе было общее. Mais les secours pour les pauvres éfoient immenses et prompts. L'E. étoit partout lui-méme, comme un ange Tutélaire, il secouroit tous les malheureux, il n'y a das plus de trace à Pétersbourg de l'inondation. [2])

Съ наступившимъ 25-мъ годомъ отъ души тебя поздравляю, желаю тебѣ здоровья и всѣхъ благъ; ежели тебѣ можно будетъ пріѣхать въ сентябрѣ, то я чрезвычайно буду рада тебя видѣть. По дѣлу твоему съ Бѣлоклоковымъ до сихъ поръ ничего еще не дѣлаютъ и говорятъ, что и дѣлать нечего, ибо имѣнья никакого не осталось, а долговъ множество; отъ всего сердца жалѣю обо всѣхъ твоихъ хлопотахъ, я очень знаю, какъ это непріятно; я буду стараться искать знакомыхъ Княгинѣ Любомирской, чтобы ей хорошенько разтолковали дѣло сіе, но за успѣхъ тебѣ не отвѣчаю; въ желаніи моемъ сдѣлать что-нибудь полезное я надѣюсь, что ты не сумнѣваешься; получивъ твое письмо, я намѣрена была поговорить о семъ дѣлѣ брату Княгинѣ Любомирской, Графу Толстому, но онъ уѣхалъ въ Парижъ [3])

Ты спрашиваешь, мой другъ, меня объ Матюшѣ и Серешѣ: [4]) первой въ отставкѣ и живетъ въ деревнѣ, Сережа въ полку у генерала Рота, около Кіева. Paul Pestel былъ прошедшаго году въ Петербургѣ на короткое время, ему данъ полкъ, которой находится недалеко отъ Одес-

---

[1]) Н. М. Муравьевъ былъ въ это время капитаномъ Гвардейскаго Генеральнаго Штаба.

[2]) Но помощь бѣднымъ оказывалась въ огромныхъ размѣрахъ и быстро. Императоръ всюду былъ самъ, какъ ангелъ-хранитель, онъ помогалъ всѣмъ несчастнымъ; въ Петербургѣ болѣе не замѣтно слѣдовъ наводненія.

[3]) Графъ Александръ Николаевичъ Толстой (р. 1793†1866) впослѣдствіи оберъ-шенкъ; его сестра-графиня Екатерина Николаевна (р. 1789†1870) была за-мужемъ за генералъ-лейтенантомъ княземъ Константиномъ Ксаверьевичемъ Любомирскимъ.

[4]) Матвѣй и Сергѣй Ивановичи Муравьевы-Апостолы.

сы. [1]) Вотъ, мой другъ, отвѣты на всѣ твои вопросы; новаго у насъ ничего нѣтъ, окромѣ того, что нонѣшнюю осень выстроенъ былъ Новой деревянной театръ на Фонтанкѣ у Чернышева моста, и три дни тому, какъ онъ весь сгорѣлъ; великая милость Божія, что это не на масляницѣ, а въ Великой постъ,—слѣдовательно, никого въ немъ не было [2]). Что до меня касается, я живу старое по-старому, очень часто бываю нездорова головною болью и глазами, которые теперь другую недѣлю какъ болятъ, и я сижу съ шпанскими мушками.—Недѣли двѣ я послала къ тебѣ двѣ послѣднія части Карамзина Исторіи; я не знаю, получилъ ли ты ихъ.

Никита и Александръ усердно тебѣ кланяются, Саша проводитъ все утро свое въ Манежѣ, часто бываетъ дежурной и въ караулѣ. А я, пожелавъ тебѣ всѣхъ благъ, пребуду искренно любящая

Е. Муравьева.

Catherine se plaint de vous que vous ne lui écrioez pas. [3])

2.

Н. Д. Фонвизина—Пущина.

Біографія жены декабриста М. А. Фонвизина—Натальи Дмитріевны, рожд. Апухтиной, ея стремительный, экзальтированный, полный странностей и противоположныхъ порывовъ характеръ описаны въ статьѣ В. И. Шенрока („Русское Богатство“ 1894, № 11 и 12; см. также изданіе В. И. Покровскаго „Жены декабристовъ“, М. 1906, стр. 106—213); въ статьѣ этой разсказывается, какъ тяжело ей было и какой борьбы ей стоило уѣхать въ Сибирь, разстаться съ двумя своими маленькими сыновьями—Дмитріемъ и Михаиломъ, оставленными на попеченіе бабушки—Маріи Павловны Апухтиной, рожд. Фонвизиной же (р. 1776†1842); изъ прошенія послѣдней на имя Имп. Маріи Θеодоровны видно, что, покидая Москву, Наталья Дмитріева оставляла въ ней еще свою воспитанницу Юлію, къ которой, по свойствамъ своего характера, не могла не быть привязана. Въ Сибири у Фонвизиной было также нѣсколько пріемышей, воспитанію которыхъ, на ряду съ заботами о мужѣ и его друзьяхъ, она отдавала свои силы и время. Что сталось впослѣдствіи съ Юліей, неизвѣстно.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Дочь моя, Генералъ-маіорша Наталья фонъ-Визина въ 1825-мъ году приняла къ себѣ на воспитанье бѣдную сироту, малолѣтнюю дѣвицу Юлію, дочь иностранки, за годъ до сего умершей. Означенная дочь моя, рѣшившись слѣдовать за несчастнымъ мужемъ своимъ, осужденнымъ верховнымъ уголовнымъ судомъ на ссылку въ Сибирь, отправилась въ

---

[1]) П. И. Пестель командовалъ Вятскимъ пѣхотнымъ полкомъ.

[2]) Этотъ театръ былъ переведенъ изъ Петергофа (См. Ост. Архивъ, т. III, стр. 102).

[3]) Катенька жалуется, что ты ей не пишешь.

Генварѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года въ мѣсто его пребыванія и при отъѣздѣ своемъ просила меня помѣстить оную бѣдную сироту въ Императорскій Московскій Воспитательный Домъ, будучи убѣждена, что она нигдѣ не можетъ быть лучше призрѣна, какъ въ какомъ-либо воспитательномъ заведеніи, находящемся подъ благодѣтельнымъ и милосерднымъ покровительствомъ Вашего Императорскаго Величества. Но какъ по правиламъ Императорскаго Воспитательнаго Дома дѣти по 8-му году не могутъ уже быть въ оный приняты безъ особеннаго Вашего, Всемилостивѣйшая Государыня, соизволенія, почему осмѣливаюсь повергнуть къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества. всеподданнѣйшее мое о семъ прошеніе съ приложеніемъ подлиннаго Московской Консисторіи свидѣтельства о рожденіи и крещеніи сей дѣвицы и всенижайше просить Вашего Императорскаго Величества удостоить милосерднаго воззрѣнія на сію бѣдную сироту и всемилостивѣйше повелѣть соизволить принять ее въ Императорскій Московскій Воспитательный Домъ.

Всеавгустѣйшая Монархиня! Благоволите включить означенную сироту дѣвицу Юлію въ число столь многихъ сиротъ, кои облагодѣтельствованы милосердіемъ Вашего Императорскаго Величества.

Всемилостивѣйшая Государыня, Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданная Марья Павловна дочь жена Апухтина капитанша. Іюля— дня 1828 года. Москва. Жительство имѣю въ Москвѣ, Мясницкой части 5-го квартала въ домѣ подъ № 322.

Императрица Марія Өедоровна направила прошеніе это въ Московскій Опекунскій Совѣтъ, который, постановленіемъ 3-го сентября 1828 г., принялъ Юлію „въ приготовительный классъ классическихъ воспитанницъ".

Изъ свидѣтельства, выданнаго генеральшѣ Натальѣ Дмитріевной Фонвизиной Консисторіею, видно, что 18-го января 1821 г. неизвѣстная Юлія Александрова родила дочь Юлію, которая крещена 28-го января того же года, причемъ воспріемникомъ ея былъ князь Николай Алексѣевичъ Шаховской.

Портреты Натальи Дмитріевны и Михаила Александровича Фонвизиныхъ см. въ изданіи Великаго Князя Николая Михаиловича „Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій", т. II, С.-Пб. 1906, №№ 77 и 78

Наталья Дмитріевна скончалась въ Москвѣ въ 1869 г., вдовой декабриста Ивана Ивановича Пущина.

3.

М. А. Назимовъ.

Декабристъ VIII разряда Михаилъ Александровичъ Назимовъ, приговоренный Верховнымъ Уголовнымъ Судомъ къ ссылкѣ на поселеніе въ Сибирь на 20 лѣтъ, въ 1837 г. былъ переведенъ на Кавказъ рядовымъ въ Кабардинскій пѣхотный полкъ и, участвуя, съ отличіемъ, въ въ дѣлахъ противъ горцевъ, въ 1843 г. получилъ чинъ прапорщика, въ 1845—подпоручика, а въ 1846 уволенъ въ отставку поручикомъ. Поселившись затѣмъ на родинѣ, въ Псковской губерніи, онъ принималъ

горячее участіе въ осуществленіи освободительныхъ реформъ Александра II и былъ предсѣдателемъ Губернской Земской Управы. Въ 1856 году въ своемъ селѣ Вагрецовѣ, Псковскаго уѣзда, онъ открылъ школу для крестьянскихъ дѣтей; школа эта впослѣдствіи расширилась и достигла образцоваго состоянія благодаря работамъ новаго владѣльца имѣнія— Николая Ѳедоровича Фанъ-деръ-Флита († 1896), извѣстнаго своею полезною дѣятельностью въ Псковскомъ Земствѣ; въ біографическомъ очеркѣ послѣдняго (изд. Спб. 1902) разсказывается, что Быстрецово было куплено въ 1868 году „у Михаила Александровича Нахимова, стараго декабриста, начинавшаго уже тогда терять зрѣніе. Многіе еще живо помнятъ замѣчательную личность старика, высокую, худую его фигуру, умную рѣчь, большую начитанность и юношескій пылъ, такъ красившій его сѣдины. Познакомившись съ нимъ, Николай Ѳедоровичъ записываетъ въ дневникъ: „Старикъ Нахимовъ мнѣ чрезвычайно понравился своимъ здравымъ и добросовѣстнымъ взглядомъ на дѣло. Старый и новый владѣльцы Быстрецова горячо привязались другъ къ другу, и много разъ Михаилъ Александровичъ говорилъ, какъ онъ счастливъ, что могъ передать свое родное Быстрецово въ такія прекрасныя руки. Покупка эта была рѣшена 19-го мая, въ день рожденія отца Николая Ѳедоровича, оказавшійся, по странной случайности, также днемъ рожденія старика Назимова" (стр. 18). Въ книгѣ „Декабристы. 86 портретовъ" (М. 1906, стр. 170) сказано, что Назимовъ родился въ 1799 г., а умеръ 2-го мая 1888 г.; эти свѣдѣнія невѣрны: изъ надписи на могилѣ Назимова, видѣнной мною въ 1904 г. на Дмитріевскомъ кладбищѣ во Псковѣ, даты иныя: тамъ сказано, что онъ родился 19-го мая 1801 † 9-го августа 1888 г.; около него погребена и жена его, Варвара Яковлевна, рожд. Подкользина († 11-го сентября 1865 г., 46 л.), родная сестра второй жены друга и сослуживца Назимова по гвардейскому Конно-Піонерному эскадрону Михаила Ивановича Пущина, также декабриста (X разряда), женатаго на Маріи Яковлевнѣ Подкользиной въ 1838 г., по возвращеніи уже съ Кавказа

Приводимое ниже прошеніе брата Назимова, Сергѣя Александровича, даетъ примѣръ той путаницы житейскихъ и дѣловыхъ отношеній, въ которую, кромѣ самихъ пострадавшихъ, катастрофа 14-го декабря ввергла огромное число ихъ родныхъ, близкихъ и знакомыхъ. О семьѣ Назимовыхъ любопытныя свѣдѣнія сообщены въ статьѣ Н. Окуличъ-Казарина о Псковскихъ декабристахъ („Русск. Арх." 1907 г., № 6, стр. 188—191). а потому не будемъ о ней распространяться; скажемъ только, что одна изъ сестеръ Михаила Александровича—Анна († 12-го сентября 1847 г.), вышедшая за Николая Александровича Набокова, была матерью бывшаго министра юстиціи Д. Н. Набокова.

7-го сентября 1827 г. на имя министра юстиціи генерала-отъ-инфантеріи князя Дмитрія Ивановича Лобанова-Ростовскаго поступило слѣдующее прошеніе коллежскаго секретаря Сергѣя Александровича Назимова:

„Прошлаго 1826 года, по взятіи роднаго, младшаго брата моего Михайлы Александровича Назимова, бывшаго гвардіи Конно-Піонернаго эскадрона штабсъ-капитана, подъ арестъ, были опечатаны въ квартирѣ

его всѣ вещи, бумаги и вся движимость его. Не имѣя возможности видѣться съ нимъ и узнать, въ какомъ положеніи находятся дѣла по имѣнію его, и какія предполагалъ онъ мѣры къ уплатѣ долговъ, на немъ состоящихъ, я утруждалъ прошеніемъ моимъ Его Сіятельство господина военнаго министра графа Александра Ивановича Татищева дозволить мнѣ писать о семъ къ брату моему и, по докладу Его Сіятельства Его Императорскому Величеству, былъ допущенъ имѣть съ братомъ моимъ открытую переписку чрезъ Слѣдственной Комитетъ, которою объяснивъ онъ мнѣ нѣсколько дѣла по имѣнію его, выдалъ мнѣ апрѣля отъ 6 числа полномочную довѣренность, засвидѣтельствованную Вашимъ Сіятельствомъ и военнымъ министромъ генераломъ-отъ-инфантеріи Александромъ Ивановичемъ Татищевымъ, утвержденную Санктъ-Петербургскою Гражданскою Палатою. Руководствуясь ею по конфирмаціи дѣла надъ братомъ моимъ, я получилъ изъ Слѣдственнаго Комитета, по вторичному прошенію моему, нѣсколько денегъ, отобранныя у брата моего, всѣ бумаги, щеты, крѣпости, планы, межевыя книги и контракты по имѣнію и дѣламъ его, равно и всю движимость, въ квартирѣ его находящуюся; усмотрѣвъ изъ нихъ приближающіеся сроки, а нѣкоторые уже и протекшіе, къ уплатѣ долговъ, я спѣшилъ взнести суммы, дабы сохранить имѣніе. Найдя между прочими бумагами, что братомъ моимъ представлено было по взысканію въ С.-Петербургское Губернское Правленіе заемное обязательство на подпоручика Голохвастова въ должныхъ имъ 800 рубляхъ, я, справясь о дѣйствительности подачи сей, подалъ въ оное отъ себя прошеніе съ приложеніемъ данной мнѣ довѣренности и просилъ о неослабномъ съ Голохвастова взысканія, которые наконецъ оными взысканы и сего года въ іюлѣ мѣсяцѣ во Псковское Губернское Правленіе, по вторичной просьбѣ моей, для выдачи мнѣ присланы. Явясь въ оное для полученія ихъ и предъявя данную мнѣ довѣренность, засвидѣтельствованную Вашимъ Сіятельствомъ, получилъ отъ Губернскаго Правленія резолюцію такую, что присланныхъ денегъ оное мнѣ не выдастъ, ибо какъ означенный довѣритель Михаилъ Назимовъ не есть болѣе дворянинъ и штабсъ-капитанъ гвардіи и сосланъ на 20 лѣтъ на поселеніе, къ тому жъ какъ я имѣю еще двухъ младшихъ себѣ братьевъ: одного коллежскаго регистратора, а другого лейбъ-гвардіи Сапернаго Батальона подпоручика, то довѣренность сія не есть и не можетъ быть на дальнѣйшее время дѣйствительною и мнѣ къ руководству благонадежною. Почему, прилагая съ нея точную копію, и какъ оная мѣстнымъ правительствомъ за дѣйствительную не сознана, означенное-жъ имѣніе брата моего Михайлы состоитъ родовое, по раздѣлѣ ему со мною и другими двумя братьми доставшееся, а нѣкоторая часть собственною покупкою его пріобрѣтенная и имѣетъ на себѣ значительные казенные долги, сроки коимъ нынѣ уже приспѣли, должно оставаться безъ присмотра и безъ очистки его отъ долговъ, всепокорнѣйше прошу Вашего Сіятельства разрѣшить менѣ черезъ Псковское Губернское Правленіе, должна-ли быть данная мнѣ довѣренность черезъ 20 лѣтъ, т. е. черезъ время, назначенное брату моему быть на поселеніи или же до очистки означеннаго имѣнія отъ долговъ дѣйствительною; въ противномъ случаѣ, должно-ли имѣніе то быть взято въ продолженіе сего времени подъ присмотръ

Дворянской Опеки, или же продано съ публичнаго торга, а вырученной капиталъ за уплатою долговъ долженъ быть положенъ на имя поселенца въ Банкъ, или же раздѣлено между нами, ближайшими наслѣдниками его,—одно-ли родовое, или совокупно съ пріобрѣтеннымъ. О чемъ ожидаю отъ Вашего Сіятельства милостиваго разрѣшенія. Къ сему прошенію Коллежскій Секретарь Сергѣй Александровъ сынъ Назимовъ руку приложилъ. 1827 года августа 26 дня. Г. Псковъ".

На это прошеніе министръ юстиціи отвѣтилъ (3-го октября) Псковскому Губернскому Прокурору, что онъ „рекомендуетъ ему, черезъ кого слѣдуетъ, объявить Коллежскому Секретарю Назимову, что жалобы на дѣйствія Губернскихъ Правленій приносятся не Министру Юстиціи, но Правительствующему Сенату, куда онъ по настоящому дѣлу и обратиться можетъ".

4.

И. И. Пущинъ и И. И. Ивановъ.

Декабристы всѣхъ XI разрядовъ приговорены были къ лишенію чиновъ, а съ ними и орденовъ, полученныхъ ими во время службы [1]). Капитулъ Орденовъ, слѣдовательно, долженъ былъ сдѣлать соотвѣтствующія отмѣтки въ кавалерскихъ спискахъ. Относительно Ивана Ивановича Пущина и Ильи Ивановича Иванова (приговореннаго, какъ отнесеннаго къ IV разряду, къ ссылкѣ въ каторжныя работы на 12 лѣтъ, а потомъ—на поселеніе), встрѣтились по этому поводу недоумѣнія. 17-го марта 1827 г. (за № 1131) Канцлеръ Россійскихъ Орденовъ, князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ, писалъ Министру Юстиціи Князю Лобанову-Ростовскому:

Милостивый государь мой, князь Дмитрій Ивановичъ!

Изъ осужденныхъ въ прошломъ 1826 году государственныхъ преступниковъ многіе были кавалерами орденовъ, почему Орденскій Капитулъ и сдѣлалъ должное распоряженіе о выключкѣ ихъ изъ кавалерскихъ списковъ; но какъ о состоящихъ въ числѣ тѣхъ преступниковъ: Пущинѣ, бывшемъ Коллежскомъ Ассесорѣ, и Ивановѣ, имѣвшемъ чинъ 10-го класса, каковыхъ фамилій въ числѣ кавалеровъ состоитъ нѣсколько, и по неизвѣстности прежнихъ мѣстъ ихъ служенія Орденскій Капитулъ не имѣетъ средства къ истребованію свѣдѣнія о томъ, имѣли-ли они ордена и когда оными пожалованы,—а потому я обращаюсь къ Вашему Сіятельству съ покорнѣйшею просьбою о порученіи кому слѣдуетъ учинить о семъ справку изъ дѣла объ упомянутыхъ преступникахъ въ Правительствующемъ Сенатѣ хранящагося, и о послѣдствіи меня увѣдомить. Съ истиннымъ и непремѣннымъ почтеніемъ имѣю честь быть Вашего Сіятельства покорнѣйшей слугой. К. Алексѣй Куракинъ.

Князь Лобановъ поручилъ (28-го марта) навести нужную справку оберъ-прокурору 1-го Департамента Сената, д. с. с. Ивану Ѳедоровичу

---

[1]) Ордена были возвращены тѣмъ изъ нихъ, которые дожили до манифеста 1856 г.

Журавлеву, который, рапортомъ отъ 30-го марта (за № 828) донесъ Министру, что, „по учиненной выправкѣ съ формулярными списками, имѣющимися въ производствахъ бывшей Слѣдственной Комиссіи о Государственныхъ преступникахъ", оказалось, что ни Пущинъ, ни Ивановъ „никакихъ кавалерскихъ орденовъ не имѣли".

И. И. Ивановъ, членъ Общества Соединенныхъ Славянъ, былъ провіантскимъ чиновникомъ; онъ былъ обвиненъ въ томъ, что „участвовалъ въ умыслѣ бунта принятіемъ членовъ и пріуготовлялъ товарищей къ мятежу" и отнесенъ къ IV разряду; по словамъ барона Розена, онъ умеръ въ 1848 г. въ Каменкѣ, на Ангарѣ.

5.

Н. О. Мозгалевскій и А. Е. Мозалевскій.

Имена этихъ двухъ лицъ, вслѣдствіе созвучія ихъ фамилій, постоянно смѣшиваются,—даже самими декабристами, а между тѣмъ судьба ихъ, одинаково печальная, во многомъ различна. О Мозгалевскомъ имѣются данныя въ книгѣ А. И. Дмитріева-Мамонова „Декабристы въ Западной Сибири" (изд. 2, Спб. 1905, стр. 110—111), а біографія и портретъ Мозалевскаго помѣщены въ изданіи „Декабристы. 86 портретовъ" (М. 1906, стр. 141—142), при чемъ, однако, онъ ошибочно названъ подпоручикомъ и Ивановичемъ, тогда какъ былъ прапорщикомъ и по-отчеству Евтихіевичемъ. На основаніи подлинныхъ формулярныхъ списковъ и другихъ офиціальныхъ бумагъ мы можемъ сообщить объ обоихъ данныя, безусловно точныя.

Николай Осиповичъ Мозгалевскій былъ младшимъ изъ семи сыновей дворянина и помѣщика Черниговской губерніи Осипа Θедоровича, служившаго до капитана въ военной службѣ, а затѣмъ бывшаго засѣдателемъ Уѣзднаго Нѣжинскаго Суда (съ 1794 г.) и (съ 1797 г.) земскимъ подсудкомъ Нѣжинскаго же Повѣтоваго Суда; матерью декабриста была Викторія Карловна де-Розетъ, дочь „метрдотеля бывшаго короля французскаго" (т. е. казненнаго Людовика XVI). Н. О. родился въ 1801 году, воспитывался Нѣжинскомъ народномъ училищѣ и разныхъ пансіонахъ, а съ 1814 г.—въ 1-мъ Кадетскомъ Корпусѣ, откуда 30-го января 1821 г. былъ выпущенъ прапорщикомъ въ *Саратовскій* пѣхотный полкъ и 4-го мая 1823 г. получилъ здѣсь чинъ подпоручика; будучи членомъ Общества Соединенныхъ Славянъ, онъ 12-го іюля 1826 г., „за принадлежность къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли", былъ, какъ преступникъ VIII разряда, приговоренъ къ лишенію чиновъ и дворянства и къ ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе. Жизнь его здѣсь описана въ упомянутой выше книгѣ г. Дмитріева-Мамонова; къ сказанному тамъ можемъ добавить, что потомство Мозгалевскаго существуетъ и понынѣ; одинъ изъ его сыновей, Викторъ,—нынѣ генералъ-маіоръ въ отставкѣ и имѣетъ дѣтей; внуки отъ другого сына, Александра, въ настоящее время живутъ въ разныхъ мѣстахъ Сибири.

Александръ Евтихіевичъ Мозалевскій, сынъ бѣднаго дворянина—помѣщика Фатежскаго уѣзда Курской губерніи Евтихія Ивановича, ро-

дился въ 1803 году, службу началъ въ *Черниговскомъ* пѣхотномъ полку подпрапорщикомъ (3-го марта 1821 г.) и 20-го мая 1824 г. произведенъ въ прапорщики. Въ послужномъ спискѣ его, составленномъ въ началѣ 1826 г., сказано, что онъ „изъ комплекта Черниговскаго полка выступилъ, въ числѣ возмутителей, 31-го декабря 1825 г.“, причемъ отмѣчено, что по сентенціи Военнаго Суда онъ за бунтъ и измѣну подлежалъ, по силѣ законовъ и приговора суда, смертной казни — четвертованію, но Высоч. приказомъ 12-го іюля 1826 г. повелѣно было Мозалевскаго, по лишеніи чиновъ и дворянства и преломленіи шпаги надъ его головою предъ полкомъ, поставить въ г. Васильковѣ при собраніи командъ изъ полковъ 9-й пѣхотной дивизіи подъ висѣлицу и потомъ отправить въ каторжную работу вѣчно“. Мозалевскому было поставлено въ вину его дѣятельное участіе въ мятежѣ, произведенномъ подполковникомъ Черниговскаго полка Сергѣемъ Ивановичемъ Муравьевымъ-Апостоломъ, и онъ, вмѣстѣ съ офицерами Сухиновымъ, барономъ Соловьевымъ и др. былъ преданъ не Верховному Уголовному Суду, судившему прочихъ декабристовъ, а Военному Суду при главной квартирѣ 1-й арміи въ Могилевѣ, а потомъ дѣло ихъ разбиралъ еще и Аудиторіатскій Департаментъ, на докладѣ котораго и положена была резолюція 12-го іюля 1826 г. Формулировка вины Мозалевскаго приведена въ изданіи „Политическіе процессы Николаевской эпохи. Декабристы“. (М. 1907, изд. Саблина, стр. 148—154). Въ ноябрѣ 1832 г. срокъ пребыванія Мозалевскаго на каторжныхъ работахъ былъ ограниченъ 15-ю годами (см. тамъ же, стр. 203), но вообще и онъ, и его товарищи пострадали сравнительно болѣе другихъ декабристовъ, тѣмъ болѣе, что онъ не былъ обвиненъ въ принадлежности къ тайному обществу, а лишь въ знаніи о немъ и недонесеніи.

Перипетіи жизни Мозалевскаго въ Сибири (но лишь до 1830 года) разсказаны въ книгѣ „Декабристы. 86 портретовъ“; по свидѣтельству барона А. Е. Розена (Записки, изд. П. Е. Щеголева, Спб. 1907, стр. 280) онъ умеръ въ 1866 г. Записанный, со словъ Соловьева, Быстрицкаго и Мозалевскаго, разсказъ о возстаніи Черниговскаго полка, подъ заглавіемъ „Бѣлая Церковь“, напечатанъ въ книгѣ „Тайное общество и 14 декабря 1825 года въ Россіи“ (изд. 2-е, Каспровича, Лейпцигъ, s. a., стр. 79—94). Замѣтимъ еще, что въ запискахъ И. И. Горбачевскаго („Русс. Арх.“ 1882, кн. I) и въ запискахъ княгини М. Н. Волконской Мозалевскій вездѣ ошибочно названъ Мозгалевскимъ.

Б. Модзалевскій.

В. С. Любатовичъ.

(Некрологъ).

19-го декабря 1907 года скончалась въ Москвѣ *Вѣра Спиридоновна Осташкина, рожденная Любатовичъ*—одна изъ видныхъ участницъ процесса 50-ти.

Имѣя отъ роду лишь 20 лѣтъ, она была въ числѣ первыхъ русскихъ женщинъ приговорена 5-го апрѣля 1877 года судомъ на каторгу на 6 лѣтъ; это первое осужденіе женщинъ на каторгу по политическому процессу сильно взволновало въ то время общественное мнѣніе не только жестокостью своей, но и полной юридической необоснованностью; онѣ были осуждены не за какое-нибудь насиліе, а за простую пропаганду соціалистическихъ идей въ народѣ. Осужденныя и не хотѣли брать дѣйствующее право себѣ въ защиту, но защитники ихъ, по просьбѣ товарищей, подали кассаціонную жалобу, которая и была уважена. Вѣра Любатовичъ, какъ и другія, осужденныя съ нею, на каторгу не пошла: она была сослана на вѣчное поселеніе сначала въ Западную Сибирь, гдѣ ей, какъ и другимъ ея подругамъ, пришлось быть первыми одинокими предтечами надвигавшейся волны массоваго изгнанія въ Сибирь молодежи. Затѣмъ, безъ всякаго повода и предупрежденія ее, больную и слабую, спѣшно выслали въ Енисейскую губернію, послѣ побѣга ея сестры изъ Ялуторовска; здѣсь, затерянная долгіе годы вмѣстѣ съ мужемъ своимъ и ребенкомъ, Вѣра Любатовичъ испытала всю тягость подневольнаго житья, всю тяготу непривычнаго черного труда, которому она отдавалась со всей отвагой и простотой, присущей ея прямой, смѣлой натурѣ. Малый запасъ физическихъ силъ, надорванныхъ уже двухлѣтнимъ предварительнымъ заключеніемъ, дѣлалъ ея жизнь въ ссылкѣ почти подвижнической. Несмотря на утомленіе и частыя болѣзни, всѣ товарищи помнятъ съ какой сердечностью спѣшила она всегда помочь всякой бѣдѣ, всякому горю. Даже теперь, уже стоя одной ногой въ могилѣ, она, забывая себя, еще недавно

ухаживала за прислуживавшей ей дѣвушкой, неожиданно заболѣвшей тифомъ.

Такъ прошли въ этомъ скромномъ существованіи всѣ лучшіе годы ея жизни; такъ въ заботахъ объ окружающихъ она незамѣтно, день за днемъ изливала свои силы, пока наступилъ роковой конецъ.

N.

П. А. Ефремовъ.

(Некрологическая замѣтка).

27 декабря истекшаго года скончался извѣстный библіографъ Петръ Александровичъ Ефремовъ, давно уже пользовавшійся въ нашей литературѣ почетной извѣстностью, какъ по образцовому редактированію текста многихъ русскихъ авторовъ, въ томъ числѣ и такихъ классиковъ, какъ Пушкинъ и Лермонтовъ, такъ и за свою многополезную, неусыпную 50-лѣтнюю дѣятельность въ области исторіи русской литературы XVIII и XIX столѣтій вообще, а въ области русской библіографіи въ особенности.

Давъ здѣсь краткія біографическія свѣдѣнія о П. А. Ефремовѣ и данныя объ его главнѣйшихъ литературныхъ и библіографическихъ трудахъ его, я позволю себѣ затѣмъ привести и нѣсколько личныхъ своихъ воспоминаній о Ефремовѣ, котораго я зналъ съ 1873 года.

Петръ Александровичъ Ефремовъ родился въ Москвѣ 2 ноября 1830 года, учился сперва въ тамошней 1-й гимназіи, а затѣмъ въ Московскомъ университетѣ. Окончивъ со степенью кандидата математическій факультетъ, Ефремовъ въ 1854 г. переселился въ Петербургъ и тогда же поступилъ на службу въ инспекторскій департаментъ военнаго министерства. Съ 1857 по 1863 г. онъ служилъ въ канцеляріи предсѣдателя департамента удѣловъ, а въ 1863 г., съ открытіемъ сберегательныхъ кассъ по новому о нихъ уставу, Ефремовъ, по предложенію Е. И. Ламанскаго, перешелъ въ государственный банкъ по отдѣлу сберегательныхъ кассъ. Здѣсь, съ 1872 по 1889 г., онъ былъ директоромъ С.-Петербургской кассы, а въ 1889 г. былъ назначенъ директоромъ государственнаго банка и завѣдывающимъ всѣми сберегательными кассами.

Въ 1893 г. Ефремовъ вышелъ въ отставку и переселился въ Москву, въ унаслѣдованный имъ отъ отца домъ, куда перевезъ и свою громадную (одну изъ замѣчательнѣйшихъ въ Россіи) библіотеку и свои коллекціи портретовъ, гравюръ и пр. Но, проживя въ Москвѣ 9 лѣтъ, Ефремовъ въ 1902 г. вновь переселился въ Петербургъ, къ которому, проживъ въ немъ ранѣе такъ много, привыкъ и здѣсь уже жилъ до самой смерти.

Любовь или, прямо говоря, страсть къ книгамъ Ефремовъ унаслѣдовалъ отъ своего отца, Александра Степановича, тоже имѣвшаго большую библіотеку и нѣкогда близко стоявшаго къ кружку Н. В. Станкевича, причемъ двое изъ членовъ этого кружка, поэтъ И. П. Клюшниковъ и знаменитый Бѣлинскій, даже жили одно время въ домѣ отца Ефремова. Въ дѣтствѣ и въ ранней юности П. А. Ефремовъ перечиталъ изъ биб-

ліотеки отца всѣхъ нашихъ писателей отъ Фонвизина до Лермонтова и Гоголя и тогда же пристрастился къ собиранію книгъ, старыхъ журналовъ, гравюръ, литографій и портретовъ. Онъ самъ съ живымъ удовольствіемъ не разъ мнѣ разсказывалъ, какъ, будучи гимназистомъ, сперва съ отцомъ, а затѣмъ и самостоятельно ходилъ по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ къ Сухаревой башнѣ, гдѣ въ тѣ времена въ Москвѣ сосредоточивался, главнымъ образомъ, торгъ всякими книгами, въ томъ числѣ и очень трудно находимыми библіографическими рѣдкостями. Надо было видѣть, съ какимъ удовольствіемъ, а подчасъ и съ юморомъ, передавалъ покойный свои какъ тогдашнія, московскія, такъ и позднѣйшія, петербургскія, похожденія по лавкамъ разныхъ букинистовъ, и какъ онъ съ удовольствіемъ повѣствовалъ о томъ, какъ ему удавалось иногда за пустяки, за гроши, покупать у несвѣдущихъ букинистовъ и книжниковъ весьма цѣнныя книжныя рѣдкости. Надо здѣсь, однако, замѣтить, что Ефремовъ не принадлежалъ къ числу такихъ библіофиловъ, которые, подобно Г. Н. Геннади и Я. Ѳ. Березину-Ширяеву, пріобрѣтали *всякія рѣдкія* книги, даже самаго пустого и ничтожнаго содержанія, только единственно на томъ основаніи, что онѣ рѣдки, трудно находимы или совсѣмъ исчезли изъ продажи. Нѣтъ. Покойный Ефремовъ не такъ относился къ дѣлу собиранія и коллектированія книгъ. Онѣ интересовали его постольку, поскольку представляли собою научное, литературное или историко-литературное содержаніе. Онъ собиралъ преимущественно книги, имѣвшія отношеніе къ исторіи русскаго театра и въ особенности къ исторіи русской литературы XVIII и XIX в. Въ этомъ отношеніи его библіотекѣ, по выраженію одного знатока, „цѣны не было". Собиралъ онъ также и книги по русской исторіи, собралъ, пожалуй, единственную въ своемъ родѣ, коллекцію гравированныхъ и даже литографированныхъ портретовъ русскихъ людей и дѣятелей (какого бы то ни было рода). Много въ его коллекціяхъ было также и рукописей, неизданныхъ (по цензурнымъ или другимъ причинамъ) стихотвореній и др. произведеній русскихъ писателей XIX в. отъ Рылѣева и Пушкина до Некрасова, В. Курочкина и Буренина включительно. Обладая изумительной, феноменальной памятью, Ефремовъ зналъ исторію русской литературы и ея закулисныхъ сторонъ такъ, какъ едва ли зналъ ее кто другой и служилъ, такъ сказать, живой справочной книгой, живой энциклопедіей по части исторіи нашей литературы и нашего театра, и всякій, кто къ нему ни обращался, никто не получалъ отказа: своими знаніями и книгами онъ всегда охотно помогалъ всякому, работавшему въ наукѣ или литературѣ, кто только къ нему обращался за помощью. Онъ не дорожилъ своимъ временемъ и цѣлыми часами отдавалъ его собратамъ по литературѣ и библіографіи. Это скажу не только я, много обязанный Ефремову въ своихъ занятіяхъ, но это скажетъ и всякій изъ литераторовъ, имѣвшихъ знакомство или дѣло съ Петромъ Александровичемъ...

Но пора обратиться къ обзору его литературной дѣятельности. Дѣятельность эта продолжалась ни много, ни мало цѣлыхъ 50 лѣтъ. Началъ онъ ее въ „Современникѣ" 1857 г. (№ 5), гдѣ напечатанъ „Разговоръ въ царствѣ мертвыхъ". Затѣмъ непрерывно потянулась цѣлая масса рецензій, статей и замѣтокъ разнаго рода по исторіи русской ли-

тературы, критики, поэзіи и театра въ „Библіографическихъ Запискахъ“ 1858—61 г.г.), „Отеч. Зап.“ (1862—67, подъ псевдонимомъ А. Эфирова), „Искрѣ“ В. С. Курочкина (1863—67), гдѣ Ефремовъ (подъ разными псевдонимами и анонимно) печаталъ весьма удачныя стихотворныя и драматическія пародіи, „Нашемъ Времени“ (1863), „Голосѣ“ (1863—1881), „Книжн. Вѣстн.“ (1864—65 г.г., когда этотъ журналъ Ефремовъ редактировалъ), „Рус. Архивѣ“ (1866—1888), „Совр. Обозр.“ Тиблена (1868) и въ особенности же въ „Рус. Старинѣ“. М. И. Семевскаго (1870—1882). Кромѣ того, рядъ статей, замѣтокъ, некрологовъ былъ имъ напечатанъ въ „С.-Пет. Вѣд.“ В. Корша (1871—73), „Недѣлѣ“ (1875), „Всемирн. Иллюстр.“ (1875), „Нов. Врем.“ (1875—99), „Росс. Библіографіи“ Гартье (1880), „Вѣст. Финансовъ“ (1884), „Пантеонѣ Литературы“ (1888), „Рус. Вѣд.“ (1895—99) и др. періодич. изд.

Обращаясь къ содержанію этихъ статей въ разныхъ газетахъ и журналахъ, можно видѣть, какъ разнообразна была дѣятельность Ефремова въ области библіографіи и исторіи русской литературы. Онъ впервые напечаталъ множество неизданныхъ до него произведеній и писемъ Рылѣева, Пушкина, Лермонтова, Фонвизина, Радищева, Языкова, Баратынскаго, Жуковскаго, Дельвига, Загоскина, Батюшкова, Я. Б. Княжнина, А. Ѳ. Воейкова, гр. А. К. Толстого, Полежаева и др. писателей. Въ числѣ этихъ статей Ефремовъ, между прочимъ, напечаталъ полные и провѣренные имъ по рукописямъ тексты сатиры Воейкова „Домъ сумасшедшихъ“ („Р. Стар.“ 1874 г., № 3), трагедіи Княжнина „Вадимъ Новгородскій“ (ibid. 1871 г., № 6), пародіи П. Н. Семенова „Митюха Валдайскій“ на трагедію Озерова „Дмитрій Донской“ („Библіогр. Зап.“ 1861 г., № 15 и „Р. Стар.“ 1878 г., № 10), офиціальные документы о смерти Грибоѣдова („Р. Арх.“ 1872 г., №№ 7 и 8) изслѣдованія о портретахъ Лермонтова („Р. Стар.“ 1875 г., № 9), Бѣлинскаго (ibid. 1876 г., № 2), Гоголя (ibid. 1878 г., № 5 и 1879 г., № 9) и мн. др. цѣнныхъ матеріаловъ. Отдѣльно Ефремовъ напечаталъ въ новыхъ изданіяхъ Новиковскіе журналы „Трутень“ (Спб. 1865) и „Живописецъ“ (1864), „Матеріалы для исторіи рус. литературы“ (Спб. 1867; здѣсь, между прочимъ, перепечатанъ и Новиковскій словарь русскихъ писателей), „Библіографич. сборникъ“ (Спб. 1867; сатира В. П. Петрова „Приключеніе шведскаго короля Густава III“), „Полное и обстоятельное собраніе подлинныхъ, историч., любопытныхъ, забавныхъ и поучит. анекдотовъ четырехъ увеселит. шутовъ: Балакирева, Д'Акосты, Педрилло и Кульковскаго“ (Спб. 1869—пародія на тогдашнія историч. „изслѣдованія Геннади, Есипова, Семевскаго съ ихъ многочисленными, часто пустячными примѣчаніями), „Сочиненія А. Н. Радищева“ въ 2-хъ т. (Спб. 1872; это изданіе, по стараніямъ тогдашняго начальника главн. управл. по дѣламъ печати М. Н. Лонгинова, не разъ осмѣяннаго и уличеннаго Ефремовымъ въ неточностяхъ, было сожжено. Затѣмъ Ефремовъ въ высшей степени старательно и добросовѣстно редактировалъ полныя собранія сочиненій Фонвизина (Спб. 1866), Кантемира (1867—68, 2 т.), В. И. Майкова (1867), В. И. Лукина и Б. Е. Ельчанинова (1868). „Пѣсню про царя Ивана Васильевича“ Лермонтова (1865), 3-е, 4-е, 5-е, 6-е и 7-е изданіе сочиненій Лермонтова (1873, 1880, 1882, 1887 и 1889), 1-е и 2-е изданія сочиненій Рылѣева

(1872 и 1874), два изданія пушкинскаго „Евгенія Онѣгина“ (Спб. 1874 и М. 1882), 7-е, 8-е, 9-е и 10-е изданія сочиненій Жуковскаго (1878, 1885, 1895 и 1901), „Горе отъ ума“ Грибоѣдова (въ Суворинской „Дешевой Библіотекѣ“, выдержавшее съ 1872 г. до полутора десятка изданій), 3-е (Исакова) и 8-е (Анскаго) изданія сочиненій Пушкина, (СПБ.1880—81г. и М. 1882), а также и 7-томное изданіе сочиненій Пушкина, напечатанное Комаровымъ (СПВ. 1887), „Юношескія драмы“ Лермонтова (1881), стихотворенія Полежаева съ біографіей и примѣч. (СПБ. 1889), дополненный и исправленный по рукописи текстъ „Семи статей В. Г. Бѣлинскаго“ (М. 1899, вмѣстѣ съ В. Е. Якушкинымъ). Далѣе онъ редактировалъ изданные Глазуновымъ „Матеріалы для исторіи русск. книжн. торговли“ (1879), сборникъ „Памяти Бѣлинскаго“ (М. 1899), „Бахчисарайскій фонтанъ“ Пушкина съ рисунками В. Я. Суреньянца (М. 1899, лучшее и роскошнѣйшее изъ иллюстр. изданій произведеній Пушкина), „Альбомъ Пушкинской выставки въ Москвѣ“ (М 1899). Кромѣ того, Ефремовъ составилъ „Систематич. роспись книгамъ прод. въ кн. маг. И. И. Глазунова“ и 3 прибавленія къ ней (1867 1896, 1871 и 1873), „Указатель къ „Правосл. Обозрѣнію“ 1860—1870“ (М. 1872), участвовалъ въ редактированіи учено-литерат. сборника въ пользу голодающихъ самарцевъ „Складчина“ (Спб. 1874) и негласно редактировалъ и помогалъ въ изданіи сочиненій Ег. П. Ковалевскаго (1866—68), полнаго собранія сочиненій И. И. Панаева (изд. Н. Г. Мартынова, Спб. 1888) и др. изд. Послѣднимъ крупнымъ его трудомъ было редактированіе суворинскаго изданія сочиненій Пушкина (8 т., Спб. 1903—05). Относительно того, какъ внимательно и добросовѣстно относился Ефремовъ къ редактированію изданій нашихъ классиковъ, можетъ служить то обстоятельство, что каждое послѣдующее ихъ изданіе онъ дополнялъ и вносилъ новыя произведенія (замѣтки, письма, стихотворенія), дополняя ихъ обстоятельными комментаріями и примѣчаніями. Такъ, напр., въ послѣднее (10-е, 1901) г. изданіе сочиненій Жуковскаго имъ внесено впервые цѣлыхъ 82 неизвѣстныхъ до того времени стихотвореній этого поэта. То же слѣдуетъ сказать и о другихъ писателяхъ, имъ редактированныхъ.

Чего нельзя было напечатать въ нашихъ подцензурныхъ изданіяхъ, то Ефремовъ печаталъ въ заграничныхъ нелегальныхъ изданіяхъ. Такъ, имъ было напечатано дѣло братьевъ Критскихъ въ „Полярной Звѣздѣ“ Герцена (1862 г., кн. VII, вып. 1.) Въ той же „Пол. Звѣздѣ“ были напечатаны и др. доставленные имъ документы и „запрещенныя“ стихотворенія русскихъ поэтовъ.

Немало поработалъ онъ также (въ 70-хъ годахъ) и для Литературнаго Фонда, какъ членъ комитета, секретарь и казначей Фонда.

Въ заключеніе скажу нѣсколько словъ о покойномъ П. А. Ефремовѣ, какъ о человѣкѣ.

Я познакомился съ нимъ 5 сентября 1873 г., когда обратился къ нему за біографическими о немъ свѣдѣніями для „Дополненія къ Настольному Энциклопедич. Словарю“ Толля, гдѣ я редактировалъ тогда нѣсколько отдѣловъ. Ефремовъ принялъ меня въ высшей степени радушно, охотно сообщилъ мнѣ о себѣ всѣ необходимыя біографическія данныя

и любезно предложилъ мнѣ свою помощь для моей работы по Словарю. Я очень обрадовался такому предложенію. Тогда я былъ еще очень молодъ (мнѣ шелъ 23-й годъ) и еще очень неопытенъ въ дѣлѣ библіографіи и въ историко-литературныхъ розысканіяхъ. Богатѣйшія и неоцѣнимыя коллекціи библіотеки П. А. Ефремова явились для меня настоящимъ кладомъ, неисчерпаемымъ кладеземъ, откуда я, съ его просвѣщенной помощью, и черпалъ многое множество фактовъ, данныхъ и свѣдѣній біографическаго и библіографическаго характера для „Дополненія къ Словарю“ Толля. Факты и свѣдѣнія эти относились къ жизни и литературной дѣятельности писателей (XVIII и XIX в.), ранѣе или вовсе пропущенныхъ въ словарѣ или же помѣщенныхъ въ немъ съ неполными свѣдѣніями. Еженедѣльно я приходилъ къ Ефремову, и мы засиживались съ нимъ до часу и двухъ ночи, перебирая его „папки“, въ которыхъ въ алфавитномъ порядкѣ сохранялись всевозможныя, вырѣзанныя изъ массы журналовъ и газетъ (старыхъ и новыхъ) статьи и всякаго рода данныя о писателяхъ. Цѣлыми грудами этихъ драгоцѣнныхъ матеріаловъ снабжалъ меня Ефремовъ на домъ для ихъ использованія. Понятно, какъ я ему былъ благодаренъ...

Ефремовъ, вскорѣ послѣ нашего знакомства, пригласилъ меня бывать у него на его „вторникахъ“—литературныхъ вечерахъ. На эти вечера сходились его близкіе знакомые и собратья по литературной дѣятельности. Тутъ я встрѣчался съ братьями В. С. и Н. С. Курочкиными, М. И. Семевскимъ, А. Ѳ. Горбуновымъ, Я. П. Полонскимъ, С. Н. Шубинскимъ, Д. Ѳ. Кобеко, сенаторами Г. К. Рѣпинскимъ и В. Я Фуксомъ, Н. П. Барсуковымъ, Я. Ѳ. Березинымъ-Ширяевымъ, академикомъ Я. К. Гротомъ, Д. Д. Минаевымъ, Н. А. Демертомъ и со многими другими изъ тогдашнихъ писателей и ученыхъ. Оживленная бесѣда тянулась всегда далеко за полночь, и чего-чего только нельзя было услышать на этихъ вечерахъ по части какъ литературныхъ, такъ и политическихъ фактовъ тогдашняго, равно какъ и предыдущаго времени. И хозяинъ и его гости всегда сообщали много любопытнаго другъ другу или обмѣнивались интересными литературными воспоминаніями. Я ввелъ въ это общество покойнаго поэта А. Н. Плещеева и извѣстнаго критика А. М. Скабичевскаго, привезя ихъ разъ къ Ефремову, съ которымъ они ранѣе не были знакомы. И тому и другому нужны были нѣкоторыя историко-литературныя указанія, которыя Ефремовъ и не замедлилъ имъ сообщить. Въ особенности многимъ обязанъ былъ ему А. М. Скабичевскій, какъ тогда, такъ и впослѣдствіи, при писаніи (въ 80-хъ годахъ) „Очерковъ по исторіи русской цензуры“.

Вообще, надо опять повторить, что Ефремовъ всегда радушно и безкорыстно, а часто и съ ущербомъ для себя (рѣдкія книги терялись и зачитывались) помогалъ своими обширными знаніями и неисчерпаемыми коллекціями своей библіотеки всѣмъ и каждому, кто прибѣгалъ къ его помощи.

Онъ былъ человѣкомъ стойкихъ и честныхъ политическихъ и литературныхъ убѣжденій, а также чрезвычайно добрымъ и отзывчивымъ къ людямъ, попавшимъ въ бѣду. Когда я сидѣлъ (съ мая 1876 г) въ Домѣ Предвар. Заключ. по дѣлу о революціонной пропагандѣ, Ефремовъ неустанно

снабжалъ меня книгами и передавалъ мои историко-литературныя работы въ „Словарь“ Толля и въ „Рус. Старину“. Онъ же (вмѣстѣ съ Н. А. Некрасовымъ, лично знавшимъ тогдашняго шефа жандармовъ), пользуясь своими связями и знакомствами, выхлопоталъ высочайшее повелѣніе о моемъ освобожденіи (съ отдачей лишь подъ гласный надзоръ полиціи), которое и состоялось 13 ноября 1876 г. Когда (уже по другому политическому дѣлу) меня въ февралѣ 1877 г. административно ссылали въ Олонецкую губ., Ефремовъ снова принялъ дѣятельное участіе въ моей бѣдѣ и много помогъ мнѣ, какъ тогда, такъ и послѣ, въ долгіе годы четырехъ ссылокъ, тянувшихся до 1898 г. (лишь съ однимъ небольшимъ промежуткомъ 1888—89 гг.). Въ этомъ отношеніи я всегда буду вспоминать о немъ съ живѣйшей признательностью... Помогалъ онъ, кромѣ меня, и многимъ другимъ, такъ какъ былъ человѣкъ съ истинно добрымъ сердцемъ и съ отзывчивой душой...

Вѣрный ученикъ и поклонникъ Бѣлинскаго, Ефремовъ немало гордился и ставилъ себѣ въ положительную заслугу то, что онъ первый розыскалъ (въ 1856 г.) на Волковомъ кладбищѣ могилу великаго критика, бывшую до того времени затерянною и забытою. Онъ же (вмѣстѣ съ другими лицами) принялъ горячее участіе и въ сооруженіи и постановкѣ скромнаго мраморнаго памятника на этой дорогой для Россіи могилѣ...

Д. П. Сильчевскій.

Библіографія.

Феодализмъ въ древней Руси. Н. П. Сильванскаго. *(СПБ. 1907).* Имя г. Павлова-Сильванскаго давно извѣстно довольно широкимъ кругамъ читателей, какъ имя одного изъ оригинальнѣйшихъ русскихъ историковъ. Профессоръ Сергѣевичъ, столь строгій по отношенію къ своимъ современникамъ, будетъ ли то авторъ „Боярской Думы" Ключевскій, или молодой академикъ Лаппо-Данилевскій, говоря о статьяхъ Павлова-Сильванскаго и выдвигаемой имъ теоріи феодализма въ Россіи, значительно понижаетъ тонъ, относится къ автору какъ старшій товарищъ къ младшему.

На только-что изданной книгѣ, которая должна служить популяризаціи новой доктрины, легко убѣдиться въ томъ, что Павловъ-Сильванскій долго останавливался на всѣхъ тѣхъ сторонахъ древне-русской жизни, которыя представляютъ сходство съ западнымъ феодализмомъ. У французовъ имѣется предразсудокъ, что лучшіе изслѣдователи тѣ, которые въ жизнь свою написали только одно сочиненіе—„L'homme d'un livre",—такихъ у насъ не мало. Изъ современниковъ укажу хотя бы на справедливо оцѣненнаго и въ Англіи, и въ Россіи, и даже въ Германіи профессора Виноградова. Вѣдь со времени защиты его диссертаціи, т. е. за послѣднюю четверть вѣка, онъ все пишетъ одну и ту же книгу. И эта книга болѣе или менѣе занята рѣшеніемъ тѣхъ же вопросовъ, какіе волнуютъ г. Сильванскаго. Виноградовъ пишетъ о зарожденіи еще въ Римской Имперіи отношеній, которыя, такъ сказать, подготовили почву для феодализма. Его интересуетъ также, и опять-таки въ тѣсномъ общеніи съ феодализмомъ, родовой бытъ скандинавскихъ народностей и племенъ древней Германіи, а равно и кельтовъ Ирландіи и Уэльса. Въ Римѣ и въ родовомъ бытѣ варваровъ Виноградовъ одинаково находитъ исходные моменты развитія того помѣстья и той несвободной крестьянской общины, судьбы которыхъ занимаютъ его въ докторской диссертаціи, а затѣмъ снова занимаютъ въ вышедшихъ на англійскомъ языкѣ книгахъ „О крѣпостномъ правѣ" и „о помѣстьи".

Г. Павловъ-Сильванскій также написалъ уже не мало, но его статьи всѣ вращаются около вопроса о феодализмѣ въ древней Россіи.

Такое сосредоточеніе обоихъ авторовъ на одномъ вопросѣ само уже является залогомъ ихъ серьезнаго отношенія къ нему. Г. Павловъ-Сильванскій перерылъ всѣ источники и показалъ возможность, отправляясь отъ нихъ, дать новое толкованіе многимъ явленіямъ древне-русскаго быта, такимъ, напр., какъ закладничество. Вмѣсто того, чтобы подчеркивать на каждомъ шагу свою оригинальность, такъ сказать, ще-

голять ею предъ читателемъ, онъ постарался связать свою схему съ мыслями, приходившими въ голову еще Карамзину и Соловьеву. Отъ этого его книга не только ничего не потеряла, но, наоборотъ, очень много выиграла. Историческая теорія, доказывающая, что въ древней Руси, одинаково Кіевской и Московской, держались порядки, по характеру своему отвѣчающіе феодальнымъ, не является, какъ deus ex machina, всецѣло исходящей изъ его ума и объясняемой субъективными свойствами послѣдняго, а какъ результатъ вѣковыхъ усилій сближенія русскихъ судебъ съ западными, какъ естественное и необходимое завершеніе того все болѣе и болѣе глубокаго изученія генезиса и характера феодализма на протяженіи всего міра, благодаря которому должна была по необходимости измѣниться и основная точка зрѣнія на него, какъ на особенность германо-романскаго быта. И моему учителю Мэну, и мнѣ самому приходилось уже высказываться о нѣкоторыхъ сторонахъ феодализма, какъ извѣстныхъ и мусульманской Персіи или Индіи. Едва ли кого поразитъ въ настоящее время отождествленіе, такъ называемыхъ, „икта“, т. е. земель, поступающихъ въ временное пользованіе на срокъ службы, съ карловинтскими бенефиціями, во всякомъ случаѣ не въ большей степени, чѣмъ уподобленіе послѣднихъ помѣстью, уподобленіе не разъ уже сдѣланное, между прочимъ, мною и повторяемое г. Сильванскимъ. Удивительнаго въ томъ, что феодализмъ былъ общимъ явленіемъ, разумѣется, нѣтъ ничего. Вѣдь стоитъ только вспомнить, что въ условіяхъ самодовлѣющаго хозяйства, при рѣшительномъ перевѣсѣ сельскаго быта надъ городскимъ, земля являлась тѣмъ высшимъ матеріальнымъ благомъ, которымъ вознаграждалась всякая служба: и служба военныхъ людей государю и служба крестьянъ земельному владѣльцу. Отсюда необходимо вытекло и то послѣдствіе, что личныя отношенія осложнились земельными, а земельныя пріобрѣли характеръ политическій. Кто искалъ защиты, уступалъ свою землю сильному человѣку въ собственность, удерживая за собою одно пользованіе. Такъ возникала на Западѣ коммендація, у насъ закладничество, а на мусульманскомъ Востокѣ, такъ называемая, „икбалдава“. Сильный человѣкъ настолько сохранялъ свою силу, насколько могъ располагать большимъ числомъ зависимыхъ отъ него людей, а это возможно было подъ условіемъ не только оставленія за ними въ зависимомъ пользованіи того, чѣмъ они ранѣе владѣли въ собственность (на Западѣ алодъ, у насъ отчина, или дѣдина), но и нерѣдкой придачи къ этому земель, полученныхъ въ вознагражденіе за службу. Но чтобы зависимые люди дѣйствительно оставались во власти награждаемаго землею служилаго человѣка, ему необходимо было озаботиться возможно большимъ освобожденіемъ ихъ отъ подвѣдомственности государственнымъ властямъ и судьямъ, что, впрочемъ, было и въ ихъ интересахъ, такъ какъ избавляло отъ вымогательствъ агентовъ далеко отстоящей отъ нихъ власти. Вѣдь не у одного русскаго народа сложилась пословица: „До Бога высоко, до Царя далеко“. Интересъ обѣихъ сторонъ требовалъ поэтому созданія тѣхъ порядковъ, которые на Западѣ извѣстны были подъ именемъ иммунитета, а у насъ, какъ доказалъ Павловъ-Сильванскій, передаются грамотами описательно словами „а волостели мои или намѣстники мои, тіуны, не въѣзжаютъ

или не всылаютъ къ такимъ-то владѣльцамъ, ни къ ихъ людямъ, ни почто". Иммунитетъ необходимо предполагаетъ осуществленіе тѣхъ административныхъ, финансовыхъ и судебныхъ функцій, отъ которыхъ отказались правительственные агенты, самимъ владѣльцемъ бенефиція—помѣстья, или надѣленной тѣми же правами, что и помѣстье, вотчины. Отсюда развитіе той вотчинной юстиціи, которая въ Россіи, какъ и во многихъ государствахъ Запада, въ томъ числѣ Англіи, не знаетъ другихъ ограниченій, „опричь душегубства, татьбы и разбоя съ поличнымъ". Эту вотчинную, или патримоніальную юстицію, оговариваютъ дарственныя грамоты, упоминая о надѣленіи служилаго человѣка или церкви и монастыря „селами съ судомъ и данью" или „съ судомъ и со всѣми пошлинами".

Въ сходствѣ условій самодовлѣющаго хозяйства, неправильно называемаго до сихъ поръ многими экономистами натуральнымъ, одинаково на Западѣ и у насъ, лежитъ, разумѣется, причина и общности феодальныхъ порядковъ. Но что эти порядки нерѣдко получали одинаковое внѣшнее выраженіе, что и у насъ имѣлось, напримѣръ, какъ показываетъ Павловъ-Сильванскій, подобіе той самой церемоніи принесенія „присяги въ покорности"—„hommage", это отчасти могло быть вызвано и прямымъ заимствованіемъ съ Запада, при посредствѣ Польши и Литвы. Г. Сильванскій, какъ мнѣ кажется, съ излишней подробностью останавливается на доказательствѣ той мысли, что юридическіе символы, къ которымъ мы обращались въ древней Руси, болѣе или менѣе сходны съ тѣми, какіе встрѣчаются у германскихъ народностей. Я полагаю, что сравненіе могло бы быть распространено и на другія общества, живущія въ тѣхъ же условіяхъ самодовлѣющаго хозяйства, и стоящихъ на той ступени умственнаго развитія, при которой всякое отвлеченіе представляетъ необычное упражненіе мысли. Вѣдь для сравнительнаго историка права неоспоримымъ положеніемъ считается то, напримѣръ, что реальные контракты предшествовали во времени консенсуальнымъ, а для фольклориста такимъ же труизмомъ является признаніе, что на раннихъ ступеняхъ развитія человѣкъ соединяетъ съ частью предмета представленіе о цѣломъ, такъ что на этомъ даже построена цѣлая система магическихъ дѣйствій. Въ такихъ условіяхъ немудрено, если повсюду земельныя сдѣлки, напримѣръ, совершались путемъ реальной передачи изъ рукъ въ руки части отчуждаемаго, гдѣ глыбы земли, а гдѣ и просто соломины, т. е. взращенной на участкѣ травы. Въ сходствѣ присяги подъ дерномъ и обхода межи съ дерномъ на головѣ, практиковавшимся у насъ, съ передачей земельной собственности въ Германіи также съ дерномъ или посредствомъ травы, нельзя поэтому видѣть ничего похожаго на прямое заимствованіе, но нельзя съ одинаковой увѣренностью говорить о томъ, что употребленіе нашими грамотами выраженія „продать одерень въ полницу" не является прямымъ переводомъ латинской фразы „con cespite tradere in proprietatem".

Такимъ образомъ, при анализѣ причинъ совпаденія надо постоянно имѣть въ виду и единство условій, вызывающихъ одинаковость послѣдствій и культурное воздѣйствіе одного народа на другой.

Г. Павловъ-Сильванскій сопоставляетъ русскіе порядки съ феодаль-

ными вообще, но сколько различій въ характерѣ феодализма, если сравнивать между собою такія страны, какъ Франція, Англія, Германія. Возьмемъ хотя бы крѣпостное право. Англійскій крестьянинъ, или керлъ, въ IX вѣкѣ—такой же свободный человѣкъ, какъ и смердъ „Русской Правды“. Нѣмецкій крестьянинъ теряетъ свою свободу приблизительно въ то же время, что и русскій, т. е. тогда, когда въ Англіи уже исчезаютъ слѣды крѣпостного права. А если мы зададимся вопросомъ о судьбѣ крестьянъ во Франціи, то намъ придется отмѣтить крѣпостное состояніе многихъ изъ нихъ уже во времена Карла Великаго и редактированія „Полиптика“ аббатства Сенъ-Жерменъ-де-Пре монахомъ Ирминономъ. И если далеко не повсюду, то все же на нѣкоторыхъ земляхъ чернаго духовенства можно было встрѣтить крѣпостныхъ людей и въ вѣкъ Вольтера и въ моментъ созыва „учредительнаго собранія“. Западно-европейскіе историки еще далеко не выяснили всѣхъ причинъ, обусловившихъ собою особенность феодальныхъ порядковъ той или другой страны. Но на одно обстоятельство уже указано какъ на несомнѣнный источникъ различіе. Это на вліяніе, какое на большую или меньшую законченность процесса феодализаціи имѣетъ устойчивость болѣе раннихъ родовыхъ порядковъ. Работами Себома болѣе или менѣе выяснено, что эти родовые порядки удержались не въ одной только Ирландіи или герцогствѣ Уэльскомъ, благодаря сохранившемуся здѣсь преобладанію Кельтовъ, но и въ Англіи. Родовые порядки несомнѣнно извѣстны были и Кіевской Руси. Достаточно напомнить порядокъ замѣщенія великокняжескаго стола старшимъ въ родѣ, совершенно сходный съ тѣмъ порядкомъ перехода власти вождя и земельнаго собственника, который удержался и въ Ирландіи, и въ Уэльсѣ, и въ шотландскихъ кланахъ, и извѣстенъ подъ наименованіемъ закона о переходѣ „Tannestry“, т. е. старшинства отъ брата къ брату, а не отъ отца къ сыну. При родовыхъ порядкахъ семейная община, или нераздѣльный дворъ играетъ роль первичной общественной ячейки. Мы находимъ ее поэтому подъ именемъ „fine“ въ кельтическомъ быту. Но что другое, какъ не ту же нераздѣльную семью представляетъ намъ „вервь“ „Русской Правды“ и упоминаемая тою же „Правдой“ свобода „вложиться или не вложиться въ платежъ дикой виры“ съ неизбѣжно вытекающимъ отсюда послѣдствіемъ для невложившагося, именно тѣмъ, что отнынѣ ему никто не помогаетъ въ платежѣ виры, а онъ самъ ее платитъ? Я не далекъ отъ мысли, что нашъ феодальный строй ближе всего стоитъ къ тѣмъ порядкамъ вырождающагося родового быта, какіе мы находимъ въ кланахъ Шотландіи, а также въ Ирландіи и Уэльсѣ. Вѣдь земельная зависимость, напримѣръ, поселенцевъ на родовой землѣ отъ начальника клана также осложняется зависимостью личной. Закладничество или коммендація извѣстна и въ древне-ирландскомъ быту, какъ давно указано уже Мэномъ. И возникаетъ она въ условіяхъ, довольно близкихъ къ русскому „серебреничеству“. „Серебромъ“, или капиталомъ, обыкновенно является ссуда коровъ. Получающій ихъ становится кліентомъ и могъ бы въ грамотахъ указать причиной своей коммендаціи, что передача себя въ руки патрона вызвана тою же нуждою, которая въ актахъ меровингской и карловингской эпохи передавалась словами: „не имѣю во что одѣться и чѣмъ обуться“. Особенности

и англійскаго феодализма до эпохи норманскаго завоеванія объясняются сохраненіемъ имъ многихъ чертъ клано-родовыхъ порядковъ. Достаточно напомнить о томъ, что въ раннихъ законахъ англо-саксовъ сама смерть короля ведетъ еще къ уплатѣ головничества или выкупа. Англо-Саксонскій „танъ“ скорѣе дружинникъ при родовыхъ порядкахъ, чѣмъ феодальный сеньеръ. Меня не удивитъ поэтому, если при болѣе детальномъ изученіи русскій феодализмъ окажется ближе стоящимъ къ строю англо-саксонскаго общества временъ Эдуарда Исповѣдника, нежели къ французскому феодализму эпохи Гугона Капета.

Но разобраться во всемъ этомъ—дѣло будущаго, а пока намъ остается только привѣтствовать первую систематическую попытку показать близость нашихъ средневѣковыхъ земельно-сословныхъ отношеній съ западными.

Сочиненіе г. Сильванскаго написано для большой публики, и потому въ немъ не приведенъ тотъ цѣнный матеріалъ, на которомъ основаны главные выводы автора. Часть этого матеріала отпечатана была уже раньше, по крайней мѣрѣ, въ рядѣ извлеченій. Въ систематическомъ же видѣ и въ новой обработкѣ весь матеріалъ появится ближайшимъ образомъ въ диссертаціи нашего молодого, но уже хорошо извѣстнаго историка, которая, какъ можно думать, будетъ посвящена болѣе прочному обоснованію тѣхъ же мыслей, выраженіемъ которыхъ служитъ разобранное нами сочиненіе.

Максимъ Ковалевскій.

А. Н. Пыпинъ. Бѣлинскій. Его жизнь и переписка. Изданіе второе, съ дополненіями и примѣчаніями. Книгоиздательство „Колосъ“. Спб. 1908.

Давно ставшая, въ первомъ изданіи, библіографическою рѣдкостью и теперь перепечатанная книга Пыпина о Бѣлинскомъ до сихъ поръ служитъ самымъ лучшимъ и полнымъ источникомъ для біографіи великаго критика и по необходимости замѣняетъ послѣднюю. Трудъ Пыпина и венгеровскія примѣчанія къ собранію сочиненій Бѣлинскаго, не восполняя въ литературѣ пробѣла, составленнаго отсутствіемъ біографіи Бѣлинскаго, даютъ относительно богатую сводку матеріаловъ по Бѣлинскому. Все, что писано о Бѣлинскомъ послѣ Пыпина, основывалось на его книгѣ, которая не разъ была очень щедро использована „біографами“; Е. А. Соловьевъ выкроилъ изъ нея цѣлыя страницы для своего извѣстнаго очерка. Несомнѣнно, она будетъ издаваема еще не разъ.

Покойный Пыпинъ собирался самъ переиздать свою работу и подготовилъ нѣкоторыя дополненія къ ней; они были отмѣчены имъ на одномъ экземплярѣ изданія 1876 г. и по этимъ указаніямъ внесены прямо въ текстъ. Дополненія невелики и сводятся къ вставкамъ въ разныхъ мѣстахъ нѣсколькихъ горячихъ тирадъ и фразъ и возстановленію именъ, которыхъ Пыпинъ тридцать лѣтъ назадъ не могъ опубликовать по цензурнымъ и инымъ причинамъ. Въ концѣ книги, особо, даны болѣе обширныя дополненія, извлеченныя изъ собранныхъ Пыпинымъ матеріаловъ; въ нихъ немало интереснаго и характернаго. Выдержки изъ писемъ Бѣлинскаго, какъ все, что вышло изъ-подъ пера вѣчно горѣвшаго „Bessarione Furioso“, отражаютъ его страстный, пламенный темпераментъ; интересны отрывки изъ писемъ къ Боткину, съ

которымъ Бѣлинскій былъ дружнѣе всѣхъ, и который долго былъ для него проводникомъ идей и литературныхъ интересовъ. Многія письма Бѣлинскаго, особенно письма къ Боткину, даютъ иногда болѣе яркое представленіе о „неистовомъ Виссаріонѣ“, чѣмъ его критическія статьи. Въ мрачное николаевское время Бѣлинскій, публицистъ по духу столько же, сколько и эстетическій критикъ, часто бывалъ вынужденъ сдерживать себя передъ кавдинскими фуркузами цензуры,—но зато въ перепискѣ съ друзьями онъ давалъ полную волю накопившемуся гражданскому гнѣву. Вотъ горячая филиппика противъ Николая Полевого (въ письмѣ къ Боткину—621 стр.) и по поводу его „патріотическихъ“ пьесъ, которыхъ Бѣлинскій въ своихъ рецензіяхъ могъ касаться только съ „литературной“ стороны: „Если бы я могъ раздавить моею ногою Полевого, какъ гадину,—я не сдѣлалъ бы этого только потому, что не захотѣлось бы запачкать подошвы моего сапога. Это мерзавецъ, подлецъ первой степени: онъ другъ Булгарина, protégé Греча, пріятель Кукольника, безсовѣстный плутъ, завистникъ, низкопоклонникъ, дюжинный писака, покровитель посредственности, врагъ всего живого, талантливаго. Знаю, что когда-то онъ имѣлъ значеніе, уважаю его за прежнее, но теперь—что онъ дѣлаетъ теперь?—проповѣдуетъ ту расейскую дѣйствительность, которую такъ энергически нѣкогда преслѣдовалъ, которой нанесъ первые сильные удары. Я могу простить ему отсутствіе эстетическаго чувства, могу простить искаженіе Гамлета, грубое непониманіе, Пушкина, Гоголя, Лермонтова, глупое благоговолѣніе къ риторической музѣ Державина,—но для меня уже смѣшно, жалко, позорно видѣть его фарисейко-патріотическія, предательскія драмы народныя (Иголкина и т. п.), его пошлыя комедіи и прочую сценическую дрянь, цѣну, которую онъ даетъ вниманію и вызову срыжной публики, составленной изъ офицеровъ и чиновниковъ; но положимъ, что и это можно извинить отсталостью, старостью, слабостью преклонныхъ лѣтъ и пр.; но его дружба съ подлецами, доносчиками, фискалами, площадными писаками, отъ которыхъ гибнетъ наша литература, страждутъ истинные таланты и лишено силы все благородное и честное,—нѣтъ, братъ, если я встрѣчусь съ Полевымъ на томъ свѣтѣ, и тамъ отворочусь отъ него, если только не наплюю ему въ рожу. *Личныхъ враговъ прощу*, съ Булгаринымъ скорѣе обнимусь, чѣмъ подамъ ему руку отъ души“. Прекрасно раскусилъ Бѣлинскій Каткова: въ началѣ 1841 г. онъ писалъ о немъ Боткину и почти предсказалъ, чѣмъ кончитъ Катковъ: „Этотъ человѣкъ какъ-то не вошелъ въ нашъ кругъ, а присталъ къ нему... Много, много пятенъ въ этой, впрочемъ, прекрасной натурѣ. Время образуетъ ее. Это натура полная силы, энергіи, мужества, натура широкая, если еще пока не глубокая; онъ никогда не сдѣлается ни піэтистомъ, ни резонеромъ, ни сентиментальнымъ шутомъ. Только онъ носитъ въ себѣ страшнаго врага—самолюбіе, которое, при его кровяномъ, животномъ организмѣ, чортъ знаетъ до чего можетъ довести его; это конекъ, на которомъ нашъ юноша легко можетъ свернуть себѣ шею. Самолюбіе ставитъ его въ такое положеніе, что отъ случая будетъ зависѣть его спасеніе или гибель, смотря, куда онъ поворотитъ, пока еще время поворачивать себя въ ту или другую сторону“... Извѣстно, куда „поворотилъ“ Катковъ. Ругавшій французовъ

въ періодѣ преклоненія передъ дѣйствительностью и „прекраснодушія“ Бѣлинскій, просвѣтлѣвъ, восторженно пишетъ Боткину о Беранже:—великій, міровой поэтъ, французскій Шиллеръ, который стоитъ нѣмецкаго, христіаннѣйшій поэтъ, любимѣйшій изъ учениковъ Христа! Разумъ и сознаніе—вотъ въ чемъ достоинство и блаженство человѣка; для меня видѣть человѣка въ позорномъ счастіи непосредственности—все равно, что дьяволу видѣть молящуюся невинность: безъ рефлексій, безъ раскаянія разрушаю я, гдѣ и какъ только могу, непосредственность и мнѣ мало нужды, если этотъ человѣкъ долженъ погибнуть въ чужой ему сферѣ рефлексіи, пусть погибнетъ“...

Прекрасны порывы и увлеченія этого „великаго сердца“, великаго въ самыхъ ошибкахъ своихъ, представляющаго въ нравственномъ отношеніи такое же великолѣпное явленіе, какъ Пушкинъ въ эстетическомъ,— и старая книга Пыпина, которая разсказываетъ о немъ, всегда будетъ интересна. Составленныя Е. А. Ляцкимъ примѣчанія нѣсколько освѣтили ее, связали съ накопившейся въ тридцать лѣтъ литературой о Бѣлинскомъ; характеръ ихъ не историко-критическій, какъ у г. Венгерова, а библіографическій. (Приводимый г. Ляцкимъ разсказъ Старчевскаго, что Краевскій радъ былъ отказу Бѣлинскаго отъ участія въ „Отечеств. Запискахъ“, нужно опровергнуть; извѣстно изъ переписки Бѣлинскаго, что Краевскій всячески удерживалъ его и разстался съ нимъ очень неохотно). Въ пополненномъ г. Ляцкимъ спискѣ книгъ и статей о Бѣлинскомъ указаны важнѣйшіе матеріалы, появившіеся съ 1877 г. по 1907; списокъ могъ бы быть полнѣе: такъ, не отмѣчены статьи и брошюры Б. Цинскаго, Ч. Вѣтринскаго (1907 г.), Линниченко, Алферова, Острогожскаго, Плеханова и многія другія, явившіяся въ послѣдніе годы. Составленная С. А. Венгеровымъ библіографія литературы о Бѣлинскомъ („Источники словаря русскихъ писателей“, I) кончается 1898 годомъ; при третьемъ изданіи книги Пыпина г. Ляцкій сможетъ дать продолженіе работы Венгерова.

Н. Л.

М. Гершензонъ. *П. Я. Чаадаевъ. Жизнь и мышленіе. Спб. 1908. Стр. IV+320. Ц. 1 р. 25 коп.*

Авторъ книги разсказываетъ жизнь этого замѣчательнаго человѣка и излагаетъ систематически плоды его мышленія; авторъ вдвигаетъ въ рамки историческаго объясненія необыкновенное явленіе русскаго духа, всегда бывшее нѣсколько непонятнымъ для спеціалистовъ. Г. Гершензонъ ниспровергаетъ ходячія мнѣнія о Чаадаевѣ и главнѣе всего— о его политической революціонности. Чаадаевъ послѣ 25 года—неисправимый политическій реакціонеръ, но надо подняться выше этихъ оцѣнокъ: Чаадаевъ служилъ большей, чѣмъ политическая, вѣчной истинѣ, внутренней свободѣ, подчиняющей себѣ внѣшнюю. Съ этой точки зрѣнія Чаадаевъ неустранимъ изъ исторіи освободительнаго движенія. Г. Гершензонъ очень хорошо намѣчаетъ внутреннее развитіе Чаадаева отъ вольнодумства 20-хъ годовъ черезъ глубокія нравственныя и интеллектуальныя страданія и исканія къ полнѣйшему мистицизму. Авторъ книги удачно связываетъ этотъ мистицизмъ съ крушеніемъ политическихъ надеждъ общества. Ученіе Чаадаева—„своеобразный плодъ мистической идеи на почвѣ исключительно-соціальнаго настроенія русскаго

передового общества 20-хъ годовъ; это міровоззрѣніе декабриста, ставшаго мистикомъ". Мистицизмъ Чаадаева соціаленъ. Г. Гершензонъ въ очень доступной и заинтересовывающей формѣ излагаетъ философскую систему Чаадаева и спеціально его историческую философію Несомнѣнно, это самое цѣльное и стройное и въ то же время легко воспринимаемое изложеніе чаадаевской философіи. Разсказывая объ историческихъ взглядахъ Чаадаева, г. Гершензонъ разрушаетъ довольно распространенное представленіе объ историческомъ скептицизмѣ Чаадаева. Переходя къ изложенію взглядовъ Чаадаева въ тридцатыхъ годахъ, г. Гершензонъ видитъ въ нихъ столь же стройное и логическое развитіе системы „Философическихъ писемъ". Центральный пунктъ мышленія этого періода—объ историческихъ судьбахъ Россіи. Въ „Философическихъ письмахъ" съ вершины своей мистической философіи Чаадаевъ рѣшительно осудилъ прошлое Россіи, а обличенія ея настоящаго не оставляли мѣста никакимъ надеждамъ. Во второй половинѣ тридцатыхъ годовъ Чаадаевъ считаетъ безплодность и пустынность нашего прошлаго залогомъ особенныхъ судебъ Проведѣнія, особенныхъ историческихъ путей Россіи. Въ то же время мѣняются его взгляды на православіе. Отрицаніе смѣнилось признаніемъ православія за одинъ изъ полюсовъ христіанской церкви. Мы не согласны съ авторомъ изслѣдованія какъ въ томъ, что міровоззрѣніе тридцатыхъ годовъ развито у Чаадаева съ тѣмъ же единствомъ исходной точки зрѣнія и съ тою же логикой, какъ философія „писемъ", такъ и въ томъ, что оно является логическимъ завершеніемъ всей системы. Намъ кажется, что во второй половинѣ 30-хъ годовъ системѣ „писемъ" наносятся удары вынужденнымъ стремленіемъ примириться съ русской дѣйствительностью. Намъ кажется нѣсколько преувеличенной общая историческая оцѣнка вклада Чаадаева въ мышленіе человѣчества.

Оставляя открытымъ вопросъ о своевременности напоминанія о Чаадаевѣ, рекомендуемъ интересную и доступно написанную книгу г. Гершензона всѣмъ интересующимся судьбами русскаго мышленія, или вѣрнѣе, всякому, кто считаетъ себя и хочетъ быть интеллигентнымъ человѣкомъ. Стыдно такому человѣку не знать философіи Чаадаева, а, т. н., большая публика поистинѣ не знаетъ ея.

Было бы грѣшно не сказать, что въ приложеніяхъ къ книгѣ данъ переводъ „Философическихъ писемъ", апологіи сумасшедшаго, трехъ писемъ къ А. И. Тургеневу, письма къ Сиркуру и къ неизвѣстному Такимъ образомъ читателю представлена возможность прочесть мало доступныя сочиненія Чаадаева въ хорошемъ переводѣ. Книжка г. Гершензона является и изслѣдованіемъ и собраніемъ сочиненій Чаадаева. Кромѣ того, приложенъ и прекрасно выполненный фототипическій портретъ Чаадаева.

П. Щ.

Книги, поступившія въ редакцію.

Францъ Лютгенау. Естественная и соціальная религія. Спб. 1908 г. Пер. В. Величкиной. Ц. 1 р.

Ф. Купчинскій. Портъ-Артурскіе „герои". Ц. 1 р.

А. Ѳедоровъ. Стихотворенія. Изд. С. В. Бунина. Ц. 1 р.

Мих. Лемке. Николаевскіе жандармы и литература 1826—55 гг. По подлиннымъ дѣламъ III Отд. С. Е. И. В. Канцеляріи. Съ портретами. Изд. С. В. Бунина. Ц. 3 р. 50 к.

Эрнестъ Унтерманъ. Діалектическіе этюды. Популярныя лекціи изъ области пролетарскаго. Пер. съ нѣм. И. Г. Наумова. Подъ ред. П. Дауге. Изд. П. Г. Дауге. М. 1907 г. Ц. 60 к.

Ю. Волинъ. Разсказы. 2-ое доп. изданіе. Из—во „Прометей". Спб. Ц. 1 р.

М. Туганъ-Барановскій. Русская фабрика въ прошломъ и настоящемъ. Изд. 3-е, т. I. Исторія развитія русской фабрики въ XIX в. Ц. 2 р. 50 к.

С. Мельгуновъ. Гдѣ выходъ? Крушеніе надеждъ и междоусобная война. Ц. 15 к. Складъ изд. въ маг. Т—ва И. Д. Сытина.

Изданія Т—ва „Знаніе":

П. Крапоткинъ. Т. VII. Взаимная помощь, какъ факторъ эволюціи. Перев. съ англ. В. Батуринскаго подъ ред. автора. Ц. 1 р. Спб. 1907 г.

С. Найденовъ. Т. I. Пьесы. Изд. 2-е. Ц. 1 р.

Гюставъ Флоберъ. Искушеніе св. Антонія. Пер. съ фр. Бориса Зайцева. Ц. 30 к.

Семенъ Юшкевичъ. Король. Пьеса въ 4 дѣйствіяхъ. Ц. 60 к. Спб. 1908 г.

Изданія М. М. Зензинова:

Декабристы. Матеріалы для характеристики. Подъ ред. П. М. Головачева. М. 1907 г. Ц. 1 р.

Памяти декабристовъ. 40 фотогр. рисунковъ. Ц. 3 р.

Н. К. Кульманъ. Къ исторіи масонства въ Россіи. Спб. 1907 г.

Н. Н. Черненковъ. Аграрная программа партіи Народной Свободы и ея послѣдующая разработка. Спб. 1907 г. Безпл. приб. въ „Вѣстнику Нар. Свободы". 1907 г.

Н. С. Русановъ (Кудринъ) Соціалисты Запада и Россіи. Спб. 1908 г. Ц. 1 р. 25 к.

Ивановъ-Разумникъ. Исторія русской общественной мысли. Индивидуализмъ и мѣщанство въ русской литературѣ и жизни XIX в. 2 тома. Ц. 3 р. изд. 2-е дополн.

Ивановъ-Разумникъ. Что такое махаевщина? Къ вопросу объ интеллигенціи. Спб. Изд. С. В. Бунина. 1908 г. Ц. 50 к.

Г. М. Тумановъ. Характеристики и воспоминанія. Кн. III. Тифлисъ 1908 г. Ц. 50 к.

П. Бирюковъ. Духоборцы. Сборникъ статей, воспоминаній, писемъ и другихъ документовъ. Съ прилож. избр. духоборч. псалмовъ. Съ рисунками и портретами. Изд. Посредника. М. 1908 г. Ц. 1 р.

Н. А. Рожковъ. Отъ самовластія къ народовластію. Очерки изъ исторіи Англіи, Франціи и Германіи. 1908 г. Изд. О. Н. Поповой. Спб. Ц. 1 р.

Э. Геккель. Естественная исторія міротворенія. Общепонятное научное изложеніе ученія о развитіи. Ц. 2 р. К—во „Мысль“. 1908 г. Спб. Соціалистическая исторія 1789—1900 г. Подъ ред. Жана Жореса, т. I. Учредительное Собраніе 1789—1791 г. Жана Жореса. Пер. Е. Бартеневой, М. Львовой, Н. Тютчева. Кн - во „Даль“. 1908 г. Ц. 2 р.

Д. Н. Овсянико-Куликовскій. А. И. Герценъ (характеристика). Т—во „Издательское Бюро“. 1908 г. Спб. Ц. 20 к.

С. Лозинскій. Національный вопросъ и политическія партіи въ Австріи. Кн—во „Серпъ“. 1907 г.

„Серпъ“ сборникъ первый. Книгоизд. „Серпъ“. Кіевъ. Ц. 50 к.

„Серпъ“ сборникъ второй. Ц. 1 р.

Т. Осадчій. Борцы за землю и правду. Ц. 1 р. 1908 г. Романъ-былое изъ соц. жизни на Украйнѣ.

Л. Ш—гъ. Трагедія шестимилліоннаго народа. Ц. 10 к. 1908 г.

Б. В. Добрышинъ. Задачи современной интеллигенціи. 1908 г. Ц. 25 к.

Протоколы Конференціи Россійскихъ Націон. Соц. Партій. Кн—во „Сеймъ“ 1908 г. Ц. 60 к.

„Вѣрьте себѣ“ Л. Н. Толстого.

Ш. Бодлэръ. Исканія рая. Пер. В. Лихтенштадтъ. Ц. 1 р.

Щукинскій сборникъ. Вып. 7-ой. Изд. Отд. Импер. Росс. Ист. Музея имени Имп. Алекс. III. Музея П. И. Щукина.

Дѣло о выборгскомъ воззваніи. Стенографическій отчетъ о засѣд. особ. присут. Спб. суд. палаты 12—18 декабря 1907 г.

ПРЕДСѢДАТЕЛЬ
КОМИТЕТА ПО СООРУЖЕНІЮ
при
НИКОЛАЕВСКОМЪ
кавалерійскомъ училищѣ
ПАМЯТНИКА
М. Ю. ЛЕРМОНТОВУ.
29 Сентября 1907 года.
№ 10/4381
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Ново-Петергофскій, 24.

Милостивый Государь.

Въ 1914 г. настанетъ столѣтіе со дня рожденія (2 октября 1814 г.) поэта **М. Ю. Лермонтова.**

Николаевское кавалерійское училище, въ стѣнахъ коего поэтъ воспитывался и въ которомъ имѣется уже музей **Лермонтова,** взяло на себя починъ открыть подписку на сооруженіе памятника поэту въ С.-Петербургѣ.

Государь Императоръ соизволилъ **Всемилостивѣйше** разрѣшить произвести повсемѣстно сборъ добровольныхъ пожертвованій на сооруженіе памятника, который долженъ служить украшеніемъ столицы.

Памятникъ этотъ предполагается поставить на Ново-Петергофскомъ проспектѣ передъ зданіемъ училища.

Для сбора пожертвованій, разработки проекта памятника и его сооруженія при Николаевскомъ кавалерійскомъ училищѣ образованъ особый комитетъ.

Комитетъ надѣется на сочувствіе всей Россіи, такъ какъ имя поэта **Лермонтова** составляетъ гордость всей страны.

Пожертвованія просятъ присылать на имя Комитета въ г. С.-Петербургъ, Ново-Петергофскій проспектъ, 24.

Не откажитесь, Милостивый Государь, помѣстить настоящее мое письмо на страницахъ Вашего уважаемаго изданія.

Примите увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности.

Предсѣдатель Комитета **Л. Девидъ.**

Комитетъ проситъ всѣ провинціальные газеты и журналы перепечатать это письмо.